This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

58-59-60

111166

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Mil

ЧЕРК

дромы съ дре
ростванія М
ровича.

Milovidov, E.

р къ

ъ древнѣйшихъ вре-
нія Михаила Θеодо-
вича.

ЕСКИМИ СНИМКАМИ

ьми трудами по древне-русской
и совершенную полноту на-
претендовать. Тѣмъ не менѣе
было имѣть подъ руками,
извлекъ изъ нихъ все, ка-
оръ можетъ надѣяться, что
аго матеріала, историческое
читателю, такъ какъ всѣ
ромы и Галича, изложены
древняго періода исторіи
тъ свой личный взглядъ
лѣ никѣмъ изъ изслѣдо-
ческихъ данныхъ взглядъ
е менѣе имѣющій за себя
радъ, если на его взглядъ
сдѣланы возраженія, под-
нными. Они послужатъ
ріи Костромы.
выразить глубокой при-
бернскихъ вѣдомостей
ніе къ этому труду и

Дозволено цензурою, Москва, 1886 г. января 28 дня.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ составленію предлагаемаго очерка исторіи Костромы съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Михаила Ѳеодоровича, авторъ прежде всего имѣлъ цѣлію критически провѣрить всѣ имѣющіеся въ печати очерки исторіи Костромы. Какъ видно, основой для тѣхъ историческихъ очерковъ, которые въ сокращенномъ видѣ помѣщены: «въ Матеріалахъ для географіи и статистики Костромской губерніи Крживоблоцкаго, въ Памятной книжкѣ Костромской губерніи на 1862 г., въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ Костромской губерніи» и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, послужилъ трудъ князя Козловскаго: «Взглядъ на исторію Костромы» 1840 г. Трудъ этотъ, хотя и почтенный, по настоящему состоянію и развитію исторической науки, не можетъ быть названъ вполнѣ удовлетворительнымъ; въ немъ помѣстамъ есть невѣрности и неточности. На выдержку приведемъ нѣкоторыя мѣста. Такъ начальныя строки труда: «страна, занимаемая теперь Костромою, вѣроятно, обитаема была народами *славянскаго* поколѣнія, именовавшимися Меря» содержатъ очевидную историческую неправильность, такъ какъ меряне были не славяне, а финны. Затѣмъ построеніе Костромы кн. Козловскій приписываетъ Юрію Долгорукому, не подтверждая этого очевиднымъ свидѣтельствомъ лѣтописи. Вообще видно, что о бытѣ первоначальныхъ насельниковъ въ Костромскомъ краю кн. Козловскому мало было извѣстно, очевидно, по той причинѣ, что русская археологія была въ его время еще въ зачаткахъ. Названіе г. Костромы кн. Козловскій производитъ совершенно произ-

вольно отъ города Костра, бывшаго въ Ливоніи, не далеко отъ нынѣшняго Дерпта, или замка Кострума, гдѣ послѣ построенъ Ревель. Основаніе для названія города Костромою отъ замка Кострума кн. Козловскій видитъ въ сходствѣ мѣстоположенія Костромы съ мѣстоположеніемъ этого замка. Не трудно замѣтить всю несообразность такого словопроизводства. Такимъ способомъ можно названіе Костромы произвести не только отъ замка или города въ Ливоніи, а пожалуй откуда нибудь и подальше, даже изъ Африки. Впрочемъ князь Козловскій присоединяетъ и молву старожиловъ, что названіе города происходитъ отъ наименованія рѣки Костромы, а послѣдняя будто бы получила свое названіе отъ заготовляемаго зимою при берегахъ ея величайшими кострами лѣса, сплавляемаго весною въ г. Кострому. Очевидно, что кн. Козловскому не извѣстна была древне-русская миѳологія, изъ которой мы узнаемъ о божествѣ весны у языческихъ славянъ, называвшемся прямо Костромою. Въ нашемъ очеркѣ мы обстоятельно изложили по вопросу о названіи города Костромы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи кн. Козловскаго, особенно по древнему періоду, встрѣчается не мало неправильностей и даже иногда существенныхъ, вошедшихъ и въ другіе сокращенные очерки, перечисленные нами раньше. Всѣ эти неправильности и неточности и вызвали насъ на провѣрку имѣющихся очерковъ по первоисточникамъ—лѣтописямъ и на основаніи позднѣйшихъ трудовъ по русской исторіи и археологіи. Кромѣ неправильностей въ очеркахъ оказалась и неполнота, очевидны пробѣлы, которые мы восполнили, и, какъ результатъ нашей работы, предлагаемъ читателямъ настоящій очеркъ исторіи Костромы съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Михаила Ѳеодоровича.—Авторъ не дерзаетъ претендовать на полную удовлетворительность и его труда потому особенно, что онъ не могъ, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ ему пришлось работать, воспользоваться всѣми списками лѣтописей, хотя главнѣйшіе списки были у него подъ руками, и особенно не могъ воспользовать-

ся всѣми архивными данными и всѣми трудами по древне-русской исторіи. Поэтому на законченность и совершенную полноту настоящаго труда авторъ не можетъ претендовать. Тѣмъ не менѣе тѣми матеріалами, которые возможно было имѣть подъ руками, авторъ воспользовался внимательно и извлекъ изъ нихъ все, касающееся предмета своего труда. Авторъ можетъ надѣяться, что на основаніи имѣющагося и изложеннаго матеріала, историческое значеніе Костромы и Галича уяснится читателю, такъ какъ всѣ историческія событія, касающіяся Костромы и Галича, изложены обстоятельно.—Что же касается самаго древняго періода исторіи Костромы, то здѣсь авторъ высказываетъ свой личный взглядъ на этотъ періодъ, не высказанный доселѣ никѣмъ изъ изслѣдователей. По недостатку прямыхъ историческихъ данныхъ взглядъ этотъ больше проблемматическій, тѣмъ не менѣе имѣющій за себя много вѣроятности. Авторъ будетъ очень радъ, если на его взглядъ на начальную исторію Костромы будутъ сдѣланы возраженія, подкрѣпленныя очевидными историческими данными. Они послужатъ лишь къ уясненію начальнаго періода исторіи Костромы.

Въ заключеніе авторъ не можетъ не выразить глубокой признательности г. редактору Костромскихъ губернскихъ вѣдомостей В. Г. Пирогову за его просвѣщенное вниманіе къ этому труду и за дѣятельное участіе въ 1-мъ изданіи его.

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

I. Установка взгляда на начальную исторію гор. Костромы . . . . . 1—36

II. Періодъ владимірскій въ исторіи Костромы:

а) княженіе Василія Ярославича Костромскаго . . . . . 37—44

б) событія въ Костромскомъ и Галицкомъ княжествахъ по смерти Василія Ярославича Костромскаго . . . . . 44—53

III. Періодъ московскій въ исторіи Костромы и Галича до княженія Василія Темнаго . . 54—64

Послѣдняя усобица въ рюриковомъ домѣ изъ за великаго княженія . . . 65—93

Событія въ исторіи Костромы съ половины XV-го в. до періода царей . . 93—106

IV. Періодъ исторіи Костромы и Галича въ эпоху царей . . . . 107—142

V. Историческія свѣдѣнія о Костромѣ во время междуцарствія . . . 143—150

Дополненіе къ исторіи Костромы и Галича XIV вѣка . . . . 151—157

Дополненіе къ исторіи Костромы XVI и начала XVII вѣковъ . . . 158—167

I. Установка взгляда на начальную исторію г. Костромы.

Очерки исторіи г. Костромы помѣщены въ «Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи, Костромская губернія, Я. Крживолоцкаго, 1861 г. (*), въ Памятной книжкѣ Костромской губерніи на 1862 г., составленной Костромскимъ губ. статистическимъ комитетомъ, въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, Костромская губернія, 1877 г., въ книгѣ: Волга отъ Твери до Астрахани, 1862 г., и въ нѣкот. другихъ изданіяхъ.

Очерки эти сходны между собою, за исключеніемъ разницы въ большей или меньшей полнотѣ. Сходство во взглядѣ прежде всего на начальную исторію Костромы объясняется тѣмъ, что очерки составлялись въ зависимости одинъ отъ другаго и всѣ на основаніи данныхъ историческихъ, приведенныхъ въ исторіи Карамзина. Только въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи и въ частности Костромской губерніи мы находимъ обстоятельное изслѣдованіе о народонаселеніи Костромской губерніи въ древнѣйшее доисторическое время—финскомъ племени Мери, о колонизированіи Костромскаго края славянскихъ племенъ, потомъ-небезосновательныя гипотезы о началѣ и основаніи города Костромы.

Въ настоящей статьѣ мы не будемъ касаться доисторическаго быта области, занимаемой нынѣ Костромскою губерніей. Мы постараемся прослѣдить начальный, историческій періодъ исторіи

(*) Г. Крживолоцкій пользовался, между прочими источниками и изслѣдованіями, историческимъ описаніемъ г. Костромы ин. Козловскаго и историческимъ же описаніемъ Костромы Васькова.

г. Костромы, Костромскаго и Галицкаго княжествъ, на основаніи данныхъ, извлеченныхъ нами изъ лѣтописей, придавъ имъ объясненіе, которое служило бы установкой правильнаго, по нашему мнѣнію, взгляда на начальную исторію г. Костромы, Костромскаго и Галицкаго княжествъ. Правда, что и имѣющіеся очерки исторіи Костромы изложены на основаніи тѣхъ же лѣтописныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ Карамзинымъ, тѣмъ не менѣе послѣднія излагаются въ очеркахъ или безъ удовлетворительнаго поясненія ихъ или даже съ историческими и хронологическими неправильностями. Поэтому мы должны возстановить вѣрность и точность историческихъ фактовъ, касающихся исторіи Костромы, и придать имъ надлежащій смыслъ и объясненіе.— Прежде мы коснемся въ краткихъ чертахъ начала и распространенія славянской колонизаціи въ томъ краѣ, который извѣстенъ былъ въ старину подъ названіемъ Ростовско-Суздальской земли, скажемъ о древнѣйшихъ (старыхъ) и позже возникшихъ (новыхъ) городахъ въ ней. При этомъ, по недостатку прямыхъ лѣтописныхъ сказаній о началѣ г. Костромы, мы должны будемъ по необходимости ограничиться одними предположеніями о времени и мѣстѣ построенія г. Костромы, подкрѣпленными, впрочемъ, лѣтописными же и нѣкоторыми другими данными и мнѣніями нашихъ историковъ. Вопросъ о возникновеніи г. Костромы представляетъ интересъ для изслѣдователя и въ этомъ случаѣ приходится дорожить всякимъ косвеннымъ намекомъ, всякимъ вещественнымъ памятникомъ или устнымъ преданіемъ, такъ какъ Кострома одинъ изъ тѣхъ городовъ Ростовско-Суздальской земли, о началѣ которыхъ нѣтъ прямыхъ извѣстій въ лѣтописяхъ. Скажемъ сначала о распространеніи славянской колонизаціи въ Ростовско-Суздальской землѣ, на основаніи научныхъ изслѣдованій.

Въ области верхней Волги и ея притоковъ коренными, или точнѣе, древнѣйшими обитателями были финны, а славяне явились среди нихъ только позднѣйшими поселенцами: на Бѣлѣозерѣ сѣ-

дять Весь, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ (Плещеево, Переяславское) Меря же. По Окѣ рѣкѣ, гдѣ втечетъ въ Волгу, Мурома языкъ свой и Черемиси свой языкъ, Мордва свой языкъ.... Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словенѣхъ, на Мери и на Весѣхъ... И прія власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ.. и тѣмъ градомъ суть находници Варязи, а перьвіи насельници въ Новѣ-городѣ Словене... въ Ростовѣ Меря... и тѣмъ всѣмъ обладаше Рюрикъ" (*). Финское племя Меря обитало на лѣвой сторонѣ верхней Волги, за тѣмъ на берегахъ озеръ Неро и Клещино и вообще на всемъ пространствѣ отъ устьевъ рр. Мологи и Шексны приблизительно до р. Унжи. Восточная граница Мерянской области, начиная съ лѣсистой мѣстности Устюжскаго уѣзда, шла рѣками: Межею, Унжею, до впаденія послѣдней въ Волгу. На сѣверѣ граница Мерянской области, вѣроятно, шла рѣкою Сухоною чрезъ густые лѣса и болотистыя мѣстности Тотемскаго и Вологодскаго уѣздовъ до южной части Кубенскаго озера и верховьевъ р. Шексны. Восточная оконечность южной границы не опредѣляется никакимъ точнымъ рубежемъ, наравнѣ съ южною оконечностью восточной границы, потому что мерянскія поселенія встрѣчаются за Окою на Тешѣ; затѣмъ граница держится праваго берега Теши, Оки, Клязьмы, поворачиваетъ на югъ и идетъ по Муромскому и Судогодскому уѣздамъ до встрѣчи съ Окою, переходитъ Оку и только при поворотѣ Оки на сѣверъ держится этой рѣки и восточнаго берега рѣки Москвы до впаденія рѣки Нерской. Рѣка Нерская доказываетъ, что Меряне по теченію ея дошли до р. Москвы, а Москвою и Окою проникли въ Рязанскій и Пронскій уѣзды; даже въ Алексинскомъ уѣздѣ встрѣчается рѣка Нерская. Западная граница, начинаясь у впаденія р. Нерской или Мерской въ р. Москву, шла на сѣверъ по теченію р. Москвы по Коломен-

(*) Лаврент. лѣтоп., стр. 10 и подъ 858 г. и слѣд.

скому, Бронницкому, Богородскому и Клинскому уѣздамъ, поворачивая на западъ въ Зубцовскій уѣздъ, проходила восточною оконечностью Новоторжскаго уѣзда по р. Тверцѣ, затѣмъ шла къ Великому озеру въ Корчевскомъ уѣздѣ до верховьевъ рѣкъ Каменки и Сити, примыкая на западъ отъ р. Сити къ р. Мологѣ. Мерю окружали съ трехъ сторонъ единоплеменныя съ нею финскія народности: Мурома, Мордва, Черемисы и Весь. Съ одной только западной стороны граничили съ нею племена чуждой ей народности славянской: Славяне (новгородскіе), Кривичи, Вятичи. Къ границамъ трехъ финскихъ племенъ: Веси, Мери и Муромы ранѣе всего направилась колонизація славянская.

Въ теченіе IX, X и XI вѣковъ славянская колонизація только еще стремилась занять верховье Волги, направляясь къ ней по ея притокамъ. Историки наши полагаютъ (*), что движеніе славянской колонизаціи на бассейнъ верхней Волги могло направляться двумя путями: съ Ю. З. изъ земли Вятичей по р. Окѣ и съ С. З. по р. Мстѣ на р. Тверцу, по р. Тихвинкѣ, по рр. Чагодощѣ и Мологѣ или чрезъ Бѣлоозеро и р. Шексну. Если мы примемъ въ расчетъ съ одной стороны замкнутость и дикость Вятичей, съ другой—дѣятельный, промышленный духъ Новгородцевъ, то станетъ очень вѣроятнымъ, что область верхней Волги и ея притоковъ заселилась преимущественно съ С. З.; предпріимчивые новгородскіе повольники должны были проложить пути движенія, а слѣдомъ за ними должна была пойти и колонизація земледѣльческая, которая одна могла повести къ прочному занятію новыхъ земель.

Имѣя въ виду эту колонизацію, предполагаютъ даже, что имена финскихъ племенъ, участвовавшихъ въ призваніи Варяговъ вмѣстѣ съ Новгородцами и Кривичами, означаютъ не собственно финновъ, а славянскихъ поселенцевъ среди того или другаго

(*) Замысловскій. Историческій атласъ по Рус. исторіи, стр. 9.

финскаго племени. Это подтверждается славянскимъ происхожденіемъ названій, а стало быть и самыхъ городовъ: Бѣлоозера и Ростова (т. е города Роста, Ростъ—имя собственное), построенныхъ довольно далеко среди финскаго населенія. Въ Бѣлозерскій край велъ прямой водяный путь изъ Ладоги и изъ Новгорода. Утвердившись на Бѣломъ озерѣ, славянскіе поселенцы могли спуститься внизъ къ Волгѣ по р. Шекснѣ, далѣе внизъ по Волгѣ и, свернувъ въ р. Которость, въ ту пору болѣе многоводную и болѣе способную къ плаванію, достигли озера Неро, на берегу котораго и поставили г. Ростовъ, старшій городъ въ этой сторонѣ. Понынѣ въ окрестностяхъ Ростова встрѣчаются селенія и урочища съ древне-славянскими названіями (Рослово, Рославлево, Мирославка, Вышеславское, Уславцево, Переяславцево и др.). Это можетъ служить доказательствомъ того, что здѣсь находились и другія древнія славянскія поселенія. Западная граница мерянскаго народа не имѣла никакихъ естественныхъ преградъ и, по свойству, мѣстности оставалась открытою и удобною для вторженія въ самую средину мерянскихъ поселеній. Съ этой стороны втекали рр. Москва, Клязьма и Волга, изъ которыхъ двѣ послѣднія рѣки отличаются многочисленностію береговыхъ поселеній. Нѣтъ сомненія, то по этимъ именно рѣкамъ произошли и первыя вторженія славянскихъ племенъ и Варяговъ въ мерянскія земли. Смѣшеніе племенъ прежде всего должно было произойти въ пограничныхъ мѣстностяхъ; при чемъ постепенно сглаживались отличительныя черты ихъ родовыхъ обычаевъ. Здѣсь прежде всего исчезли своеобразныя особенности каждаго отдѣльнаго племени и появились первые слѣды слитія Мерянъ съ славянскими сосѣдями.

Такое пограничное смѣшеніе различныхъ народностей было первою ступенью къ скорѣйшему и ближайшему ославяненію всего Мерянскаго народа, которое, по свидѣтельству лѣтописей, началось почти въ доисторическія времена. Съ началомъ лѣтописи

начинается и тѣсная связь Мери съ славянскими племенами и соучастіе ея въ призывѣ Варяговъ.

Быстрое обрусѣніе Мерянъ фактически подтверждается курганными раскопками. Въ курганахъ, находящихся близь поселеній съ названіями чуждыми духу славянскаго языка, изслѣдователи находили слѣды обоихъ обрядовъ погребенія, т. е. сожиганія и простаго погребенія безъ сожженія. Между тѣмъ какъ въ могилахъ второй эпохи, находящихся близь поселеній съ славянскими названіями, слѣдовъ сожиганія тѣлъ уже не встрѣчается (*). Поэтому, намъ кажется, нѣтъ никакой нужды предполагать, что племя финское Меря будто переселилось куда-то въ другое мѣсто, какъ нѣкоторые думаютъ, что будто вмѣстѣ съ Уграми оно ушло въ Паннонію, въ IX в. Мы полагаемъ, что оно оставалось на своемъ мѣстѣ и ранѣе другихъ племенъ финскихъ или одновременно съ двумя одноплеменными народностями.—Весью и Муромою ославянилось. Мы уже раньше имѣли случай упомянуть, что славянская колонизація изъ новгородской области прежде всего, еще до призванія Варяговъ, направилась въ область трехъ финскихъ племенъ: Веси, Мери и Муромы, чему яснымъ подтвержденіемъ служатъ славянскія названія древнѣйшихъ городовъ и селеній въ въ этой области: Ростовъ, потомъ Суздаль (Суждаль) и др. вышеприведенныя названія. Быстрому ославяненію этихъ финскихъ племенъ могло способствовать и сходство въ обычаяхъ и вѣрованіяхъ финновъ съ славянами: „и здѣсь и тамъ напр. выкупъ приданнаго, одинакія повѣрья и предосторожности противъ вліянія колдуновъ при свадьбѣ; также свекровь встрѣчаетъ молодую въ вывороченной шубѣ; въ такомъ же употребленіи баня, молодой называется княземъ или королемъ, вѣрятъ въ домовыхъ, русалокъ, приносились жертвы подъ деревьями. Такое сходство обычаевъ и вѣрованій съ осторожностью нужно приписывать заимствованію

(*) Изслѣдованіе гр. Уварова „Меряне и ихъ бытъ, по курганнымъ раскопкамъ", стр. 11.

у одного племени другимъ, хотя взаимное вліяніе двухъ сосѣднихъ племенъ другъ на друга безспорно (*). Нужно полагать, что славянская колонизація быстро шла не только по направленію отъ Волги къ Ростову, но и по теченію Волги къ землѣ Болгарской и въ XII вѣкѣ, въ области ославянившихся финновъ: Веси, Мери, частію Черемисовъ и Муромы образуется обширная область Ростовско-Суздальская. Бѣдная, непривлекавшая къ себѣ первыхъ князей Рюриковичей, область Ростова Великаго, изъ которой въ XII в. образовалось обширное и могущественное Владиміро-Суздальское княжество, постепенно распространялась: 1) на в. отъ устья р. Которости внизъ по р. Волгѣ и ея притокамъ къ устью р. Оки, 2) на югъ двумя путями: а) по р. Нерли, а отсюда на в. по р. Клязьмѣ къ ея устью; б) по р. Москвѣ, къ которой шелъ путь чрезъ Переяславль и Дмитровъ. Большая часть городовъ Суздальской земли, основаніе которыхъ относится преимущественно къ XII и къ началу XIII в., была расположена по рр. Волгѣ и Клязьмѣ, по главнымъ изгибамъ этихъ рѣкъ и при впаденіи большихъ притоковъ. Такъ по Волгѣ были города: Зубцовъ, Тверь, Углече поле, Ярославль (основанный еще въ XI в. Ярославомъ Мудрымъ), Кострома, Городецъ (нынѣ село на Волгѣ, Нижегородской губ., Балахнинскаго уѣзда; упоминается въ лѣтописяхъ, еще въ XII в.), Нижній-Новгородъ (основанный при устьи Оки въ Волгу въ 1221 г. кн. Юріемъ Всеволодовичемъ, въ землѣ Мордовской, по притокамъ Волги: Галичъ Мерскій, Унжа, Ростовъ и Нерехта; по Клязьмѣ: Владиміръ, Стародубъ и Гороховецъ. Въ княженіе Юрія Долгорукаго были основаны несомнѣнно города: Дмитровъ (1154 г.), Боголюбовъ (1155 г.), Юрьевъ Польскій 1152 г.). Еще упоминается въ лѣтописяхъ объ основаніи Юріемъ Долгорукимъ г. Константина (Ксняти́нъ) 1134 г., при впаденіи большой Нерли въ Волгу. Юрій Долгорукій основалъ, по сказанію

(*) Исторія Соловьева, т. 1, примѣчаніе 125.

лѣтописца, и Москву, которая была пограничнымъ городомъ Суздальскаго княжества на пути съ юга. Въ тверской лѣтописи подъ 1156 г. говорится: „Юрій Володимеричъ заложи градъ Москву на устиже Неглинны выше р. Аузы". Какъ селеніе Москва упоминается въ лѣтописяхъ въ первый разъ подъ 1147 г. Г. Бѣляевъ предполагаетъ, что гг. Стародубъ на Клязьмѣ, Городецъ и Галичъ Мерскій были основаны Юріемъ Долгорукимъ. Въ самой возвышенной части города Галича, называемой Столбище, по словамъ г. Самарянова, (см. Списки населенныхъ мѣстъ Костромской губ. стр. LVI.), донынѣ сохранились остатки княжескихъ хоромъ, построенныхъ, предполагаютъ, въ XII в. и недалеко отъ нихъ видны слѣды вала. Впрочемъ, княжескія хоромы могли быть построены въ XII в. кѣмъ нибудь изъ князей, но городъ могъ существовать и раньше этого времени. Юріемъ Долгорукимъ былъ перенесенъ на новое мѣсто Переяславль Залѣсскій. О времени построенія нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ нами городовъ Ростовско-Суздальской земли, какъ мы видѣли, есть прямыя извѣстія въ лѣтописяхъ. О другихъ упоминается въ лѣтописяхъ по поводу какихъ нибудь событій подъ годами, нужно полагать, близкими къ времени ихъ основанія, напр. о Ярославлѣ упоминается въ лѣтописи въ 1071 г., по поводу возмущенія, произведеннаго здѣсь волхвами по случаю голода. О времени основанія другихъ городовъ Ростовско-Суздальской земли нѣтъ въ лѣтописяхъ ни прямыхъ указаній, ни даже упоминаній о нихъ въ ближайшее время ко времени ихъ основанія. Къ числу такихъ городовъ Ростовско-Суздальской земли, время основанія которыхъ въ точности остается неизвѣстнымъ, относится и Кострома. За неимѣніемъ прямыхъ и приблизительно точныхъ извѣстій въ лѣтописяхъ о времени основанія Костромы, приходится основывать мнѣніе объ этомъ на догадкахъ и аналогичныхъ предположеніяхъ.

Историкъ Соловьевъ, какъ извѣстно, предложилъ теорію о

такъ называемыхъ старыхъ и новыхъ городахъ. Затѣмъ въ русской исторической наукѣ существуетъ теорія о двоякой колонизаціи Руси: княжеско-военной и монастырской, т. е. о построеніи городовъ князьями, какъ укрѣпленныхъ пунктовъ противъ враговъ и о возникновеніи заселенныхъ мѣстъ около монастырей, основанныхъ отшельниками и привлекшихъ къ себѣ торговое населеніе. Г. Соловьевъ говоритъ: (*) „одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности нашихъ князей было построеніе городовъ. Это построеніе носитъ слѣды разсчета, преднамѣреннаго стремленія, что видно изъ положенія новыхъ городовъ и изъ разстоянія ихъ одного отъ другаго. Ярославль построенъ на важномъ пунктѣ, при устьи Которости въ Волгу, которая посредствомъ этого притока соединяется съ Ростовскимъ озеромъ. Потомъ мы видимъ стремленіе внизъ по Волгѣ: города строятся при главныхъ изгибахъ рѣки, при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ: *такъ построена Кострома* при поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее рѣки Костромы, Юрьевецъ Поволжскій при слѣдующемъ большомъ колѣнѣ, или поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Унжи; наконецъ Нижній-Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу. Здѣсь на время остановилось естественное стремленіе сѣверныхъ князей внизъ по Волгѣ, къ предѣламъ Азіи". Итакъ Соловьевъ глухо говоритъ о построеніи Костромы во время стремленія сѣверныхъ князей распространить славянскую колонизацію внизъ по Волгѣ. Самымъ дѣятельнымъ колонизаторомъ Ростовско-Суздальской земли былъ Юрій Долгорукій. Но приписываетъ ли Соловьевъ построеніе Костромы этому князю, объ этомъ онъ умалчиваетъ, очевидно по недостатку лѣтописныхъ на то данныхъ. Въ лѣтописяхъ, повторяемъ, есть прямыя извѣстія о построеніи Юріемъ Долгорукимъ только слѣдующихъ городовъ: Дмитрова, Юрьева Польскаго, Кснятина (Константина) при устьи большой Нерли въ Волгу, Москвы,

(*) Исторія, I т., стр. 31.

Боголюбова, о перенесеніи Переяславля отъ Клещина на другое мѣсто и о заложеніи этого города больше прежняго. Въ другомъ мѣстѣ своей исторіи (*), Г. Соловьевъ, перечисливъ города, упоминаемые въ XI в. и ранѣе, присовокупляетъ: нѣтъ сомнѣнія, что и кромѣ означенныхъ городовъ, нѣкоторые, встрѣчающіеся въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ, получили начало въ описываемый періодъ. Въ числѣ послѣднихъ г. Соловьевъ разумѣетъ, можетъ быть, и Кострому, упоминающуюся въ первый разъ въ лѣтописяхъ въ началѣ XIII вѣка.

Обратимся къ другимъ историкамъ. Карамзинъ въ своей исторіи нигдѣ не высказываетъ даже и глухаго предположенія, подобно Соловьеву, о времени построенія тѣхъ городовъ Ростовско-Суздальской земли, объ основаніи которыхъ лѣтописи не говорятъ. Онъ приписываетъ Юрію Долгорукому построеніе только тѣхъ городовъ, о которыхъ мы раньше упоминали, за исключеніемъ даже Константина или Кснятина; такого города, по мнѣнію Карамзина, не было въ Ростовско-Суздальской землѣ, но въ лѣтописи есть прямое извѣстіе о построеніи его Юріемъ Долгорукимъ 1134 г. (Никоновская лѣтопись). Татищевъ въ своей Россійской исторіи, въ кн. III, на стр. 76, говоритъ о Юріи Долгорукомъ: „и зачалъ Юрій строить въ области своей многіе города, созывая людей отовсюда, которымъ не малую ссуду давалъ и къ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ, въ которые приходя множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ, кромѣ русскихъ, селились и предѣлы яко многими тысячи людей наполняли". Была ли, въ числѣ этихъ многихъ городовъ, построена Кострома, ясно не говоритъ здѣсь Татищевъ. Итакъ въ нашихъ полныхъ исторіяхъ нѣтъ не только прямыхъ свѣдѣній, но даже въ нѣкоторыхъ не приводится и предположеній болѣе или менѣе вѣроятныхъ о началѣ построенія г. Костромы, по неимѣнію на то достаточныхъ лѣтописныхъ основаній. Но вопросъ остается все таки интересный:

(*) I т., стр. 257.

когда возникъ г. Кострома? Для болѣе или менѣе удовлетворительнаго рѣшенія его, мы должны опять возвратиться къ древнѣйшему періоду русской исторіи.

Графъ Уваровъ въ своемъ изслѣдованіи о бытѣ Мерянъ по курганнымъ раскопкамъ (Москва, 1872 г.), откуда мы взяли приведенныя раньше свѣдѣнія о Мерянахъ, говоритъ, что „*Городища*, находящіяся вблизи мерянскихъ кургановъ древнѣйшей эпохи, мы полагаемъ, можно причислить къ памятникамъ того же народа, т. е. Мерянъ. Найденные въ городищахъ желѣзные предметы неоспоримо пріурочиваютъ эти насыпи къ эпохѣ желѣзнаго вѣка, слѣдовательно къ тому уже времени, когда эти мѣстности заняты были мерянскимъ племенемъ. Впрочемъ, присовокупляетъ графъ Уваровъ, мы не считаемъ обычай насыпать городища обыкновеніемъ, исключительно принадлежащимъ Мерянамъ или вообще финскимъ племенамъ; мы думаемъ, что обычай воздвигать городища былъ такимъ же общенароднымъ обычаемъ у всѣхъ племенъ желѣзнаго вѣка. Городища находятся большею частію возлѣ селеній или урочищъ, доселѣ сохранившихъ названія: Городище, Городокъ и т. п. Потомъ самое наименованіе: „городище“ перешло въ наименованіе селеній и сохранило память о прежней насыпи“ (*).

Далѣе, говоритъ гр. Уваровъ: „мы полагаемъ, что городища, занимая центральное положеніе и, вѣроятно, самое лучшее возвышенное мѣсто посрединѣ мерянскихъ поселеній, служили укрѣпленными мѣстами для самыхъ жилищъ обитателей. *Прямая уже связь нѣкоторыхъ городищъ съ городами* какъ бы подтверждаетъ догадку, что въ древнѣйшія времена городища были населены и составляли первоначальный центръ осѣдлости для будущихъ городовъ. Такимъ образомъ Переяславль перенесенъ изъ теперешняго села Городища на устье Трубежа, Суздаль тоже вѣрно находился прежде у сельца, или теперешній кремль его занимаетъ мѣсто древняго городка.

(*) Стр. 47.

Замѣтно, что внутренняя часть городищъ была занята жилищами; но какого они были рода: были ли это землянки или деревянныя постройки, мы ничего положительнаго не знаемъ. Раскапывая городища, мы находили только груды углей, множество разбитыхъ черепковъ и кое-какіе слѣды сгнившаго дерева. Въ сказаніяхъ восточныхъ писателей встрѣчаются нѣкоторыя свѣдѣнія о способѣ и формѣ построекъ у руссовъ, подъ которыми арабскіе писатели разумѣли всѣхъ обитателей Руси, или иностранцевъ, приходившихъ изъ Руси торговать въ Болгарахъ, были ли то Варяги, Славяне или обрусѣвшіе Финны (Меря, Мурома, Весь и др.). Арабскій писатель Ибнъ-Доста разсказываетъ, что холодъ въ ихъ (славянъ) странѣ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, къ которому придѣлываетъ деревянную остроконечную крышку и на крышку накладываетъ землю. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ и, взявъ нѣсколько дровъ и камней, зажигаютъ огонь и раскаляютъ камни до высшей степени, обливаютъ ихъ водою, отъ чего распространяется паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жилищѣ остаются до весны (*). Городищъ разбросано много въ области, занятой въ старину Мерянами. Въ Ярославской губерніи ихъ насчитываютъ 12. Кромѣ этихъ двѣнадцати, существуетъ еще много селеній, также называемыхъ Городищами, возлѣ которыхъ несомнѣнно прежде находились земляныя насыпи. Пять селеній съ такими насыпями и названіями представляютъ цѣпь по берегамъ Волги въ Калязинскомъ уѣздѣ (Тверской губ.), Угличскомъ, Рыбинскомъ, Ярославскомъ и Костромскомъ уѣздахъ. Но костромскія и нижегородскія городища не изслѣдованы или мало извѣстно о нихъ,—говоритъ графъ Уваровъ.

Противъ г. Костромы, на противоположномъ правомъ берегу

(*) Изслѣдованіе гр. Уварова, стр. 95.

Волги, на возвышенномъ холмѣ расположено селеніе Городище. Въ виду интереса, какой можетъ имѣть эта мѣстность для начальной исторіи Костромы, мы отправились туда, чтобы осмотрѣть ближе мѣстность и узнать преданія, связанныя съ нею, узнать не найдено ли здѣсь какихъ нибудь вещественныхъ памятниковъ старины. При бѣгломъ осмотрѣ мѣста, можно замѣтить, что возвышеніе, на которомъ находится церковь и сельцо, господствуетъ надъ окрестностью и даетъ поводъ предполагать, что оно не сполна по крайней мѣрѣ, естественное, но увеличено еще и насыпною землею. Потомъ мы узнали отъ одного старожила этого сельца, что когда онъ рылъ подъ горой, по направленію къ Волгѣ, то нашелъ въ землѣ какой то *срубъ въ родѣ погреба*, находилъ черепки (остатки посуды), каменья и наконецъ, когда распахивалъ поле по юговосточному склону горы, то нашелъ здѣсь шесть серебряныхъ монетъ. У него сохранились только три монеты. Двѣ монеты оказались съ надписями на одной сторонѣ, а на противоположной имѣютъ какія-то украшенія. На третьей монетѣ, очевидно болѣе поздняго періода, надписи нѣтъ, а на другой сторонѣ всадникъ—Георгій Побѣдоносецъ. Двѣ первыя монеты, по имѣющимся на нихъ надписямъ, хотя не совсѣмъ явственнымъ и полнымъ, слѣдуетъ относить, мы думаемъ, къ началу XIV в. На одной монетѣ сохранилисъ остатки какъ будто имени князя Юрія Даниловича и на другой царя Озбяка (ханъ Узбекъ, нач. XIV в.). Любопытно бы было видѣть три монеты, которыя у обладателя ихъ затерялись; онѣ по его словамъ, были размѣромъ больше этихъ сохранившихся монетъ, ходившихъ по Руси въ удѣльный періодъ. На основаніи сохранившихся монетъ, по нашему мнѣнію, начала XIV в., найденныхъ въ мѣстности близь нынѣшняго сельца Городища, можно полагать, что въ началѣ XIV в. эта мѣстность была населенная и торговымъ людомъ. Находка же здѣсь въ землѣ сруба въ родѣ погреба (*) и череп-

(*) Конечно подлежитъ большому сомнѣнію, чтобъ это было древнѣйшее сооруженіе, но

ковъ, на основаніи сказанія арабскаго писателя Ибнъ-Досты, приведеннаго нами изъ изслѣдованія гр. Уварова о мерянахъ, даетъ основаніе предполагать, что это Городище такое же было, можетъ быть, мерянское, о какихъ говоритъ и графъ Уваровъ. Предположеніе о тождествѣ этого селенія съ упоминаемыми граф. Уваровымъ подкрѣпляется и самымъ теперешнимъ названіемъ его „Городище". Сколько мы могли узнать, сохранилось немного преданій, связанныхъ съ нынѣшнимъ селеніемъ Городище, такъ напр.,—что будто городъ назначался здѣсь первоначально, т. е. основатель болѣе поздняго города Костромы предполагалъ основать его на мѣстѣ стараго городка, вѣроятно находившагося здѣсь, что церковь нынѣшняго сельца Городища очень древняя, хотя записей, къ какому времени восходитъ ея древность, не имѣется. Въ городищенской церкви на одномъ церковномъ старомъ блюдѣ мы видѣли надпись: „сіе блюдо города Костромы церкви св. Иліи, что на городищѣ". Между тѣмъ городищенская церковь не причисляется къ городскимъ церквамъ. Вещественные памятники и преданія, о которыхъ намъ пришлось узнать при первомъ и бѣгломъ осмотрѣ мѣста, занимаемаго нынѣ сельцомъ Городище противъ г. Костромы, по сходству нѣкоторыхъ изъ нихъ съ тѣми, о которыхъ упоминаетъ гр. Уваровъ, даютъ поводъ думать, что прежде основанія города Костромы на нынѣшнемъ его мѣстѣ, въ древности былъ городокъ, можетъ быть мерянскій, на противоположной сторонѣ Волги, на возвышеніи, занимаемомъ нынѣ сельцомъ Городище. Эта мѣстность, вѣроятно, оставалась населенною и торговымъ народомъ продолжительное время и селеніе сохраняло свое прежнее значеніе городка, вѣроятно, долго спустя послѣ основанія или, вѣрнѣе, перенесенія Костромы на настоящее свое мѣсто. Иначе, какъ объ-

---

въ виду того, что оно очень подходитъ къ описываемымъ Ибнъ-Достою постройкамъ, требуетъ изслѣдованія.

яснить присутствіе въ землѣ близь сельца Городища старинныхъ монетъ? Можетъ быть, кромѣ найденныхъ монетъ, еще нѣсколько ихъ находится доселѣ въ землѣ и, можетъ быть, болѣе ранняго періода. По нашему мнѣнію, возвышенная мѣстность, занятая сельцомъ Городище, требуетъ и ждетъ изслѣдованія. Возможная находка здѣсь памятниковъ старины много содѣйствовала бы уясненію начальной исторіи г. Костромы.

Изслѣдованія археологовъ свидѣтельствуютъ о существованіи многихъ городковъ въ Ростовско-Суздальской землѣ, населенной въ древности въ большей ея части мерянами. Г. Журавлевъ въ Ярославской губерніи насчитываетъ 12 городковъ и при этомъ замѣчаетъ, что ростовскіе городки, расположенные не въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи, представляютъ какъ бы оборонительную цѣпь, протянутую въ длину верстъ на восемьдесятъ между Переяславлемъ и окрестностями Ростова. Г. Журавлевъ полагаетъ, что они служили для защиты первоначальныхъ мерянскихъ жилищъ у обоихъ озеръ (*). Во Владимірской губерніи также много находится остатковъ древнихъ городковъ. Г. Соловьевъ говоритъ: „По нашему лѣтописцу видно, что финны имѣли города, подобно славянамъ; подобно послѣднимъ терпѣли отъ родовыхъ усобицъ по изгнаніи Варяговъ, вслѣдствіе чего вмѣстѣ съ ними и призвали князей.“ Болѣе ясное упоминаніе о существованіи городовъ у древнихъ обитателей сѣверной и сѣверозападной Руси мы находимъ у лѣтописца Псковскаго подъ 854 г.: „всташа же Новгородци и Кривичи и *Меря* и Чюдь на Варяги, и изгнаша ихъ за море и начаша владѣти сами себѣ *и городы ставити* и бысть межю ими рать, *градъ на градъ* и не бяше правды.“ У другихъ лѣтописцевъ говорится только: „начаша *городы ставити*“, но выраженіе „*градъ на градъ*“ замѣняется другимъ: „*родъ на родъ*“, такъ какъ первоначально эти племена жили отдѣльными родами, что не могло препятствовать

(*) Плещеево и Неро.

имъ ставить и города, тѣмъ болѣе, что, по изслѣдованіямъ, родомъ была община.

Если мы обратимся къ названію г. Костромы, то оно также должно наводить насъ на мысль о древнѣйшемъ возникновеніи города. Графъ Уваровъ въ томъ же изслѣдованіи о мерянахъ предлагаетъ такое словопроизводство названія города Костромы: онъ говоритъ, что въ Костромской и смежныхъ съ ней губерніяхъ донынѣ въ народѣ употребителенъ языкъ, непохожій на славянскій или русскій, оставшійся въ народѣ таинственнымъ, подъ названіемъ въ Нерехтѣ элтонскаго (отъ слова «элтышъ»-безмѣнъ, языкъ безмѣнниковъ). Этому языку одолжены названія здѣшнихъ городовъ: Костромы и др. Костръ, Кострыга—городъ. Съ присоединеніемъ къ этому слову мордовскаго *масъ*—красивый, образуется названіе города Костромы—красивый городъ.

Вѣрно ли такое словопроизводство, рѣшительно сказать трудно. Сомнѣніе въ вѣрности этого словопроизводства можетъ возникнуть потому уже, что приходится составлять названіе города „Кострома" изъ двухъ словъ: одного изъ языка такъ называемаго теперь элтонскаго, другаго мордовскаго, что едва ли отвѣчаетъ дѣйствительности, такъ какъ трудно составить одно слово изъ двухъ, принадлежащихъ двумъ отдѣльнымъ народностямъ. Обратимся лучше къ древне-русской миѳологіи.

Въ числѣ языческихъ праздниковъ и обрядовъ, въ которыхъ выразилась мысль о замирающихъ силахъ природы, былъ обрядъ, совершавшійся въ лѣтнее время, соотвѣтствовавшее нынѣшнему первому воскресенью послѣ Петрова дня, обрядъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ *похоронъ Костромы*, *Лады*, *Ярилы*. По всему вѣроятію, эти обряды въ старину принадлежали къ купальскимъ игрищамъ. Похороны Костромы въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ совершались такимъ образомъ: прежде всего дѣвицы избирали изъ среды себя одну, которая обязана была представлять Кострому; затѣмъ подходили къ ней съ поклонами,

клали ее на доску и съ пѣснями несли къ рѣкѣ. Тамъ начинали ее купать, при чемъ старшая изъ участвовавшихъ въ обрядѣ сгибала изъ лубка лукошко и била въ него, какъ въ барабанъ; послѣ этого возвращались въ деревню и заканчивали день въ хороводахъ и играхъ. Въ Муромскомъ уѣздѣ соблюдалась иная обрядовая обстановка: Кострому представляла кукла, которую дѣлали изъ соломы, наряжали въ женское платье и цвѣты, клали въ корыто и съ пѣснями относили на берегъ рѣки или озера; собравшаяся на берегу толпа раздѣлялась на двѣ половины: одна защищала куклу, а другая нападала и старалась овладѣть ею. Борьба оканчивалась торжествомъ нападающихъ, которые схватывали куклу, срывали съ нея платье и перевязи, а солому топтали ногами и бросали въ воду, между тѣмъ какъ побѣжденные защитники предавались неутѣшному горю, закрывали лица свои руками и какъ бы оплакивали смерть Костромы.

Должно думать, что кукла эта приготовлялась не только изъ соломы, но также изъ сорныхъ травъ и прутьевъ и что именно поэтому она получила названіе Костромы. Въ областныхъ говорахъ слово Кострома означаетъ: прутъ, розгу и ростущія во ржи сорныя травы. Въ Саратовской губерніи Костромою называется куча соломы, сожигаемая подъ новый годъ (*). О. Ѳ. Миллеръ въ христоматіи къ опыту историческаго обозрѣнія русской словесности говоритъ (**): «Кострубонькой въ Малороссіи назывался Веснякъ, божество весны (въ украинскомъ просторѣчіи Кострубъ значитъ Нечесъ, Кудлай, что заставляетъ предполагать, что Веснякъ изображался кудрявымъ). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи имя это передѣлалось въ Кострому. Въ этомъ послѣднемъ божествѣ видятъ женскую форму Кострубоньки, похороны котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совпадали съ временемъ похоронъ Ко-

(*) Афанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. 3, стр. 726.
(**) Стр. 6.

стромы.—Хотя графъ Уваровъ и говоритъ (*) въ изслѣдованіи о бытѣ Мерянъ, что названіе Костромы повторяется въ трехъ различныхъ формахъ во Владимірской губерніи: Костромино—деревня въ Александровскомъ уѣздѣ недалеко отъ р. Дубны, Костромиха—Суздальскаго уѣзда по р. Нерли и Кострочиха въ Городецкомъ (Гороховецкомъ?) уѣздѣ и изъ этого дѣлаетъ зыводъ, что только одинъ и тотъ же народъ (т. е. Меря) могъ, раскинувъ свои селенія на обширномъ пространствѣ, повторять тѣже имена или давать названія одинаковаго этимологическаго происхожденія; но мы, въ видѣ возраженія послѣднему выводу, можемъ привести одно мѣсто изъ лѣтописи по Ипатіевскому списку, гдѣ упоминается подъ 1258 г. одно урочище теперь въ Волынской губерніи, сходное по корнесловію съ названіемъ Костромы, именно урочище *Коструга:* «онѣмъ же (Литвѣ) притекшимъ супротивъ *Коструги*, сразившимся не стерпѣша, но на бѣгъ обратишася». Область теперешней Волынской губерніи въ древности имѣла населеніе славянское. Названіе и обрядъ погребенія Кострубоньки или Костромы—божества весны были распространены какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Руси. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что слово Кострома славянскаго происхожденія и не чуждо духу славянскаго языка, точно такъ же, какъ не чуждо ему слово костеръ (**). Упоминаемыя гр. Уваровымъ поселенія во Владимірской губерніи съ измѣненнымъ названіемъ Костромы расположены, какъ мы видѣли, при рѣкахъ. Городъ Кострома расположенъ при двухъ рѣкахъ: Волгѣ и Костромѣ. Обрядъ же купанія дѣвушки, изображавшей Кострому или потопленія и сожженія чучела божества Костромы совершался въ рѣкахъ или при рѣкахъ. На этомъ основаніи мы вправѣ заключить, что названіе города и поселеній, упомянутыхъ нами ранѣе, Костромою или именемъ одного съ нею

(*) Стр. 12.

(**) Мы уже раньше говорили, что въ Саратовской губерніи Костромою называется куча соломы, сожигаемая на новый годъ.

корня славянское въ честь именно этого языческаго божества весны или Весняка. Такъ какъ славянская колонизація финскихъ племенъ по бассейну верхней Волги и ея притоковъ началась еще до образованія русскаго государства, то мы можемъ быть увѣрены, что и обряды языческой религіи нашихъ предковъ могли въ глубокой древности совершаться въ приволжскомъ краѣ. Мы знаемъ, что въ Ростовѣ былъ идолъ бога Велеса или Волоса. Что въ Костромскомъ краю совершались въ старину празднованія и обряды въ честь языческихъ божествъ: Купалы, Ярилы, Костромы, яснымъ подтвержденіемъ этого служатъ сохранившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и доселѣ или сохранявшіеся долгое время спустя послѣ принятія христіанства языческіе праздники и обряды. Народъ чтилъ боговъ: Ярилу, Купалу, Лада, водяныхъ, русалокъ. Въ честь каждаго изъ этихъ миѳическихъ существъ учреждены были праздники, изъ которыхъ многіе недавно уничтожены. Въ Костромѣ только въ 1771 г. былъ уничтоженъ праздникъ въ честь Ярилы. Ярилу представлялъ избранный міромъ человѣкъ, котораго, передъ заговѣньемъ Петрова поста, обвязывали разными цвѣтами, лентами и колокольчиками и, надѣвъ на голову высокій колпакъ съ лентами, водили съ плясками по городу. Въ Костромѣ и до сихъ поръ всѣхсвятское заговѣнье и праздникъ извѣстны подъ названіемъ—Яриловки. Въ Галицкомъ уѣздѣ и теперь еще сохраняется обычай на одной горѣ Поклонной, гдѣ по преданію стоялъ идолъ Ярилы, праздновать и гулять. Гулянье въ честь Ярилы или на Ярилину бываетъ въ Кинешмѣ—въ рощѣ по р. Кинешемкѣ, близь Нерехты и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нерехотскаго уѣзда. Около Галича указываютъ мѣсто другаго идола Купалы (отъ корня куп, кип, отсюда кипѣть, олицетвореніе лѣтняго жара), около озера, куда и въ настоящее время стекаются 24 іюня городскіе жители гулять на берегу и кататься по озеру съ пѣснями; гулянье оканчивается обливаніемъ другъ дру-

га водою и купаньемъ въ озерѣ (*). Такъ какъ у нашихъ предковъ божества: Купало, Ярило, Кострома были если не тождественныя, то сродныя, олицетворявшія однѣ и тѣже живительныя силы природы, то, кромѣ празднованія въ честь Купалы и Ярилы, въ старину, вѣроятно, совершался въ здѣшнемъ краю и обрядъ похоронъ Костромы, описанный нами раньше. И вотъ отъ имени языческаго божества весны „Костромы" получилъ названіе и самый городъ, жителями котораго этотъ обрядъ совершался.

Принимая въ соображеніе мѣсто лѣтописи, гдѣ говорится, что Новгородцы, Кривичи, Чюдь, Меря по изгнаніи Варяговъ 854 г., начали ставить *городы* и управляться сами, но всталъ *градъ на градъ*, мы приходимъ къ тому выводу, что городокъ, получившій названіе Костромы, который существовалъ на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища, былъ основанъ если мерянами, то въ пору сліянія этого племени съ славянскимъ, или въ пору распространенія между мерянами славянской колонизаціи, какъ того же мнѣнія и г. Журавлевъ о городищахъ Ярославской губерніи. Онъ относитъ ихъ основаніе къ переходной эпохѣ сліянія первоначальныхъ туземцевъ (мерянъ) съ славянами. Костромской же городокъ, отстоящій недалеко отъ селенія Ярославской губерніи, извѣстнаго подъ именемъ Дѣева Городища, служитъ какъ бы продолженіемъ по Волгѣ цѣпи городковъ. Населеніе въ этихъ городкахъ могло быть уже смѣшанное изъ финновъ и славянъ. Основаніе древняго городка Костромы первоначально на правомъ берегу Волги могло быть вызвано условіями мѣстности, такъ какъ правый берегъ Волги болѣе гористъ, нежели лѣвый, и менѣе поэтому подверженъ затопленію водою во время весенняго разлива Волги, особенно если принять въ расчетъ то, что рѣки наши и въ частности Волга въ старину были полноводнѣе, чѣмъ нынѣ, по обилію лѣсовъ, къ нимъ прилегающихъ, да къ тому же еще лѣвый берегъ могъ

(*) Кривоблоцкій. Матер. для геогр. и статистики Россіи, Костр. губ., стр. 512, 598.

быть затопляемъ и впадающею въ Волгу р. Костромою. Итакъ о началѣ г. Костромы мы приходимъ къ такому выводу: первоначально былъ основанъ городокъ на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища на правомъ берегу Волги, въ пору начавшагося сліянія мерянъ съ славянами; онъ имѣлъ населеніе уже смѣшанное изъ мерянъ и славянъ и получилъ названіе отъ имени божества весны у языческихъ славянъ—Костромы. Приблизительно время возникновенія этого городка можно полагать въ началѣ второй половины IX вѣка.

Переходимъ къ дальнѣйшей исторіи г. Костромы. Къ какому времени слѣдуетъ относить основаніе г. Костромы на лѣвомъ берегу Волги и кого слѣдуетъ считать основателемъ нынѣшняго города Костромы? На эти два вопроса нѣтъ положительныхъ отвѣтовъ въ лѣтописяхъ. Есть предположенія изслѣдователей объ основаніи Костромы въ XII в. Юріемъ Долгорукимъ. Въ лѣтописяхъ нѣтъ упоминаній не только объ основаніи Костромы въ XII в., но даже вообще нѣтъ упоминаній о Костромѣ при изложеніи событій XII в. О нѣкоторыхъ городахъ Ростовско-Суздальской земли если не объ основаніи ихъ, то по крайней мѣрѣ есть упоминанія о нихъ въ XII в., напр. о Городцѣ Радиловѣ (нынѣ село Нижегородской губерніи, Балахнинскаго уѣзда): «бывшю же князю Мстиславу на Городьци, совокупльшуся со братома своима на усть Оки и ждаша дружины двѣ недѣли» (Лавр. лѣтоп., 1172 г.). Кстати здѣсь скажемъ: нѣкоторые предполагаютъ, что при устьи Оки, гдѣ нынѣ Нижній-Новгородъ, былъ въ старину городокъ мордовскій. На это какъ будто немного наводитъ и настоящее лѣтописное сказаніе, что князь Мстиславъ съ братьями здѣсь ждалъ дружины двѣ недѣли. Въ лѣтописяхъ въ XII в. упоминаются и выше по Волгѣ города, напр. Углече Поле, о началѣ которыхъ тоже неизвѣстно опредѣленно. О Костромѣ же нѣтъ даже и упоминаній въ лѣтописяхъ до начала XIII в. Чѣмъ же объяснить такое упорное молчаніе лѣтописцевъ о Костромѣ? Не наводитъ ли это умалчиваніе

лѣтописцевъ о Костромѣ въ теченіи XII в. на вопросъ: была ли Кострома въ это время? Лѣтописцы не преминули сказать ясно о перенесеніи Юріемъ Долгорукимъ Переяславля Залѣсскаго отъ Клещина на другое мѣсто, объ основаніи имъ городовъ: Константина (Кснятинъ при устьи большой Нерли въ Волгу), Дмитрова на р. Яхромѣ, Юрьева Польскаго, Боголюбова, Москвы. По этому едвали бы они оставили безъ упоминанія такой важный фактъ, какъ основаніе Юр. Долгорукимъ городовъ: Костромы, Галича. На основаніи, такъ сказать, отрицательномъ, т. е. на основаніи молчанія лѣтописцевъ о построеніи этихъ городовъ Юріемъ, мы вправѣ заключить, что города эти не были основаны Юріемъ Долгорукимъ. Они, по нашему мнѣнію, существовали еще раньше Юрія Долгорукаго, равно какъ и Городецъ на Волгѣ и нѣкоторые другіе города выше по Волгѣ Юрій Долгорукій могъ только возобновить ихъ, распространить и увеличить ихъ народонаселеніе. Галичу же могъ дать настоящее его названіе, перенеся послѣднее на этотъ городъ съ Галича южнаго. Предположеніе о томъ, что Кострома и Галичъ существовали въ XII в., въ видѣ городковъ, подкрѣпляется такимъ соображеніемъ: трудно предположить, чтобы такое большое разстояніе, какъ между Ярославлемъ и Городцомъ, не имѣло еще какихъ нибудь городовъ, особенно на такихъ важныхъ пунктахъ для сношеній, каковы: соединеніе р. Костромы съ Волгой и верховье р. Костромы, соединяющей сѣверовосточный уголъ Ростовско-Суздальской земли съ Волгой. Затѣмъ, такъ какъ въ самомъ началѣ XIII в. о Костромѣ уже упоминается въ лѣтописяхъ, то можно полагать, что она и въ XII в. уже существовала, но какъ старинный городокъ, можетъ быть только болѣе устроенный Юріемъ Долгорукимъ, но не основанный имъ и не перенесенный еще на лѣвый берегъ Волги, иначе объ этомъ непремѣнно упомянули бы лѣтописцы подобно тому, какъ о другихъ городахъ, ранѣе нами перечисленныхъ. Присоединимъ еще соображеніе. Въ XII в. лѣтописцы при разсказѣ о событіяхъ упоминаютъ чаще о городахъ приволжскихъ

верхнихъ, кончая Ярославлемъ. Это объясняется тѣмъ, что напр. во время походовъ изъ Новгорода въ Ростовско-Суздальскую землю князья доходили только до Ярославля или даже выше его сворачивали съ Волги въ Ростовско-Суздальскую землю, такъ что мѣстность, занимаемая Костромою и Галичемъ, оставалась въ сторонѣ отъ этихъ движеній и лѣтописцы потому не имѣли случаевъ упомянуть объ этихъ городахъ. О Городцѣ въ XII в. упоминается по случаю остановки здѣсь кн. суздальскаго во время похода его на Болгаръ и второй разъ по случаю кончины здѣсь кн. Михаила владиміро-суздальскаго. Пространство же между Ярославлемъ и Городцемъ оставалось внѣ района этихъ историческихъ событій. Потому и въ лѣтописяхъ нѣтъ упоминаній о находившихся здѣсь, по всему вѣроятію, городахъ и въ XII в. И такъ мы допускаемъ только фактъ существованія Костромы и Галича при Юріи Долгорукомъ, но какъ городовъ, вѣроятно, незначительныхъ въ Ростовско-Суздальской землѣ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ они были основаны, по всему вѣроятію, въ начальный періодъ колонизаціи мерянской области славянами изъ Новгорода. Только уже въ началѣ XIII вѣка въ лѣтописяхъ являются извѣстія о Костромѣ съ 1213 года (*). Съ этого года и начинается уже вполнѣ достовѣрная исторія Костромы по лѣтописнымъ сказаніямъ. Но лѣтописныя сказанія, касающіяся начальной исторіи Костромы, требуютъ объясненій тѣмъ болѣе, что въ упомянутыхъ нами очеркахъ исторіи Костромы они или остаются безъ поясненій или неправильно толкуются и приводятся съ хронологическими невѣрностями. Въ очеркѣ Крживоблоцкаго, а затѣмъ и въ Памятной книжкѣ Костромской губерніи на 1862 г. говорится, что будто Карамзинъ упоминаетъ о Костромѣ и Галичѣ во времена владимірскаго великаго Князя Всеволода Георгіевича (сынъ Юрія Долгорукаго)

(*) Въ очеркахъ исторіи Костромы неправильно показанъ годъ перваго упоминанія въ лѣтописяхъ о Костромѣ—1214.

1176—1212 гг. Карамзинъ нигдѣ въ исторіи этого не упоминаетъ и не могъ упоминать, не имѣя на то основаній въ лѣтописяхъ. Онъ согласно съ сказаніями лѣтописей говоритъ только, что 1212 г. Всеволодъ, призвавъ къ себѣ Константина изъ Новгорода, назначилъ ему въ удѣлъ Ростовъ *съ пятью городами*. Г. Крживолоцкій и Памятная книжка толкуютъ, что въ числѣ пяти городовъ Константинъ получилъ Кострому и Галичъ. На какомъ основаніи, въ числѣ полученныхъ Константиномъ къ Ростову пяти городовъ, въ очеркахъ разумѣются Кострома и Галичъ, неизвѣстно. По нашему мнѣнію, Константину Всеволодовичу къ Ростову были приданы отцемъ пять городовъ такихъ, въ числѣ которыхъ Костромы и Галича не было. Иначе отъ сбивчиваго толкованія лѣтописнаго сказанія, гдѣ вообще говорится о пяти городахъ, приданныхъ Константину къ Ростову, безъ перечисленія ихъ, произойдетъ сбивчивость и противорѣчіе въ дальнѣйшей исторіи Костромы, что и замѣчается въ очеркахъ. Мы полагаемъ, что Константину отецъ его Всеволодъ придалъ къ Ростову города, находившіеся въ сѣверо-западной части Ростовско-Суздальской земли и съ этого времени начинается раздѣленіе ея на двѣ половины: юго-восточную и сѣверо-западную. Константину къ Ростову были приданы, нужно думать, слѣдующіе пять городовъ: Ярославль, Бѣлозерскъ, Углече Поле, Кснятинъ (Константинъ) и городокъ на Мологѣ или еще какой—нибудь изъ приволжскихъ городовъ, о существованіи которыхъ мы узнаемъ изъ Тверской лѣтописи подъ 1149 г. Вотъ что здѣсь повѣствуется: «пойде князь великій Изяславъ на своего дядю Юрія Володимерича Долгорукаго къ Суждалю и Ростову за Новгородскую обиду, съ нимъ братъ его Ростиславъ съ Смоляны и Новгородцы и Псковичи и Корѣляне, и совокупишася на Волгѣ на устьи Медвѣдици... И поидоша къ Снятину (Кснятинъ, Константинъ) и къ Углечю Полю и къ Молозѣ и много воеваша людей Юрьевыхъ даже и до Ярославля по Волгѣ и взяша шесть городовъ и воюючи и жгучи.»

Итакъ отъ Кснятина до Ярославля включительно было взято по Волгѣ шесть городовъ, хотя перечислено только четыре. Изъ этихъ шести, съ присоединеніемъ еще Бѣлозерска, пять и были приданы Константину къ Ростову несомнѣнно. Кострома же и Галичъ оставались *во власти Всеволода* князя владимірскаго. Мы полагаемъ, что Кострома приходилась на границѣ или близь границы волости владимірскаго князя съ волостью ростовскою Константина, данной ему отцомъ въ удѣлъ. Съ установкой такого взгляда на дѣленіе Ростовско-Суздальской земли становится понятною и дальнѣйшая исторія Костромы и Галича. Всеволодъ Юрьевичъ, какъ мы сказали, раздѣлилъ обширную волость свою, выдѣливъ изъ нея на сѣверо-западѣ значительный удѣлъ Ростовъ съ пятью городами старшему сыну своему Константину. Предъ смертью Всеволодъ послалъ за послѣднимъ въ Ростовъ, назначая ему по своей смерти Владиміръ, а Ростовъ Юрію. Константинъ же не поѣхалъ во Владиміръ, желая взять Владиміръ къ Ростову. Отецъ вторично зоветъ Константина, но тотъ не поѣхалъ къ нему и на этотъ разъ, настаивая на своемъ желаніи получить Владиміръ къ Ростову. Князь Великій Всеволодъ созвалъ всѣхъ бояръ своихъ *съ городовъ* и *съ волостей*, духовныхъ и купцовъ и дворянъ и всякихъ людей и далъ сыну своему Юрію Владиміръ и всѣхъ заставилъ цѣловать крестъ ему и приказалъ ему всѣхъ братьевъ его, по выраженію лѣтописца. Константинъ, продолжаетъ лѣтописецъ, слышавъ то, воздвиже брови своя со гнѣвомъ на братію свою, паче же на Георгія. По смерти Всеволода начинается усобица между братьями Константиномъ и Юріемъ изъ за великаго княженія. Первый походъ Юрія къ Ростову противъ Константина, начавшаго искать подъ нимъ великаго княженія, кончился примиреніемъ между братьями. Но въ 1213 г. Константинъ началъ опять замышлять рать противъ Юрія и братьевъ его. Юрій Всеволодовичъ вмѣстѣ съ братьями: Ярославомъ, Святославомъ, Іоанномъ и Давыдомъ Муромскимъ пошелъ на Константина къ Ростову. Кон-

стантинъ же, услышавъ о походѣ сильной рати противъ него, *послалъ полкъ свой на Кострому*. Кострома была выжжена вся, по свидѣтельству лѣтописца, а жители были взяты въ плѣнъ. Вотъ первое упоминаніе лѣтописей о Костромѣ и то не во всѣхъ спискахъ; въ большей части списковъ о походѣ на Кострому не упоминается. Сказаніе же объ этомъ находится въ Воскресенской и Тверской лѣтописяхъ и еще въ нѣкоторыхъ. Тѣмъ не менѣе сказаніе весьма правдоподобное. Если мы вникнемъ въ смыслъ его, то оно послужитъ намъ къ лучшему уясненію начальной исторіи Костромы. Изъ хода изложенныхъ событій какъ нельзя болѣе ясно видно, что Кострома принадлежала не къ волости Константина Ростовскаго, какъ неправильно говорится въ очеркахъ исторіи Костромы, а къ волости Юрія Владимірскаго. Иначе какая была бы цѣль Константину жечь свой городъ и въ плѣнъ уводить его жителей? (*) Но цѣль похода на Кострому была та, что, такъ какъ Кострома, по нашему заключенію, была пограничнымъ городкомъ между волостями Юрія и Константина, то Константину нужно было истребить ее и жителей ея увести въ плѣнъ не по одной только злобѣ на брата, но чтобы, въ случаѣ неуспѣха въ въ войнѣ съ Юріемъ и его союзниками братьями, очистить себѣ свободный путь для вторженія въ Владиміро-Суздальскую волость и идти къ Владиміру. Усобица между братьями Константиномъ и Юріемъ кончилась, какъ извѣстно, пораженіемъ рати Юрія на р. Липицѣ 1216 г. Константинъ сѣлъ на великое княженіе владимірское, а Юрій ушелъ въ Городецъ на Волгѣ. Чрезъ нѣсколько времени Константинъ утѣшилъ своего брата и далъ ему Суздаль. Дѣтямъ же своимъ старшимъ онъ отдалъ: Васильку (Василію) Ростовъ, а Всеволоду—Ярославль. Младшій сынъ его Владиміръ, при крещеніи названный Димитріемъ, получилъ въ удѣлъ

(*) Г. Крживолоцкій и Памятная книжка, дабы избѣжать противорѣчія, даютъ объясненіе этому такое, что Кострома осталась вѣрна Юрію. Гораздо проще дѣло объясняется тѣмъ, что она принадлежала къ волости Юрія.

Угличъ. Здѣсь очевидно намѣреніе Константина раздѣлить между своими сыновьями ту волость, которую ему далъ отецъ и которою онъ по лишеніи его великокняжескаго стола, долженъ былъ владѣть по волѣ отца. Въ очеркахъ исторіи Костромы здѣсь допущена крупная неправильность. Во первыхъ говорится, что будто Константинъ старшему сыну Василію отдалъ Ростовъ и Кострому. Въ лѣтописяхъ же говорится объ одномъ только Ростовѣ. Костромы уже ни въ какомъ случаѣ Константинъ не могъ отдать Василію потому во 1-хъ, что она, какъ мы ясно доказали, не принадлежала къ Ростовской волости: во 2-хъ и потому, что ея въ это время еще вѣроятно не существовало въ видѣ города, потому что не за долго предъ тѣмъ она была выжжена вся, по свидѣтельству лѣтописца. Можетъ быть она только начинала теперь вновь строиться, когда жители только что успѣли возвратиться изъ плѣна ростовскаго. Вторая крупная неправильность въ очеркахъ та, что будто Константинъ младшему сыну Дмитрію далъ въ удѣлъ *Галичъ*. Неправильно это потому во 1-хъ, что Галичъ, какъ и Кострома, принадлежалъ къ Владиміро-Суздальской волости и, во 2-хъ, неправильность этого ясно изобличается лѣтописнымъ сказаніемъ; изъ лѣтописи извѣстно, что Димитрій Константиновичъ, какъ и другіе князья, имѣлъ два имени: „1214 г. родися сынъ Константину Володимерь, а въ святомъ крещеніи нарекоша имя ему Димитрій“ (*). Далѣе въ лѣтописяхъ ясно говорится, что онъ былъ князь не Галицкій, а *Углецкій* (**): „1249 г представися Володимерь Константиновичъ *Углецкій*“. Затѣмъ есть болѣе позднія извѣстія о смерти сыновей Владиміра: Андрея 1261 г., Романа 1285 г. *въ Угличѣ же*. Ясно, что удѣломъ Димитрія и его потомковъ былъ *Угличъ*, а не *Галичъ*. Галичъ, равно какъ и Кострома, въ пору княженія Димитрія Константиновича еще не имѣли князей. Они были

(*) Лавр. спис., стр. 416.
(**) Тамъ же. стр. 419.

только городами, принадлежавшими искони къ Владиміро-Суздальской волости и не переходили никогда во владѣніе ростовскихъ князей.

Вскорѣ послѣ изложенныхъ событій наступило тяжелое время для Руси—нашествіе Батыя съ татарскими полчищами. Стольный городъ владимірскаго княженія—Владиміръ былъ опустошенъ татарами. Татары потомъ разсѣялись по Суздальской и Ростовской землѣ; одни пошли на великаго князя Юрія, стоявшаго съ своимъ и другихъ князей ополченіями на р. Сити, впадающей въ Мологу, другіе пошли къ Ростову, иные къ Ярославлю, а иные на Волгу и на Городецъ и тѣ поплѣнили все по Волгѣ и до Галича Мерскаго, по свидѣтельству лѣтописи Воскресенской. Въ академическомъ спискѣ и въ Новгородской четвертой лѣтописи подъ 1237 г. говорится: «и тѣ поплѣнили все по Волгѣ и до *Галича Володимерскаго*». Въ Тверской лѣтописи сказано: «иные за великимъ княземъ погнались на Ярославль и на Городецъ и по Волгѣ всѣ грады поплѣнили и до Галича Мерскаго». Затѣмъ перечисляются нѣкоторые города въ Ростовско-Суздальской землѣ, опустошенные татарами. Не трудно замѣтить, что ни въ одномъ спискѣ лѣтописей въ разсказѣ объ этомъ страшномъ времени на Руси не упомянута Кострома. И въ дальнѣйшемъ перечисленіи городовъ Ростовско-Суздальской земли, опустошенныхъ татарами, Кострома не упоминается. Чѣмъ же это объяснить? Мы думаемъ тѣмъ, что Кострома не имѣла въ то время такого значенія, какое имѣли упомянутые лѣтописцемъ города, разрушенные татарами. Она еще, вѣроятно, не успѣла и выстроиться вновь *въ прежнемъ видѣ* послѣ пожара 1213 г., истребившаго ее всю до тла. Вотъ почему лѣтописецъ тверской лѣтописи, не перечисляя такихъ незначительныхъ городовъ по Волгѣ, взятыхъ татарами, говоритъ вообще о нихъ: „и по Волгѣ всѣ грады поплѣниша и до Галича Мерскаго". Изъ умалчиванія лѣтописцемъ о Костромѣ мы опять можемъ заключить, что это не былъ городъ изъ числа основанныхъ Юріемъ Долгорукимъ; города, основанные этимъ княземъ и

имѣвшіе значеніе уже немалое въ Суздальской землѣ, какъ-то: Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ и Москва упомянуты лѣтописцами. Галичъ упоминается потому, что онъ былъ, вѣроятно, крайнимъ пунктомъ района, опустошеннаго татарами. Любопытно сказаніе лѣтописи по академическому списку и въ Новгородской четвертой лѣтописи, гдѣ говорится: „татары поплѣнили все по Волгѣ до Галича *Володимерскаго*", тогда какъ въ другихъ спискахъ говорится: до Галича Мерскаго. Мы думаемъ, что въ академическомъ спискѣ и въ Новгородской лѣтописи нѣтъ въ этомъ случаѣ ошибки. Напротивъ, сказанія этихъ списковъ лѣтописей точнѣе опредѣляютъ отношеніе Галича къ Владиміру, т. е. опредѣляютъ несомнѣнную принадлежность Галича къ волости владимірскихъ князей, а не ростовскихъ, какъ неправильно говорится въ очеркахъ исторіи Костромы. Допустивъ въ началѣ неправильность въ повѣствованіи о раздѣлѣ волостей Константиномъ между сыновьями, очерки исторіи Костромы повторяютъ ее и далѣе, говоря, что въ битвѣ съ татарами на р. Сити съ Георгіемъ участвовалъ и Василій Константиновичъ *князь Костромскій*, который былъ взятъ въ плѣнъ татарами, замученъ и брошенъ въ Шернскомъ лѣсу, какъ извѣстно. Такого *Костромскаго* князя не было и Кострома, какъ мы уже раньше упоминали, тогда еще не имѣла князей. Василій Константиновичъ, по сказанію лѣтописей, получивъ отъ отца Ростовъ, участвовалъ въ битвѣ на Сити только въ качествѣ князя Ростовскаго, даже и не Ярославскаго, такъ какъ Ярославль отданъ былъ брату его Всеволоду. Итакъ вопросъ о постоянной принадлежности Костромы къ волости владимірскихъ князей, кажется, нужно теперь считать рѣшеннымъ.

Теперь возникаетъ другой вопросъ: какой городъ Кострома былъ сожженъ Константиномъ Всеволодовичемъ и взятъ татарами: на правомъ или на лѣвомъ берегу Волги? Съ этимъ связывается другой вопросъ: когда и кѣмъ перенесенъ г. Кострома на лѣвый берегъ Волги? Мы раньше уже говорили, что этого факта при-

писывать Юрію Долгорукому не приходится потому, что объ этомъ молчатъ лѣтописцы, хотя бы ожидать извѣстія объ этомъ въ лѣтописяхъ мы должны были по аналогическимъ свидѣтельствамъ ихъ о другихъ городахъ, основанныхъ или перенесенныхъ на новое мѣсто Юріемъ Долгорукимъ. Мы полагаемъ, что Константиномъ ростовскимъ была сожжена и потомъ татарами взята не нынѣшняя Кострома, а старая, находившаяся на мѣстѣ древняго городка, гдѣ нынѣ сельцо Городище. Можетъ показаться смѣлымъ такое наше заключеніе, но мы постараемся подтвердить его нѣкоторыми данными.

Послѣ разгрома Батыя на велико-княжескомъ владимірскомъ столѣ сѣлъ братъ Юрія Всеволодовича Ярославъ Всеволодовичъ. Что мы знаемъ о дѣятельности этого князя? Лѣтописецъ такъ повѣствуетъ о немъ: «Ярославъ, сынъ В. К. Всеволода Юрьевича, пришедъ.... сѣде на столѣ въ Володимери и *обнови землю суздальскую* и церкви очисти отъ трупія мертвыхъ и кости ихъ сохранивъ и пришельци утѣши и люди многа собра и бысть радость велика христіаномъ(*). Въ чемъ же состояло обновленіе земли Суздальской Ярославомъ? Въ другомъ мѣстѣ той же лѣтописи читаемъ (**) „Ярославъ Всеволодовичъ по батыевѣ плѣненіи пріиде съ дѣтьми своими (на Владимірское княженіе) и нача грады, раззоренные отъ Батыя, ставити по своимъ мѣстомъ и на Волгѣ постави градъ и воименова его Тверью по Тверцѣ рѣкѣ, *а напередъ того въ томъ мѣстѣ градъ не былъ*, и посади на Твери сына своего меньшаго Ярослава и оттолѣ наста великое княженіе Тверское". Такое повѣствованіе лѣтописецъ дѣлаетъ предъ исчисленіемъ порядка тверскихъ князей. Поэтому, ему нужно было сказать о началѣ Тверскаго княженія и онъ даетъ объ этомъ точныя свѣдѣнія, рав-

(*) Воскр. лѣтоп. подъ 1238 г., стр. 143.
(**) Стр. 245.

но какъ и объ основаніи Ярославомъ Всеволодовичемъ послѣ батыева раззоренія г. Твери на новомъ мѣстѣ, на правомъ берегу Волги, гдѣ города прежде не было. Извѣстно, что древняя Тверь до нашествія татаръ была на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее р. Тверцы. Совершенно тоже могъ сдѣлать Ярославъ Всеволодовичъ и съ Костромою, которую онъ отдалъ самому меньшему изъ девяти своихъ сыновей Василію. Всѣ старшіе сыновья Ярослава уже получили удѣлы и изъ нихъ *четвертый* Константинъ Ярославичъ *получилъ Галичъ*. Онъ и былъ *первымъ* Галицкимъ *княземъ*. По крайней мѣрѣ онъ первый изъ князей въ лѣтописяхъ именуется Галицкимъ. Для родившагося у Ярослава еще сына Василія нуженъ былъ удѣлъ и вотъ Ярославъ Всеволодовичъ, какъ можно думать, устраиваетъ городъ Кострому, какъ нѣсколько раньше устроилъ Тверь для Ярослава Ярославича. Кострома послѣ погрома батыева второй разъ была въ развалинахъ. Ярославъ Всеволодовичъ могъ поступить такъ же, какъ и съ Тверью, т. е. назначивъ для Костромы болѣе удобное для рѣчныхъ сношеній съ другими городами мѣсто на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее р. Костромы, устроилъ здѣсь городъ: строитъ здѣсь церковь соборную во имя Ѳеодора Стратилата и назначаетъ сюда княземъ меньшаго своего сына (Мизинаго) Василія, который первый изъ князей въ лѣтописяхъ начинаетъ именоваться Костромскимъ, и съ этого времени начинается княженіе Костромское, какъ нѣсколько раньше получило начало княженіе Тверское съ Ярослава Ярославича, который также первый изъ князей въ лѣтописяхъ начинаетъ именоваться Тверскимъ. Вотъ по нашему мнѣнію аналогичный фактъ, дающій основаніе думать, что какъ Тверь, такъ и Кострома на настоящемъ своемъ мѣстѣ основана послѣ разгрома батыева Ярославомъ Всеволодовичемъ, обновителемъ суздальской земли, этимъ княземъ Камилломъ въ сѣверо-восточной Руси. Опять могутъ сказать намъ, что мы дѣлаемъ слишкомъ смѣлое заключеніе на основаніи только аналогіи.

Но мы сейчасъ подтвердимъ наше заключеніе и очевиднымъ фактомъ. Мы упомянули о томъ, что Ярославъ Всеволодовичъ могъ построить древнѣйшую церковь въ Костромѣ во имя Ѳеодора Стратилата, хотя въ лѣтописяхъ объ этомъ нѣтъ извѣстія. Почему же мы думаемъ, что Ярославъ Всеволодовичъ былъ строителемъ древнѣйшей церкви въ Костромѣ? Обратимъ вниманіе на то, почему древнѣйшая соборная церковь въ Костромѣ была во имя Ѳеодора Стратилата? Мы знаемъ изъ исторіи, что какъ князья, такъ позднѣе и цари русскіе, церкви, особенно первые при устроеніи городовъ, часто строили въ честь тѣхъ святыхъ, имена которыхъ они носили. Такъ Юрій Долгорукій въ 1152 году во Владимірѣ построилъ церковь во имя св. Георгія, Михаилъ Александровичъ кн. тверской строилъ церкви въ честь Архангела Михаила: изъ новой русской исторіи мы имѣемъ примѣръ, что въ крѣпости, заложенной на о-вѣ Люстъ Эйландѣ Петромъ Великимъ, сооружена была церковь во имя Апостоловъ Петра и Павла. Также могъ поступить и Ярославъ Всеволодовичъ. Изъ лѣтописей мы знаемъ, что кн. Ярославъ при крещеніи получилъ имя Ѳеодора. Ярославомъ же онъ былъ прозванъ послѣ. Лѣтописецъ такъ повѣтствуетъ (*): „1190 г. родися у великаго князя Всеволода сынъ Ѳеодоръ, а прозванъ бысть Ярославъ, въ Переяславли, февраля 8-го". Ѳеодоромъ онъ былъ названъ очевидно въ честь св. великомученика Ѳеодора Стратилата, память котораго чествуется православною церковью 8 февраля. Вотъ основаніе, по которому мы заключаемъ, что древнѣйшая церковь въ г. Костромѣ Ѳеодора Стратилата, находившаяся на мѣстѣ нынѣшней Богоотцевской, построена Ярославомъ Всеволодовичемъ въ честь святаго, имя котораго ему было дано при крещеніи. Какъ древнѣйшая церковь, она могла быть построена Ярославомъ при устроеніи города. Вотъ почему мы, имѣя еще аналогичный фактъ построй-

(*) Воскресен. лѣтопись.

ки Ярославомъ Всеволодовичемъ Твери на новомъ мѣстѣ послѣ батыева разгрома, приходимъ къ заключенію, что и Кострома устроена на новомъ, нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ тѣмъ же Ярославомъ Всеволодовичемъ и въ тоже время, т. е. когда онъ обновлялъ землю Суздальскую послѣ нашествія татаръ на нее. Въ дополненіе къ сказанному о построеніи церквей во вновь устроемыхъ городахъ князьями въ честь тѣхъ святыхъ, имена которыхъ они носили, приведемъ здѣсь выдержку изъ исторіи Костромы (примѣчаніе 7) князя Козловскаго объ уѣздномъ городѣ Костромской губерніи Юрьевцѣ-Поволжскомъ: „основаніе Юрьевца положилъ благовѣрный князь Георгій Всеволодовичъ въ 1225 г., по явленіи ему на горѣ образа св. Великомученика Георгія, гдѣ и церковь деревянная во имя сего святаго построена на Георгіевской горѣ". Мы желали узнать, нѣтъ ли опредѣленныхъ свѣдѣній о томъ, кѣмъ была построена древнѣйшая церковь св. Ѳеодора Стратилата въ Костромѣ, но такихъ свѣдѣній не оказалось. Остается, слѣдовательно, единственное основаніе опредѣлить строителя церкви—князя—это имя св., въ честь котораго сооружена церковь. А имя въ честь Ѳеодора Стратилата носилъ не кто другой изъ древнихъ князей русскихъ, какъ Ярославъ Всеволодовичъ. Кромѣ церкви св. Ѳеодора въ древности, по сказанію, въ окрестности ея были и другія древнія церкви. Затѣмъ мѣстность, гдѣ эти церкви находились въ старину, была по преданію возвышеннѣе нынѣшняго уровня. Все это ясно говоритъ, что первоначальный городъ Кострома на лѣвомъ берегу Волги былъ именно здѣсь при устьи р. Костромы. Если есть основаніе думать, что древнѣйшая церковь св. Ѳеодора Стратилата была построена Ярославомъ Всеволодовичемъ, то есть такимъ образомъ основаніе предполагать, что и городъ Кострома первоначально въ мѣстности близь впаденія р Костромы въ Волгу былъ построенъ Ярославомъ же Всеволодовичемъ послѣ разгрома батыева, т. е. послѣ того, какъ старый городокъ Кострома на правомъ берегу Волги былъ разрушенъ та-

тарями.—Но естественно рождается вопросъ: почему же лѣтописецъ не упоминаетъ о построеніи Костромы Ярославомъ Всеволодовичемъ на новомъ мѣстѣ точно такъ же, какъ о построеніи Твери? Лѣтописецъ не имѣлъ повода говорить объ этомъ. О построеніи Твери онъ говоритъ, приступая къ перечисленію ряда тверскихъ князей отъ перваго князя Ярослава Ярославича. Костромское княжество не имѣло въ исторіи такого значенія, какъ тверское, и костромскихъ князей было гораздо меньше, чѣмъ тверскихъ, такъ какъ костромское княжество рано утеряло свое самостоятельное значеніе, и потому въ лѣтописи не приводится послѣдовательнаго ряда его князей.—Съ назначеніемъ самому меньшему сыну Василію удѣломъ вновь устроеннаго г. Костромы Ярославомъ Всеволодовичемъ, получаетъ начало удѣльное княжество костромское, *но неединовременно* съ галицкимъ княжествомъ, какъ ошибочно говорится въ очеркахъ исторіи Костромы. Здѣсь говорится, что Ярославъ Всеволодовичъ, предъ отъѣздомъ своимъ въ орду 1240 г., назначилъ удѣлы каждому изъ своихъ сыновей, между прочимъ: Галичъ Константину, а Кострому Василію: такимъ образомъ на пространствѣ нынѣшней Костромской губерніи явились два удѣльныхъ княжества: Костромское и Галицкое (*) Это очевидный анахронизмъ. Во всѣхъ лѣтописяхъ говорится, что 1241 г. родился Ярославу сынъ Василій. Слѣдовательно 1240 г. Василія князя костромскаго еще не существовало на свѣтѣ. Константинъ былъ четвертый изъ девяти сыновей Ярослава Слѣдовательно Константинъ нѣсколькими годами, можетъ быть десятью, ранѣе Василія получилъ въ удѣлъ Галичъ и значитъ галицкое княжество образовалось немного раньше костромскаго. Послѣднее, нужно думать, образовалось въ самой половинѣ XIII вѣка.

Нашъ взглядъ на начальную исторію г. Костромы мы мо-

(*) Кржижановскій. Матеріалы, стр. 2.

жемъ резюмировать въ слѣдующихъ общихъ чертахъ: въ началѣ второй половины IX вѣка, въ пору начавшагося сліянія финскихъ племенъ съ славянскими, на правомъ берегу Волги, на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища, былъ устроенъ городокъ, который имѣлъ смѣшанное населеніе изъ мерянъ и славянъ, получившій названіе отъ имени языческаго божества у нашихъ предковъ Костромы, олицетворявшаго, какъ Купало и Ярило, живительныя силы природы. Можетъ быть онъ былъ болѣе укрѣпленъ и распространенъ Юріемъ Долгорукимъ, и такимъ образомъ получилъ видъ городовъ Ростовско-Суздальской земли, но не устроенъ имъ вновь. Потомъ онъ подвергался двумъ бѣдствіямъ: въ первый разъ былъ сожженъ полкомъ князя ростовскаго Константина, какъ городъ, принадлежавшій къ волости его брата Юрія и находившійся, по всему вѣроятію, на границѣ или близь границы ихъ волостей; во второй разъ опустошенъ былъ татарами, когда онъ еще не успѣлъ возобновиться вполнѣ въ прежнемъ своемъ видѣ послѣ перваго бѣдствія Въ разрушенномъ видѣ его и нашелъ Ярославъ Всеволодовичъ, обновитель Суздальской земли послѣ разгрома батыева. Ярославъ Всеволодовичъ, желая возобновить и устроить Кострому, перенесъ ее, по нашему заключенію, на новое мѣсто, болѣе удобное для сношеній при сліяніи р. Костромы съ Волгой, точно такъ же, какъ перенесъ онъ и Тверь, построилъ въ Костромѣ первую церковь во имя св. великомученика Ѳеодора Стратилата, имя котораго онъ получилъ при крещеніи, и затѣмъ послѣднему, девятому изъ своихъ сыновей Василію отдалъ Кострому удѣломъ, и съ этого времени, съ половины XIII в., получило начало костромское княжество, нѣсколькими годами позднѣе галицкаго, отданнаго Ярославомъ 4-му сыну Константину. Къ этому присоединимъ еще, что прежнее мѣсто Костромы не пришло въ совершенное запустѣніе, но можетъ быть коренными жителями опять здѣсь было устроено селеніе въ видѣ городка, которое было населено торговымъ народомъ и въ началѣ

XIV вѣка, на что ясно указываютъ найденныя здѣсь при распашкѣ поля монеты, относящіяся по нашему мнѣнію къ XIV в.

Съ теченіемъ времени, съ явленіемъ Ѳеодоровской иконы Божіей Матери, съ основаніемъ новой соборной церкви княземъ Василіемъ Ярославичемъ, когда нынѣшній городъ Кострома сталъ быстро распространяться, старый городокъ началъ болѣе и болѣе пустѣть и терять свое значеніе и наконецъ, можетъ быть послѣ пожара, которые часто въ древности истребляли цѣлые города и селенія на Руси, совсѣмъ опустѣлъ и вполнѣ уступилъ свое значеніе новому городу Костромѣ на лѣвомъ берегу Волги.

II. Періодъ владимірскій въ исторіи Костромы.

а) Княженіе Василія Ярославича Костромскаго.

У Великаго Князя Ярослава Всеволодовича было девять сыновей: Ѳедоръ, Александръ Невскій, Андрей Суздальскій, Константинъ Галицкій, Аѳанасій, Даніилъ, Михаихъ, Ярославъ Тверскій, Василій Костромскій (*) Послѣдній изъ сыновей Ярослава Всеволодовича Василій Костромскій родился 1241 г., какъ единогласно свидѣтельствуютъ лѣтописи. Въ приведенномъ перечнѣ сыновей Ярослава Всеволодовича мы въ первый разъ встрѣчаемъ названія: Галицкій, Тверскій, Костромскій. Изъ этого заключаемъ, что при Ярославѣ Всеволодовичѣ образовались удѣльныя княжества: Галицкое, Тверское и Костромское. Въ предыдущей статьѣ мы уже приводили мѣсто изъ лѣтописи, гдѣ говорится объ образованіи тверскаго княжества, даннаго удѣломъ Ярославу Ярославичу. Нѣсколько ранѣе, нужно думать, Ярославъ Всеволодовичъ отдалъ удѣломъ четвертому сыну Константину Галичъ. Для послѣдняго сына онъ устроилъ Кострому и отдалъ ее удѣломъ Василію, который въ лѣтописяхъ именуется Мизиннымъ, т. е. самымъ меньшимъ. Въ просторѣчіи онъ носилъ прозвище: «Квашня». Въ ростовской области княжила особая линія потомковъ Константина Всеволодовича и въ XIII в. одинъ изъ потомковъ его Глѣбъ Васильковичъ получаетъ удѣломъ Бѣлозерскъ. Такимъ образомъ Ростовско-Суздальская земля въ XIII в. раздробилась на многіе удѣлы между потомками Всеволода Юрьевича (Большое Гнѣздо).

Неизвѣстно опредѣленно, когда Василій Ярославичъ получилъ удѣломъ Кострому, но во всякомъ случаѣ до 1248 г.,—года смерти Ярослава Всеволодовича. Слѣдовательно Василій былъ назначенъ костромскимъ княземъ еще отрокомъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XIII в. Василій могъ уже прибыть въ Кострому и

(*) Воскр. лѣтоп., т. 7, стр. 236.

начать княжить здѣсь. Слѣдовательно образованіе самостоятельнаго княженія костромскаго слѣдуетъ относить къ началу второй половины XIII в. Образованіе новаго княжества костромскаго было освящено явленіемъ Василію Ярославичу чудотворной иконы Божіей Матери. Годъ явленія иконы вполнѣ опредѣленно неизвѣстенъ, но можно съ полной увѣренностью полагать, что это чудесное событіе, служившее санкціею для новаго города и княжества костромскаго, совершилось въ началѣ княженія Василія Ярославича, т. е. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XIII ст. Въ повѣсти о явленіи Θеодоровской иконы Б. М. повѣствуется слѣдующее объ этомъ событіи: (*) «князь Василій однажды отправился за городъ на охоту. Недалеко отъ города (егда бѣ внѣ града поприще едино) псы начали сильно лаять. Князь поспѣшилъ на то мѣсто и узрѣлъ пречудную икону Пречистыя Богородицы, стоящую на сосновомъ деревѣ. Сошедъ съ коня, князь хотѣлъ взять св. икону, но икона поднялась кверху и не далась ему въ руки. Князь началъ изливать теплыя молитвы со слезами предъ св. иконой и вторично покусился взять ее, но не получилъ желаемаго и второй разъ. Онъ поспѣшилъ въ городъ и повѣдалъ о чудесномъ явленіи протопопу, повелѣлъ ему съ крестами и священнымъ соборомъ идти немедленно на то мѣсто, гдѣ явилась ему икона, и самъ со множествомъ народа отправился туда. Послѣ молебствія священники взяли св. икону, принесли ее въ городъ и поставили въ соборной церкви св. великомученика Θеодора Стратилата. Чрезъ нѣсколько времени пришли жители изъ города Городца и, увидѣвъ въ церкви Θеодора св. икону, признали въ ней икону, бывшую въ ихъ городѣ; но, сказали они, икона эта не обрѣтается у нихъ со времени раззоренія Городца татарами". Далѣе въ повѣсти разсказывается о чудесномъ знаменіи отъ св. иконы Θеодоровской: «пріидоша поганіи татары на градъ Кострому и князь Ва-

(*) Истор. описаніе Костром. успен. собора свящ. Островскаго, стр. 1 и слѣд.

силій пойде противу ихъ. Икону же тую Богоматери повелѣлъ предъ собою носити. И тогда видѣша поганіи отъ иконы лучи огненные и видѣвше смутишася и на бѣжаніе устремишася. Князь же гнаше вслѣдъ ихъ и многихъ поби и живыхъ поима" (*) Потомъ кн. Василій повелѣлъ устроить церковь соборную каменную во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія. Въ придѣлѣ соборной церкви князь повелѣлъ устроить церковь во имя Θеодора Стратилата. Первая древняя соборная церковь Θеодора Стратилата, куда вначалѣ была принесена св. икона, предъ тѣмъ сгорѣла, но „икона", какъ говорится въ повѣсти, „не вредимою пребысть отъ огня". Трудно опредѣлить, о какомъ нашествіи татаръ здѣсь повѣствуется. По крайней мѣрѣ на это нѣтъ точныхъ указаній въ лѣтописяхъ, но можно думать, что это было нашествіе не татаръ собственно, но бесерменскихъ купцовъ, которымъ татары отдавали на откупъ дань съ русскихъ областей. Изъ лѣтописей мы знаемъ, что противъ Бесерменъ бывали возмущенія въ разныхъ городахъ ростовскихъ и суздальскихъ. Такъ подъ 1262 г. въ Воскр. лѣтописи повѣствуется: „избави Богъ отъ лютаго томленія бесерменскаго люди ростовскія земли молитвами св. Богородицы и вложи ярость христіаномъ въ сердце, не можаху бо терпѣти насилія поганыхъ и созвонивше вѣче и выгнаша ихъ изъ градовъ изъ Ростова, изъ Володимеря, изъ Суздаля, изъ Ярославля, изъ Переяславля. Человѣколюбецъ Богъ избави люди своя отъ великія бѣды". Подобное же событіе, или нападеніе Бесерменъ могло быть въ тоже время и на Кострому, которую также «избави Богъ отъ лютаго томленія бесерменскаго молитвами св. Богородицы», по выраженію лѣтописца. Изъ событій времени удѣльнаго княженія Василія Ярославича намъ извѣстны: во 1-хъ бракъ его въ 1266 г. Вѣнчанъ онъ былъ въ Костромѣ въ церкви св. Θеодора епископомъ ростовскимъ Игнатіемъ. Во

(*) Эта побѣда была одержана Василіемъ Ярославичемъ при озерѣ неблизко отъ Костромы, получившемъ отъ того названіе „Святое".

2-хъ—заступничество его за новгородцевъ предъ татарами по слѣдующему случаю: новгородцы за разныя притѣсненія и насилія изгнали В. Кн. Ярослава Ярославича и предложили княжить у нихъ кн. переяславскому Димитрію Александровичу, сыну Александра Невскаго. Но Димитрій отвѣчалъ новгородцамъ отказомъ, огорчившимъ ихъ. Въ это время они получаютъ отъ Василія Ярославича извѣстіе, что В. Кн. Ярославъ Ярославичъ готовится къ походу на нихъ съ полками монголовъ и съ союзными князьями. При этомъ Василій успокоивалъ новгородцевъ, говоря, „что св. Софія его отчина и онъ готовъ служить ей и имъ". Василій отправляется въ орду въ сопровожденіи бояръ: Петрила Рыгача и Михаила Пинящинича. Тамъ тысяцкій новгородскій Ратиборъ, преданный Великому Князю, успѣлъ уже вооружить хана противъ новгородцевъ. Онъ наговорилъ хану на своихъ соотечественниковъ, что они изгнали В. Князя и домы наши разграбили и даже хотѣли умертвить насъ за то, что мы требовали съ нихъ для тебя дани. Ханъ, повѣривъ Ратибору, уже отправилъ полки свои на новгородцевъ наказать ихъ за ослушаніе, но Василій убѣдилъ хана, что новгородцы были правы, изгнавъ Ярослава изъ Новгорода, и успокоенный ханъ велѣлъ полкамъ своимъ возвратиться въ орду. За эту услугу Василій Ярославичъ надѣялся получить отъ новгородцевъ себѣ ихъ княженіе. Новгородцы между тѣмъ приготовились къ отраженію враговъ. Кн. Ярославъ приближался уже къ Новгороду, но узнавъ, что новгородцы приготовились къ отчаянной защитѣ, отступилъ къ Русѣ. Здѣсь, при участіи митрополита Кирилла, новгородцы заключили съ В. Кн. миръ. Грамата этого мирнаго договора сохранилась и въ ней, между прочими условіями, говорится, „чтобы В. Князь пословъ и купцовъ новгородскихъ, остановленныхъ въ Костромѣ и въ другихъ низовскихъ городахъ, выпустилъ съ ихъ имѣніемъ" (*). Отсюда мы

(*) Собр. гос. грам. и договор., ч. 1, № 3.

заключаемъ, что рать В. Князя Ярослава Ярославича была въ это время отправлена къ Костромѣ и къ другимъ низовскимъ городамъ съ цѣлію перехватить здѣсь пословъ и купцовъ новгородскихъ. В. Кн. Ярославъ былъ снова принятъ новгородцами. Но теперь онъ жилъ здѣсь только нѣсколько мѣсяцевъ и потомъ уѣхалъ въ стольный городъ Владиміръ. В. Кн. Ярославъ Ярославичъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, старался угождать хану и въ 1272 г. съ братомъ своимъ Василіемъ Ярославичемъ Костромскимъ и племянникомъ Димитріемъ Александровичемъ отправился въ орду, но на возвратномъ пути оттуда скончался. На великое княженіе владимірское вступилъ теперь, по праву старшинства, слѣдующій за Ярославомъ Ярославичемъ братъ его Василій Ярославичъ Кн. Костромскій. Онъ не перемѣнилъ своей резиденціи, но, будучи и великимъ княземъ, продолжалъ жить въ Костромѣ. Такимъ образомъ, хотя стольнымъ городомъ великокняжескимъ, считался Владиміръ, но, такъ какъ В. Князь теперь жилъ въ Костромѣ, то фактически Кострома сдѣлалась столицею великаго княженія и всей тогдашней русской земли и оставалась съ этимъ значеніемъ въ теченіи пяти лѣтъ, т. е. въ продолженіи великаго княженія Василія Костромскаго отъ 1272 г. по 1276 г. включительно.

Вступивъ на великокняжескій престолъ, Василій Ярославичъ желалъ княжить и въ Новгородѣ, но здѣсь ему явился соперникомъ племянникъ его Димитрій Александровичъ переяславскій. Послѣдній прислалъ пословъ въ Новгородъ, желая самъ княжить здѣсь. Въ свою очередь прислалъ въ Новгородъ пословъ и Василій Ярославичъ „хотя сѣсти на столѣ". Послы отъ обоихъ князей сошлись на Ярославовомъ дворѣ. Посадникъ новгородскій Павша былъ на сторонѣ Димитрія и новгородцы, по совѣту его, дали свое княженіе Димитрію, отправивъ за нимъ своихъ пословъ. Кн. Димитрій прибылъ въ Новгородъ и сѣлъ на столѣ. Узнавъ объ отъѣздѣ Димитрія въ Новгородъ, Кн. Василій послалъ вслѣдъ

за нимъ воеводу своего Семена, а самъ пошелъ къ Переяславлю и отсюда къ Торжку. У Торжка онъ сжегъ посадъ, посадилъ намѣстника своего въ городѣ и пошелъ назадъ въ Кострому. Между тѣмъ тверской князь Святославъ Ярославичъ, дѣйствуя за одно съ дядей, началъ опустошать волость новгородскую Димитрій Александровичъ съ новгородцами идетъ къ Твери, а къ князю Василію отправляетъ пословъ сказать: „зачѣмъ захватилъ волости новгородскія? Отдай ихъ назадъ, а со мной примирись". В. Кн. Василій отпустилъ пословъ съ честію, но на миръ не согласился. Новгородцы съ княземъ Димитріемъ остановились въ Торжкѣ и здѣсь произошла перемѣна. Они пришли къ убѣжденію, что имъ необходима дружба Великаго Князя: „купцовъ нашихъ", говорили они, „грабятъ теперь въ суздальской землѣ, въ Новгородѣ же вздорожалъ хлѣбъ". Они рѣшили исполнить волю Василія и отдать ему свое княженіе. кн. Димитрій уступилъ новгородскій столъ дядѣ и ушелъ изъ Новгорода. Павша, вѣрный Димитрію, лишенъ былъ посадничества, которое было вручено Михаилу Мишиничю. Новгородцы послали за княземъ Василіемъ и съ посадникомъ Михаиломъ цѣловали на вѣрность ему образъ господень въ Торжкѣ. Лишенный посадничества, Павша бѣжалъ было сначала къ кн. Димитрію, но, боясь остаться изгнанникомъ, отправился къ В. Князю въ Кострому и прибѣгъ къ его милости. По предложенію великодушнаго В. Кн. Василія, новгородцы опять дали посадничество Павшѣ, возвративъ его изъ Костромы, и онъ былъ посадникомъ въ Новгородѣ до своей смерти въ 1274 г. Потомъ посадничество снова было отдано Михаилу Мишиничу. По случаю кончины Павши, В. К. Василій второй разъ былъ въ Новгородѣ въ 1274 г.

Время великаго княженія Василія Ярославича ознаменовано въ исторіи знаменитымъ духовнымъ соборомъ, составленнымъ во Владимірѣ въ 1274 г. подъ предсѣдательствомъ митрополита Кирилла, прибывшаго въ это время изъ Кіева во Владиміръ. Мит-

рополитъ Кириллъ, узнавъ о разныхъ безпорядкахъ въ церковныхъ дѣлахъ, желалъ исправить ихъ и съ этою цѣлію созвалъ во Владимірѣ соборъ епископовъ, чтобъ сообща обсудить всѣ недостатки церковные и выработать церковныя правила (*) Въ составленныхъ на соборѣ правилахъ митрополитъ замѣчаетъ, что разныя бѣдствія, постигшія отечество наше, служили наказаніемъ за нарушеніе уставовъ церкви и за то, что донынѣ уставы церковные были омрачены облакомъ эллинской мудрости. Находя, что нравственность народа зависитъ отъ нравственнаго уровня духовенства, митрополитъ повелѣваетъ давать священный санъ людямъ съ безупречной нравственностью. Епископамъ строго запрещалось брать деньги съ новопоставленныхъ священниковъ, кромѣ опредѣленной пошлины; предписывалось священникамъ неуклонно исполнять свои обязанности. Еще митрополитъ вооружается противъ разныхъ языческихъ празднествъ, игрищъ и обрядовъ, остающихся въ народѣ и предписываетъ духовенству искоренять ихъ. Вообще митрополитъ Кириллъ соборными правилами хотѣлъ возвысить нравственность народа, ставя ее въ зависимость отъ нравственнаго уровня духовенства. Такое важное значеніе въ исторіи русской церкви и русскаго государства имѣлъ сборъ при Василіи Ярославичѣ въ 1274 г. Въ слѣдующемъ 1275 г. В. Кн. Василій предпринялъ путешествіе въ орду на поклонъ хану, по установленному тогда обычаю князей русской земли отправляться отъ времени до времени въ орду чествовать хана дарами. Можетъ быть это путешествіе имѣетъ связь съ вторичною переписью, произведенною въ это время чиновниками татарскими, или баскаками во всѣхъ россійскихъ областяхъ для сбора дани. По возвращеніи изъ орды въ началѣ 1277 г. въ январѣ мѣсяцѣ скончался В Кн. Василій Ярославичъ на 37-мъ году жизни, пробывъ великимъ княземъ пять лѣтъ. Такъ какъ онъ постоянно жилъ въ Костромѣ,

(*) Исторія Карамзина. т. IV, гл. 4.

то и скончался здѣсь и былъ погребенъ въ церкви св. Ѳеодора. На погребеніе его съѣхались многіе князья: Борисъ и Глѣбъ ростовскіе, сынъ князя Іоанна Стародубскаго Михаилъ, кн. Димитрій Александровичъ, Ѳеодоръ Ростиславичъ ярославскій и множество бояръ. Погребеніе совершалъ Епископъ Игнатій съ игуменами и прочимъ духовенствомъ. Горесть народа по В. Князѣ была такъ велика, что за сильнымъ плачемъ не слышно было пѣнія. Лѣтописцы характеризуютъ кн. Василія милостивымъ и набожнымъ. Доказательствомъ первой черты его характера служитъ милость, оказанная имъ посаднику новгородскому Павшѣ, второй—упомянутый нами духовный соборъ, созванный въ его княженіе во Владимірѣ. Мѣсто, гдѣ погребенъ кн. Василій и гдѣ почиваетъ его прахъ, въ точности неизвѣстно теперь, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что прахъ его покоится донынѣ подъ теперешней церковью Богоотцевской, устроенной впослѣдствіи на мѣстѣ древней церкви св. Ѳеодора Стратилата. Мы слышали даже преданіе отъ прошлаго столѣтія, что, во время исправленія фундамента нынѣшней церкви, находили признаки гроба или склепа, гдѣ покоится очевидно прахъ достопамятнаго въ исторіи Костромы и въ русской исторіи В. Князя Василія Ярославича Костромскаго.

б) Событія въ Костромскомъ и Галицкомъ княжествахъ по смерти Василія Ярославича Костромскаго.

По смерти Василія Ярославича на великокняжескомъ владимірскомъ столѣ сѣлъ племянникъ его, сынъ Александра Невскаго, Димитрій. Новгородцы также признали Димитрія своимъ княземъ. Изъ лѣтописи не видно, чтобы тотчасъ по смерти Василія Ярославича (Квашни) Кострома была отдана кому либо изъ князей (*). Видно, что она опять на нѣкоторое время принадлежитъ исключи-

(*) Такъ какъ неизвѣстно, чтобы у Василія Ярославича были дѣти.

тельно В. Князю владимірскому Димитрію, который, подобно дядѣ своему Василію, жилъ не во Владимірѣ, но въ прежнемъ своемъ городѣ Переяславлѣ. Между тѣмъ въ Галичѣ княжила въ это время линія Константина Ярославича. По крайней мѣрѣ подъ 1280 г. встрѣчаемъ въ лѣтописи (*) извѣстіе о кончинѣ князя Давида Константиновича галицкаго и дмитровскаго, внука Ярослава Всеволодовича. Онъ былъ вторымъ княземъ галицкимъ.

Вскорѣ по вступленіи на великокняжескій престолъ Димитрія, младшій братъ его Андрей Александровичъ городецкій, по совѣту боярина крамольника Семена Тонгліевича и другихъ бояръ, началъ искать подъ старшимъ братомъ своимъ, вопреки установленному порядку, великаго княженія у хана. Помощію лести и даровъ онъ успѣлъ получить ярлыкъ отъ хана на великое княженіе и привелъ съ собою на великаго князя рать татарскую подъ предводительствомъ Кавгадыя и Алчедая. Сначала онъ подступилъ къ Мурому и съ нимъ Семенъ Тонгліевичъ и другіе бояре крамольники, а затѣмъ пошелъ къ Переяславлю. Татары разсыпались по суздальской землѣ и опустошили въ ней много городовъ и волостей. Кн. Димитрій искалъ спасенія у новгородцевъ, но новгородцы не приняли его, вспоминая прежнія обиды. Они призвали къ себѣ на княженіе Андрея Александровича. Узнавъ объ уходѣ татаръ въ орду, кн. Димитрій возвратился въ свой Переяславль и началъ готовить рать на Андрея. Андрей поспѣшилъ въ орду, получилъ здѣсь снова отъ хана вспомогательное войско, которое опять опустошило суздальскую землю и направилось къ Переяславлю. Димитрій въ свою очередь прибѣгъ къ помощи татаръ и отправился къ хану Ногаю, господствовавшему въ это время въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи. Ногай возвратилъ великокняжескій престолъ Димитрію Новый ханъ золотой орды Туданъ Мангу, боясь Ногая, не могъ противиться его волѣ. На нѣкоторое время братья примирились и Андрей отказался отъ великаго кня-

(*) Воскресен. лѣтоп.

женія въ пользу брата Димитрія. Тогда въ Костромѣ была совершена смертная казнь надъ крамольникомъ бояриномъ Семеномъ Тонгліевичемъ. Этотъ льстивый бояринъ, по совѣту котораго Андрей началъ вражду съ старшимъ братомъ своимъ Димитріемъ, причинившую много зла суздальской землѣ, жилъ теперь въ великокняжескомъ городѣ Костромѣ. Примирившись съ братомъ, в. кн. Димитрій послалъ въ Кострому своихъ бояръ Антона и Ѳеофана убить тамъ „крамольника льстиваго" Семена Тонгліевича. Повелѣніе в. князя было исполнено. Бояре, тайно схвативъ Семена, старались вывѣдать отъ него: не имѣетъ ли князь Андрей новыхъ замысловъ? Но Семенъ отвѣчалъ: „я ничего не знаю. Братья ссорятся, братья мирятся, а мое дѣло вѣрно служить Государю". Не признавая себя виновнымъ въ томъ, чтобы Андрей по его совѣту призывалъ татаръ, онъ отвѣчалъ на всѣ угрозы бояръ: «и такъ великій князь не боится вѣроломства? Клялся быть другомъ Андрея и грозитъ казнію его боярамъ»! Очевидно, что Семенъ Тонгліевичъ считалъ безопаснымъ свое пребываніе въ великокняжескомъ городѣ Костромѣ, надѣясь на заключенный между братьями миръ. Но посланные бояре умертвили его здѣсь по повелѣнію в. князя Димитрія 1283 г. Кн Андрей немогъ противиться волѣ хана и уступилъ Димитрію даже и Новгородъ, удовольствовавшись по прежнему Городцемъ. Но втайнѣ онъ продолжалъ питать злобу на брата и снова началъ снискивать расположеніе у татаръ. Сначала хитрыми происками онъ привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей, въ особенности Ѳеодора Ростиславича Ярославскаго. Андрей и Ѳеодоръ очернили Димитрія предъ Ногаемъ и Ногай отправилъ войско на помощь имъ подъ предводительствомъ Дюденя, брата хана Тогты. Это нашествіе татаръ было въ 1293 г. В. кн. Димитрій жилъ въ это время въ Переяславлѣ. Сыну же своему Іоанну Димитріевичу онъ далъ въ этотъ годъ въ удѣлъ Кострому, на что имѣемъ ясное свидѣтельство лѣтописи

подъ 1293 г.: «сѣде на Костромѣ князь Іоаннъ Дмитріевичъ»(*). Этотъ князь очевидно былъ вторымъ самостоятельнымъ княземъ Костромскимъ. Между тѣмъ татары уже шли возвести Андрея на великое княженіе и начали опустошать землю суздальскую. Князь Димитрій изъ Переяславля бѣжалъ во Псковъ. Новгородцы объявили Андрею, что они признаютъ его своимъ княземъ. Андрей прибылъ въ Новгородъ, а союзникъ его Ѳеодоръ Ростиславичъ взялъ себѣ Переяславль Залѣсскій 1294 г. По уходѣ татаръ, князь Димитрій спѣшилъ въ свой удѣлъ Переяславль, но былъ на пути захваченъ братомъ Андреемъ. Впрочемъ Андрей оставилъ въ своихъ рукахъ только казну брата, а Димитрій былъ освобожденъ и ушелъ въ Тверь. Онъ уступилъ Андрею великое княженіе и самъ шелъ въ Переяславль (**). Но на пути къ Переяславлю онъ умеръ, принявши монашество. По смерти Димитрія Андрей Александровичъ уже по праву вступаетъ на великое княженіе. Іоаннъ Дмитріевичъ Костромскій по смерти отца очевидно получилъ свой родовой Переяславль, а Кострома была отдана великимъ княземъ Андреемъ сыну своему Борису, но не ранѣе 1299 или 1300 г. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключить изъ сказаній лѣтописныхъ: подъ 1299 князь Борисъ упоминается въ лѣтописяхъ еще въ качествѣ намѣстника великаго князя въ Новгородѣ; подъ 1302 г. въ лѣтописяхъ (***) находимъ извѣстіе о кончинѣ князя Іоанна Дмитріевича въ Переяславлѣ, въ сказаніи же, относящемся къ февралю мѣсяцу слѣдующаго 1303 г. (****), находимъ извѣстіе о кончинѣ князя Бориса Андреевича *на Костромѣ*. Такой порядокъ преемственности князей въ Костромѣ: Бориса Андреевича, княжившаго послѣ Іоанна Дмитріевича чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени, но еще до

(*) Лаврент. лѣтоп.

(**) Переяславль между тѣмъ былъ сожженъ предъ тѣмъ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ, который по условію долженъ былъ оставить его.

(***) Воскр. лѣтоп.

(****) Лавр. лѣтоп.

смерти Іоанна Дмитріевича, получившаго очевидно по смерти отца Переяславль *вмѣсто* Костромы, гдѣ сѣлъ потомъ Борисъ Андреевичъ, гораздо естественнѣе, чѣмъ тотъ порядокъ, который приводится въ очеркахъ исторіи Костромы. Здѣсь говорится, что Борисъ Андреевичъ будто по смерти Іоанна Дмитріевича 1302 получилъ Кострому и что будто ранѣе Кострома была присоединена Іоанну къ удѣлу Переяславскому. Скорѣе здѣсь слѣдуетъ допускать замѣну одного удѣла другимъ, т. е что Переяславль былъ данъ Іоанну Дмитріевичу вмѣсто Костромы, отданной потомъ великимъ княземъ Андреемъ сыну своему Борису. Борисъ Андреевичъ былъ такимъ образомъ третьимъ самостоятельнымъ Костромскимъ княземъ. Такой порядокъ полученія удѣловъ вполнѣ соотвѣтствовалъ тогдашнему обычаю такъ называемаго лѣствичнаго восхожденія князей, т. е. когда вступалъ на престолъ новый великій князь, остальные князья передвигались съ худшихъ на лучшіе удѣлы по старшинству. Итакъ въ Костромѣ княжили: 1-й князь Василій Ярославичъ Костромскій въ началѣ второй половины XIII в. и, со включеніемъ его великаго княженія, по 1277 г. Послѣ него Кострома находилась въ непосредственномъ владѣніи великаго князя владимірскаго до 1293 г., когда ее получилъ въ удѣлъ Іоаннъ Дмитріевичъ сынъ великаго кн. Димитрія Александровича. Онъ княжилъ здѣсь до смерти своего отца, послѣ чего получилъ Переяславль какъ родовой удѣлъ послѣ отца, а Кострому чрезъ нѣсколько времени, можетъ быть въ 1300 г., получилъ кн. Борисъ Андреевичъ и княжилъ здѣсь до начала 1303 г.

Подъ 1304 г. въ лѣтописи (*) повѣствуется о слѣдующемъ событіи въ Костромѣ: іюля 23 была страшная гроза и туча велика нашла отъ востока, молнія ударила въ маковицу церкви св. Ѳеодора и зажгла ее, а до вечерни церковь сгорѣла.

По кончинѣ в. к. Андрея Александровича, великокняжескій престолъ, по праву старѣйшинства, долженъ былъ перейти къ

(*) Воскр. лѣтоп.

тверскому князю Михаилу Ярославичу, но усилившійся къ тому времени московскій князь, двоюродный племянникъ Михаила Ярославича, Юрій Даниловичъ началъ домогаться великаго княженія у хана подъ Михаиломъ. Съ 1304 г. начинается знаменитая усобица между этими князьями изъ за великаго княженія. Оба князя отправились на судъ къ хану. Города русскіе раздѣлились: одни были за Юрія, другіе за Михаила. Кострома была въ числѣ городовъ, преданныхъ Михаилу. По этому, когда Юрій Даниловичъ прислалъ въ Кострому княжить брата своего Бориса Даніиловича, граждане костромскіе схватили его и отправили въ Тверь. Во многихъ областяхъ и городахъ во время этой усобицы было безначаліе и неустройство; оба князя были въ ордѣ и искали у хана великаго княженія, а между тѣмъ бояре своевольничали по городамъ и вооружали тѣмъ противъ себя чернь. Извѣстно, что во время этого безначалія въ Костромѣ собралось вѣче противъ бояръ: Давида Явидовича, Жеребца и другихъ, вѣроятно, или бывшихъ на сторонѣ Юрія или своевольничавшихъ здѣсь, пользуясь безначаліемъ. Нѣкоторые изъ этихъ бояръ были казнены жителями Костромы. Подобная же ненависть черни противъ бояръ проявилась и въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ черные люди побили бояръ. Споръ между князьями на первый разъ былъ рѣшенъ ханомъ въ пользу кн. Михаила тверскаго, и послѣдній сѣлъ на великомъ княженіи владимірскомъ.— Изъ событій исторіи Галича, слѣдовавшихъ по хронологическому порядку, подъ 1310-мъ г., въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ извѣстіе о рожденіи у галицкаго князя Василія Константиновича, внука Ярослава Всеволодовича, сына Ѳеодора. Отсюда заключаемъ, что послѣ смерти галицкаго князя Давида Константиновича въ 1280 г., въ Галичѣ княжилъ братъ его Василій Константиновичъ, который такимъ образомъ былъ третьимъ галицкимъ княземъ.

Споръ изъ за великаго княженія чрезъ нѣсколько времени опять возобновился между Михаиломъ тверскимъ и Юріемъ мос-

ковскимъ. Юрій опять идетъ въ орду, чтобы очернить предъ ханомъ своего соперника и помощію даровъ получаетъ великое княженіе. Лѣтописецъ тверской повѣствуетъ, что въ 1317 г. возвратился изъ орды князь Юрій съ ханскимъ посломъ Кавгадыемъ. Князь Михаилъ встрѣтилъ ихъ съ князьями суздальскими у преданнаго ему города Костромы. Долго стояли князья съ своими ратями „о Волгу (*)", по выраженію лѣтописца, и при посредствѣ Кавгадыя примирились, при чемъ кн. Михаилъ уступилъ Юрію великое княженіе, а самъ ушелъ въ Тверь. Князь же Юрій, соединившись у Костромы съ князьями суздальскими, пошелъ къ Ростову, потомъ къ Переяславлю и повсюду началъ производить опустошенія въ городахъ, очевидно преданныхъ Михаилу. Не смотря на уступку со стороны кн. Михаила, Юрій съ князьями суздальскими вторгся въ тверскія волости Михаила, началъ опустошать ихъ и подступилъ къ Твери. Михаилъ Ярославичъ выступилъ на бой съ нимъ и одержалъ надъ соперникомъ побѣду, взявши въ плѣнъ посла ханскаго Кавгадыя и жену князя Юрія, сестру хана Узбека, Кончаку, которая вскорѣ умерла въ Твери. Тогда Юрій Даниловичъ въ 1318 г. снова отправляется вмѣстѣ съ Кавгадыемъ, освобожденнымъ Михаиломъ изъ плѣна, въ орду возвести предъ ханомъ на Михаила тяжкія обвиненія, между прочимъ и въ отравленіи Кончаки. Въ этомъ году изъ орды прибылъ лютый ханскій посолъ именемъ Кочка, напалъ сначала на Кострому, какъ городъ преданный кн. Михаилу, и убилъ здѣсь 120 человѣкъ; затѣмъ подступилъ онъ къ Ростову и разграбилъ

(*) Это выраженіе лѣтописца можно понимать такъ, что князья съ ратями стояли на противоположныхъ сторонахъ Волги. Предлогъ о съ винительнымъ падежемъ употребляется въ значеніе смежности: жить объ стѣну, т. е. въ помѣщеніяхъ смежныхъ по ту и другую сторону стѣны. Понимая такъ выраженіе лѣтописца, мы можемъ догадываться, что въ описываемое имъ время и на другой сторонѣ Волги т. е. на правой, было селеніе, какъ остатокъ древняго городка Костромы, гдѣ стоялъ долго Юрій съ татарами. Не отъ этого ли времени сохранились здѣсь въ почвѣ раньше упомянутыя нами монеты?

его: отрабилъ церкви, пожегъ монастыри и людей взялъ въ плѣнъ. Споръ между князьями изъ за великаго княженія кончился трагическимъ событіемъ въ русской исторіи — казнью въ ордѣ кн. Михаила тверскаго. Великокняжескій столъ получилъ Юрій московскій. Слѣдовательно и Кострома, не имѣвшая теперь самостоятельнаго князя, волей неволей должна была подчиниться князю Юрію Даниловичу.

Подъ 1320 г. въ лѣтописяхъ повѣствуется о слѣдующемъ событіи въ Костромѣ: князь Константинъ Михаиловичъ (тверскій) вступилъ здѣсь въ бракъ съ дочерью великаго кн. Юрія Софіею и вѣнчанъ былъ въ церкви св. Ѳеодора, вѣроятно, устроенной вновь послѣ пожара 1304 г. (*) Почему этотъ бракъ состоялся въ Костромѣ, а не въ стольномъ Владимірѣ или не въ Москвѣ, неизвѣстно.

Въ то время, когда в. кн. Юрій Даниловичъ, примирившись съ другимъ соперникомъ своимъ княземъ тверскимъ Дмитріемъ Михаиловичемъ, сыномъ Михаила Ярославича тверскаго, былъ въ Новгородѣ, братъ его Іоаннъ Даниловичъ прибылъ изъ орды съ сильнымъ посломъ ханскимъ Ахмыломъ, который, желая водворить благоустройство въ великомъ княженіи, многія пакости чинилъ по низовской землѣ, по выраженію лѣтописца, взялъ Ярославль и многихъ христіанъ избилъ. По всему вѣроятію, этому бѣдствію въ 1322 г. подверглась и Кострома, какъ городъ въ низовской землѣ на пути къ Ярославлю. По кончинѣ в. кн. Юрія, убитаго въ ордѣ сыномъ Михаила тверскаго Дмитріемъ Грозныя Очи 1325 г., опять чрезъ нѣсколько времени начинается борьба за

(*) Мы не думаемъ, чтобы этимъ именемъ называлась новая соборная церковь Успенія, построенная Василіемъ Костромскимъ, какъ говорится въ Пам. книж. Костр. губ. на 1862 г., на стр. 220-й. Въ повѣсти о явленіи иконы Ѳеодоровской говорится, что древняя церковь св. Ѳеодора дважды сгорѣла, въ первый разъ вскорѣ послѣ явленія иконы, второй разъ очевидно 1304 г. отъ молніи. Слѣдовательно, послѣ перваго пожара она была возобновлена, гдѣ и погребенъ Василій Ярославичъ, и послѣ втораго пожара тоже, вѣроятно, была вскорѣ возобновлена, какъ видно изъ дальнѣйшей исторіи.

III. Періодъ московскій въ исторіи Костромы и Галича.

Іоаннъ Даниловичъ Калита (1328—40 г.), князь собиратель Руси, болѣе мирнымъ способомъ—куплею и мѣною, чѣмъ оружіемъ увеличивалъ свою наслѣдственную волость московскую. О владѣніяхъ Іоанна Калиты мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія изъ его завѣщанія сыновьямъ и княгинѣ. Здѣсь подробно исчисляются волости и села, купленныя и вымѣненныя Іоанномъ Калитою и предназначаемыя сыновьямъ его и княгинѣ. Между прочими здѣсь упоминается и то село, «что есмь купилъ на Костромѣ». Оно назначено было княгинѣ (*). Въ завѣщаніи Димитрія Донскаго упоминается въ числѣ купленныхъ городовъ Калитою Галичъ, проданный Калитѣ однимъ изъ потомковъ Константина галицкаго: «а сына своего Юрія благословляю куплею своего дѣда Галичемъ». Но Калита въ своемъ завѣщаніи не упоминаетъ о городахъ: Владимірѣ, Костромѣ и Переяславлѣ и другихъ городахъ, бывшихъ достояніемъ великокняжескаго сана. Карамзинъ замѣчаетъ, что Іоаннъ Калита, располагая только своею отчиною Москвою съ волостями, не могъ эти города отказать сыновьямъ, ибо назначеніе его преемника зависѣло отъ хана (**). Поэтому въ очеркахъ исторіи Костромы не точно говорится, что изъ завѣщанія Калиты видно, что Кострома и Галичъ принадлежали къ его владѣніямъ (***) Изъ завѣщанія внука Іоанна Калиты Дмитрія Донскаго видно, что только Галичъ принадлежалъ къ владѣніямъ Калиты, но Кострома была городомъ вообще великокняжескимъ и если зависѣла отъ Калиты, то потому только, что Калита теперь былъ великимъ княземъ. Послѣ же него она могла перейти не къ по-

(*) Это Новое сельцо, или Селище на правомъ берегу Волги противъ Костромы, вмѣстѣ съ селомъ Павловскимъ,—покупкою бабки Калиты, жены Александра Невскаго.

(**) Ист., т. IV, стр. 151.

(***) Кстати замѣтимъ здѣсь любопытное свѣдѣніе, что слово Кострома въ это время служило фамиліей; завѣщательную грамату Калиты писалъ дьякъ великокняжескій Кострома.

томкамъ его, а въ зависимость отъ того князя, кто по волѣ хана сядетъ на великомъ княженіи. Послѣ Калиты на великое княженіе сѣлъ сынъ его Симеонъ Гордый. Лѣтописцы говорятъ, что вся Россія испытала при немъ гнѣвъ небесный, именно: болѣзнь, извѣстную подъ названіемъ черной смерти, отъ которой скончался и самъ великій князь 1353 г. (*). Послѣ непродолжительнаго великаго княженія брата Симеона Гордаго Іоанна Іоанновича, въ 1359 г. ханъ отдалъ великое княженіе Димитрію Константиновичу суздальскому, который хотѣлъ возстановить значеніе великокняжескаго города Владиміра, бывшей столицы, но митрополитъ Алексѣй остался въ Москвѣ. Въ княженіе Димитрія Константиновича удѣльные князья явно начали стремиться къ самостоятельности и правнукъ Константина Ярославича галицкаго Димитрій Іоанновичъ получилъ въ ордѣ грамату на свой наслѣдственный удѣлъ Галичъ, не смотря на то, что этотъ городъ былъ купленъ Калитою (**). Въ княженіе великаго князя Димитрія Константиновича въ 1360 г. въ Костромѣ былъ съѣздъ князей по слѣдующему случаю: какіе-то разбойники изъ русскихъ областей напали на болгарскій городъ Жукотинъ близь устья Камы и разграбили его. Жукотинцы принесли жалобу хану. Ханъ отправилъ посла для суда по этому дѣлу и посолъ ханскій прибылъ въ Кострому, куда съѣхались: великій князь Димитрій Константиновичъ, братъ его Андрей Нижегородскій и Константинъ ростовскій. Разбойники были отысканы и выданы болгарамъ, а посолъ ханскій возвратился въ орду. Непродолжительно было великое княженіе Димитрія Константиновича. Князь московскій Димитрій Іоанновичъ, еще будучи тогда отрокомъ, при помощи бояръ московскихъ, оспорилъ предъ ханомъ у Димитрія суздаль-

(*) Въ завѣщаніи Симеона Гордаго упоминается въ числѣ новыхъ волостей ему, принадлежащихъ, купленное село на Костромѣ Александровское.

(**) Продажу Галича Калитѣ Соловьевъ объясняетъ невозможностью галицкому князю платить дань ордѣ.

обходъ по можжевельнику, чтобы ударить въ тылъ костромичамъ, а другіе пошли прямо на нихъ. Воевода костромской Плещей, увидавъ это, не рѣшился вступить въ бой съ новгородцами и, оставивъ городъ на произволъ судьбы, обратился въ бѣгство. Костромичи, оставшись безъ воеводы и не вступивъ въ бой съ врагами, также обратились въ бѣгство; многіе изъ нихъ были избиты, иные разбѣжались по лѣсамъ, другіе попались въ плѣнъ. Разбойники, вступивъ въ городъ и найдя его беззащитнымъ, разграбили все имущество, оставленное жителями. Цѣлую недѣлю они хозяйничали въ городѣ; разыскавъ всѣ спрятанныя богатства и товары, вынесли ихъ на средину города и взяли все лучшее и легчайшее, а что потяжелѣе и лишнее бросили въ Волгу, а иное сожгли; взявъ въ плѣнъ много людей, поплыли съ ними далѣе внизъ по Волгѣ къ Нижнему Новгороду и тамъ много зла причинили. Они доплыли до устьевъ Волги, грабя на пути, но тамъ были всѣ избиты княземъ хазьтороканскимъ (астраханскимъ) Салчѣемъ. Для наказанія новгородцевъ за эту дерзость и за другія ихъ своевольства и для приведенія ихъ въ покорность, кн. Димитрій предпринялъ впослѣдствіи походъ на Новгородъ съ сильною ратью.

Далѣе изъ событій, касающихся отчасти и Костромы, отмѣтимъ подъ 1377 г. слѣдующее: по смерти нареченнаго митрополита Митяя архимандритъ Пименъ, одинъ изъ сопровождавшихъ Митяя въ Царьградъ, хитростью достигъ митрополичьяго сана отъ патріарха царьградскаго Нила и потомъ отправился въ санѣ митрополита въ Русь. В. кн. Димитрій, желая не Пимена митрополитомъ, но Кипріана изъ Кіева, послалъ схватить Пимена въ Коломнѣ, когда онъ прибылъ туда; здѣсь сняли съ него бѣлый клобукъ и низложили съ митрополіи. В. кн. отправилъ его въ заточеніе; Пимена повели мимо Москвы къ Переяславлю, потомъ въ Ростовъ, Кострому и Галичъ и наконецъ заточили въ Чухломѣ, но чрезъ годъ онъ былъ отведенъ въ Тверь.

Одолѣвъ сильныхъ своихъ соперниковъ: князя суздальскаго, рязанскаго и тверскаго и возвративъ подъ свою власть пріобрѣтенія своего дѣда, князь Димитрій еще болѣе усилилъ Москву и теперь уже многіе князья земли русской были подъ его рукою. Димитрій чуствовалъ себя настолько сильнымъ, что рѣшился вступить въ открытую борьбу съ татарами. Но прежде онъ желалъ распространить еще болѣе свои владѣнія и завоевать Болгарію и съ этою цѣлію отправилъ полки свои къ Казани. Казанцы выступили въ поле противъ русскихъ, но были обращены въ бѣгство и болгарскіе владѣтели должны были покориться великому князю, давъ ему окупъ. Ханъ Мамай, узнавъ о рѣшимости русскихъ дѣйствовать силою, отправилъ полки свои противъ великаго князя. На первый разъ русскіе были разбиты, а татары предали разрушенію Нижній Новгородъ. Димитрій Ивановичъ снова собираетъ полки и на р. Вожѣ въ рязанской области наноситъ пораженіе татарамъ. Эта побѣда русскихъ возбудила сильный гнѣвъ Мамая и онъ рѣшился разгромить Русь подобно Батыю. В. князь разсылаетъ гонцевъ по всему великому княженію, призывая отовсюду полки въ Москву. Въ скоромъ времени Москва наполнилась ратными людьми изъ разныхъ городовъ и волостей великаго княженія; прибыли и костромичи съ воеводою Іоанномъ Родіоновичемъ Квашнею. 1380 г. 8 сентября произошла знаменитая не только въ русской, но и во всемірной исторіи битва Куликовская при впаденіи рѣчки Непрядвы въ Донъ (*). Кровопролитіе было страшное: на разстояніи 10 верстъ лилась кровь христіанъ и мусульманъ, но русскіе покрыли себя неувядаемою славою: татары были разбиты и обращены въ бѣгство. Въ этомъ торжествѣ побѣды русскихъ надъ татарами участвовали и костромичи подъ предводительствомъ воеводы Ивана Родіоновича Квашни. По сказаніямъ въ этомъ славномъ бою погибло до 20 знат-

(*) Куликово поле нынѣ въ Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда.

ныхъ костромскихъ бояръ. Куликовская побѣда не избавила Руси отъ тяготѣвшаго надъ нею ига татарскаго. Новый ханъ золотой орды Тохтамышъ потребовалъ на поклонъ къ себѣ въ орду всѣхъ князей русскихъ. Но Димитрій, надѣясь на слабость орды и на свое могущество, отвѣчалъ отказомъ. Тохтамышъ уже замышлялъ походъ на Россію и до великаго князя не замедлила дойти вѣсть о томъ, что Тохтамышъ уже идетъ на Русь. В. князь намѣревался было уже второй разъ выступить въ поле противъ враговъ, но другіе князья не были такъ мужественны и рѣшительны, и великій князь рѣшился лучше защищаться въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, нежели выступать въ поле. Къ тому же послѣ Куликовской битвы оставшіяся войска были распущены по городамъ и волостямъ, много ихъ погибло въ бою; нужно было собирать новую рать и вотъ великій князь Димитрій идетъ изъ Москвы собирать рать сначала въ свой городъ Переяславль и оттуда мимо Ростова спѣшно прибылъ со всѣмъ семействомъ въ Кострому 1382 г. Тохтамышъ уже былъ близь Москвы. Митрополитъ Кипріанъ выѣхалъ изъ столицы. Народъ, оставленный великимъ княземъ и митрополитомъ, волновался. Но воеводой москвитянъ былъ теперь мужественный князь литовскій Остей, присланный вѣроятно кн. Димитріемъ. Онъ своимъ примѣромъ такъ воодушевилъ гражданъ Москвы, что всѣ приступы татаръ были отбиты. Тохтамышъ рѣшился коварствомъ завладѣть Москвою и вступилъ въ притворные переговоры о мирѣ; но едва граждане съ воеводой Остеемъ отворили ворота, какъ татары обнажили мечи, умертвили Остея, ворвались въ городъ и всюду начали производить опустошенія въ столицѣ. Затѣмъ татары разсыпались по областямъ великаго княженія и опустошили другіе города. Но близь Волока были разбиты двоюроднымъ братомъ великаго князя Владиміромъ Андреевичемъ. Тохтамышъ, узнавъ объ этой побѣдѣ отступилъ отъ Москвы и вскорѣ оставилъ Россію. Димитрій Донской, по возвращеніи изъ Костромы, найдя Москву разрушенною

и опустошенною пожаромъ, приступилъ къ возобновленію ея. Митрополитъ Кипріанъ за свое малодушіе былъ лишенъ митрополіи, на которую былъ возведенъ изгнанникъ Пименъ. Когда непримиримый соперникъ Димитрія кн. тверской Михаилъ Александровичъ, желая воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ великаго князя, сталъ снова домогаться у татаръ великаго княженія, в. кн. Димитрій вынужденъ былъ изъявить покорность хану и, получивъ отъ него прощеніе, удержалъ за собою великое княженіе. Теперь онъ рѣшился наказать новгородцевъ за ихъ набѣги на волости великаго княженія и особенно на Кострому. Собравъ сильную рать въ 1386, в. кн. пошелъ на Новгородъ. Новгородцы смирились и обязались повиноваться великому князю, внеся большую сумму въ великокняжескую казну за тотъ ущербъ, какой новгородскіе ушкуйцы причинили областямъ великаго княженія и особенно Костромѣ. Въ 1389 году разболѣлся великій князь Димитрій Донскій. Призвавъ къ себѣ княгиню и дѣтей, онъ сдѣлалъ имъ завѣщаніе: старшаго сына Василія назначилъ на старшій великокняжескій столъ по отчинѣ и дѣдинѣ; далъ ему отчину свою землю русскую, присовокупляетъ лѣтописецъ, а другимъ сыновьямъ роздалъ города своей отчины: второму сыну Юрію далъ городъ Звенигородъ со всѣми пошлинами и Галичъ (*), куплю дѣда своего, «иже нѣколи было княженіе галицкое», замѣчаетъ лѣтописецъ. Остальнымъ сыновьямъ назначилъ другіе города. Великая княгиня Евдокія въ числѣ другихъ волостей получила въ костромскомъ уѣздѣ Иледамъ съ Комелою, изъ Галича —Соль. 1389 г. 19 мая, въ 2 часа ночи, мирно испустилъ духъ доблестный великій князь Димитрій Ивановичъ Донской 40 лѣтъ отъ рожденія. Въ завѣщаніи Димитрія Донскаго не упоминается Костромы; такъ какъ она была своимъ городомъ или достояніемъ

(*) Галичъ былъ отданъ Юрію съ волостями и селами, которыя тянули въ Костромѣ, Никольскимъ и Борисовскимъ.

великаго князя московскаго. По смерти Димитрія Донскаго, на престолъ великокняжескій вступилъ въ 1389 г. старшій сынъ его Василій Дмитріевичъ.

Въ княженіе в. кн. Василія Димитріевича охотно отдалась въ его власть двинская волость, принадлежавшая Новгороду. В. кн. занялъ еще Торжокъ, Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ и Вологду. Новгородцы потребовали отъ великаго князя возвращенія двинской земли, но в. кн. отказалъ. Тогда новгородцы на вѣчѣ положили итти ратію на великаго князя и умереть за правду. Въ 1398 г. подъ предводительствомъ посадника Тимофея Юрьевича и другихъ воеводъ новгородцы въ числѣ 3 тысячъ человѣкъ опустошили сначала бѣлозерскія волости, кубенскія, а потомъ галицкія. Результатомъ похода было подчиненіе снова двинской земли новгороду и великій князь Василій Дмитріевичъ долженъ былъ отказаться отъ нея. Походы новгородцевъ на волости великаго князя и въ частности на галицкія совершались не разъ, но новгородцы были часто съ успѣхомъ отражаемы ратію великаго князя. Отношенія къ ордѣ Василія Дмитріевича были уже почти независимыя. Онъ прекратилъ посылать въ орду дань и хотя въ Москву являлись по временамъ князья татарскіе за данью, но имъ былъ отвѣтъ: великое княженіе московское оскудѣло и не въ силахъ платить дань; послы ханскіе удалялись съ незначительными дарами. Но усилившійся въ то время князь ордынскій Эдигей возобновилъ походы татаръ на Русь съ цѣлію привести ее вновь въ полную покорность и зависимость. 1408 г. сильная татарская рать спѣшно направилась къ Москвѣ. Не успѣвъ собрать достаточную рать къ отраженію врага, великій кн. Василій Дмитріевичъ поступилъ по примѣру своего отца, уѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ свой городъ Кострому, поручивъ защиту Москвы родственникамъ князьямъ, боярамъ и духовенству. По совѣту защитниковъ князей, зажженны были посады вокругъ Москвы; цѣлое моря огня окружало Москву. Между тѣмъ Эдигей приб-

лизился къ Москвѣ и, узнавъ объ отъѣздѣ великаго князя въ Кострому, отправилъ для преслѣдованія его къ Костромѣ тридцатитысячную рать. Татары опустошили многіе города великаго княженія, но не могли достигнуть до Костромы, гдѣ скрывался великій князь, и возратились назадъ. Смуты въ ордѣ и опасенія за то, что великій князь можетъ скоро прибыть изъ Костромы съ сильнымъ войскомъ для спасенія столицы, заставили Эдигея отступить отъ Москвы, но съ москвичей онъ взялъ окупъ въ 3 т. р. Такъ счастливо избавилась Москва и вся Русь отъ этого грознаго врага. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что вся земля была плѣнена, начиная отъ Рязани и до Галича и до Бѣлоозера, „всѣ были въ тугѣ и большой скорби и одержимы печалью". Г. Крживоблоцкій замѣчаетъ: „трудно понять, почему великіе князья избирали Кострому своимъ убѣжищемъ. Были города безопаснѣе и болѣе укрѣпленные. Вѣроятно усердіе и вѣрность костромичей были порукою безопасности"(*) Ясный отвѣтъ на то, почему великіе князья избирали убѣжищемъ Кострому, даетъ лѣтописецъ Воскресенской лѣтописи подъ 1541 г. Митрополитъ московскій говоритъ боярамъ, собравшимся на совѣтъ по случаю нападенія на московское государство крымцевъ: „а въ которые города въ приходы татарскіе государи наши отступали на Кострому и въ иные города, и тѣ города по грѣхамъ нашимъ нынѣча не мирны съ Казанію; а въ Новгородъ и Псковъ государи наши *не отступали литовскаго для рубежа и нѣмецкаго*. Великіе князья съ Москвы съѣзживали, а въ городѣ дядъ и братью свою оставливали". Итакъ, по объясненію лѣтописца, Кострома и др. города, гдѣ укрывались отъ татаръ великіе князья, были мѣстами болѣе безопасными, чѣмъ Новгородъ и Псковъ, находившіеся близъ литовской и нѣмецкой границы. Въ 1410 г. великій князь Василій Дмитріевичъ повелѣлъ срубить городъ Плесъ, вѣроятно, какъ укрѣпленный оплотъ для защиты отъ набѣговъ татарскихъ. Подъ

(*) Стр. 6 „Матеріаловъ". Тоже и въ исторіи Костромы кн. Козловскаго, примѣч. 25.

1416 г. встрѣчаемъ въ академическомъ спискѣ лѣтописи и въ Воскресенской извѣстіе о томъ, что въ этотъ годъ былъ заложенъ городъ Кострома Объясненіемъ этого сказанія о заложеніи Костромы служитъ извѣстіе тверскаго лѣтописца о пожарѣ въ Костромѣ въ 1413 г.: «въ 30 день іюня погорѣ градъ Кострома и сгорѣ церквей 30». Изъ этого извѣстія мы видимъ, что Кострома въ началѣ XV в была большимъ уже городомъ, имѣвшимъ 30, а, можетъ быть, и болѣе церквей, если не всѣ церкви были истреблены пожаромъ. Тѣмъ не менѣе городъ подвергся страшному бѣдствію отъ пожара и въ 1416 г. былъ заложенъ вновь и, можетъ быть, обнесенъ стѣною, какъ говорится то въ очеркахъ исторіи Костромы. Но не успѣла Кострома оправиться отъ ужаснаго бѣдствія, какъ вскорѣ ее постигаютъ другія несчастія. Въ 1420 г. съ 15 августа распространилось моровое повѣтріе въ Костромѣ, Ярославлѣ, Галичѣ, Плесѣ и въ другихъ мѣстахъ. Такъ много вымирало людей, что не кому было и жито жать. Въ 1422 г. новое бѣдствіе постигаетъ всю землю русскую и въ частности Кострому,—это голодъ до того сильный, что оковъ ржи (4 четверика) въ Москвѣ стоилъ рубль,—цѣна очень высокая по тогдашнему счету и времени,—а въ Костромѣ два рубля, въ Нижнемъ-Новгородѣ по 200 алтынъ. Вслѣдствіе голода была большая смертность, такъ какъ ѣли всякую падаль. Въ 1425 г. скончался великій князь Василій Дмитріевичъ и на великое княженіе вступилъ сынъ его еще десятилѣтній Василій Васильевичъ. По второму завѣщанію Василія Дмитріевича великая княгиня Софія Витовтовна получила изъ Костромы Иледамъ съ Обнорою, Комелою и Волчкомъ, Нерехту съ варницами, бортниками, бобровниками и Княгинскимъ селомъ. По вступленіи на великокняжескій престолъ Василія Васильевича, начинается послѣдняя усобица изъ за великаго княженія. Дядя Василія Юрій кн. галицкій предъявилъ, какъ старшій въ родѣ, свои права на великое княженіе и въ дальнѣйшихъ событіяхъ Галичъ играетъ уже важную историческую роль.

Послѣдняя усобица въ Рюриковомъ домѣ изъ за великаго княженія.

По мѣрѣ усиленія и возрастанія Москвы, начинаетъ упрочиваться на Руси и новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, но не къ старшему въ родѣ, какъ было въ обычаѣ въ старину. Какъ извѣстно, тогда нерѣдко изъ за нарушенія правъ старѣйшинства въ родѣ возникали кровопролитныя междоусобія между князьями: дядей съ племянниками. Василій Димитріевичъ, по устанавливавшемуся уже новому порядку престолонаслѣдія, благословляетъ въ 1425 г. на великокняжескій столъ старшаго сына своего еще десятилѣтняго Василія помимо своихъ братьевъ. Но преданія старины были еще живучи и вотъ одинъ изъ дядей Василія Васильевича, князь звенигородскій и галицкій, Юрій Дмитріевичъ, по старинѣ, не признаетъ старшинства племянника и домогается самъ великаго княженія. Началась продолжительная усобица между потомками Калиты изъ за великаго княженія, которую продолжали и сыновья Юрія послѣ его смерти, усобица, впрочемъ, разнящаяся, хотя не въ существенныхъ чертахъ, отъ древнихъ междоусобій изъ за той же причины. Духовная власть оказывала большое содѣйствіе возвышенію московскихъ князей: митрополиты держали всегда ихъ сторону. Такъ и теперь, по кончинѣ в. к. Василія Дмитріевича, митрополитъ московскій Фотій въ ту же ночь отправилъ своего боярина Акинѳа Аслебятева въ Звенигородъ за кн. Юріемъ Дмитріевичемъ, призывая его прибыть въ Москву съ цѣлію, вѣроятно, чтобы онъ призналъ старшинство десятилѣтняго племянника Василія. Отсюда мы заключаемъ, что новый порядокъ престолонаслѣдія еще не установился прочно на Руси. Безпрепятственно онъ и не могъ установиться, когда продолжалась еще удѣльная система и многіе удѣлы еще не были присоединены къ Москвѣ. Хотя сильныя княжества, со-

перничавшія съ Москвою, Нижегородское, Рязанское и Тверское были ослаблены мощною рукою Димитрія Донскаго; но теперь является новый сильный соперникъ кн. московскому, его дядя Юрій, владѣвшій двумя удѣлами: Звенигородомъ и Галичемъ. Князь Юрій не внялъ призыву митрополита Фотія и не поѣхалъ въ Москву. Изъ опасенія близости Москвы, онъ отправился въ другой свой удѣлъ Галичъ, болѣе отдаленный отъ Москвы, чѣмъ Звенигородъ, чтобы тамъ успѣшнѣе приготовиться къ борьбѣ съ племянникомъ. Между тѣмъ, чтобы имѣть время для приготовленій, онъ заключаетъ съ племянникомъ перемиріе, разсылаетъ по всей своей отчинѣ гонцовъ за ратными людьми и когда они собрались изъ всѣхъ волостей его, идетъ въ походъ на великаго князя. Въ Москвѣ уже знали о приготовленіи Юрія и в. кн. Василій съ прочими дядями и съ сильною ратью предупредилъ Юрія, двинувшись къ Костромѣ. Напуганный такою рѣшительностью вел. князя, князь Юрій не рѣшился выступить на бой съ нимъ, но удалился со всѣми людьми своими въ Нижній Новгородъ В. кн. отправилъ преслѣдовать его дядю своего Константина. Юрій изъ Нижняго бѣжалъ за р. Суру, впадающую въ Волгу ниже Нижняго-Новгорода, и остановился на берегу ея. Кн. Константинъ, дойдя до Суры, остановился на противоположномъ берегу. Неизвѣстно опредѣленно, почему Константинъ не переправился чрезъ Суру и не вступилъ въ бой съ Юріемъ. Лѣтописецъ глухо замѣчаетъ: „понеже бо нелзѣ перейти къ нему за рѣку", (*) можетъ быть по случаю наступающаго или наступившаго весенняго разлива. Соловьевъ же въ исторіи (**) замѣчаетъ, что, по нѣкоторымъ вѣроятнымъ извѣстіямъ, кн. Константинъ болѣе радѣлъ брату, чѣмъ племяннику, и потому не хотѣлъ преслѣдовать перваго и возвратился въ Москву. Князь Юрій, по

(*) Воскр. лѣт. подъ 1425 г.

(**) Т. IV, стр. 53.

уходѣ Константина, прибылъ въ Нижній-Новгородъ и отсюда въ свой Галичъ. Къ великому князю онъ отправилъ пословъ просить перемирія на годъ. Но великій кн. желалъ прочнаго мира. Съ общаго совѣта: митрополита Фотія, матери великаго кн. княгини Софіи, дядей его и дѣда великаго кн. литовскаго Витовта въ Москвѣ рѣшено было отправить къ кн. Юрію посломъ для заключенія вѣчнаго мира митрополита Фотія. Митрополитъ тѣмъ же лѣтомъ отправился въ Галичъ Безъ замедленія на пути, даже не слушавши обѣдни въ Ярославлѣ, Фотій ѣхалъ въ Галичъ. Услыхавъ объ этомъ, кн. Юрій, собравъ людей со всей своей отчины, съ дѣтьми своими и боярами и лучшими людьми вышелъ изъ города на срѣтеніе митрополита, а чернь изъ своихъ городовъ, волостей, селъ и деревень поставилъ на горѣ со стороны въѣзда митрополита въ городъ, дабы показать ему великое множество людей. Митрополитъ прибылъ въ посадъ города и вошелъ въ церковь Преображенія, что на посадѣ на Подолѣ у озера. Помолившись и выйдя изъ церкви, онъ, смотря на множество народа на горѣ, сказалъ кн. Юрію: «сынъ мой! Я еще не видалъ такого множества народа въ овечьей шерсти", „вси бо бяху въ сермягахъ", замѣчаетъ лѣтописецъ и затѣмъ присовокупляетъ: „князь бо хотя явитися яко многи люди имѣ, а святитель въ глумъ си вмѣнивъ себѣ", т. е. митрополитъ далъ понять кн. Юрію, что люди эти въ сермягахъ не боевые ратники. Прибывъ въ отведенныя келліи, митрополитъ началъ убѣждать кн Юрія заключить съ великимъ кн. миръ, чтобы не было кровопролитія Но Юрій не согласился на миръ, а просилъ только перемирія. Разгнѣванный такимъ упорствомъ Юрія, митрополитъ не далъ благословенія ни ему ни городу, скоро выѣхалъ изъ Галича и въ тотъ же часъ, говоритъ лѣтописецъ, началась какая то смертоносная болѣзнь въ городѣ. Кн. Юрій, услыхавъ о томъ, самъ поскакалъ вслѣдъ за митрополитомъ и настигъ его за озеромъ

въ селѣ Пасынковѣ (*) Покаявшись въ своемъ грѣхѣ, онъ едва уговорилъ митрополита возвратиться въ городъ. Митрополитъ снова вступилъ въ Галичъ, благословилъ князя и городъ и болѣзнь прекратилась. Преподавъ поученіе кн. Юрію о любви не только къ братьямъ, но и ко всѣмъ православнымъ, митрополитъ съ честію, въ сопровожденіи кн. Юрія и всего народа отбылъ изъ Галича, взявъ съ Юрія обѣщаніе отправить къ вел. князю пословъ для заключенія мира. Въ скоромъ времени кн. Юрій отправилъ въ Москву бояръ: Бориса Галицкаго и Даніила Чешка и миръ былъ заключенъ на томъ условіи, чтобы кн. Юрію не домогаться великаго княженія своими силами, но чрезъ хана: кого ханъ пожалуетъ, тотъ и будетъ великимъ княземъ и княземъ Новгорода Великаго и всей Руси. Миръ былъ скрѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ. Но условіе мира ѣхать въ орду за рѣшеніемъ ханскимъ не было приведено въ исполненіе потому, вѣроятно, что въ это время ханы ордынскіе часто смѣнялись, а князья русскіе со времени Донскаго стали уклоняться отъ ханскаго суда. Въ 1428 г. в. кн. и кн. Юрій сами заключили формальнымъ договоромъ миръ. Въ договорной граматѣ этого мира въ 1428 г., дошедшей до насъ, кн. Юрій именуется молодшимъ братомъ, обязывается цѣловать крестъ къ своему старшему брату вел. князю Василію, обязывается быть съ нимъ вездѣ за одно до смерти и не вступаться въ великое княженіе и въ тѣ волости, которыми великаго князя Василія благословилъ отецъ его или что онъ самъ примыслилъ. Равнымъ образомъ и кн. Василій обязывается не вступаться во владѣнія Юрія, которыми его благословилъ отецъ Димитрій Ивановичъ, т. е. въ Звенигородъ и Галичъ съ волостями и селами великаго княженія, также и во владѣніе Вяткою, которую ему пожаловалъ братъ его Василій Дмитріевичъ. Кн. Юрій обязывается платить вел. князю дань и ямъ давать съ отчины своей Галича по давнему, какъ давалъ онъ и отцу его великому князю,

(*) Нынѣ Сыниово.

а съ Звенигорода и волостей платить дань и ямъ давать по истеченіи четырехъ лѣтъ по старому, какъ давалъ и отцу его великому князю Василію Дмитріевичу", Между другими условіями мира, которыми князья обязывались взаимно защищать другъ друга и во всемъ поступать по правдѣ, въ договорной граматѣ этой, равно какъ и въ другихъ послѣдующихъ есть и такое: „а перемѣнитъ Богъ орду, не иму давати татарамъ, и тобѣ имати дань и ямъ съ своее отчины собѣ" (*). Очевидно, что здѣсь выражается надежда и даже увѣренность въ возможности скоро освободиться отъ ига татарскаго Между тѣмъ татары дѣлали свои набѣги на области русскія съ цѣлію грабежа. Такъ подъ 1429 г. въ лѣтописяхъ повѣствуется о нападеніи татаръ на Галичъ, но города они не взяли, а только повоевали волости. На праздникъ Крещенія Господня они напали на Кострому, взяли ее и еще Плесъ и Лухъ (**) и съ награбленной добычей и плѣнниками пошли внизъ по Волгѣ. В. кн. послалъ преслѣдовать ихъ своихъ дядей князей Андрея и Константина и боярина Ивана Дмитріевича съ своими полками. Они до самаго Нижняго Новгорода не могли настигнуть татаръ и возвратились. Князь же Ѳедоръ стародубскій и воевода Ѳедоръ Константиновичъ Добрынскій, опередивъ другихъ, съ своими полками погнались за татарами и, настигнувъ, побили задній отрядъ татарскій и бесерменъ (купцовъ бесерменскихъ), отняли у нихъ награбленное, но не могли настигнуть передовой отрядъ съ предводителемъ царевичемъ Алибабомъ. Въ слѣдующемъ 1430 г. снова начинается только на время прекратившаяся вражда между Юріемъ Дмитріевичемъ и вел. княземъ Василіемъ. Лѣтотописецъ (***) говоритъ только «князь

(*) Собр. гос. граматъ и договоровъ, 1813 г. ч. I, стр. 87, №№ 43, 44. Соловьевъ говоритъ, что Юрій Дмитріевичъ признавалъ старшинство племянника потому, что Софья Витовтовна, мать вел. кн., въ 1427 г. ѣздила къ отцу своему Витовту и поручила ему какъ сына такъ и все московское княжество. Истор. т. IV, стр. 84.

(**) Кн. Козловскій зрисоковупляетъ: Солдогу и Кинешму. Ист. Костр., стр 51.

(***) Воскр. лѣт. 1430 г.

Юрій Дмитріевичъ разверже миръ съ великимъ княземъ Васил. Васильевичемъ», не объясняя причины или повода къ разрыву: Соловьевъ (*) поводомъ къ этому считаетъ смерть Витовта, опасаясь котораго Юрій Дмитріевичъ ранѣе заключилъ мирный договоръ. Кромѣ того, по смерти Витовта на литовскій престолъ вступилъ Свидригайло, своякъ Юрія. Пользуясь такими обстоятельствами, Юрій въ 1431 г. снова начинаетъ искать великаго княженія, по смыслу перваго договора, чрезъ хана. Оба соперника отправляются на судъ хана Улу-Махмета. Въ праздникъ Успенія Богородицы, отслушавъ литургію и молебенъ Б. Матери и Чудотворцу митрополиту Петру, вел. кн. повелѣлъ раздать обильную милостыню церквамъ и монастырямъ московскимъ и нищимъ, тоже приказалъ сдѣлать и по всѣмъ городамъ своимъ. Отобѣдавъ на лугу противъ Симонова монастыря подъ перевѣсіемъ, Василій со слезами отправился въ путь. Чрезъ нѣсколько дней, 8 сентября, вслѣдъ за Василіемъ, пошелъ въ орду и кн: Юрій Дмитріевичъ. Въ ордѣ ихъ обоихъ взялъ къ себѣ въ улусъ вельможа ханскій Миньбулатъ. Онъ былъ на сторонѣ великаго князя и оказывалъ ему честь, а князю Юрію безчестіе и томилъ его какъ въ плѣну. Но къ Юрію былъ расположенъ князь ордынскій Ширинтягиня. Онъ взялъ Юрія силою отъ Миньбулата и обѣщалъ выхлопотать ему у хана великое княженіе. Ширинтягиня пошелъ съ Юріемъ на зимовку въ Крымъ, а великаго князя оставилъ у Миньбулата. Ходатаемъ за великаго князя явился въ ордѣ ловкій бояринъ его Иванъ Дмитріевичъ. Онъ, въ расчетѣ подстрекнуть самолюбіе вельможъ ордынскихъ, такъ какъ больше ихъ всѣхъ въ ордѣ имѣлъ вліяніе на хана вельможа Ширинтягиня, началъ такъ говорить Айдару, Миньбулату и прочимъ вельможамъ: «значитъ ли что нибудь ваше печалованіе къ хану и ваши обѣщанія его именемъ въ пользу великаго князя, когда ханъ во всемъ слуша-

(*) IV, стр. 54.

етъ не васъ, а Тегиню и по его слову дастъ великое княженіе Юрію? Но если ханъ по его слову такъ поступитъ, то что будетъ тогда съ вами? Юрій будетъ великимъ княземъ въ Москвѣ, въ Литвѣ его своякъ Свидригайло, а Тегиня будетъ въ ордѣ повелѣвать даже самимъ ханомъ, не только вами». Какъ стрѣлою, этой рѣчью бояринъ уязвилъ сердца вельможъ ханскихъ и они начали хану бить челомъ за кн. Василія, вступали съ ханомъ въ споръ, наконецъ такъ убѣдили и возстановили его противъ Тегини, что ханъ даже далъ повелѣніе убить его, если онъ будетъ говорить за кн. Юрія. Весной возвратился Тегиня съ Юріемъ изъ Крыма и уже намѣревался хлопотать за него предъ ханомъ, но его во время предупредилъ родственникъ, постельникъ ханскій Усеинъ, передавъ Тегинѣ распоряженіе хана. Тегиня теперь боялся сказать что нибудь противъ. Ханъ между тѣмъ повелѣлъ своимъ князьямъ произвести судъ надъ князьями русскими. Князья долго и ожесточенно спорили на судѣ. Кн. Василій доказывалъ свои права на великое княженіе на основаніи дѣдовскаго и отцовскаго завѣщанія, устанавливавшаго новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну; князь же Юрій отстаивалъ свои права на основаніи лѣтописей и старыхъ родословныхъ и духовной граматы отца своего Димитрія, иначе сказать: онъ стоялъ за старый порядокъ престолонаслѣдія старшаго въ родѣ. Здѣсь, на судѣ ханскомъ такимъ образомъ рѣшался важный вопросъ: быть ли старому или новому порядку престолонаслѣдованія? Рѣшителемъ спора по этому важному вопросу опять выступаетъ предъ ханомъ умный бояринъ великаго князя Иванъ Дмитріевичъ. Онъ сказалъ хану: „Государь, вольный Царь! Позволь холопу велик. князя сказать слово. Нашъ государь вел. князь Василій ищетъ своего стола великокняжескаго, твоего владѣнія, по твоему же цареву пожалованію и по твоимъ граматамъ и ярлыкамъ, а господинъ нашъ кн. Юрій Дмитріевичъ хочетъ получить великое княженіе по мертвой граматѣ отца своего, а не по твоему пожалованію;

ты же воленъ въ своемъ улусѣ; жалуешь имъ того, кого хочешь; а государь нашъ вел. кн. Василій Дмитріевичъ далъ великое княженіе сыну своему вел. князю Василію по твоему пожалованію и который уже годъ онъ сидитъ на столѣ своемъ, пожалованномъ тобою, повинуясь тебѣ, о томъ ты самъ знаешь". Рѣчь эта, выражавшая пренебреженіе къ прежнему порядку вещей, имѣла успѣхъ Ханъ далъ великое княженіе Василію Васильевичу, а князю Юрію повелѣлъ вести подъ нимъ коня; но великій князь не хотѣлъ такого униженія дяди. Ширинтягиня, доброжелатель Юрія, услыхавъ, что на Махмета идетъ войною ханъ Кичихъ-Ахметъ, воспротивился распоряженію хана и даже хотѣлъ уйти отъ него. Ханъ, изъ опасенія измѣны Тегини, по его ходатайству придалъ Юрію къ его владѣніямъ еще Дмитровъ съ волостями и потомъ отпустилъ обоихъ князей въ ихъ вотчины. В. кн. возвратился въ Москву съ посломъ ханскимъ царевичемъ Мансыремъ Улановъ, который и посадилъ его на великокняжескій столъ, а кн. Юрій возвратился въ Звенигородъ и отсюда прибылъ въ Дмитровъ. Но въ томъ же 1432 г., изъ опасенія близости вел. князя, онъ оставилъ Дмитровъ и ушелъ въ свой Галичъ, а великій кн. Дмитровъ взялъ себѣ, выславъ изъ него намѣстниковъ Юрьевыхъ Ясно, что Юрій Дмитріевичъ не могъ успокоиться на рѣшеніи ханскомъ и не отчаявался достигнуть великокняжескаго стола. Нуженъ былъ только поводъ, чтобы борьба снова возгорѣлась. На сей разъ борьбу возжегъ тотъ самый бояринъ великокняжескій Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, по убѣжденію котораго ханъ далъ Василію Васильевичу великокняжескій столъ. Кромѣ того, вражду еще болѣе усилило оскорбленіе, нанесенное матерью в. князя Софьей Витовтовной сыновьямъ Юрія. Какъ говорятъ, кн. Василій въ ордѣ обѣщалъ боярину Ивану Дмитріевичу жениться на его дочери. Но этотъ бракъ не состоялся, опредѣленно неизвѣстно по какой причинѣ; съ вѣроятностью можно думать, что мать вел. князя, гордая Софья Витовтовна, находя

унизительнымъ великому князю вступать въ бракъ съ дочерью боярина, воспрепятствовала этому и вел. князь обрученъ былъ съ дочерью кн. Ярослава Владиміровича, т. е. внукой Владиміра Андреевича Храбраго, княжной Боровской. Оскорбленный такою неблагодарностью великаго князя бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій (*) отъѣхалъ изъ Москвы отъ великаго князя сначала въ Угличъ къ кн. Константину Дмитріевичу, а отсюда въ Тверь къ сопернику московскаго князя. Вѣроятно, не имѣя желаемаго успѣха въ обоихъ мѣстахъ, Иванъ Дмитріевичъ рѣшился наконецъ отъѣхать къ Юрію въ Галичъ и былъ принятъ имъ. Онъ началъ уговаривать кн. Юрія снова поднять оружіе на племянника, чтобы завладѣть великимъ княженіемъ. По его убѣжденію, кн. Юрій рѣшился возобновить борьбу и послалъ въ Москву за своими сыновьями: Василіемъ и Димитріемъ. Тѣ пировали въ это время на свадьбѣ великаго князя Василія. Здѣсь имъ было нанесено жестокое оскорбленіе. Кн. Василій Юрьевичъ явился на свадебный пиръ въ золотомъ съ цѣпями, украшенномъ драгоцѣнными каменьями поясѣ. Кто-то изъ бояръ, бывшихъ на свадьбѣ, узналъ этотъ поясъ и сказалъ Софьѣ Витовтовнѣ, что онъ долженъ быть собственностью великаго князя, такъ какъ онъ былъ данъ княземъ суздальскимъ Димитріемъ Константиновичемъ за дочерью Евдокіею въ приданое Димитрію Донскому. Но тысяцкій тогдашній Василій Вельяминовъ похитилъ этотъ поясъ, подмѣнивъ его другимъ меньшимъ, а настоящій отдалъ сыну своему Николаю, женатому на старшей дочери кн. Димитрія суздальскаго. Николай далъ его въ приданое Ивану Дмитріевичу, а Иванъ далъ его въ приданое за своей дочерью кн. Андрею Владиміровичу. По смерти кн. Андрея Иванъ Дмитріевичъ дочь его, а свою внуку обручилъ за Василія Юрьевича и этотъ поясъ отдалъ ему въ приданое. Потому онъ и надѣтъ теперь на Вас.

(*) Онъ же Онкинъ.

Юрьевичѣ. Софья Витовтовна сейчасъ же при всѣхъ велѣла снять поясъ съ Василія Юрьевича. Князья Василій и Димитрій, оскорбленные такимъ насильственнымъ поступкомъ Софьи, тотчасъ отъѣхали изъ Москвы къ отцу своему Юрію въ Галичъ, разграбивъ на пути Ярославль. Они, очевидно, спѣшили побудить отца отмстить великому князю и матери его за это оскорбленіе. Но кн. Юрій уже собрался въ походъ на великаго князя. Вмѣстѣ съ дѣтьми и бояриномъ Иваномъ Дмитріевичемъ, онъ съ большою ратію быстро пошелъ къ Москвѣ, такъ что великій кн. даже и не зналъ объ этомъ. Юрій уже былъ въ Переяславлѣ, когда намѣстникъ великокняжескій изъ Ростова Петръ Константиновичъ прибылъ въ Москву съ извѣстіемъ о походѣ Юрія на вел. князя. Вел. кн. былъ застигнутъ врасплохъ и потому отправилъ къ дядѣ пословъ: Ѳедора Андреевича Лжа и Ѳедора Товаркова съ предложеніемъ мира. Послы встрѣтили кн. Юрія у Троицко-Сергіева монастыря. Юрій не согласился на миръ, а бояринъ Иванъ Дмитріевичъ не давалъ даже слова вымолвить о мирѣ; между боярами произошла ссора; другъ друга они поносили неподобными словами, говоритъ лѣтописецъ. Послы возвратились къ великому князю безъ успѣха. Кн. вел., наскорѣ собравъ людей, какіе были около него, даже гостей московскихъ, вышелъ противъ Юрія и встрѣтилъ его на Клязьмѣ въ 20 верстахъ отъ Москвы. У Юрія была большая рать, у великаго же князя несравненно меньше людей; однакожъ они вступили въ бой. Отъ москвичей, впрочемъ, не было помощи, такъ какъ многіе изъ нихъ были пьяны, а иные даже привезли еще и съ собой питья. В. князь, видя безуспѣшность боя и оставаясь безъ помощи откуда бы то ни было, побѣжалъ къ Твери съ матерію и съ княгинею, а съ Твери въ Кострому. Князь Юрій, сѣвъ въ Москвѣ на великокняжескій столъ въ 1433 г., дѣтей своихъ отправилъ на великаго князя къ Костромѣ, куда вскорѣ пошелъ и самъ. Великаго князя ожидала горькая участь; онъ былъ захваченъ въ Костромѣ въ плѣнъ; но его

выручилъ изъ бѣды любимецъ кн. Юрія бояринъ Семенъ Морозовъ. Онъ склонилъ князя Юрія на миръ съ племянникомъ и посовѣтовалъ дать ему въ удѣлъ Коломну (*). Напрасно противились этому дѣти Юрія и бояринъ Иванъ Дмитріевичъ. Василій Васильевичъ съ честію былъ отпущенъ въ Коломну. Но скоро князь Юрій долженъ былъ увидѣть свою оплошность. Въ Москвѣ не были къ нему расположены и считали его не поправу захватившимъ великое княженіе. Такъ уже очевидно отжилъ свое время старый порядокъ престолонаслѣдія и упрочивался новый. Изъ Москвы великое множество служилыхъ людей переселилось въ Коломну подъ державу Василія, даже и бояринъ Иванъ Дмитріевичъ съ дѣтьми отъѣхалъ тудаже (**) Дѣти Юрія: Василій Косой и Димитрій Шемяка, очевидно надѣявшіеся княжить въ Москвѣ послѣ отца, видя, что ни у отца, ни у нихъ не осталось никого изъ людей, убили со злости боярина, любимца Юрія, Семена Морозова, объявивъ ему вину: „ты причинилъ такую бѣду отцу нашему и намъ", и сами убѣжали отъ отца въ Кострому (***), вѣроятно, боясь гнѣва родительскаго за самоуправство. Кн. Юрій, находя непрочнымъ свое положеніе въ Москвѣ и оставшись безъ дѣтей и безъ служилыхъ людей, отступился отъ великаго княженія въ пользу племянника и ушелъ сначала въ Звенигородъ, а потомъ въ Галичъ. Василій Васильевичъ снова сѣлъ на великокняжескомъ столѣ. Съ княземъ Юріемъ онъ вновь заключилъ миръ, по которому Юрій обязывался за себя и за меньшаго сына своего Димитрія Краснаго не принимать къ себѣ старшихъ сыновей: Василія Косого и Димитрія Шемяку и не помогать имъ, отказался

(*) Въ очеркѣ Кржиновлоцкаго неправильно сказано, что Василій получилъ въ удѣлъ Кострому; можетъ быть это опечатка, вмѣсто Коломну.

(**) Въ Тверской лѣтописи, впрочемъ, сказано, что кн. Василій Ивана Дмитріевича поималъ и велѣлъ его ослѣпить, стр. 490.

(***) Въ теченіи этой знаменитой борьбы Кострома, какъ видно, служила мѣстомъ убѣжища князей и сборнымъ пунктомъ ихъ ратей.

отъ Дмитрова, взявъ вмѣсто его Бѣжецкій Верхъ съ другими волостями, призналъ племянника старшимъ братомъ, но выговорилъ себѣ право не давать ему помощи противъ литовскаго князя Свидригайла, своего свояка, если великій князь пойдетъ на него войною. Изъ граматы этого мирнаго договора мы узнаемъ о волостяхъ костромскихъ, уступленныхъ великимъ княземъ Юрію: „что ми (Юрію) ся еси отступилъ изъ великаго княженія костромскихъ волостей: Андомы, Кореги, Борку, Березовца съ Залѣсьемъ, да Шыленги...., а того вамъ (Василію) всего подо мною и подъ моимъ сыномъ подъ княземъ, подъ Дмитріемъ меньшимъ блюсти.(*)

Полагаясь на мирный договоръ, обязывавшій Юрія не помогать старшимъ сыновьямъ своимъ, великій кн. Василій посылаетъ въ томъ же 1433 г., подъ предводительствомъ воеводы Юрія Патрикеевича рать на нихъ къ Костромѣ. Юрьевичи съ вятчанами и галичанами встрѣтили рать великаго кн. на рѣкѣ Куси (**), разбили ее, воеводу Юрія Патрикеевича взяли въ плѣнъ и возвратились опять въ Кострому, и когда Волга покрылась льдомъ, отступили къ Турдеевымъ оврагамъ. (***) Кн. Юрій оказался измѣнникомъ; вопреки заключенному договору, его воеводы и полки, какъ оказалось, участвовали въ бою на Куси на сторонѣ сыновей. Узнавъ объ этой измѣнѣ дяди, великій князь идетъ въ слѣдующемъ 1434 г. ратью на Юрія къ Галичу. Юрій бѣжалъ на Бѣлоозеро, а вел. князь взялъ и сжегъ Галичъ, жителей многихъ плѣнилъ и, опустошивъ волость галицкую, возвратился въ Москву. Въ ознаменованіе своей побѣды, онъ взялъ образъ Овиновскій Б. Матери изъ галиц. Успенскаго монастыря. Принеся оный въ Москву, поставилъ его въ соборной церкви, повелѣвъ охранять стражѣ. При всемъ томъ образъ оттуда неожиданно, въ туже ночь, неви-

---

(*) Собр. госуд. грам. и догов., ч. I, стр. 100.

(**) Протекаетъ теперь Макарьевскимъ и Галицкимъ уѣздами.

(***) Названіе произошло, вѣроятно, отъ имени божества тура.

димою чудесною силою обратно былъ перенесенъ въ храмъ прежняго монастыря и поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился (*). Кн. Юрій, возвратившись въ Галичъ, началъ опять собираться въ походъ на великаго князя, и съ большою ратью, къ числѣ коей были и вятчане, съ тремя сыновьями своими пошелъ на Василія къ Москвѣ. Вел. князь, узнавъ о новомъ походѣ дяди, соединившись съ кн. Иваномъ Можайскимъ, вышелъ противъ дяди. Князья встрѣтились въ ростовской области близь церкви Николая Святаго на горѣ. Въ Лазареву субботу произошелъ бой, кончившійся успѣшно для Юрія Василій бѣжалъ въ Новгородъ Великій, а Иванъ Можайскій съ матерью своею въ Тверь къ своему зятю. В. кн. послалъ къ кн. Ивану родственника своего Андрея Голтяева съ просьбой не отступать отъ союза съ нимъ. Кн. Иванъ отвѣчалъ уклончиво: «Господинъ Государь! Гдѣ ни буду, вездѣ твой человѣкъ, только лишь бы мнѣ не потерять своей отчины и мать бы моя не скиталась по чужимъ областямъ». Кн Юрій, въ свою очередь, желая отвлечь Ивана Можайскаго отъ союза съ Василіемъ, прислалъ посла Якова Жестова звать его къ себѣ въ Галичъ и кн. Иванъ предпочелъ присоединиться къ Юрію. Соединясь у Троицы, они пошли къ Москвѣ. На страстной недѣлѣ въ среду приступили къ Москвѣ и цѣлую недѣлю осаждали ее; Москва была взята; княгини: мать и жена великаго князя были взяты въ плѣнъ и отправлены въ Звенигородъ. Князь Юрій снова сѣлъ на великое княженіе. В. кн. былъ въ Новгородѣ. Отсюда онъ ушелъ въ Мологу, потомъ въ Кострому и въ Нижній Новгородъ. Кн Юрій отправилъ противъ него двухъ сыновей своихъ: Димитрія Шемяку и Димитрія Краснаго. Не получая ни откуда помощи, кн. Василій хотѣлъ было итти въ орду, но въ то время, когда Юрьевичи стояли во Владимірѣ, пришла къ нимъ вѣсть о внезапной кон-

(*) Ист. Костр. кн. Козловскаго, стр. 55. Послѣ опустошенія Галича Юрій Дмитріевичъ крѣпость, дворецъ и соборъ перенесъ на новое мѣсто, называемое теперь Кремль, гдѣ соборъ и донынѣ.

чинѣ отца ихъ Юрія и что на великое княженіе вступилъ ихъ старшій братъ Василій Косой. Послѣдній прислалъ къ нимъ извѣстіе о смерти отца и о своемъ вокняженіи. Они же отвѣчали ему: „если Богъ не судилъ, чтобы былъ великимъ княземъ отецъ нашъ, то мы и тебя не хотимъ", и послали въ Нижній-Новгородъ за кн. Василіемъ. Послѣдній прибылъ во Владиміръ и, заключивъ миръ, пошелъ съ ними къ Москвѣ. Чѣмъ объяснить такой, по видимому, странный поступокъ младшихъ Юрьевичей, что они не признали великимъ княземъ старшаго роднаго брата своего, но врага, брата двоюроднаго? Этотъ поступокъ, такъ сказать, дипломатическій со стороны Юрьевичей, свидѣтельствовалъ о ихъ вѣрномъ пониманіи современныхъ событій и отношеній. Изъ предшествовавшихъ событій они должны были убѣдиться ясно, что старина отжила свое время и должна уступить новому порядку наслѣдованія великокняжескаго стола. Поэтому они были вполнѣ увѣрены, что Косой, какъ сынъ незаконнаго, по мнѣнію народа московскаго, великаго князя, захватившаго престолъ силою и лукавствомъ, не будетъ проченъ на великокняжескомъ столѣ и что москвичи непремѣнно призовутъ къ себѣ опять Василія Васильевича. Предвидя это и расчитывая на полученіе себѣ лучшихъ владѣній, они благоразумно отказались признать Косого великимъ княземъ и тѣмъ расположили къ себѣ Василія Васильевича. Косой не въ силахъ былъ противостать союзникамъ князьямъ и, пробывъ на великомъ княженіи одинъ мѣсяцъ, бѣжалъ изъ Москвы сначала во Ржевъ, потомъ въ Новгородъ, гдѣ изувѣчилъ какого то князя Романа (вѣроятно, намѣстника Переяславскаго), хотѣвшаго убѣжать отъ него, и затѣмъ въ Кострому, разграбивъ на пути побережье Мсты, Бѣжецкій Верхъ и Заволочье. Юрьевичи не ошиблись въ своемъ расчетѣ на полученіе удѣловъ. Снова сѣвъ на великое княженіе, Василій Васильевичъ, въ благодарность младшимъ Юрьевичамъ за ихъ помощь, пожаловалъ ихъ удѣлами: Шемяку выморочнымъ удѣломъ послѣ дяди Константина Ржевомъ и

Угличемъ, а Краснаго Бѣжецкимъ Верхомъ. Изъ договорныхъ граматъ, утверждавшихъ этотъ миръ Василія съ Юрьевичами, мы узнаемъ, что изъ Костромскихъ волостей были владѣніями Шемяки: Корега, Шепково, Лучиньское и Сурожикъ (*) Дмитровъ удѣлъ дяди Петра и удѣлъ Косого Звенигородъ вел. кн. взялъ себѣ и выдѣлилъ изъ владѣній Шемяки Вятку, раньше много помогавшую Юрію и его сыновьямъ. Между тѣмъ Василій Косой приготовлялся къ походу на великаго князя и братьевъ, собирая въ Костромѣ рать. Въ 1435 г. съ большою ратью онъ двинулся изъ Костромы къ Москвѣ. Великій князь во время узналъ объ этомъ и встрѣтилъ его въ ярославской волости у Козьмы Даміана на р. Которости. Побѣду одержалъ великій князь, а Косой бѣжалъ въ Кашинъ. Собравшись здѣсь съ силами, онъ пошелъ къ Вологдѣ, уничтожилъ здѣсь заставу великокняжескую, схвативъ воеводъ великаго князя, въ числѣ которыхъ былъ и родственникъ послѣдняго Андрей Ѳедоровичъ Голтяевъ, и, пославъ за вятчанами, опять двинулся къ Костромѣ. Василій Васильевичъ принужденъ былъ итти противъ него. Вел. князь расположился съ своею ратью на мысѣ у Ипатьевскаго монастыря при устьи р. Костромы, а Косой съ прибывшими къ нему на помощь вятчанами на другомъ берегу ея. Бою воспрепятствовала р. Кострома (**), раздѣлявшая обѣ рати. Соперники заключили миръ, по которому великій князь далъ Косому удѣломъ Дмитровъ, но не прежній Звенигородъ, опасаясь очевидно давней привязанности звенигородцевъ къ роду Юрія. Но Василій Косой жилъ въ Дмитровѣ только одинъ мѣсяцъ Въ слѣдующемъ 1436 г. онъ опять идетъ въ Кострому, гдѣ и жилъ до зимняго пути. Когда установился путь, онъ, отославъ обратно къ великому князю договорныя граматы, съ Костромы пошелъ на Галичъ и отсюда на Устюгъ въ союзѣ съ вятчанами. Девять недѣль

(*) Собр. госуд. грам. и договор, ч. 1, стр. 125.

(**) Въ исторіи Костромы князя Козловскаго говорится совершенно неправильно, будто великій князь разбилъ здѣсь Косого и прогналъ его въ г. Кострому.

простоялъ Косой подъ Устюгомъ и взялъ его не силою, но склонивши гражданъ къ сдачѣ на условіяхъ, которыя потомъ вѣроломно нарушилъ: убилъ воеводу Глѣба Оболенскаго, десятинника владыки ростовскаго Булатова и многихъ устюжанъ перевѣшалъ. По всей вѣроятности и Шемяка былъ заподозрѣнъ великимъ княземъ въ вѣроломствѣ и неблагонамѣренности; по крайней мѣрѣ, когда онъ въ туже зиму пріѣхалъ въ Москву звать великаго князя на свою свадьбу, то великій князь заточилъ его въ Коломну подъ присмотръ намѣстника И. Старкова и заковалъ. Въ слѣдующую весну Василій Косой пошелъ изъ Устюга на великаго князя съ вятчанами и дворомъ (дружиною) брата, Димитрія Шемяки. Великій князь, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ Косого Димитріемъ Краснымъ, Иваномъ Можайскимъ и литовскимъ княземъ Иваномъ Друцкимъ, встрѣтилъ Косого въ ростовской области въ Скоротинѣ. Василій Косой хотѣлъ хитростью завладѣть великимъ княземъ и выпросилъ у него перемиріе до утра. Великій князь на время перемирія распустилъ ратниковъ и они разъѣхались для добыванія корму, но кн. Василій Косой въ тотъ же день неожиданно сталъ наступать на великаго князя. Сторожевые замѣтили это и успѣли скоро извѣстить объ этомъ великаго князя Василія. Вел. кн. не потерялся; тотчасъ разослалъ съ вѣстію объ этомъ по стану и самъ, схвативъ трубу, началъ созывать ополченцевъ. Полки скоро собрались, построились и ударили на враговъ. Враги были разбиты и обращены въ бѣгство, а воевода Борисъ Тоболинъ настигъ самого кн. Василія Косого и сталъ звать на помощь другихъ. На громкій зовъ его прискакалъ князь литвинъ, Иванъ Друцкій; они оба схватили Косого и привели его къ великому князю. В. кн. отправилъ его въ Москву. Когда вятчане плѣнили великокняжескаго воеводу Брюхатова, и, взявъ богатый окупъ съ него, всетаки увели въ плѣнъ, Косой былъ ослѣпленъ въ Москвѣ. Великій князь, еще собираясь въ походъ на Косого, приказалъ расковать Шемяку въ Коломнѣ, а теперь, возвратясь

изъ похода, даровалъ ему свободу и отпустилъ въ Угличъ. Подъ 1440 г. мы находимъ извѣстіе о новомъ мирномъ договорѣ великаго князя съ младшими Юрьевичами, утвержденномъ граматою. Изъ условій договора можно заключить, что предъ этимъ не задолго опять возобновлялась война у великаго князя съ Юрьевичами, по крайней мѣрѣ Юрьевичи обязываются возвратить великому князю захваченное ими въ нынѣшній приходъ ихъ. По какому поводу возобновлялась война, лѣтописи молчатъ, равно какъ и о самомъ походѣ. Не долго послѣ этого жилъ младшій Юрьевичъ Димитрій Красный. Онъ сѣлъ послѣ Косого въ Галичѣ и здѣсь въ 1441 г. скончался. Лѣтописецъ (*) сообщаетъ любопытную повѣсть объ обстоятельствахъ кончины этого князя. Былъ ли съ нимъ предъ кончиной обморокъ или кратковременная летаргія и потомъ предсмертныя припадки религіознаго экстаза опредѣлить теперь трудно. По крайней мѣрѣ въ лѣтописи сообщается слѣдующее: заболѣлъ онъ сначала глухотою и «болячка въ немъ движеся», присовокупляетъ неясно лѣтописецъ. Потомъ онъ лишился аппетита и сна. Когда пришелъ духовникъ съ Святыми Дарами, то у князя Димитрія изъ обѣихъ ноздрей полилась кровь, такъ что нельзя было его причастить. Кровотеченіе немного стало униматься и духовникъ, заткнувъ ему ноздри бумажкой, причастилъ его. Принявъ немного пищи, князь попросилъ окружавшихъ выйти и дать ему заснуть. Тѣ обрадовались, думая, что сонъ послужитъ ему въ здоровье, и сѣли у одного изъ близкихъ къ князю за столъ. Но при наступленіи вечера, одинъ изъ оставшихся при князѣ прибѣжалъ къ нимъ съ извѣстіемъ, что князь отходитъ. Они застали князя при послѣднемъ издыханіи и успѣли прочитать отходную. На ночь остались они всѣ при усопшемъ, какъ они подумали, князѣ и, подъ вліяніемъ выпитаго меду, скоро заснули, кромѣ одного дьякона,

(*) Воскр. лѣт. т. 8, стр. 110.

который, будучи совершенно трезвъ, долго не засыпалъ и смотрѣлъ на мнимо-умершаго князя. Въ полночь мнимо-умершій князь вдругъ обѣими руками скинулъ покровъ съ своей головы и, не открывая глазъ, громкимъ голосомъ воскликнулъ: «Петръ же позна, яко Господь есть». Дьяконъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. А князь продолжалъ говорить одно и тоже съ закрытыми глазами. Дьяконъ, собравшись съ духомъ, началъ всѣхъ будить, а князь продолжалъ говорить все тоже. Потомъ онъ началъ пѣть разныя церковныя пѣснопѣнія и предъ утреней сталъ затихать. Послѣ утрени духовникъ принесъ запасные Дары, но князь не открывалъ глазъ. Тогда духовникъ коснулся лжицею его устъ и князь взглянулъ. Увидавъ Св. Дары, онъ сказалъ изъ глубины сердца: „радуйся утробо Божественнаго воплощенія" и причастился. Въ слѣдующіе два дня онъ продолжалъ пѣть стихиры и произносить тексты изъ Св. писанія, узнавалъ людей, говорилъ что кому хотѣлъ сказать, но самъ не слышалъ ничего, что ему говорили. Въ среду онъ лишился языка, но людей узнавалъ, а въ четвергъ во время обѣдни испустилъ духъ «конечное», присовокупляетъ лѣтописецъ. На восьмой день послѣ кончины, когда прибылъ изъ Углича братъ его Димитрій Шемяка, князя отпѣли, положили въ засмоленную колоду и повезли въ Москву. Протекло 23 дня послѣ кончины, когда его привезли въ Москву. Отпѣвъ панихиду, захотѣли открыть колоду, и къ удивленію нашли князя вполнѣ сохранившимся. Лицо его было бѣло, какъ у спящаго, безъ синеты или черноты. Возблагодаривъ Бога, положили его въ гробъ возлѣ отца его Юрія". Если все раскаванное лѣтописцемъ вполнѣ вѣрно, то возникаетъ сомнѣніе и во вторичной истинной кончинѣ кн. Димитрія. Во всякомъ случаѣ кончина загадочная. (*) Если не перепутаны въ лѣтописяхъ года, то въ 1442 г. великій князь нарушилъ миръ съ Шемякою и

(*) Лѣтописецъ еще говоритъ: „когда везли его въ Москву, то дважды уронили съ носилокъ".

пошелъ на него войною къ Угличю. Шемяка бѣжалъ въ Бѣжецкій Верхъ, а великій князь возвратился назадъ. Кн. Димитрій и кн. Александръ Чарторижскій, преслѣдуя великаго Князя, едва не дошли до Москвы. Примирилъ ихъ игуменъ троицкій Зиновій. Какая была причина возобновившейся вражды, изъ лѣтописей не видно. Изъ актовъ историческихъ (*) мы знаемъ, что когда на Москву напалъ Ханъ-Махметъ въ 1439 г., то Шемяка не пошелъ на помощь къ великому князю. Великій князь могъ теперь предпринять походъ на Шемяку для наказанія его за ослушаніе. Но въ такомъ случаѣ придется этотъ походъ отнести къ годамъ ранѣе 1442. Галичъ, удѣлъ Димитрія Краснаго, послѣ его смерти перешелъ во владѣніе Димитрія Шемяки, князя углицкаго, и былъ подъ управленіемъ княжескаго намѣстника. Борьба съ Юрьевичами на время прекратилась, но бѣдствія другія, отъ врага болѣе опаснаго вскорѣ пришлось претерпѣть великому князю. Татары, какъ мы видѣли раньше, нерѣдко дѣлали нападенія на русскія области и опустошали ихъ. Въ 1445 г. ханъ казанскій Улу-Махметъ съ многочисленнымъ ополченіемъ взялъ старый Нижній-Новгородъ и устремился къ Мурому. Въ числѣ союзныхъ князей съ великимъ княземъ былъ и Димитрій Шемяка. Близь Мурома татары были разбиты и Махметъ отступилъ. Весною онъ опять осадилъ Нижній-Новгородъ и отправилъ двухъ своихъ сыновей къ Суздалю. Шемяка на этотъ разъ обманулъ великаго князя: ни самъ не пришелъ на помощь къ нему и не прислалъ воеводъ съ полками. Немногочисленная рать великаго князя была расположена близь Суздаля на р. Каменкѣ. Не смотря на численное превосходство непріятеля, великій князь отважился на битву близь Евѳиміева монастыря. Бой завязался упорный и кровопролитный, но русскіе были подавлены непріятелемъ, превосходящимъ ихъ численно. Они были почти всѣ истреблены; самъ великій князь,

(*) 1. № 40.

получивъ множество ранъ, отдался въ плѣнъ вмѣстѣ съ знаменитѣйшими боярами. Въ Москвѣ ужаснулись при вѣсти о плѣнѣ великаго князя. Семейство его удалилось въ Ростовъ; въ Москвѣ же наступило безначаліе. Но ханъ Махметъ не рѣшился двинуться къ Москвѣ и только отправилъ къ сопернику великаго князя Шемякѣ посла Бегича съ дружескими увѣреніями. Шемяка радовался несчастію великаго князя и, съ честію принявъ посла ханскаго, отправилъ съ нимъ къ Махмету дьяка Ѳеодора Дубенскаго для переговоровъ о томъ, чтобы Василія Васильевича держать въ вѣчномъ плѣну, а великимъ княземъ быть Шемякѣ. Между тѣмъ Махметъ, долго не имѣя извѣстія о Бегичѣ, подумалъ, что Шемяка убилъ его. Въ тоже время Казань была завоевана однимъ изъ болгарскихъ князей Либеемъ и ханъ, желая скорѣе возвратиться въ Болгарію, даровалъ великому князю свободу изъ плѣна за умѣренный окупъ. Между тѣмъ Бегичъ съ дьякомъ великокняжескимъ были уже на пути къ Нижнему. Услыхавъ объ освобожденіи великаго князя, они повернули назадъ къ Мурому, гдѣ Бегичъ былъ посаженъ намѣстникомъ великаго князя подъ стражу. Шемяка, опасаясь великаго князя, бѣжалъ въ Угличъ и снова началъ составлять замыслы съ цѣлію завладѣть великимъ княженіемъ. Заключивъ союзъ съ княземъ Иваномъ Можайскимъ, Шемяка увѣрилъ его, что великій князь обязался Хану Махмету отдать государство московское, а самъ хочетъ сѣсть въ Твери. Къ союзу съ ними присоединился и Борисъ кн. тверскій, повѣрившій такому вымыслу и боясь лишиться Твери. Сторону Шемяки приняли нѣкоторые изъ московскихъ гражданъ и даже иноковъ и составился заговоръ: схватить великаго князя при удобномъ случаѣ. Для этого стали изучать всѣ его движенія и слѣдить за нимъ. Случай скоро представился (*). Кн. Димитрій и

(*) Хотя эти событія и не имѣютъ прямаго отношенія къ исторіи Костромы и Галича, но такъ какъ здѣсь главными дѣйствующими лицами являются князья: московскій и владѣвшій Галичемъ Д. Шемяка, то по соприкосновенности событій съ исторіей Галича и въ виду интереса ихъ въ русской исторіи, мы изложимъ ихъ съ достаточною полнотою, слѣдуя лѣтописному повѣствованію.

Иванъ Можайскій засѣли въ Рузѣ и получали всякій день извѣстія о великомъ князѣ. Великій князь, ничего неподозрѣвая, въ 1446 г. отправился съ небольшимъ числомъ людей на богомолье въ Троицкій монастырь. Измѣнники московскіе извѣстили объ этомъ злоумышленниковъ князей. Тѣ тотчасъ приступили къ Москвѣ и взяли ее безъ сопротивленія, такъ какъ жители не знали о походѣ, а ворота отворили князьямъ ихъ единомышленники. Великія княгини и казна великокняжеская были захвачены, имѣніе бояръ великаго князя и многихъ гражданъ было разграблено. Шемяка послалъ Ивана Можайскаго съ большимъ числомъ людей преслѣдовать великаго князя къ Троицѣ. Во время литургіи нѣкто Бунко прибѣжалъ въ церковь съ извѣстіемъ къ великому князю, что Д. Шемяка и Иванъ Можайскій идутъ на него ратью. Князь великій, помня недавнюю измѣну Бунко, отъѣхавшаго служить Шемякѣ, не повѣрилъ этому извѣстію, думая, что Бунко смущаетъ его: «какъ можетъ это быть, сказалъ великій князь, когда я съ моими братьми въ мирѣ?» и повелѣлъ Бунко прогнать изъ монастыря. Между тѣмъ онъ всетаки послалъ сторожевыхъ людей къ Радонежу. Сторожевые Ивана Можайскаго, союзника Шемяки, усмотрѣли ихъ и князь Иванъ прибѣгъ къ такой хитрости, чтобъ переловить ихъ: онъ велѣлъ приготовить сани и лечь въ нихъ ратникамъ, по двое прикрывшись рогожами и полостями, а третьему идти какъ бы за возомъ. Когда передніе возы миновали гору, тогда всѣ скрытые въ нихъ ратники выскочили и переловили всѣхъ сторожевыхъ великокняжескихъ, которые спокойно смотрѣли съ горы на возы и не могли теперь убѣжать, потому что снѣгъ тогда былъ глубокъ, до девяти пядей. Измѣнники поскакали къ монастырю. Когда показались они у села Климентьевскаго, извѣщенный великій князь бросился на конюшню, но коня наготовѣ не было; приближенные же растерялись и не знали что предпринять. Тогда безпомощный великій князь рѣшился скрыться въ церкви у гроба Св. Сергія и поно-

марь заперъ его тамъ. Измѣнники прискакали къ самымъ дверямъ церковнымъ и князь Иванъ началъ спрашивать: «гдѣ великій князь»? Великій же князь, узнавъ по голосу кн. Ивана, взмолился къ нему: «братъ! Пощади меня; не трогай меня отсюда; я не выйду изъ монастыря и здѣсь постригусь». Потомъ самъ отперъ южныя двери и, выйдя съ иконой Богоматери съ гроба св. Сергія на встрѣчу врагамъ, сказалъ кн. Ивану: «братъ! Въ этомъ храмѣ мы цѣловали крестъ и сію св. икону, чтобъ не мыслить намъ зла другъ на друга, но что теперь совершается не понимаю». Кн. Иванъ отвѣчалъ ему: «Государь! Если мы пожелаемъ тебѣ какого зла, то и намъ пусть тоже будетъ, но это мы дѣлаемъ ради христіанъ и для того, чтобы татары уменьшили окупъ, который ты долженъ имъ заплатить". Великій князь, поставивъ икону, палъ ницъ предъ гробомъ св. Сергія, обливаясь слезами, такъ что даже сами злодѣи прослезились. Кн. Иванъ, уходя изъ церкви, сказалъ одному изъ злоумышленниковъ Никитѣ Константиновичу: ,,возьми его". В. кн., вставши, спросилъ: ,,гдѣ братъ, князь Иванъ?". Тогда Никита, взявъ за плечи великаго князя, сказалъ: ,,ты плѣненъ теперь великимъ княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ". Посадивъ великаго князя съ однимъ инокомъ на сани, злоумышленники повезли его въ Москву, а бояръ великаго князя всѣхъ переловили или ограбили. Сыновья великаго князя спаслись и бѣжали изъ Троицкаго монастыря къ князю Ивану Ряполовскому въ Юрьевъ и съ нимъ въ Муромъ. Великаго князя, посадивъ въ Москвѣ на дворѣ Шемякинѣ, ослѣпили и потомъ сослали въ Угличъ съ княгинею, а мать его Софью Витовтовну заточили въ Чухлому. Кн. Димитрій, узнавъ, что сыновья великаго князя скрылись въ Муромѣ, подъ защитою князей Ряполовскихъ, не послалъ къ Мурому рати, боясь за себя, такъ какъ народъ въ Москвѣ негодовалъ на него за насилія и составлялъ противъ него замыселъ, желая на великое княженіе опять Василія Васильевича. Онъ придумалъ такую хитрость: призвалъ

епископа рязанскаго Іону (*) въ Москву и обѣщалъ ему митрополію на такомъ условіи: „поди въ свою епископію градъ Муромъ и возьми на свою епитрахиль сыновей великаго князя; я радъ буду ихъ пожаловать, а отца ихъ великаго князя выпущу и владѣніе имъ дамъ большое". Іона довѣрчиво отправился въ Муромъ на судахъ и здѣсь передалъ боярамъ великаго князя, тремъ князьямъ Ряполовскимъ, рѣчи Димитрія. Бояре колебались отпустить дѣтей князя Василія и наконецъ рѣшили такъ: „если мы не послушаемъ святителя и не пойдемъ къ кн. Димитрію съ дѣтьми великаго князя, то онъ, прійдя съ ратію, возьметъ городъ и, плѣнивъ малютокъ, что хочетъ, то и сдѣлаетъ съ ними и съ отцомъ ихъ и со всѣми нами. Что будетъ значить тогда наша стойкость, если мы не послушаемъ совѣтовъ святителя? (**) И сказали Іонѣ: „если съ такими словами пришелъ ты отъ князя Димитрія къ дѣтямъ великаго князя и къ намъ, то мы сами не рѣшаемся отдать ихъ тебѣ. Поди въ соборную церковь Рождества Пресв. Богородицы и возьми ихъ самъ съ пелены на свою епитрахиль и тогда мы отпустимъ ихъ съ тобою и сами съ ними пойдемъ". Совершивъ молебенъ, Іона взялъ мальчиковъ съ пелены Богородицы и прибылъ съ ними въ Переяславль, гдѣ былъ тогда кн. Димитрій. Шемяка принялъ ихъ ласково, но потомъ отправилъ въ заточеніе къ отцу въ Угличъ въ сопровожденіи владыки Іоны. Когда Іона возвратился, князь Димитрій повелѣлъ ему итти на митрополію въ Москву. Ряполовскіе, узнавъ о коварствѣ Шемяки, начали съ другими боярами, преданными Василію, за-

(*) Уроженца Солигаличскаго, отъ Солигаличи въ шести верстахъ близъ границы съ казанской землей. Отецъ его былъ Ѳедоръ по прозванію Однодушъ. По его имени и погостъ теперь Однодушево, который Однодушъ далъ въ домъ соборной церкви Богородицы въ Москвѣ. 12-ти лѣтъ Іона поступилъ въ московскій Симоновъ монастырь. Есть разсказъ, что однажды посѣтилъ Симоновъ монастырь митрополитъ Фотій и, зайдя въ хлѣбо-пекарню, увидалъ спящаго юношу; правая рука его лежала на головѣ со сложенными перстами, какъ бы благословляющая. Святитель Фотій предсказалъ юношѣ великую будущность. Карамз. т. V, гл. 3, примѣчаніе 292.

(**) Такъ было велико уваженіе къ святителямъ.

мышлять освободить великаго князя и съ этою цѣлію назначили собраться всѣмъ къ Угличу въ Петровъ день. Но князь Димитрій узналъ о приготовленіяхъ Ряполовскихъ и тѣ не смѣли придти подъ Угличъ къ назначенному сроку, но пошли къ Бѣлозерску. Послѣ нѣсколькихъ битвъ, Ряполовскіе пошли въ Литву къ кн. Василію Ярославичу въ Мстиславль и съ нимъ стали совѣщаться о томъ, какъ освободить великаго князя. Шемяка, замѣчая нерасположеніе къ себѣ народа (*) и расположенность его къ князю Василію, призвавъ владыкъ и бояръ, началъ совѣщаться съ ними: „выпустить ли ему великаго князя?“ Усерднымъ ходатаемъ за великаго князя выступилъ теперь митрополитъ Іона. Онъ началъ обличать Шемяку въ неправдѣ и негодовать на него за то, что онъ и его ввелъ въ срамъ и грѣхъ: „ты долженъ бы, говорилъ Іона, выпустить великаго князя, а между тѣмъ заточилъ съ нимъ и дѣтей его; я повѣрилъ тебѣ и ввелъ ихъ въ обманъ; выпусти великаго князя и сними грѣхъ съ меня. Слѣпой что онъ можетъ тебѣ сдѣлать? А дѣти его малы. Скрѣпи съ нимъ миръ крестнымъ цѣлованіемъ и нашей порукою“. Шемяка согласился выпустить великаго князя съ дѣтьми и дать ему во владѣніе вотчину. Въ 1447 г., съ этою цѣлію кн. Димитрій прибылъ въ Угличъ. Василій, изъявивъ смиреніе предъ Шемякой, со слезами благодарилъ его за такое милосердіе. Устроивъ пиръ для кн. Василія, княгини, дѣтей, бояръ и владыкъ и одаривъ ихъ, Шемяка далъ Василію въ удѣлъ Вологду.

Между тѣмъ приверженность къ Василію въ Москвѣ не ослабѣла. Кромѣ того не выносимо было правленіе Шемяки и бояре великаго князя, дѣти боярскія и многіе изъ простыхъ людей пошли отъ князя Димитрія къ великому князю. Кн. Василій отправился на богомолье въ Кирилловъ монастырь, но оттуда не

(*) Его княженіе особенно тягостно было для народа несправедливостью въ судѣ. Отсюда и поговорка: „Шемякинъ судъ“, т. е. несправедливый судъ.

возвратился въ Вологду, а ушелъ въ Тверь къ кн. Борису, который принялъ его радушно и обручилъ за его сына Ивана дочь свою Марію Многіе изъ бояръ и народа стали приходить къ кн. Василію и въ Тверь. Покуда Ряполовскіе съ кн. Василіемъ Ярославичемъ собирались изъ Мстиславля итти на Шемяку, пришла къ нимъ вѣсть, что великій князь выпущенъ и ему дана Вологда. На пути Ряполовскіе съ союзниками встрѣтили татаръ и, сказавъ о причинѣ своего похода, узнали, что и татары также идутъ на выручку великаго князя изъ расположенности къ нему за его добро къ нимъ и слыша какъ безчеловѣчно съ нимъ поступили его братья. Шемяка, узнавъ объ успѣхѣ князя Василія и не желая допустить его къ Москвѣ, остановился съ княземъ Иваномъ Можайскимъ у Волока Ламскаго. Князь же Василій послалъ къ Москвѣ развѣдать, какъ бы пройти туда, минуя рать Димитрія Шемяки. Возможность оказалась и Василій, увѣренный въ расположенности къ себѣ гражданъ Москвы, тайно отправилъ къ нимъ боярина Плещеева съ малочисленною дружиною. Плещеевъ умѣлъ обойти рать Шемяки и ночью, наканунѣ Рождества, былъ уже подъ стѣнами кремлевскими. Въ церквахъ звонили къ заутрени. Никольскія ворота были отворены въ это время для проѣзда къ заутрени княгини Юліаніи и Плещеевъ съ людьми вошелъ ими въ городъ. Галицкій намѣстникъ князя Димитрія, бывшій тогда, вѣроятно, въ Москвѣ, бѣжалъ изъ церкви отъ заутрени; прочіе бояре Димитріевы были захвачены и закованы. Граждане Москвы были приведены къ присягѣ на вѣрность великому князю Василію, а городъ начали укрѣплять. Шемяка съ Иваномъ Можайскимъ были въ затрудненіи: идетъ на нихъ в. князь отъ Твери, Москва взята, къ тому же еще Василій Ярославичъ съ Ряполовскими и татарами идутъ съ другой стороны на нихъ, люди отъ нихъ стали убѣгать; тогда они сами рѣшились бѣжать сначала въ Галичъ, Чухлому и отсюда съ матерью великаго князя Софіею въ Каргополь. Великій князь пошелъ преслѣдовать

ихъ къ Угличю. Здѣсь соединился съ нимъ Василій Ярославичъ съ боярами. Угличъ былъ взятъ. Василій пошелъ къ Ярославлю и отправилъ боярина Кутузова къ Димитрію, прося отпустить мать его великую княгиню Софію. Князь Димитрій, согласившись, что напрасно ему держать въ плѣну княгиню Софію, отпустилъ ее изъ Каргополя. Великій князь радостно встрѣтилъ мать свою у Троицкаго монастыря. Послѣ этого въ 1448 г Шемяка, при посредствѣ князей Михаила Андреевича Верейскаго и Василія Ярославича Боровскаго, заключилъ перемиріе съ великимъ княземъ съ тѣмъ, чтобы послѣдній пожаловалъ его и Ивана Андреевича тѣми волостями, которыми ихъ благословили отцы, кромѣ Звенигорода съ волостями и Вятки. Кромѣ того Шемяка отказывается отъ Углича съ волостями, Ржева съ волостями и Бѣжецкой волости. Князья были довольны условіями мирнаго договора, кромѣ Шемяки, который втайнѣ питалъ ненависть къ великому князю и старался всюду возбуждать нерасположеніе къ нему, особенно въ Новгородѣ, распуская слухи, что изъ за великаго князя Москва въ рукахъ татаръ, подговаривалъ на великаго князя Вятчанъ, сносился съ ханомъ казанскимъ и чествовалъ посла его вопреки договору; явно нарушалъ статьи этого договора и посылалъ въ Москву къ тіуну своему граматы, вооружавшія гражданъ противъ великаго князя. Граматы были перехвачены и великій князь Василій отдалъ дѣло на судъ духовенства. Отъ лица пяти владыкъ было написано къ Шемякѣ посланіе. Духовенство въ началѣ посланія говоритъ о единодержаніи, сравнивая грѣхъ князя Юрія, отца Шемяки, съ грѣхомъ Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе равнобожества. Затѣмъ духовенство объявляетъ себя явно на сторонѣ кн. московскаго. Далѣе излагаются укоризны Шемякѣ за его измѣну и ослѣпленіе Василія и, переходя къ послѣднему договору, духовенство укоряетъ Шемяку за несоблюденіе условій его. Въ заключеніе говорится, что духовенство било челомъ великому

князю за Шемяку и великій князь хочетъ мира съ двоюроднымъ братомъ. Если Шемяка не исполнитъ условій, въ такомъ случаѣ духовенство отлучаетъ его отъ Бога и отъ церкви и предаетъ проклятію. Шемяка не внялъ увѣщанію владыкъ и великій князь въ томъ же 1448 г. предпринимаетъ походъ противъ него къ Галичу. Дойдя до Костромы, кн. Василій остановился здѣсь, отправивъ пословъ къ Димитрію Шемякѣ. Шемяка, боясь начинать войну, просилъ мира и обѣщалъ великому князю не злоумышлять на него, въ противномъ случаѣ, говорилъ, пусть не будетъ на мнѣ милости Божіей и Пречистой его Матери и всѣхъ святыхъ и благословенія всѣхъ епископовъ земли русской. Кн. великій согласился даровать ему миръ, который и былъ заключенъ въ Костромѣ, и потомъ возвратился въ Москву. Въ этотъ годъ скончался кн. Василій Юрьевичъ Косой, жившій въ забвеніи и бездѣйствіи послѣ своего ослѣпленія. Одинъ годъ прошелъ мирный, но Шемяка продолжалъ свои козни. Ранѣе онъ не далъ помощи великому князю, когда ханъ Махметъ напалъ на Москву; теперь онъ не хотѣлъ принимать участія съ великимъ княземъ въ чествованіи ханскихъ пословъ и наконецъ весною 1449 г. нарушилъ крестное цѣлованіе и приступилъ съ большимъ войскомъ къ Костромѣ. Долго онъ бился подъ городомъ, но не взялъ его, потому что въ Костромѣ была сильная застава великокняжеская или ополченіе подъ начальствомъ Ив. В. Стриги и Ѳедора Басенка. Скоро великій князь самъ выступилъ въ походъ противъ Шемяки, взявъ съ собой митрополита, епископовъ, братьевъ и царевичей татарскихъ. Враги сошлись на Волгѣ въ с. Рудинѣ близь Ярославля, но не вступили въ битву, потому что князь Иванъ Можайскій отступилъ отъ Шемяки и примирился съ Василіемъ, который снова далъ ему Бѣжецкій Верхъ, и враги заключили миръ. Но въ слѣдующемъ году великій князь предпринимаетъ новый походъ противъ Шемяки. Отчаявшись въ возможности полнаго примиренія съ нимъ, великій князь рѣшился теперь

сокрушить врага и съ большимъ войскомъ предпринялъ въ 1450 г. походъ на Галичъ. Пришло къ великому князю извѣстіе, что Шемяка пошелъ къ Вологдѣ. Великій князь направился на Иледамъ и Обнору, чтобы отсюда итти къ Вологдѣ. Но на пути онъ узналъ, что Шемяка воротился въ Галичъ. Тогда и вел. князь воротился съ Обноры и, идя вверхъ рѣкою Костромою, прибылъ на Желѣзный Борокъ къ Іоанну Святому. Шемяка собралъ огромное войско, возвелъ сильныя укрѣпленія около города, поставилъ пушки на валахъ и самъ съ большимъ войскомъ расположился на горѣ предъ городомъ. Великій князь, по слѣпотѣ своей, не могъ самъ предводительствовать войскомъ, но ввѣрилъ главное начальство надъ нимъ князю Василію Ивановичу Оболенскому. Воеводы великаго князя съ опасеніемъ шли отъ озера къ горѣ, такъ какъ она была крута. Съ трудомъ выйдя изъ овраговъ, они пошли на гору. Съ горы непріятели начали стрѣлять въ нихъ, но не причинили никому вреда. Наконецъ полки враговъ сошлись и началась кровопролитная сѣча, какой давно уже не было на Руси, извѣстная въ русской исторіи подъ названіемъ Галицкой битвы 27 января 1450 г. Полки великаго князя одержали побѣду; многіе изъ враговъ были побиты, лучшіе люди попались въ плѣнъ и самъ кн. Шемяка едва избѣжалъ плѣна; пѣшая рать была почти вся уничтожена, но городъ еще не сдавался и ворота были затворены. Къ великому князю Василію пришла на Борокъ вѣсть о славной его побѣдѣ. Онъ тотчасъ прибылъ къ Галичу. Тогда граждане сдались ему. В. кн., даровавъ имъ миръ, посадилъ въ Галичѣ намѣстниковъ, и отбылъ въ Москву. Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ. Но, собравшись съ силами, онъ устремился на Устюгъ и, расположивъ къ себѣ жителей, привелъ ихъ къ присягѣ, а непокорныхъ бросалъ въ р. Сухону. Изъ Устюга онъ ходилъ воевать къ Вологдѣ. Великій князь, занятый дѣлами татарскими, не могъ итти на Шемяку и только въ слѣдующемъ 1451 г. предпринялъ походъ на него чрезъ Яро-

славль. В. князь изъ Ярославля послалъ противъ него рать съ сыномъ своимъ Іоанномъ, а самъ пошелъ къ Костромѣ, и отсюда послалъ Ягуна одного изъ татарскихъ царевичей, бывшихъ тогда на службѣ у великаго князя, присоединиться къ сыну Ивану, чтобы идти на Шемяку. Еще ранѣе этого нѣкоторыхъ князей и бояръ онъ послалъ на Устюгъ. Шемяка, услыхавъ объ этомъ походѣ, пожегъ посадъ Устюжскій и бѣжалъ на р. Кокшенгу. Кн. Иванъ съ татарскимъ царевичемъ взялъ городки по Кокшенгѣ и, дойдя до устья р. Ваги и Осинова поля, съ большой добычей и многими плѣнными возвратился назадъ. Шемяка бѣжалъ опять въ Новгородъ. Въ 1453 г. въ Новгородъ прибылъ изъ Москвы дьякъ Степанъ Бородатый и подговорилъ боярина Шемякина Котова убить Шемяку. Котовъ подговорилъ повара и тотъ далъ Шемякѣ отравы. Шемяка вскорѣ умеръ, поѣвши курицы, напитанной ядомъ. Подъячій Василій Беда привезъ въ Москву извѣстіе о смерти Шемяки и за это получилъ званіе дьяка. Только смертью Шемяки, оставившаго очень недобрую славу о себѣ въ исторіи по своей хитрости, коварству, вѣроломству и несправедливости въ судѣ, прекратилась эта знаменитая въ русской исторіи послѣдняя междоусобная война въ рюриковомъ домѣ изъ за великаго княженія, продолжавшаяся больше четверти вѣка (съ 1425 по 1453 г.) и кончившаяся въ пользу новаго порядка престолонаслѣдія, утвердившагося въ московской Руси, отъ отца къ старшему сыну.

Мы изложили событія до начала второй половины XV в., когда московское государство становилось еще сильнѣе при установившемся на Руси новомъ порядкѣ престолонаслѣдія отъ отца къ старшему сыну. Кострома еще до усиленія Москвы Іоанномъ Калитою перешла во владѣніе московскихъ князей, сдѣлавшихся великими князьями. Послѣ она вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами постоянно сохраняла значеніе великокняжескаго города, не имѣя самостоятельныхъ князей, но управляясь воеводами или на-

мѣстниками великокняжескими. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ Костромскихъ волостей, купленныя или примышленныя московскими князьями, составляли ихъ собственность. Раньше по мѣстамъ намъ приходилось упоминать объ этихъ волостяхъ. Теперь мы сгруппируемъ ихъ всѣ вмѣстѣ. Какъ видно изъ завѣщанія Іоанна Калиты, имъ было примышлено на Костромѣ Сельцо Новое и кромѣ того въ его владѣніи было еще купленное на Костромѣ женою Александра Невскаго, бабкою Калиты, село Павловское. Симеонъ Гордый примыслилъ купленное на Костромѣ село Александровское. По завѣщанію Димитрія Донскаго княгиня Евдокія получила въ Костромскомъ уѣздѣ Иледамъ съ Комелою, изъ Галича—Соль. Димитрій Донской отдалъ сыну Юрію Галичъ съ волостями и селами, которыя тянули къ Костромѣ: Никольскимъ и Борисовскимъ. Изъ волостей же Костромскихъ кн. Юрій получилъ: Андому, Шиленгу, Корегу, Борку, Березовецъ съ Залѣсьемъ. Волости: Шачебалъ и Ликурги Юрій уступилъ брату Петру Дмитріевичу, а тотъ уступилъ ихъ Константину. По завѣщанію Василія Дмитріевича в. княгиня Софія Витовтовна получила изъ Костромы: Иледамъ съ Обнорою, Комелою и Волочкомъ, Нерехту съ варницами, бортниками, бобровниками и селомъ Княгининскимъ. Кн. Василій имѣлъ еще прикупы Костромскіе: Качаловское, Ушаковское и Святое. Галичъ съ волостями былъ отданъ Юріемъ сыну Димитрію Красному, а послѣ его смерти перешелъ къ Шемякѣ. Шемяка владѣлъ: Шепковымъ, Лучиньскимъ, Сурожикомъ и Корегой (*). По раздѣлу вотчинъ Василіемъ Темнымъ, четвертый сынъ его Борисъ получилъ на Костромѣ—на Волгѣ Нижнюю слободу, Базѣевское, Мануиловское. Великая княгиня Марія получила на Костромѣ села: Михаила Данилова, Колдомскія, данныя ей Михаиломъ Сабуровымъ. Потомъ изъ владѣній княжескихъ упоминаются соляныя варницы: въ области Галицкой такъ называемая

(*) Собр. гос. грам. и договор., № 58.

Соль и въ Нерехтѣ. «Московскій князь скупаетъ отдаленныя сѣверо-западныя и сѣверо-восточныя княжества, волости, какъ видно, пустынныя, бѣдныя, которыхъ князья не были въ состояніи противиться ближайшимъ сосѣдямъ, князьямъ болѣе сильнымъ. Такимъ образомъ московскіе князья распространяютъ свои владѣнія на счетъ слабыхъ раздробленныхъ владѣній потомковъ Константина, Ивана Всеволодовичей, Константина Ярославича (*). «Присвоивъ себѣ удѣлъ Галицкій послѣ Шемяки, Можайскій и Боровскій, Василій Темный оставилъ въ великомъ княженіи только Михаила Верейскаго княземъ владѣтельнымъ; другихъ не было. Внуки Кирдянины, нѣсколько лѣтъ правивъ древнею Суздальскою областью въ качествѣ московскихъ присяжниковъ, волею или неволею выѣхали оттуда. Уже всѣ доходы московскіе шли въ казну великаго князя; всѣ города управлялись его намѣстниками. Одна Вятка, бывшая частью Галицкой области, не хотѣла повиноваться Василію» (**). Уже не далеко было время, когда не только удѣльныя княжества великаго княженія московскаго, но и другіе крупные удѣлы объединятся въ одно цѣлое государство русское вокругъ центра Москвы. Это великое дѣло надлежало совершить уже преемникамъ Василія Темнаго. Ему же по крайней мѣрѣ принадлежитъ честь за то, что онъ удержалъ за собой великокняжеское достоинство въ силу симпатій къ нему и сочувствія къ установившемуся новому порядку престолонаслѣдія въ московской Руси. Въ 1462 г. 27 марта скончался в. кн. Василій Васильевичъ отъ сухотной болѣзни. Лѣтописецъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о принимавшихся тогда мѣрахъ противъ болѣзней. В. кн., чувствуя въ себѣ сухотную болѣзнь, повелѣлъ жечь себя горящимъ трутомъ во многихъ мѣстахъ, даже и тамъ, гдѣ не чувствовалъ боли. Отъ прижиганія образовались раны и болѣзнь

(*) Солов. истор., т. IV, стр. 154.

(**) Карамз., т. V, гл. III, стр. 205.

еще болѣе усилилась. В. кн. желалъ постричься въ монахи, но его до этого не допустили и онъ вскорѣ скончался На Московскій великокняжескій столъ вступилъ въ 1462 г. старшій сынъ Василія Темнаго Іоаннъ III-й Васильевичъ.

Казанскіе татары, какъ мы видѣли, не рѣдко нападали на пограничныя области великаго княженія. Князья московскіе предпринимали походы или для отраженія набѣговъ татаръ или для отмщенія за ихъ набѣги ходили на самую Казань. Въ 1467 г. Іоанну III Васильевичу представился случай отмстить казанцамъ за ихъ набѣги и даже, при счастіи, овладѣть Казанью, этимъ гнѣздомъ хищниковъ, плѣнившихъ однажды даже самого великаго князя, отца Іоанна. Какъ мы раньше упоминали, царевичи татарскіе переходили на службу къ великому князю. Въ княженіе Василія Темнаго царевичъ Касимъ за вѣрную службу получилъ въ удѣлъ Мещерскій городокъ на берегу Оки, названный съ того времени по его имени Касимовымъ. Въ 1467 г. онъ получилъ изъ Казани вѣсть, что тамъ желаютъ его на престолъ. Касимъ прибѣгъ къ помощи великаго князя и тотъ послалъ къ нему рать подъ начальствомъ князя Ивана Васильевича Оболенскаго Стриги. Но Касимъ обманулся. Онъ встрѣтилъ подъ Казанью сильную рать подъ начальствомъ самого царя Казанскаго Ибрагима, который не допустилъ Касима перевезтись чрезъ Волгу. Касимъ, испытавъ бѣдствія и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, возвратился назадъ безъ успѣха. По уходѣ Касима, Казанцы, въ отмщеніе за участіе въ этомъ походѣ и рати великаго князя, сдѣлали набѣгъ на Галичъ, но не могли овладѣть городомъ и жителями волостей, которые всѣ стеклись въ городъ и заперлись въ немъ. Съ небольшою добычей казанцы отступили отъ Галича. Для защиты городовъ великаго княженія, великій князь разослалъ заставы (оборонительныя рати) въ Муромъ, Нижній-Новгородъ, Кострому и Галичъ и приказалъ гражданамъ сидѣть въ крѣпкой

засадѣ. Въ ту же зиму 1467 г. (*) великій князь послалъ князя Семена Романовича съ дѣтьми боярскими въ землю Черемисскую. Всѣ рати соединились въ Галичѣ и 6 декабря пошли на Черемисъ дремучими лѣсами, «безъ пути», въ сильную стужу. Область Черемисская была опустошена; много жителей было взято въ плѣнъ, много избито и сожжено, а скотъ и имущество, что можно было взять, забрано; только на одинъ день пути они не дошли до Казани и съ добычей возвратились въ Москву. Весною слѣдующаго года опять великій князь посылаетъ противъ казанскихъ татаръ рать въ отмщеніе за ихъ продолжавшіеся набѣги. Изъ Москвы былъ посланъ къ Галичу Руно съ казаками (**), а изъ Галича дѣти боярскія Семеновы и другіе. Всѣ они пошли къ Вологдѣ, съ Вологды къ Устюгу, съ Устюга къ вятской землѣ и, соединясь подъ Котельничемъ съ ратями изъ окрестныхъ волостей, пошли на Казань. Но, узнавъ о походѣ Казанцевъ на встрѣчу имъ, возвратились назадъ къ Вяткѣ. Казанцы отомстили нападеніемъ на побережье рѣки Юга, повоевали двѣ волости Костромскія; другой же отрядъ ихъ раззорилъ Муромскую волость, но здѣсь татары были разбиты княземъ Даніиломъ Холмскимъ. Весною 1469 г. великій князь предпринялъ новый походъ на Казань въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Изъ Москвы и другихъ городовъ великаго княженія двинулись рати по призыву великаго князя къ Нижнему-Новгороду, который былъ назначенъ пунктомъ для соединенія ихъ. Угличане, Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и прочіе всѣ поволжане поплыли Волгою къ Нижнему-Новгороду. 21 мая приступили къ Казани, зажгли вокругъ нея посады, но, будучи истомлены, отплыли на островъ Коровничъ. Вообще всѣ перечисленные походы на Казань ратей великаго князя Іоанна Васильевича, въ числѣ которыхъ участвовали Костромичи и Галичане, не имѣли важнаго результата, т. е.

(*) По Воскр. Лѣтоп. 1468 г.

(**) Стоитъ здѣсь вниманія упоминаніе о походѣ съ казаками, или польными людьми, о чемъ раньше намъ не случалось упоминать.

завоеванія Казани; весь успѣхъ ограничивался опустошеніемъ непріятельскихъ областей. Неполный успѣхъ походовъ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ недостатка единства въ движеніяхъ, отъ недостатка подчиненности; приказы великаго князя и воеводъ часто не были исполняемы; одинъ воевода часто не могъ дождаться другаго.

Въ послѣдующій за изложенными событіями десятилѣтній періодъ нѣтъ въ лѣтописяхъ упоминаній о Костромѣ и Галичѣ до похода Іоанна III на Новгородъ. Новгородская община, съ своимъ особеннымъ отъ другихъ областей вѣчевымъ бытомъ и вольностями, не могла надолго сохранить самостоятельность по мѣрѣ усиленія Москвы. Еще Василій Темный, какъ скоро избавился отъ опасныхъ или безпокойныхъ князей, началъ тяготиться тѣмъ, что Новгородъ не воздаетъ ему должной чести, когда онъ держитъ подъ рукою многихъ князей. Новгородцы понимали опасность своего положенія и видѣли, что имъ не будетъ помощи противъ сына Василіева ни отъ кого изъ князей сѣверной Руси и потому должны были искать помощи въ другой сторонѣ. Кромѣ московскаго сильнаго князя былъ еще великій князь литовскій. Къ нему и обратились Новгородцы въ такомъ затруднительномъ положеніи. Въ Новгородѣ образовалась сильная партія изъ лучшихъ людей, во главѣ которой стояла вдова посадника Исаака Марфа Борецкая, имѣвшая власть и надъ дѣтьми; эта партія желала отдаться въ подданство Литвѣ. Но и прежде было замѣтно раздвоеніе между гражданами Новгорода: между лучшими и меньшими людьми. Теперь въ рѣшительную минуту это раздѣленіе повело къ разномыслію относительно самаго важнаго шага, а это разномысліе въ свою очередь усиливало вражду между сторонами. Другая партія въ Новгородѣ изъ меньшихъ людей явно тянула къ Москвѣ. Великій князь рѣшился подчинить своей полной власти Новгородъ. Онъ предпринималъ на Новгородъ два похода въ 1471 и 1478 гг. Мы не будемъ излагать всѣхъ подробностей походовъ Іоанна III,

какъ не касающихся исторіи Костромы. Упомянемъ только о тѣхъ случаяхъ, когда упоминается въ лѣтописяхъ о костромичахъ и галичанахъ. Второй разъ великій князь выступилъ на Новгородъ въ 1478 г. изъ Москвы съ сильною ратью. Первая остановка войскъ была въ Волокѣ Ламскомъ. Отсюда великій князь пошелъ на Торжокъ и 23 октября изъ Торжка выступилъ на Новгородъ. Рати раздѣлились: самъ великій князь пошелъ на Волочекъ и оттуда направился между Яжолбицкой дорогой и р. Мстою. Царевичу Даніару съ воеводою Василіемъ Образцемъ велѣлъ итти отъ Торжка по за Мстѣ. По своей сторонѣ р. Мсты велѣлъ итти князю Даніилу Холмскому и съ нимъ дѣтямъ боярскимъ двора великаго князя, владимірцамъ, переяславцамъ и *костромичамъ*, той же дорогой шли тверскіе бояре съ дмитровцами и кашинцами. По правую и лѣвую сторону и между своею дорогою и Мстою в. к. велѣлъ итти другимъ отрядамъ. Нѣсколькими эшелонами, говоря современнымъ языкомъ, шло войско великаго князя Іоанна къ Новгороду. Ноября 19 въ станѣ на Палинахъ князь сформировалъ и распредѣлилъ полки свои, гдѣ кому быть: брату своему меньшому Андрею велѣлъ быть въ передовомъ полку и при немъ воеводамъ: князю Даніилу Холмскому съ *костромичами* и др. У себя въ полку великій князь велѣлъ быть воеводѣ Ивану Юрьевичу, Василію Образцу, Василію Сабурову съ *галичанами* и др. Со стана на Палинахъ великій князь велѣлъ итти къ Бронничу въ числѣ другихъ князю Даніилу Холмскому съ переяславцами и *костромичами*. Когда полки приблизились къ Новгороду, то великій князь велѣлъ итти прямо къ городу отъ Броннича воеводамъ своимъ: Даніилу Дмитріевичу и др. съ своими полками (въ числѣ которыхъ были и *костромичи*), на другую сторону города въ числѣ воеводъ велѣлъ итти Василію Сабурову (съ галичанами). Всѣ воеводы съ своими полками шли чрезъ Ильмень озеро по льду и, перейдя озеро, взяли сначала Городище и всѣ монастыри подъ городомъ. Къ великому князю прибыло посольство

изъ Новгорода съ Архіепископомъ Ѳеофаномъ. В. князь изложилъ имъ причины своего прихода на Новгородъ съ ратію: „приходили послы къ намъ изъ Новгорода; назвали насъ Государемъ. А мы послали спросить васъ: какого хотите государства? Вы же заперлись, сказавъ, что для этого пословъ къ намъ не посылали. Много разнаго зла и нечести намъ великимъ князьямъ чинится отъ васъ. Мы долго терпѣли, ожидая исправленія вашего; но вы стали еще лукавѣе и потому мы положили итти на васъ ратію. Въ заключеніе великій князь сказалъ: „если захочетъ намъ великимъ князьямъ, своимъ Государямъ, отчина наша Новгородъ бить челомъ, то они знаютъ, отчина наша, какъ имъ намъ великимъ князьямъ бить челомъ (*)". Приступивъ къ городу, великій князь велѣлъ полкамъ своимъ расположиться вокругъ города по монастырямъ и, между прочимъ, князю Даніилу Холмскому съ костромичами велѣлъ стать у Аркадьева монастыря, Василію Сабурову съ галичанами у монастыря св. Пантелеймона. Къ великому князю прибыло вновь посольство съ Архіепископомъ Ѳеофаномъ просить его смиловаться надъ Новгородомъ своею отчиною. Отвѣтъ имъ былъ тотъ же. Чрезъ недѣлю опять прибыли къ великому князю послы уже съ повинною, сознаваясь, что посольство, о которомъ говорилъ великій князь, дѣйствительно было въ Москву отъ нихъ. Великій князь отвѣчалъ: если вы винитесь въ томъ и сознаетесь, что называли насъ Государемъ и, слѣдовательно, желаете нашего государства въ нашей отчинѣ въ Новгородѣ, то знайте, что мы хотимъ въ Новгородѣ такого же государства, какъ и въ Москвѣ: „вѣчному (вѣчевому) колоколу чтобы не быть въ Новгородѣ, а государство свое намъ держать". Болѣе великій князь не соглашался ни на какія уступки и требовалъ отъ Новгородцевъ полной покорности. Послѣ долгаго обсужденія, составлена была крестоцѣловальная грамата о покорности Новгорода

(*) Воскр. лѣт. подъ 1478 г.

великому князю. Вѣче было уничтожено и вѣчевой колоколъ снятъ съ башни. Великій князь разослалъ боярскихъ дѣтей и дьяковъ во всѣ пять концовъ Новгорода и тѣ привели къ присягѣ великому князю всѣхъ жителей, бояръ, женъ ихъ и вдовъ и людей боярскихъ. Бояре новгородскіе, ихъ дѣти, житьи люди вступили въ службу къ великому князю. 20 января великій князь отправилъ гонца въ Москву къ матери, къ митрополиту и сыну съ извѣстіемъ, что онъ привелъ Новгородъ во всю свою волю и сталъ въ немъ Государемъ, какъ и въ Москвѣ. Отслушавъ два раза литургію въ церкви св. Софіи, угостивъ и обласкавъ знатнѣйшихъ изъ Новгородцевъ и оставивъ въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ, 17 февраля отправился великій князь въ Москву, куда и возвратился 5 марта. Вслѣдъ за нимъ привезли въ Москву вѣчевой колоколъ и повѣсили на колокольнѣ Успенскаго собора. Такъ былъ подчиненъ Іоанномъ III Новгородъ Москвѣ въ 1478 г., при участіи въ числѣ многочисленной его рати костромичей и галичанъ. Трудно было достигнуть окончательнаго слитія Новгорода съ Москвою, когда сильная партія бояръ и лучшихъ людей, тянувшая къ Литвѣ, продолжала существовать въ Новгородѣ. Для полнаго подчиненія Новгорода Москвѣ нужно было удалить изъ него бояръ и житьихъ людей, выселивъ ихъ въ предѣлы московскаго государства, а на ихъ мѣсто водворить жителей изъ московскаго государства. В. кн. въ 1489 г. вывелъ изъ Новгорода многихъ бояръ, житьихъ людей и гостей числомъ больше тысячи и пожаловалъ имъ помѣстья въ Москвѣ, Владимірѣ, Муромѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ, *Костромѣ* и по другимъ городамъ, а въ Новгородъ на ихъ помѣстья послалъ многихъ московскихъ лучшихъ людей, гостей и дѣтей боярскихъ и изъ другихъ городовъ московской отчины. Такимъ способомъ достигалось полное слитіе Новгорода съ Москвою. Подъ 1490 г. въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ неудобопонятное извѣстіе, касающееся Костромы: «Устюжане и Двиняне на службѣ на лежачей на Костромѣ были,

а отборщикъ Семенъ Болтинъ и билися Устюжане съ Костромичи» (*).

Могущество московскаго великаго князя не могло не казаться опаснымъ для великаго литовскаго князя и польскаго короля. Подъ 1493 мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстіе о составлявшемся заговорѣ на жизнь великаго князя московскаго. Князь Иванъ Лукомскій, Матіасъ ляхъ толмачъ (переводчикъ) латинскій, два брата Смолняне Селевины уличены были въ сношеніяхъ съ литовскимъ княземъ Александромъ, а Иванъ Лукомскій, какъ оказалось, былъ посланъ на службу къ великому князю московскому польскимъ королемъ Казиміромъ, который обязалъ Лукомскаго присягой убить или отравить великаго князя и даже далъ ему яду, который и найденъ былъ у Лукомскаго. При разслѣдованіи этого дѣла, Лукомскій оговорилъ князя Ѳедора Иванов. Бѣльскаго, также выходца изъ Литвы, въ томъ, что тотъ хотѣлъ бѣжать въ Литву отъ великаго князя, можетъ быть тѣмъ давая намекъ на соучастіе и его въ заговорѣ. Князь великій предалъ Лукомскаго и Матіаса казни чрезъ сожженіе въ клѣткѣ на р. Москвѣ, братьевъ Селевиныхъ казнилъ торговою казнью: одного засѣкли кнутомъ до смерти, другому отрубили голову, а князя Ѳедора Бѣльскаго вел. кн. повелѣлъ заточить въ Галичъ (**). Но нужно думать, что обвиненіе Бѣльскаго было ложное или онъ былъ скоро прощенъ; по крайней мѣрѣ Бѣльскій вскорѣ опять является на службѣ великаго князя и пользуется его довѣріемъ. Такъ подъ 1499 г. во время похода на Казань Бѣльскому ввѣрено было начальствованіе (***) надъ большимъ полкомъ великаго князя. Въ томъ же 1493 г. Кострома подверглась бѣдст-

(*) Карамз. къ т. VI, гл. VI, въ примѣчаніи подъ 1490-мъ г. выписки изъ лѣтописей.

(**) Воскр. лѣт., т. 8, стр. 225 Князь Козловскій въ исторіи Костромы говоритъ, что Бѣльскій былъ заточенъ въ Лухъ (стр). 72. Но Лухъ былъ вотчиной кн. Бѣльскаго (см. Соловьева, ист. т. V, стр. 179) и здѣсь онъ былъ схваченъ, какъ говорится въ Тверской лѣтописи подъ 1492 г.

(***) Воскр. лѣт., т. 8, стр. 237

вію отъ пожара. Въ субботу на Вербное Воскресенье весь городъ былъ истребленъ пожаромъ, по сказанію лѣтописи. Какъ часты и повсемѣстны тогда были на Руси пожары, истреблявшіе цѣлые города, видно изъ того, что вслѣдъ за извѣстіемъ о пожарѣ Костромы, лѣтописецъ говоритъ: «Апрѣля 16 на Радуници (на Ѳоминой недѣлѣ) погорѣ градъ Москва внутрь весь". Въ слѣдующемъ году погорѣ Рязань городъ весь (*). Изъ времени великаго княженія Іоанна III мы должны привести еще одно любопытное данное, относящееся къ исторіи Костромы. До насъ дошли жалованныя граматы Іоанна III литовскому выходцу, пану Ивану Судимонту Кондратьевичу, получившему въ Москвѣ званіе боярина введеннаго. Въ одной граматѣ говорится: «билъ мнѣ челомъ Яковъ Захарьевичъ, что вамъ обоимъ на Костромѣ сытымъ быть не съ чего. И я князь великій Якова пожаловалъ городомъ Владиміромъ, а тебѣ придалъ другую половину Костромы съ правдою (судомъ).» Извѣстно, что волостели и намѣстники въ старину жалованья отъ казны не получали, а пользовались доходами и пошлинами съ управляемыхъ волостей и городовъ, что называлось кормленіемъ. И сами они на отправленіе своихъ должностей и правосудія смотрѣли какъ на средство кормиться, быть сытыми и не считали неприличнымъ высказывать такой взглядъ прямо въ просьбахъ своихъ великому князю. Іоаннъ III скончался 27 октября 1505 г., благословивъ предъ смертью на великокняжескій столъ сына своего Василія.

Въ завѣщаніи Іоанна III подробно исчисляются всѣ города и волости, раздѣленные имъ между пятью сыновьями. Большая половина ихъ съ великокняжескимъ столомъ была назначена старшему сыну Василію, а остальнымъ четыремъ было отдано меньше половины городовъ, именно 30 (**). Старшему сыну Василію

(*) Тамъ же, стр, 226 и 227.

(**) Кромѣ того сохранилось завѣщаніе брата Іоанна III Юрія Васильевича, умершаго

въ числѣ городовъ и волостей даны были: Кострома съ Плесомъ, Нерехтою, Иледамомъ, Галичъ съ Солью, Унжа, Чухлома, вотчина кн. Бѣльскаго городъ Лухъ, волости: Вичюга, Кинешма, Чихачевъ.

Княженіе Василія III было какъ бы продолженіемъ государствованія Іоанна. Мы уже видѣли, какъ въ княженіе Іоанна III русскіе постепенно стремились утвердить свою власть надъ Казанью, Не была еще завоевана Казань, но ханъ казанскій Махметъ-Аминь, возведенный Іоанномъ на казанскій престолъ, уже обязанъ былъ присягою быть вѣрнымъ Іоанну. Но присяжникъ Іоанновъ измѣнилъ ему. Дѣйствуя по внушенію своей жены, ненавидѣвшей русскихъ, онъ далъ позволеніе избить русскихъ купцовъ въ Казани во время ярмарки, издавна существовавшей тамъ (*) для обмѣна русскихъ товаровъ на азіатскіе. Іоаннъ, по оплошности своихъ воеводъ, не успѣлъ наказать Махметъ Аминя за измѣну. Исполнить эту месть царю казанскому надлежало преемнику Іоанна III Василію III. Такимъ образомъ и Василіево княженіе, подобно Іоаннову, началось походомъ на Казань, но также не имѣвшимъ важныхъ результатовъ. Великій князь послалъ рать съ знаменитымъ тогда полководцемъ Даніиломъ Щеня и Юріемъ Константиновичемъ Сабуровымъ на Муромъ, а съ Михаиломъ Голицей Ивановичемъ Булгаковымъ на Плесъ. Даніилъ уже готовился итти къ Волгѣ отъ Мурома, но въ это время Махметъ-Аминь изъявилъ раскаяніе и прислалъ къ великому князю письмо съ извиненіемъ и просьбой мира. В. кн. согласился на

бездѣтнымъ. Въ числѣ другихъ волостей онъ завѣщалъ великому князю село на Костромѣ Качалово съ деревнями. Ему же (вел. князю) было завѣщано и братомъ его Андреемъ Васильевичемъ: Иледамъ съ Обнорою и съ Комелою и Волочкомъ. Еще имѣемъ завѣщаніе отъ 1498 г. кн. Ивана Юрьевича Патрикѣева, бывшаго бояриномъ и намѣстникомъ московскимъ, но потомъ, подпавшаго гнѣву великаго князя Іоанна III за участіе въ противугосударственныхъ злоумышленіяхъ и только по милости великаго князя не казненнаго, но постриженнаго въ монахи. Въ своемъ завѣщаніи кн. Иванъ Юрьевичъ отказываетъ изъ своихъ владѣній сыну своему Василію между прочими селами село на Костромѣ Турабьевское съ сельцами и деревнями, да сельцо Шулговатое Палаченьское съ сельцами и деревнями. Собр. гос. грам. и догов. №№ 96, 112 и 130.

(*) Впослѣдствіи она была перенесена въ г. Макарьевъ, а потомъ въ Нижній Новгородъ..

миръ подъ условіемъ освободить нашего посла и всѣхъ захваченныхъ въ плѣнъ купцовъ. Махметъ клятвенною граматою призналъ свою зависимость отъ Россіи.

Обезопасивъ себя съ востока, Василій долженъ былъ устремить взоры на сильнаго своего сосѣда на западѣ князя Литовскаго. Кн. Александръ Литовскій хотя былъ въ близскомъ родствѣ съ Василіемъ, имѣя въ супружествѣ сестру его Елену, тѣмъ не менѣе между Русью и Литвою не было тогда дружественныхъ отношеній. Князь Александръ не рѣдко жаловался Василію на обиды литовцамъ со стороны русскихъ. Но великій князь призналъ эти жалобы литовцевъ не справедливыми. Кромѣ того, литовскій князь просилъ возратить Литвѣ всѣ завоеванія москвитянъ, но московскіе бояре сказали ,что великій князь владѣетъ только собственными землями. Очевидно было, что отношенія между русскимъ и литовскимъ дворами были учтиво холодныя. По смерти литовскаго князя Александра, великій кн. Василій даже надѣялся, при помощи сестры своей Елены, оставшейся вдовою по смерти Александра, присоединить Литву и Польшу къ Россіи и быть верховнымъ владыкою Руси, Польши и Литвы. Но Елена отвѣчала, что братъ ея супруга Сигизмундъ уже объявленъ ему преемникомъ въ Вильнѣ и Краковѣ. Василій, досадуя на неудачу, объявилъ войну Сигизмунду подъ тѣмъ предлогомъ, что литовцы дѣлаютъ набѣги на владѣнія князей стародубскаго и рыльскаго. Уже войска дошли до Мстиславля. Тогда Сигизмундъ отправилъ пословъ въ Москву съ мирными предложеніями. Между тѣмъ онъ принялъ къ себѣ въ службу измѣнника великому князю бѣглеца изъ Москвы Константина Острожскаго. Василій отомстилъ Сигизмунду за это, принявъ подъ свое покровительство измѣнника литовскаго, знаменитаго вельможу Михаила Глинскаго. Онъ съ почетомъ принялъ Глинскаго въ Москвѣ, щедро дарилъ его не только подарками, но и селами и даже даровалъ ему во владѣніе города: Ярославецъ и Медынь. Братья Михаила оставались въ Мо-

зырѣ, который былъ вмѣстѣ съ Туровымъ во владѣніи Глинскихъ. Михаилъ просилъ теперь у великаго князя воиновъ для обереженія этихъ городовъ. Великій князь Василій далъ ему воеводу князя Несвицкаго съ *галицкими* и *костромскими* ратниками и съ татарами. Между тѣмъ война съ Литвою еще продолжалась. Но Сигизмундъ, опасаясь Крымскаго хана, при посредствѣ сестры великаго князя Елены, предложилъ Василію миръ, на который тотъ согласился. Между Литвою и Русью былъ заключенъ вѣчный миръ. Этотъ миръ склонилъ и крымскаго хана Менгли Гирея утвердить дружбу съ нами въ 1508 г. Великій князь Василій первый изъ государей русскихъ достигъ высокаго могущества и полной власти надъ всею Русью. Остававшіеся еще неприсоединенными къ Москвѣ удѣлы и община Псковъ при немъ приведены были въ покорность Москвѣ. Василій III въ 1533 г. умеръ полновластнымъ владыкою всей Руси, оставивъ преемникомъ своимъ сына четырехлѣтняго Іоанна (*).

(*) У в. кн. Василія III-го въ Костромской области были собственныя деревни и вотчины, что мы видимъ изъ прилагаемой ниже его граматы.

IV. Періодъ исторіи Костромы и Галича въ эпоху Царей.

За малолѣтствомъ Іоанна IV государствомъ управляла сначала мать его Елена въ соучастіи бояръ, а по смерти ея наступило правленіе бояръ. Царствованіе Іоанна Грознаго отмѣчается въ исторіи Костромы слѣдующими событіями: слѣдуя хронологическому порядку, отмѣтимъ фактъ, когда упоминается о костромичахъ вмѣстѣ съ жителями другихъ городовъ; въ синодальной лѣтописи подъ № 365 говорится: «въ лѣто 7042 (1534) въ сентябрѣ на Москвѣ казнили многихъ людей въ деньгахъ: москвичъ, смольнянъ и костромичъ и вологжанъ и ярославцовъ и иныхъ многихъ городовъ московскихъ, а казнь была: олово лили въ ротъ да руки сѣкли». Объясненіемъ этого сказанія служитъ слѣдующее мѣсто той же лѣтописи (листъ 343): «кн. великій и мати его, видѣвъ неправду въ людехъ, денегъ умножись поддѣльныхъ и рѣзаныхъ и восхотѣ то лукавство вывести и повелѣ дѣлати деньги новыя. А поддѣльщиковъ и обрѣзчиковъ княгиня велѣла обыскивати и казнити».

Казанцы, недовольные господствомъ Россіи и думая, что Русь въ правленіе государя младенца ослабѣла, свергнули съ престола и умертвили присяжника московскаго Еналея и призвали къ себѣ Сафа Гирея изъ Тавриды. Нѣкоторые изъ знатныхъ людей казанскихъ, сочувствовавшихъ Москвѣ, были недовольны такой перемѣной и намѣревались изгнать Сафа Гирея въ надеждѣ на то, что великій князь объявитъ царемъ Шигъ Алея, сидѣвшаго въ заключеніи на Бѣлоозерѣ. Хотя этотъ заговоръ противъ Сафа Гирея и не удался, тѣмъ не менѣе въ Москвѣ уже готовился походъ на Казань. Московскіе полководцы Гундоровъ и Замыцкій должны были итти чрезъ Мещеру на Казанскую землю. Но походъ былъ не удаченъ и полки возвратились. Въ слѣдующемъ году полки наши снова изготовились итти на Казань. Хищ-

ническіе набѣги казанцевъ не прекращались и въ 1536 г. они напали на костромскія и галицкія волости. В. князь выслалъ противъ нихъ воеводъ: Михаила Сабурова и Петра Пестраго Засѣкина. Воеводы не успѣли совокупиться и ополченія ихъ были разсѣяны татарами. Кн. Петръ Засѣкинъ да Меншикъ Полевъ были убиты въ сраженіи между Галичемъ и Костромою. Въ то время пришла вѣсть, что Сафа Гирей съ казанцами, крымцами и ногайцами собирается въ походъ на костромскія мѣста. Великій князь отправляетъ воеводъ во Владиміръ и въ Мещеру. Сафа же Гирей подступилъ внезапно къ Мурому. Но, услыхавъ о движеніи ополченій изъ Владиміра и изъ Мещеры, возвратился назадъ. Нападеніе казанскихъ татаръ и другихъ враговъ со всѣхъ сторонъ вызвали необходимость для правительства строить города для защиты волостей и въ 1536 г. по челобитной великому князю и матери его костромскаго уѣзда волостей: Кореги, Ликурги, Залѣсья и Борка Желѣзнаго, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ поставить городъ для того, что тамъ волостей много, а отъ городовъ далеко, поставленъ былъ городъ Буй (*). Царь казанскій во время правленія бояръ за малолѣтствомъ Іоанна IV хотѣлъ, чтобы мы ежегодно присылали ему дары въ знакъ уваженія. Между тѣмъ уполномоченные его не ѣхали въ Москву, а казанцы два года непрестанно злодѣйствовали въ областяхъ: Нижняго, Балахны, Мурома, Владиміра, Шуи, Юрьевца, Костромы, Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга, Вологды и друг. городовъ, толпами нападали на города и волости, жгли, убивали, плѣнили, такъ что лѣтописецъ сравниваетъ бѣдствія этого времени съ Батыевымъ нашествіемъ. Вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ намъ казанцевъ и крымцевъ, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій съ другими воеводами и многими людьми отправился во Владиміръ съ цѣлію наблюдать за ходомъ казанскихъ дѣлъ. Между

(*) Спустя десять лѣтъ былъ поставленъ городъ Кадый. Памят. книжка Костр. губ. на 1862 г., стр. 234.

тѣмъ отправлены были и войска въ Коломну для наблюденія за южными границами. Вскорѣ имъ было велѣно приблизиться къ Окѣ. Такъ какъ въ тоже время боялись нападенія царя казанскаго, то царю Шигъ Алею изъ Касимова и костромскимъ воеводамъ велѣно было стягиваться ко Владиміру на помощь князю Шуйскому. Татары подошли къ Окѣ, но, увидавъ многочисленное ополченіе, возвратились назадъ. Въ Казани восторжествовала крымская партія. Казанцы, надѣясь на защиту Крыма, продолжали опустошать пограничныя области московскія и въ 1539 г. они подходили къ Мурому и Костромѣ. Произошелъ кровопролитный бой пониже Костромы у св. Пятницы на Плесѣ. Въ бою уже было убито четверо воеводъ: кн. Ѳедоръ Курпьскій, кн. Борисъ Сисеевъ, кн. Андрей Тулуповъ и кн. Николай Засѣкинъ, нѣкоторыя боярскія дѣти, но пришли на помощь царь Шигъ Алей съ кн. Ѳед. Мих. Мстиславскимъ и побили татаръ, а иные изъ нихъ разбѣжались по лѣсамъ и замерзли. Казанскій царь Гирей въ декабрѣ 1540 г. подступилъ къ Мурому, но, узнавъ о движеніи ополченія изъ Владиміра и Касимова, ушелъ назадъ. Іоаннъ рѣшился теперь выступить въ походъ на Казань и выѣхалъ во Владиміръ, потомъ въ Нижній. Но въ это время наступила сильная оттепель и, по причинѣ беспутицы, Іоаннъ возвратился въ Москву въ слезахъ о томъ, что его не сподобилъ Богъ совершить походъ. Передовые же полки съ княземъ Бѣльскимъ и Шигъ Алеемъ подошли къ Казани. Опустошивъ окрестности, они должны были возвратиться. Казанцы отомстили за это нападеніемъ на галицкую волость подъ начальствомъ Арака богатыря. Но костромской воевода Яковлевъ разбилъ ихъ на голову при р. Еговкѣ (Язовкѣ) и убилъ Арака. Въ 1549 г. умеръ внезапно царь казанскій Сафа Гирей. Вельможи возвели на престолъ двухлѣтняго сына его Утемишъ Гирея и просили хана крымскаго прислать имъ своего сына защитить ихъ отъ русскихъ. Въ Москву между тѣмъ прислали гонца съ требованіемъ отъ Іоанна мира. Іоаннъ отвѣчалъ, что о мирѣ

говорятъ только съ послами. Спѣша воспользоваться безначаліемъ въ Казани, Іоаннъ велѣлъ собираться полкамъ въ разныхъ городахъ и въ числѣ ихъ правому въ Костромѣ, а лѣвому въ Ярославлѣ. Но въ этотъ походъ не былъ нанесенъ окончательный ударъ Казани. Наступила безпутица; войско, не получая подвозу припасовъ, боялось голода. Необходимость заставила Іоанна возвратиться назадъ въ надеждѣ въ скоромъ будущемъ подчинить окончательно Казань своей власти. Надежда эта скоро исполнилась и Казань была покорена Іоанномъ 3 октября 1552 г. Покоривъ и Астрахань, Іоаннъ обратился теперь на западъ для завоеванія Ливоніи. Не имѣя надежды достигнуть цѣли, т. е. подчиненія Ливоніи одними угрозами и склонить къ тому короля польскаго Стефана Баторія, Іоаннъ рѣшился дѣйствовать наступательно. Составивъ многочисленные полки для похода на Ливонію, Іоаннъ образовалъ значительную судовую рать на Волгѣ для обузданія мятежныхъ Черемисъ, Астрахани, Ногаевъ. Въ этой судовой рати участвовали въ числѣ другихъ: кинешемцы, юрьевчане, галичане, костромичи. Въ слѣдующемъ 1577 г. Іоаннъ предпринялъ походъ на Ливонію. Въ походѣ участвовали и ополченія изъ городовъ: Костромы, Галича и др. Всѣ они должны были собираться у своихъ воеводъ. Война съ Ливоніею, удачная въ началѣ, приняла иной оборотъ, когда въ ней приняли участіе Польша и Швеція. Іоаннъ долженъ былъ отказаться отъ завоеваній въ Ливоніи и отъ береговъ Балтійскаго моря.

Подозрѣвая въ боярахъ измѣнниковъ, Іоаннъ для своей и государственной безопасности учреждаетъ особенныхъ тѣлохранителей, или опричниковъ. Для содержанія ихъ онъ назначилъ часть Москвы и нѣкоторые города, въ числѣ которыхъ были: Галичъ съ пригородами, Чухлома, Унжа съ Коряковымъ и Юрьевецъ. Эта часть Россіи и Москвы, предназначенная для содержанія опричниковъ, составляла собственное государево владѣніе; все же остальное государство составляло земщину, которую Іоаннъ по-

ручалъ боярамъ земскимъ [illegible]
Іоаннъ честилъ и лив[illegible]
дерптскихъ гражданъ [illegible]
вонскимъ магистромъ. [illegible]
ихъ съ семьями во [illegible]
родъ, назначивъ имъ [illegible]
ствованія Іоаннъ IV [illegible]
подозрѣваемыхъ имъ [illegible]
на родственниковъ. [illegible]
подозрѣваемый Іоанном[illegible]
чательно навлекъ на [illegible]
Простивъ брата въ [illegible]
что, собирая войско [illegible]
хани, ввѣрилъ ему [illegible]
въ Нижній чрезъ Бо[illegible]
тили его съ крестам[illegible]
изъявленіемъ любви [illegible]
костромскихъ начал[illegible]
брата съ притворн[illegible]
скую слободу. Ка[illegible]
ревнѣ Слотинѣ [illegible]
съ толпою всадни[illegible]
ранѣе обдуманному [illegible]
царя и присуж[illegible]
гою Евдокіею [illegible]

Страшная [illegible]
страстей, разруш[illegible]
Карамзинъ [illegible]
ній трепетъ [illegible]
гнусные [illegible]
безсильная [illegible]
убійства [illegible]

предъ смертію моля
оказывая Романо-
сть къ нимъ, опа-
Ѳеодоромъ въ наслѣ-
еодоръ не задолго до
выхъ наслѣдникомъ
въ нихъ лицъ бли-
былъ излить свою не-
предлога для гоне-
стей убѣдить слугъ
яръ о злоумышленіи
согласія Бориса при-
вѣяніи: подкупивъ ка-
его мѣшками съ ко-
боярина Александра
ъ, что они занима-
осланъ былъ окольничаго
ярина Александра.
ху Іову. По пове-
, приведенъ былъ
Романовы были
бояре на невин-
шимся шумомъ.
изъ мѣшков
хъ отовсю
ьими, а
ихъ п
жу

вертей доброй земли, а въ выти 12, въ четверти 1200 квадратныхъ саженъ, а въ десятинѣ 2400). Для измѣренія и переписи земель посылались въ области особые писцы. Въ разрядныхъ книгахъ 1594 г. сказано, что въ Костромскую область за Волгу были посланы тогда писцы кн. Ѳеодоръ Кривоборскій и Аѳанасій Зиновьевъ, по сю сторону Волги Василій Вельяминовъ и Пант. Усовъ. О древней торговлѣ въ краю костромскомъ сохранились данныя относительно Галича. Хлѣбъ и плоды составляли предметы внутренней торговли на Руси, а мѣха составляли главный предметъ внѣшней торговли и изъ Галича шли въ Европу и въ Азію бѣлки и горностаи. Относительно промышленности въ костромскомъ краю сохранились свѣдѣнія о добываніи соли въ Кинешмѣ, (*) гдѣ были соляныя варницы.

Вслѣдъ за Ѳеодоровымъ наступившее царствованіе Бориса Годунова было какъ бы продолженіемъ одного и того же царствованія, такъ какъ правитель государства оставался одинъ и тотъ же Борисъ Годуновъ. Но Борисъ, достигшій престола путемъ коварства, улитымъ кровію царственнаго отрока, Димитрія, не могъ оставаться спокойнымъ на престолѣ, когда къ нему были близки бояре Романовы. Послѣдніе пользовались уваженіемъ и любовію народа, взиравшаго на нихъ какъ на родственниковъ прежняго царственнаго дома чрезъ добродѣтельную Анастасію Романовну, которой преподобный Геннадій, бывши однажды въ домѣ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ, преподавая благословеніе, сказалъ: »ты еси розга прекрасная и вѣтвь плодоносная, будеши намъ Государыня Царица благовѣрная всему міру». Предсказаніе преподобнаго Геннадія исполнилось, когда Анастасія была избрана въ супруги Іоанномъ Грознымъ. Братъ ея, бояринъ Никита Романовичъ, отличавшійся благородными качествами, оставилъ 5 сыновей: Ѳе-

(*) Городъ Кинешма неизвѣстно кѣмъ и когда основанъ. Въ лѣтописяхъ онъ встрѣчается въ концѣ XV стол. Можно по аналогіи съ Костромою предполагать, что и этотъ городъ образовывался постепенно изъ селенія или городка древняго мерянскаго.

дора, Александра, Михаила, Ивана и Василія, предъ смертію моля Годунова заступить имъ мѣсто отца. Наружно оказывая Романовымъ почетъ, Борисъ въ душѣ таилъ ненависть къ нимъ, опасаясь ихъ соперничества съ своимъ сыномъ Ѳеодоромъ въ наслѣдованіи престола. Былъ слухъ, что царь Ѳеодоръ не задолго до смерти думалъ объявить старшаго изъ Романовыхъ наслѣдникомъ престола. По крайней мѣрѣ народъ видѣлъ въ нихъ лицъ ближайшихъ къ престолу. Борисъ готовъ уже былъ излить свою ненависть на Романовыхъ; не доставало только предлога для гоненія. Нужно было обѣщаніемъ разныхъ милостей убѣдить слугъ Романовыхъ ложно донести на своихъ бояръ о злоумышленіи противъ царя. Бояринъ Семенъ Годуновъ съ согласія Бориса придумалъ способъ обвинить невинныхъ въ злодѣяніи: подкупивъ казначея Романовыхъ Бартенева, онъ снабдилъ его мѣшками съ кореньями, велѣлъ ихъ спрятать въ кладовой боярина Александра Никитича и потомъ донести на своихъ господъ, что они занимаются составленіемъ зелья для отравы царя. Посланъ былъ окольничій Салтыковъ для обыска въ кладовой боярина Александра. Мѣшки были найдены и принесены къ патріарху Іову. По повелѣнію Іова, были собраны бояре и многіе люди, приведенъ былъ и свидѣтель клеветникъ Бартеневъ. Всѣ братья Романовы были приведены на судъ. Какъ звѣри дикіе рыкали бояре на невинныхъ, говоритъ лѣтописецъ (*) Они же, за поднявшимся шумомъ, не могли ничего отвѣчать. Коренья были высыпаны изъ мѣшковъ для большей убѣдительности судей и на Романовыхъ отовсюду посыпались укоризны. Тогда Ѳеодора Никитича съ братьями, а также родственниковъ ихъ: кн. Шерстунова, князей Сицкихъ и Барновыхъ царь Борисъ повелѣлъ отдать подъ крѣпкую стражу и мучить. Ѳеодора Никитича съ братьями и родственниками нѣсколько разъ подвергали разнымъ истязаніямъ. Предать же ихъ явно смер-

(*) Новый лѣтописецъ, составленный въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, стр. 50.

ности перваго самозванца. Тѣмъ не менѣе въ лѣтописи, составленной при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, мы находимъ подробную повѣсть о происхожденіи и судьбѣ перваго самозванца. Приводимъ эту повѣсть (*), важную для нашего историческаго очерка потому, что она касается исторіи костромской области и въ частности Галича.

Въ предѣлахъ города Галича жили многіе служилые дворяне въ своихъ имѣніяхъ и между ними малоизвѣстный одинъ боярскій сынъ Замятня по прозванію Отрепьевъ. У него было два сына: Смирной и Богданъ. У Богдана былъ сынъ по имени Георгій. Когда онъ подросъ, отецъ отправилъ его въ Москву для книжнаго наученія и онъ скоро выучился грамотѣ. Еще въ молодости неизвѣстно кѣмъ онъ былъ постриженъ въ монахи и монахомъ пришелъ въ Суздаль въ Спасо-Евфиміевъ монастырь. Архимандритъ монастыря Левкій отдалъ его (**), какъ еще юнаго, подъ присмотръ одному духовному старцу. Чрезъ годъ Григорій убѣжалъ изъ Суздальскаго монастыря и пришелъ въ Спасскій же монастырь

(*) Новый лѣтописецъ, составленный въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, изданный по списку кн. Оболенскаго Москва. 1855 стр. 58 и слѣд.

(**) Карамзинъ на основаніи другихъ источниковъ присовокупляетъ, что по смерти отца своего, стрѣлецкаго сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ литвиномъ. Отрепьевъ служилъ въ домѣ Романовыхъ и у кн. Бориса Черкасскаго. Потомъ, слѣдуя примѣру дѣда своего Замятни, который давно уже монашествовалъ въ Чудовской обители, рѣшился искать удовольствія въ безпечной праздности въ санѣ инока. Еще Карамзинъ приводитъ такія свѣдѣнія о Григоріи Отрепьевѣ изъ разныхъ источниковъ: въ письмѣ Бориса Годунова къ Сигизмунду сказано: до постриженія Григорій Отрепьевъ именовался Юшкою. По своему злонравію онъ не слушался отца, впалъ въ ересь, плутовалъ, воровалъ, игралъ въ кости, пьянствовалъ, неоднократно бѣгалъ изъ родительскаго дома и лукаво вступилъ въ монашество. Въ хронографѣ говорится, что Отрепьевъ послѣ отца остался очень молодымъ и наученъ былъ божественному писанію матерью, потомъ онъ ушелъ отъ матери и привиталъ въ Москвѣ. Случилось ему свидѣться и бесѣдовать въ вятской области, въ гор. Хлыновѣ, въ Успенской обители съ игуменомъ Трифономъ и по совѣту этого игумена онъ постригся съ именемъ Григорія 14 лѣтъ, потомъ пошелъ въ Суздаль. Въ одномъ сказаніи о разстригѣ говорится: сей Гришка Отрепьевъ къ кн. Ивану Борисовичу Черкасскому въ его благодатный домъ часто приходилъ и за это царь Борисъ на него негодовалъ. Онъ же, избѣжавъ гнѣва царскаго, тайно постригся. Примѣч. къ XI т 194.

на Кукбѣ (*), гдѣ жилъ 12 недѣль. Услыша о своемъ дѣдѣ Замятнѣ Отрепьевѣ, что онъ постригся и живетъ въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ, онъ пришелъ къ нему и остался здѣсь жить. Скоро онъ сдѣлался извѣстенъ въ Чудовской обители своимъ граматнымъ искусствомъ и посвященъ въ діакона. Увидавъ въ Григоріи разумнаго человѣка, патріархъ Іовъ приблизилъ его къ себѣ для письменныхъ занятій, даже ему поручалось составленіе каноновъ святымъ (**). Митрополитъ ростовскій Іона, увидѣвъ его, сказалъ патріарху; «знай, господинъ, что чернецъ этотъ дьявольскій сосудъ». Патріархъ не повѣрилъ ему. Между тѣмъ инокъ Григорій распрашивалъ въ Чудовскомъ монастырѣ старцевъ о подробностяхъ убіенія царевича Димитрія и часто высказывался, что онъ будетъ царемъ на Москвѣ. Старцы плевали на эти слова его, считая ихъ пустыми и нерѣдко бранили его за нихъ. Прозорливый же митрополитъ Іона сказалъ о немъ царю Борису тоже, что и патріарху. Борисъ велѣлъ дьяку Смирнову Васильеву чернеца Гришку Отрепьева сослать въ Соловецкій монастырь и тамъ держать его подъ строгимъ надзоромъ. Смирной сказалъ о царскомъ повелѣніи родственнику Григорія дьяку Семенкѣ Евфимьеву. Семенка упросилъ Смирнова не приводить скоро въ исполненіе царское повелѣніе. Я, сказалъ онъ, буду ходатайствовать за него, чтобы онъ не былъ туда посланъ. Смирной же потомъ забылъ о повелѣніи царскомъ. Тѣмъ временемъ Григорій Отрепьевъ, узнавъ о приказаніи о немъ царя, ушелъ тайно изъ Москвы въ галицкій Желѣзноборовскій монастырь. Чрезъ нѣсколько времени онъ ушелъ въ Муромъ въ Борисоглѣбскій монастырь, строитель кото-

(*) Карамзинъ дополняетъ, что послѣ суздальской обители онъ жилъ въ галицкой обители Іоанна Предтечи.

(**) Карамзинъ: пользуясь расположеніемъ патріарха, Отрепьевъ часто ѣздилъ съ нимъ во дворецъ, видѣлъ пышность царскую и плѣнялся ею, съ любопытствомъ слушалъ разсказы людей разумныхъ, особенно о царевичѣ Димитріи, всѣхъ вывѣдывалъ объ обстоятельствахъ его судьбы и все записывалъ для памяти. Мысль о царствѣ уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ говорятъ, однимъ злымъ инокомъ. Ист. т. XI, гл. II, стр. 73.

сенія, чтобъ его не убили, бояре препроводили его сюда, такъ какъ лучше жить въ чужой странѣ, нежели быть убитымъ въ отечествѣ. Вмѣсто же его въ Угличѣ былъ убитъ сынъ елецкаго священника. Свитокъ этотъ онъ скрылъ въ постели. Самъ же притворился больнымъ при смерти, просилъ призвать къ нему духовника и при этомъ давалъ видъ, что едва можетъ говорить. Когда окружавшіе его вышли изъ комнаты, онъ на единѣ сказалъ духовнику: если случится мнѣ умереть, то прикажи похоронить меня съ честію, достойною царскихъ дѣтей. На вопросъ духовника: почему онъ такъ желаетъ? Отрепьевъ отвѣчалъ: теперь не скажу, но по смерти моей найдешь подъ моимъ ложемъ спрятанный свитокъ. Прочитавъ его, узнаешь о причинѣ моей просьбы. Теперь же не только при жизни, но даже и по смерти моей прошу никому объ этомъ не говорить. Духовникъ (іезуитъ, по словамъ Карамзина) разсказалъ пану Вишневецкому все слышанное отъ Григорія. Вишневецкій самъ пошелъ къ Отрепьеву. Отрепьевъ на всѣ вопросы молчалъ. Князь приказалъ поискать у него подъ постелью свитка. Григорій, какъ бы не хотя, отдалъ его. Прочитавъ написанное на свиткѣ, Вишневецкій пришелъ въ недоумѣніе. Когда же, повѣствуетъ Карамзинъ, мнимый больной показалъ на груди золотой крестъ, украшенный драгоцѣнными каменьями (можетъ быть гдѣ нибудь украденный) и со слезами сказалъ, что эта святыня дана ему крестнымъ отцемъ, княземъ Иваномъ Мстиславскимъ, Вишневецкій рѣшился объявить о немъ королю. Къ тому же его подстрекало славолюбіе, если слуга его будетъ на московскомъ престолѣ. Вишневецкій, употребивъ средства поднять больнаго съ одра болѣзни, повезъ Григорія на сеймъ пановъ польскихъ, воздавая ему здѣсь честь, какъ царскому сыну. Король, всѣ паны и рада начали осыпать его вопросами, на которые онъ всѣмъ отвѣчалъ одно и тоже, что онъ сынъ царя Іоанна Димитрій и передавалъ имъ много ложнаго за истину: всѣ вѣрили его лжи. Послѣ, хотя всѣ и уразумѣли его ложь, но, желая бѣдствія московскому государ-

ству, передавали сами эту ложь за истину и наконецъ обѣщали дать ему помощь противъ московскаго царя. Главное участіе въ самозванцѣ, кромѣ брата Адама Вишневецкаго Константина, принималъ Юрій Мнишекъ, воевода Сендомирскій. Король Сигизмундъ, какъ повѣствуетъ Карамзинъ, слѣдуя внушеніямъ папскаго нунція Рангони и іезуитовъ, которые тогда имѣли большое вліяніе на него и имѣли значеніе въ Польшѣ, изъявилъ желаніе видѣть у себя назвавшагося царевичемъ Димитріемъ. Въ повѣсти говорится, что Отрепьевъ королю и всей радѣ далъ обѣщаніе принять латинскую вѣру и дѣйствовать съ ними единодушно. По повѣствованію Карамзина, Сигизмундъ принялъ въ немъ участіе потому, что могъ найти въ немъ друга и союзника, а папа надѣялся найти въ немъ усерднаго сына и послѣдователя католичества. Дѣятельные іезуиты служили посредниками въ сближеніи съ ними самозванца. Послѣдній является теперь въ Краковѣ съ паномъ Вишневецкимъ и сендомирскимъ Мнишкомъ. Нунцій папскій Рангони повезъ его во дворецъ короля Сигизмунда. Сигизмундъ принялъ его ласково въ своемъ кабинетѣ. Самозванецъ разсказалъ ему всю свою мнимую исторію, закончивъ такъ: «Государь! Вспомни, что ты самъ родился въ узахъ и спасенъ единственно Провидѣніемъ. Державный изгнанникъ требуетъ отъ тебя сожалѣнія и помощи». По знаку королевскаго чиновника, самозванецъ удалился на время изъ кабинета Сигизмунда. Король, посовѣтовавшись съ Рангони наединѣ, снова призвалъ названнаго царевича Димитрія и сказалъ ему: «да поможетъ вамъ Богъ, московскій князь Димитрій! А мы выслушавъ и разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣтельства, несомнительно видимъ въ васъ Іоаннова сына и въ доказательство нашего искренняго благоволенія опредѣляемъ вамъ ежегодно 40 т. золотыхъ на содержаніе и всякія издержки. Сверхъ того вы, какъ истинный другъ Рѣчи Посполитой, вольны сноситься съ нашими панами и пользоваться ихъ усерднымъ вспоможеніемъ». Для нашего историчес-

каго очерка мы ограничиваемся только изложеніемъ приведенныхъ нами изъ лѣтописнаго сказанія подробностей до воцаренія Лжедимитрія на московскомъ престолѣ. Дальнѣйшая исторія его вступленія на престолъ и царствованія входитъ всецѣло въ кругъ общерусской исторіи и потому мы изложимъ только главнѣйшія событія и тѣ, которыя близко касаются Костромской области.

Съ помощію поляковъ и казаковъ взявъ украинскіе города, самозванецъ безпрепятственно шелъ къ Москвѣ. Внезапная смерть Бориса Годунова въ 1605 г. облегчила самозванцу возможность достигнуть своей цѣли. Сынъ Бориса Ѳеодоръ, вступившій теперь на престолъ, послѣ того, какъ въ Москвѣ были получены граматы отъ самозванца и прочтены съ Лобнаго мѣста, былъ низвергнутъ съ престола и задушенъ вмѣстѣ съ матерью. Москва отправляетъ посольство къ Лжедимитрію, призывая его на дѣдовскій и отчій престолъ. Лѣтомъ 1605 г. Лжедимитрій торжественно въѣхалъ въ Москву. Вскорѣ объявлены были милости новаго царя. Всѣмъ опальнымъ въ Борисово царствованіе, какъ-то Нагимъ и Романовымъ, оставшимся въ живыхъ и многимъ другимъ дарованы были свобода и почести. Инокъ архимандритъ Филаретъ (или бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ) былъ вызванъ изъ мѣста заточенія Сійской обители и посвященъ въ санъ митрополита Ростовскаго. Съ этого времени супруга его, уже инокиня Марфа, съ юнымъ сыномъ Михаиломъ была водворена въ Костромѣ, гдѣ была ихъ отчина. Полагаютъ, что она имѣла мѣстопребываніе въ Крестовоздвиженскомъ женскомъ монастырѣ (*), но не въ Ипатьевскомъ. Изъ старинныхъ описей видно, что еще въ Кремлѣ былъ осадный дворъ инокини Марѳы Ивановны и тутъ же были дома многихъ бояръ, окольничихъ, стольниковъ, дьяковъ и другихъ дворянъ. Родовое же имѣніе бояръ Романовыхъ было около села Домнина, гдѣ потомъ жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ

(*) Находившемся въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ теплый храмъ Успенскаго собора.

своею матерью, когда его стали отыскивать поляки.

Лжедимитрій на первыхъ же порахъ царствованія выказывалъ большую смѣтливость въ дѣлахъ, предполагалъ ввести разныя преобразованія, но обѣщанія іезуитамъ о подчиненіи русской церкви папѣ не заботился исполнить. Тѣмъ не менѣе въ Москвѣ бояре скоро уже распространили слухъ о его самозванствѣ. Опаснѣйшимъ свидѣтелемъ истины явился кн. Василій Ивановичъ Шуйскій. Онъ сказалъ близкимъ людямъ, что Россія подъ властію обманщика. Басмановъ, вѣрный Лжедимитрію, донесъ ему о распускаемыхъ Шуйскимъ слухахъ. Тогда Шуйскаго съ братьями взяли подъ стражу и приказали судить. Его подвергли пыткамъ, чтобы принудить открыть своихъ единомышленниковъ, но онъ никого не назвалъ и былъ одинъ приговоренъ къ смертной казни. Уже Шуйскій былъ возведенъ на эшафотъ, казнь готова была уже совершиться, какъ вдругъ крики: стой! И чиновникъ царскій, подъѣхавъ къ Лобному мѣсту, объявилъ Шуйскому помилованіе. Народъ съ восторгомъ принялъ эту вѣсть. Говорятъ, что царица инокиня Марѳа слезно убѣдила самозванца не предавать Шуйскаго казни. Трое Шуйскихъ: Василій, Димитрій и Иванъ были сосланы въ пригородки Галицкіе. Но въ тоже время разнеслось по Москвѣ *и свидѣтельство многихъ галичанъ*, единоземцевъ и близкихъ къ Григорію Отрепьеву: дяди, брата и даже матери, вдовы Варвары. Они узнали его и не хотѣли молчать о его самозванствѣ. Въ легендѣ о самозванцѣ сказано, что онъ, будучи родомъ изъ Галича, велѣлъ посадить тамъ въ темницу мать свою съ ея вторымъ мужемъ и до шестидесяти родственниковъ. Есть здѣсь въ сказаніяхъ впрочемъ непослѣдовательность, тѣмъ не менѣе извѣстно, что мать и братъ были заключены, а дядя Смирной Отрепьевъ былъ сосланъ въ Сибирь. Схватили и казнили еще нѣкоторыхъ: дворянина Петра Тургенева и мѣщанина Ѳеодора, возмущавшихъ народъ противъ царя. Повторились годы Борисовы, наступило опять время доносовъ, пытокъ и казней. Самозванецъ велѣлъ удалить

многихъ иноковъ чудовскихъ въ пустынныя обители. Между тѣмъ при дворѣ было веселье; каждый день былъ праздникомъ. Придворные блистали пышностью нарядовъ, музыка, пляска и игры служили ежедневными увеселеніями. Въ эти веселые дни самозванецъ былъ расположенъ къ милости и простилъ Шуйскихъ чрезъ шесть мѣсяцевъ ссылки. Не смотря на эту милость Василій Шуйскій замышлялъ гибель самозванцу. Къ тому же въ это время уже сильно развилось въ народѣ неудовольствіе на иноземцевъ, поляковъ, наводнившихъ Москву и безчинствовавшихъ по Москвѣ и въ храмахъ. Особенно противъ самозванца и поляковъ вооружилось духовенство. Самозванецъ срамилъ и казнилъ иноковъ въ случаѣ какихъ нибудь преступленій, обиралъ деньги съ обителей, выгонялъ духовныхъ изъ ихъ домовъ, чтобы помѣстить тамъ иноземцевъ, дозволилъ въ Кремлѣ совершать католическую обѣдню самъ же между тѣмъ презиралъ и преступалъ правила и обычаи церкви православной и съ презрѣніемъ относился къ народнымъ русскимъ обычаямъ. Образовалась общая ненависть къ самозванцу, въ тождествѣ котораго съ Отрепьевымъ москвичи уже не сомнѣвались. Говорили и объ обѣщаніи и намѣреніи самозванца подчинить русскую церковь папѣ и значительную часть Россіи отдать Литвѣ. Шуйскій съ единомышленниками уже готовы были воспользоваться всеобщимъ неудовольствіемъ на самозванца, уже зрѣлъ заговоръ свергнуть обманщика съ престола. Но дѣло было отложено до свадьбы его съ Мариной Мнишекъ, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы еще болѣе усилилось въ народѣ озлобленіе на него. Наконецъ торжественно прибыла Марина въ Москву. Москва еще болѣе наводнилась поляками и иноземцами. Марина была помѣщена предварительно въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ самозванецъ ежедневно видѣлся съ нею. На соблазнъ инокинь въ ея келліяхъ раздавались музыка и пѣсни и происходили танцы. На роскошь, великолѣпныя празднества и подарки употреблялись большія суммы

изъ царской казны. Народъ это зналъ и возмущался. Наконецъ съ великолѣпіемъ была совершена и отпразднована свадьба самозванца съ Мариной. Народъ еще болѣе возмутился, когда Марина, провозглашенная царицею, не отреклась отъ латинской вѣры. Тогда Шуйскій рѣшился немедленно приступить къ дѣлу и ночью призвалъ къ себѣ своихъ единомышленниковъ и даже людей стороннихъ. На совѣтѣ съ ними Шуйскій говорилъ, что отечество и вѣра гибнутъ отъ самозванца. Положено было избыть обманщика и ляховъ, не боясь ни клятвопреступничества, ни безначалія. Лжедимитрій и ляхи спокойно проводили дни, не зная о составлявшемся заговорѣ; но въ Москвѣ особенно стрѣльцы многіе знали о томъ, что готовится въ скоромъ времени. 17 мая въ четвертомъ часу дня раздался набатъ съ колокольни Св. Иліи и потомъ быстро набатный звонъ охватилъ всю Москву. Москвичи устремились въ Кремль на Красную площадь. Во главѣ многочисленной толпы кн. В. Шуйскій въѣхалъ въ Кремль и, приложившись къ иконѣ Богородицы въ Успенскомъ соборѣ, воскликнулъ къ народу: «во имя Божіе идите на злаго еретика». Самозванецъ съ удивленіемъ видитъ изъ окна вооруженную толпу, зоветъ вѣрнаго Басманова и приказываетъ ему узнать о причинѣ волненія народа. Басмановъ, встрѣтивъ на крыльцѣ бунтовщиковъ, требовавшихъ вести ихъ къ самозванцу, возвратился и объявилъ своему повелителю: «все кончено, Москва бунтуетъ; хотятъ головы твоей, спасайся». Басмановъ вскорѣ былъ убитъ. Народъ ворвался во дворецъ. Самозванецъ въ ужасѣ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, ища спасенія и не находя его здѣсь, выпрыгнулъ въ окно на Житный дворъ. Спускаясь по лѣсамъ, онъ не могъ удержаться, упалъ на землю и вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь, голову и лежалъ въ крови. Неучаствовавшіе въ заговорѣ стрѣльцы привели его въ чувство и хотѣли защищать, но когда было объявлено, что царица инокиня отрекается теперь отъ него, говоря, что ранѣе признала его своимъ сыномъ только изъ за

страха, стрѣльцы выдали обманщика боярамъ и тѣ велѣли нести его во дворецъ. Здѣсь стали допрашивать его, облекши въ бѣдное рубище. На вопросъ: «кто ты злодѣй? онъ отвѣчалъ: «вы знаете, я Димитрій» и ссылался на царицу инокиню, но ему объявили, что царица отреклась отъ него и предаетъ его казни. Самозванецъ требовалъ отнести его на Лобное мѣсто къ народу, чтобы объявить ему истину. Народъ ломился въ двери и спрашивалъ: винится ли злодѣй? Отвѣчали: винится. Тогда два выстрѣла, сдѣланные дворянами: Иваномъ Воейковымъ и Григоріемъ Валуевымъ прекратили жизнь самозванца. Толпа схватила и повлекла трупъ къ Лобному мѣсту. Съ маскою, дудкою и волынкою положили его на столѣ вмѣстѣ съ трупомъ Басманова. Преданіе есть, что потомъ трупъ его сожгли, пепломъ зарядили пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда онъ пришелъ въ Москву.

Не смотря на то, что въ лѣтописныхъ сказаніяхъ находимъ подробную и, повидимому, не оставляющую сомнѣнія въ личности самозванца повѣсть, въ исторической наукѣ въ послѣднее время высказаны разнорѣчивыя мнѣнія объ этой загадочной личности. Карамзинъ не сомнѣвается въ тождествѣ перваго самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ. Этотъ взглядъ на личность перваго Лжедимитрія раздѣляетъ и г. Казанскій въ статьѣ: «изслѣдованія о личности перваго Лжедимитрія», помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1877 г. Доказательства г. Казанскаго въ пользу тождества самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ слѣдующія: самъ самозванецъ, кажется, не скрывалъ въ Польшѣ, что онъ подъ именемъ Отрепьева укрывался въ Россіи и разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ такъ, что въ нихъ повторялась исторія Отрепьева. Было много случаевъ, когда самозванецъ могъ и долженъ былъ для своей выгоды ясно выставить, что онъ не одно лицо съ Григоріемъ Отрепьевымъ, но онъ этого не сдѣлалъ. Не сдѣлалъ онъ этого и въ граматѣ къ московскому народу и даже мимоходомъ не касается здѣсь этого предмета. Въ продолженіи одиннад-

цати мѣсячнаго правленія много разъ раздавались голоса, называвшіе царя растригой. Казнями отвѣтили на эти названія, но ни чѣмъ не доказали лживости такого обвиненія. Замѣтили, что онъ ни разу не посѣтилъ Чудова монастыря и что многіе иноки изъ Чудова монастыря были высланы. Смирной Отрепьевъ, дядя Григорія Отрепьева, сосланъ былъ въ Сибирь. Названный Димитрій уклонялся отъ очной ставки съ нимъ. Судъ надъ Шуйскимъ предъ выборными изъ всѣхъ сословій, на которомъ новый царь почелъ нужнымъ оправдать себя, а между тѣмъ не снялъ съ себя главнаго обвиненія, что онъ разстрига Отрепьевъ, и совсѣмъ не касался важнаго для всѣхъ вопроса о томъ, какъ онъ спасся въ юности и гдѣ жилъ до появленія въ Польшѣ, служитъ новымъ подтвержденіемъ, что первый Лжедимитрій былъ дѣйствительно тотъ монахъ, который извѣстенъ былъ подъ именемъ Григорія Отрепьева. Послѣ гибели самозванца Шуйскій не только называлъ его Отрепьевымъ, но и повторялъ въ присутствіи Романовыхъ и Черкасскаго, что Отрепьевъ въ отрочествѣ прислуживалъ у нихъ. Глубокоблагочестивый человѣкъ, по общему отзыву, дьякъ Тимофей Осиповичъ публично и въ лицо самозванцу называлъ его Григоріемъ Отрепьевымъ. Его возмущало всеобщее поклоненіе Лжедимитрію, о которомъ зналъ онъ, что это разстрига Отрепьевъ, и онъ рѣшился открыто обличить его. Наконецъ въ заключеніе своихъ положеній г. Казанскій приводитъ и одно изъ доказательствъ Карамзина въ пользу тождества самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ: имѣя нѣсколько подписей самозванцевыхъ, видимъ въ латинскихъ слабую, невѣрную руку ученика, а въ русскихъ твердую, мастерскую, кудрявый почеркъ грамотѣя приказнаго, каковъ былъ Отрепьевъ, дьякъ патріаршій. Противорѣчивыя извѣстія иностранныхъ писателей и лѣтописей г. Казанскій объясняетъ попытками самозванца заставлять другаго носить его имя Григорія Отрепьева. Г. Костомаровъ приходитъ къ тому выводу, что Гришка Отрепьевъ сдѣлался миѳомъ. О немъ

ходили сказки и легенды съ различными оттѣнками. Но Гришку Отрепьева Костомаровъ признаетъ за дѣйствительное лицо, бывшее при самозванцѣ. О личности же самозванца онъ говоритъ, что если, какъ говорится въ иностранныхъ сказаніяхъ, спасеніе Димитрія приписывалось партіи друзей его, то открывается, что личность эта должна быть орудіемъ партіи, ненавидѣвшей Бориса и тотъ самый Богданъ Бѣльскій, который такъ энергически увѣрялъ народъ въ истинности прибывшаго въ Москву Димитрія, былъ со своими друзьями и виновникомъ его самозванства. На основаніи всѣхъ обстоятельствъ г. Костомаровъ признаетъ его несознательнымъ обманщикомъ, но по нѣкоторымъ поступкамъ и чертамъ характера допускаетъ, что онъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе.

Г. Иконниковъ въ статьѣ: «кто былъ первый Лжедимитрій?», помѣщенной въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ, группируетъ тѣ обстоятельства, которыя говорятъ въ пользу самого Димитрія Царевича, спасеннаго отъ рукъ убійцъ:

1) Неизвѣстному лицу трудно было бы затѣять смуту во имя Димитрія: кто могъ быть увѣренъ, что легко будетъ разубѣдить въ убійствѣ царевича, такъ какъ никто не сомнѣвался въ этомъ до появленія Димитрія?

2) Если такъ называемый первый самозванецъ былъ подставленъ партіею бояръ и притомъ былъ убѣжденъ въ своей истинности, то рождается вопросъ: какимъ образомъ бояре успѣли воспитать его для своей цѣли? Если они взяли его еще дитятей, то что ручалось имъ въ томъ, что это дитя можетъ годиться для ихъ плана, прійдя въ возрастъ? Если они пріискали для этого пылкаго юношу и настроили его на свой ладъ, то неужели онъ сейчасъ позабылъ прошлое и не позаботился бы узнать у своихъ близкихъ, которые окружали его прежде? Положимъ боярамъ нужно было свергнуть Бориса съ престола, но въ подобной игрѣ еще представлялся вопросъ: кто выиграетъ: Борисъ или самозва-

нецъ? Для того, чтобы планъ удался, нужна была не кучка бояръ, а цѣлая партія, связанная общими интересами членовъ; но въ такомъ случаѣ весьма сомнительно, чтобы они всѣ устояли передъ преслѣдованіями Бориса, который, при всемъ предполагаемомъ негодованіи на него, имѣлъ очень много сторонниковъ, даже въ высшемъ сословіи. Чтобы настроить кого нибудь къ извѣстному предпріятію, бояре должны были имѣть съ нимъ постоянныя сношенія, что оказывается вполнѣ невозможнымъ при постоянномъ надзорѣ Бориса.

3) Открытая жизнь Димитрія, его обыкновеніе выходить пѣшкомъ иногда только вдвоемъ и личный пріемъ просьбъ по два раза въ недѣлю показываютъ, что такъ могъ поступать только человѣкъ, по чистой совѣсти увѣренный въ своемъ достоинствѣ, не боявшійся натолкнуться на лицъ, съ которыми могъ прежде встрѣчаться и которыя могли его теперь обличить.

4) При опредѣленіи личности перваго самозванца не слѣдуетъ пренебрегать физіономическими примѣтами, о которыхъ говорятъ писатели самыхъ различныхъ мнѣній о немъ. Такъ Борецо-Борецци свидѣтельствуетъ, что Димитрій доказывалъ свою тождественность съ сыномъ Іоанна примѣтами. Онъ имѣлъ весьма замѣтную бородавку близь праваго глаза со стороны носа и одну руку длиннѣе другой. Петрей, говоря о примѣтахъ, прибавляетъ, что самозванецъ походилъ на убитаго царевича Димитрія. Шаумъ, упоминая въ одномъ мѣстѣ, что царевичъ Димитрій имѣлъ бородавку на носу и одну руку длиннѣе другой, въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что тѣже примѣты служили въ пользу и самозванцу. Наконецъ Соловьевъ говоритъ, что изъ польскихъ вельможъ можно заподозрить въ подстановкѣ самозванца только одного Сапѣгу и на него нужно смотрѣть какъ на повѣреннаго іезуитовъ. Принимая это мнѣніе, надобно непремѣнно допустить, что самозванецъ былъ человѣкъ воспитанный, подставленный въ польскихъ владѣніяхъ, а не Григорій Отрепьевъ, какъ согласно утверждаютъ

русскія свидѣтельства, отвергнуть которыя чрезвычайно трудно. Очевидцы признавали въ первомъ Лжедимитріи великороссіянина и грамотѣя. Московское правительство при Годуновѣ и послѣ постоянно утверждало, что самозванецъ былъ москвичъ, именно Григорій Отрепьевъ. Что самозванецъ былъ москвичъ, съ которымъ іезуиты познакомились уже послѣ того, какъ онъ объявилъ себя царевичемъ, неоспоримо доказываетъ посланіе папы Павла V къ воеводѣ Сендомирскому, гдѣ говорится, что Лжедимитрій обращенъ въ католицизмъ францисканцами, а не іезуитами. Изъ сказаній современныхъ видно, что самозванецъ былъ подставленъ въ Москвѣ тамошними врагами Бориса. Нѣтъ нужды отвергнуть и участіе Сапѣги или іезуитовъ въ замыслѣ. Должно замѣтить, что если Польшѣ или іезуитамъ было выгодно появленіе самозванца и смута, имѣющая отъ того произойти, то внутреннимъ врагамъ Бориса, терзавшимся мыслію, что Годуновъ на престолѣ, грозитъ имъ ежечасно тяжелою опалою,—это появленіе было болѣе чѣмъ выгодно; оно вполнѣ соотвѣтствовало ихъ цѣли, ибо имъ надобно было орудіе, которое было бы такъ могущественно, что могло бы свергнуть Годунова и въ тоже время такъ ничтожно, что послѣ легко было бы отъ него отдѣлаться и очистить престолъ для себя. Мнѣніе о подстановкѣ самозванца внутренними врагами Бориса высказывается ясно въ хронографахъ о Годуновѣ. Иностранный писатель Буссовъ говоритъ, что самъ царь Борисъ считаетъ появленіе самозванца дѣломъ бояръ. Мнѣніе о подстановкѣ самозванца внутренними врагами Бориса кромѣ того, что правдоподобнѣе всѣхъ другихъ само по себѣ, кромѣ того, что высказано современниками, близкими къ дѣлу, имѣетъ за себя еще и то, что вполнѣ согласно съ русскими свидѣтельствами о похожденіяхъ Григорія Отрепьева.—Мы съ цѣлію привели раньше подробную лѣтописную повѣсть о похожденіяхъ Григорія Отрепьева до его царствованія, какъ касающуюся исторіи Галича. По нашему личному мнѣнію, приведенная повѣсть обстоятельно и послѣдова-

тельно излагаетъ событія изъ жизни Григорія Отрепьева. Изъ нихъ видно, что Григорій Отрепьевъ, какъ человѣкъ даровитый, разносторонне изучалъ жизнь современную, взвѣсилъ всѣ обстоятельства, какія могли произойти и которыя вели бы къ осуществленію его плана, словомъ, онъ разносторонне готовился къ своей роли, которую задумалъ разыграть, чтобъ погубить Бориса и сѣсть самому на престолѣ русскомъ. На основаніи подробнаго и совершенно послѣдовательнаго разсказа о похожденіяхъ разстриги Отрепьева, не остается, кажется, сомнѣнія въ томъ, что первый самозванецъ былъ именно Григорій Отрепьевъ, уроженецъ галицкій, дѣйствовавшій, можетъ быть, подъ тайнымъ вліяніемъ и партіи, враждебной Годунову и потомъ нашедшій дѣятельную поддержку со стороны польскаго правительства и іезуитовъ, желавшихъ произвести смуту и ввести католичество въ русскомъ государствѣ.

Князь Василій Шуйскій, главный виновникъ сверженія самозванца съ престола, по избранію боярской думы сѣлъ на престолѣ русскомъ въ 1606 г. Приверженцы самозванца подвергнуты преслѣдованію. Польскихъ пословъ, которые были присланы къ Гришкѣ Отрепьеву, царь Василій повелѣлъ отвести на посольскій дворъ и приставить къ нимъ стражей. Сендомирскаго съ дочерью Мариною и прочихъ поляковъ и ляховъ, которые пришли съ самозванцемъ, разослалъ по разнымъ городамъ; Вишневецкій былъ сосланъ въ Кострому, нѣкоторые въ Галичъ.—Царствованіе Шуйскаго не долго было спокойно. Вскорѣ является второй самозванецъ. Въ 12 верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ онъ расположился лагеремъ, куда многіе служилые люди, ненавидѣвшіе Шуйскаго, стекались изъ Москвы. Не имѣя силъ овладѣть Москвою и Серг. Лаврою, Лжедимитрій съ измѣнниками и ляхами послалъ отряды къ Суздалю, Владиміру и другимъ городамъ, чтобъ дѣйствовать обольщеніемъ, угрозами и силою. Первый измѣнилъ Суздаль. Жители Переяславля Залѣсскаго соединились съ ляхами и при-

ступили къ Ростову. Не имѣя крѣпкихъ стѣнъ, граждане Ростова предложили своему митрополиту Филарету удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль. Но Филаретъ убѣдилъ жителей не бѣгствомъ, а кровію спасать отечество. Съ немногими усердными гражданами и воинами онъ заключился въ соборной церкви. Ляхи вломились въ храмъ, схватили митрополита и сорвали съ него святительскія ризы, одѣли въ рубище и повезли въ Тушинскій станъ. Самозванецъ, встрѣтивъ его съ наружнымъ почетомъ, заключилъ потомъ подъ крѣпкую стражу. Послѣ того городъ за городомъ началъ сдаваться самозванцу. Владиміръ, Угличъ, Кострома, Галичъ, Вологда и другіе подчинились ему. Шуя и Кинешма, гдѣ защищался воевода Ѳедоръ Бобарыкинъ, были взяты и раззорены паномъ Лисовскимъ; взята и Тверь. Во всѣхъ этихъ городахъ, повѣствуетъ лѣтописецъ (*), было большое смятеніе и всѣ отложились отъ Москвы, только вѣрными остались: Казань, Новгородъ Великій, Смоленскъ, Нижній-Новгородъ, Переяславль Рязанскій, Коломна, Сибирь. Прочіе передались Литвѣ. Измѣнникъ князь Семенъ Вяземскій, придя изъ Тушина съ литовскими людьми, осадилъ Нижній-Новгородъ. Граждане единодушно ополчились и отразили враговъ; воеводу кн. Семена Вяземскаго поймали и повѣсили безъ царскаго распоряженія. Освободившись отъ осады, граждане Нижняго-Новгорода пошли на Балахну, взяли ее и жителей привели къ присягѣ на вѣрность царю Василію. Тогда во многихъ мѣстахъ, оставшихся вѣрными Василію, начали собираться люди для борьбы съ врагами: въ Юрьевцѣ Поволжскомъ собрались съ нѣкіимъ сотникомъ Ѳеодоромъ Краснымъ, на Решмѣ съ крестьяниномъ Григор. Лапшою, въ Балахнѣ, Гороховцѣ, Холуѣ и, соединившись, всѣ пошли къ г. Луху, побили тамъ литовскихъ людей и многихъ съ ними русскихъ воровъ, иныхъ измѣнниковъ отослали въ Нижній Новгородъ и потомъ пошли къ Шуѣ. Лисов-

(*) Новый лѣтописецъ, стр. 97.

скій выслалъ противъ нихъ измѣнника воеводу Ѳ. Плещеева, но тотъ былъ разбитъ у села Данилова и бѣжалъ въ Суздаль. Есть сказаніе, что когда происходилъ бой у Данилова, ярославцы, призвавъ костромичей и галичанъ, тайно перебили пьяныхъ поляковъ, разставленныхъ на Ярославскомъ посадѣ порознь по домамъ. Между тѣмъ и Царь Василій, желая усовѣстить измѣнниковъ, разсылаетъ къ жителямъ сѣверныхъ городовъ граматы, призывая ихъ къ покорности себѣ. Въ Галичъ, Ярославль, Кострому, Вологду, Устюгъ были посланы граматы слѣдующаго содержанія: «Несчастные! Кому вы рабски цѣловали крестъ и служите? Злодѣю и злодѣямъ, бродягѣ и ляхамъ! Уже видите ихъ дѣла и еще гнуснѣйшія увидите. Когда своимъ малодушіемъ предадите имъ государство и церковь, когда падетъ Москва, а съ нею и святое отечество и святая вѣра, то будете уже отвѣтствовать не намъ, а Богу. Есть Богъ мститель! Въ случаѣ же раскаянія и новой вѣрной службы обѣщаемъ вамъ чего у васъ нѣтъ и на умѣ: милости, льготу, торговлю безпошлинную на многія лѣта» Къ галицкимъ жителямъ 30 ноября 1608 года Царь Василій отправилъ слѣдующую грамату: «слухъ до насъ дошелъ, что вы исторопясь воровъ, не волею ворамъ крестъ цѣловали и мы о томъ поскорбѣли, какъ естя такъ учинили и чему повѣрили и на что смотря смутились и для чего душами своими погибаете? Нынѣ и сами не вѣдаете, кому крестъ цѣлуете и кому служите, что васъ Литва обманываетъ. И хотя они васъ и манятъ для того, чтобъ имъ тѣмъ осилити московское государство, а только по грѣхамъ что надъ московскимъ государствомъ учинятъ вашимъ преступленіемъ, и надъ вами послѣ того тожь поруганіе сдѣлаютъ. И нынѣ надъ православною вѣрою какое злое поруганіе дѣлаютъ, церкви божіи раззоряютъ и образа обдираютъ и колютъ и раки чудотворныя разсѣкаютъ, прото вамъ самимъ подлинно вѣдомо; а впредь отъ нихъ какого добра ждати за то всѣмъ православнымъ христіанамъ? Пригоже помереть. А пишемъ мы къ вамъ вправду, о

васъ милосердовавъ. И какъ къ вамъ ся наша грамата придетъ, и вы бы попомнили православную вѣру, чтобы вашею службою и радѣніемъ московское государство отъ воровъ не раззорилося. А буде не сберетесь, своихъ мѣстъ отъ воровъ оберегати не учнете или московское государство ворамъ поддадите и московскому государству и православной вѣрѣ и своему отечеству вы будете предатели: что надъ Москвою учинится и то Богъ сыщетъ на васъ, вы всѣ тому повинны; да и вамъ отъ воровъ отъ Литвы никако не проминетъ, всѣхъ васъ воръ и Литва раззоритъ безъ остатка, а то вскорѣ сберетеся и свои мѣста отъ воровъ очистите и намъ помощь учините, и вы всѣ будете безпечальны и домы ваши будутъ въ тишинѣ и покоѣ. А мы васъ пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ и на разумѣ нѣтъ и всякія ваши раззоренья велимъ пополнить и льготой васъ пожалуемъ во всякихъ податѣхъ на многія лѣта и торговати вамъ велимъ безпошлинно и службу вашу великую учинимъ памятну». Призыву царя Василія ополчиться на враговъ прежде другихъ откликнулись земледѣльцы, а за ними и города: Галичъ, Кострома, Вологда, Бѣлоозеро, Устюжна, Городецъ, Бѣжецкій Верхъ и Кашинъ отложились отъ Тушина. Города спѣшили вооружить какъ можно болѣе ратныхъ людей на защиту Москвы и разсылали граматы въ другіе города, убѣждая и ихъ вооружиться. Есть сказаніе, что нѣкто Ейлофъ, родомъ голландецъ, поселившійся въ Россіи и принявшій греческую вѣру, содержатель солеваренъ, убѣдилъ жителей Костромы, Галича и Вологды отложиться отъ Лжедимитрія, собралъ 200 человѣкъ противъ поляковъ, но попался имъ въ плѣнъ. Послѣ онъ выкупился изъ плѣна и дѣйствовалъ снова противъ самозванца (*). Паны Тишкевичъ и Лисовскій выступили усмирять мятежъ. Предмѣстье Ярославля, Юрьевецъ, Кинешма были сожжены. Лисовскій взялъ Кострому и страшно опустошилъ ее въ

(*) Карамз. въ VII т. гл. III прим. 342.

1608 г. Во время осады полчищами поляковъ Богоявленскаго Костромскаго монастыря, иноки этого монастыря явили достойный примѣръ мужества и преданности отечеству, но должны были уступить силѣ враговъ и были всѣ избиты, а имущество монастырское разграблено. Такое же раззореніе претерпѣлъ Крестовоздвиженскій монастырь, находившійся близь Успенскаго собора. Галичъ также былъ взятъ Тушинцами въ 1609 г. Въ Костромѣ и Галичѣ поляки оставили сильные гарнизоны. Въ Костромѣ стоялъ отрядъ съ большимъ нарядомъ изъ 3 проломныхъ пушекъ и полнаго сороковаго снаряда. Въ Нижній-Новгородъ прибылъ съ полками бояринъ Ѳедоръ Шереметьевъ къ радости нижегородцевъ, стѣсненныхъ ляхами. Шереметьевъ побилъ ихъ и очистилъ Нижній Новгородъ. Вскорѣ пришла въ Нижній вѣсть, что изъ Суздаля идетъ Лисовскій съ многочисленнымъ ополченіемъ ляховъ и русскихъ за Волгу и хочетъ воевать Костромскія, Галицкія, Унженскія и Юрьевскія мѣста. Бояринъ Ѳедоръ Шереметьевъ послалъ противъ него рать водою. Посланные сошлись съ ляхами подъ Юрьевцемъ Волжскимъ на о-вѣ и побили ихъ, а другіе потонули. Съ немногими людьми Лисовскій успѣлъ спастись, такъ какъ былъ еще на берегу. Посланная же рать возвратилась въ Нижній Новгородъ съ большою добычею. Дѣла земскихъ людей противъ враговъ шли успѣшно, не смотря на распри, происшедшія между городами. Полки, собранные сѣверными городами, снова заняли Галичъ и Кострому. Воеводу самозванца кн. Димитрія Мосальскаго ратные люди сѣверныхъ городовъ долго мучили въ Костромѣ и потомъ, обрубивъ ему руки и ноги, утопили его въ рѣкѣ. Послѣ жаркихъ сраженій на улицахъ Костромскихъ 28 февраля и 3-го марта, поляки скрылись въ Ипатьевскомъ монастырѣ, поджегши городъ и избивъ многихъ жителей. Когда Ярославль въ апрѣлѣ этого же года былъ освобожденъ воеводою Вышеславцевымъ отъ поляковъ, то костромичи 25 апрѣля обратились съ просьбой о помощи къ ярославцамъ въ случаѣ, если ляхи и мятежники отъ

Ярославля обратятся къ Костромѣ. Съ прибытіемъ помощи изъ Ярославля на судахъ въ іюлѣ 1609 г. началась осада Ипатьевскаго монастыря. Царскій воевода Давидъ Жеребцовъ, переправившись чрезъ р. Кострому, 11 іюля напалъ на предводителя отряда поляковъ Вельяминова, осажденнаго въ монастырѣ, выбилъ его изъ становъ и побилъ много людей и лошадей. Тщетно Лисовскій, прибывъ изъ подъ Юрьевца нагорною стороною, пытался подать помощь полякамъ и русскимъ мятежникамъ, стѣсненнымъ въ Ипатьевской обители. Потерпѣвъ пораженіе отъ стрѣльбы съ Костромскаго кремля и не найдя лодокъ для перевоза войскъ въ монастырь, Лисовскій съ яростію устремился къ Сергіевской лаврѣ, разрушивъ на пути Нерехту. Вельяминовъ, не получивъ помощи, сдалъ Ипатьевскій монастырь Жеребцову. Когда Тушинскій станъ началъ пустѣть, гетманъ Рожинскій взялъ съ собою и митрополита Филарета, остановившись на пути въ Іосифовѣ монастырѣ. Но кн. Михаилъ Скопинъ Шуйскій послалъ вслѣдъ имъ ратныхъ людей съ Григоріемъ Валуевымъ. Они побили на пути людей гетмана и Филарета (Никитича) со многими людьми отняли и возвратились въ Москву. Въ Москвѣ, послѣ сверженія съ престола Василія Шуйскаго, образовалась многочисленная партія, желавшая на престолъ московскій королевича Владислава, сына Сигизмунда. По городамъ были разосланы граматы о томъ, что Москва цѣловала крестъ Владиславу на томъ, что ему государю быть въ нашей православной вѣрѣ. Когда другіе города присягали Владиславу, Галичъ, Владиміръ и нѣкоторые еще города начали тайно сноситься съ самозванцемъ, изъявляя готовность отдаться ему. Патріархъ же съ общаго согласія избралъ въ посольство къ королю ростовскаго митрополита Филарета, зная его разумъ и твердость характера; избраны были и бояре и отправлены къ королю. Сигизмундъ стоялъ подъ Смоленскомъ. Послы объявили ему о цѣли своего прибытія, чтобъ просить отпустить сына на царство московское. Сигизмундъ согласился на это, но

при этомъ просилъ пословъ отправить отъ себя выборныхъ въ Смоленскъ, чтобъ убѣдить жителей сдаться ему. Тогда митрополитъ Филаретъ сказалъ королю: зачѣмъ посылать намъ въ Смоленскъ? Ты намъ обѣщалъ на царство сына своего и когда онъ воцарится въ Москвѣ, тогда не только Смоленскъ, но и все московское государство будетъ во власти твоего сына. Король между тѣмъ повелъ еще сильнѣе осаду Смоленска. На помощь къ нему прибылъ отъ Москвы гетманъ Жолкѣвскій. Послы стали просить Сигизмунда отпустить ихъ теперь въ Москву, потому что они хотятъ склонить жителей московскихъ присягнуть самому королю. Король отпустилъ ихъ (*), но слыша, что митрополитъ Филаретъ не склоняется къ тому чтобъ Сигизмундъ былъ царемъ на Москвѣ, заключилъ его подъ стражу и часто увѣщевалъ покориться волѣ его, дабы и всѣ московскіе люди ему цѣловали крестъ. Митрополитъ отвѣтствовалъ: «мы прибыли къ тебѣ затѣмъ, чтобы ты далъ намъ сына своего на царство и, если онъ оставитъ латинскую вѣру и приметъ греческую, мы всѣ съ радостію примемъ его; если же нѣтъ, то мы не просимъ его; но чтобы тебѣ самому цѣловали всѣ крестъ, этого не можетъ быть». Тогда король повелѣлъ еще болѣе томить его голодомъ и жаждою въ плѣну и заставлялъ переносить всякую скорбь. Въ то время погибъ самозванецъ. Сигизмундъ, узнавъ о томъ, писалъ боярамъ, что Владиславъ скоро будетъ въ Москву. Но Россія уже не хотѣла Владислава. Дума благодарила Сигизмунда за милость, но патріархъ объявилъ торжественно, что королевичу Владиславу не царствовать въ Москвѣ, если онъ не крестится въ нашу вѣру и не вышлетъ всѣхъ ляховъ изъ московскаго царства. По слову патріарха Гермогена.

(*) Сигизмундъ прислалъ боярамъ грамату, въ которой приказывалъ вознаградить Михаила Салтыкова съ товарищами за то, что они первые пріѣхали изъ Тушина къ королю и присягнули ему. Михаилу Салтыкову были пожалованы волости: Чаранда, на Костромѣ Красное село, Рѣшин и нѣкот. др. Но эти волости, богатыя доходами, произвели зависть въ боярахъ. Ист. Солов., VII т., стр 384, 390

Россія начала ополчаться на враговъ. Городъ сносился съ городомъ; писали, что пришло время стать за вѣру и государство. Рязань, Владиміръ, Суздаль, Нижній-Новгородъ, Романовъ, Ярославль, Кострома (*), Вологда ополчились для избавленія Москвы отъ поляковъ. Королевскія войска, засѣвшія въ Москвѣ съ Александромъ Гонсѣвскимъ, стали сильно утѣснять москвитянъ. Жители другихъ городовъ, слыша объ этихъ утѣсненіяхъ и зная доблесть рязанскаго воеводы Прокопія Ляпунова, прислали къ нему за совѣтомъ и начали собираться ратію, чтобъ итти подъ Москву противъ королевскихъ людей. Въ Костромѣ съ воеводой кн. Волконскимъ (**), въ Галичѣ, въ Калугѣ, въ Рязани, во Владимірѣ, въ Суздалѣ, въ Ярославлѣ, въ Романовѣ собрались ополченія для очищенія Москвы отъ поляковъ. Собравшіяся въ городахъ рати сошлись подъ Москвой у Угрѣшскаго монастыря и, соединясь въ одно ополченіе, пошли къ Москвѣ. Королевскіе люди выступили противъ нихъ за Яузскія ворота и, послѣ непродолжительнаго боя, возвратились назадъ. Воеводы же поставили таборы близь каменнаго города: кн. Димитрій Трубецкой и Иванъ Заруцкій стали отъ Воронцовскаго поля, Прокопій Ляпуновъ у Яузскихъ воротъ, владимірскіе, костромскіе, ярославскіе и романовскіе воеводы: кн. Ѳ. Волконскій, Ив. Волынскій, кн. Ѳ. Козловскій, Петръ Мансуровъ у Покровскихъ воротъ, окольничій Артемій Васильевичъ Измайловъ у Срѣтенскихъ воротъ, кн. Василій Мосальскій у Тверскихъ воротъ. Но между воеводами не было единодушія и потому рати бездѣйствовали долгое время. Тогда избранные отъ всѣхъ полковъ сошлись на совѣтъ и сообща положили, чтобы прекратить несогласія, избрать верхов-

---

(*) Извѣстно, что Сапѣга писалъ въ Кострому, уговаривая жителей признать опять Владислава: « теперь вы государю измѣнили и не вѣдомо для чего и хотите на московское государство не вѣдомо кого. Знаете вы сами польскихъ и литовскихъ людей ночь и силу: кому съ ними битися? » Ист. Сол., VII т., стр. 405.

(**) Соловьева VII т., стр. 406

ными вождями: кн. Д. Тимофеевича Трубецкаго, Ив. Заруцкаго, Прокопія Ляпунова. Тогда начались битвы съ королевскими войсками ежедневно. Гонсѣвскій и Михаилъ Салтыковъ неоднократно обращались къ посредничеству патріарха Гермогена, чтобъ онъ убѣдилъ ратныхъ людей, пришедшихъ къ Москвѣ, отступить, угрожая въ противномъ случаѣ ему смертію, но Патріархъ отвѣчалъ, что онъ не боится мученической смерти и рѣшительно отказалъ послать къ ратнымъ людямъ съ требованіемъ отступить отъ Москвы. Тогда Салтыковъ подвергъ Патріарха разнымъ оскорбленіямъ и мукамъ. Между тѣмъ царь Василій Шуйскій, сверженный съ престола и постриженный въ монахи, былъ плѣнникомъ отправленъ въ Польшу и въ Россіи наступило междуцарствіе. Взоры всѣхъ устремились на Прокопія Ляпунова, какъ доблестнаго воеводу. Но панъ Гонсѣвскій употребилъ хитрость, чтобы погубить Ляпунова: онъ подослалъ въ станъ казаковъ подложную грамату, въ которой воеводамъ предписывались жестокія мѣры, какія надлежало употребить для прекращенія своевольствъ казаковъ, даже истребить ихъ всѣхъ. Казаки потребовали Ляпунова въ кругъ и умертвили. Какія же были слѣдствія этого злодѣянія? Передадимъ словами Карамзина: «слѣдствія были ужасны: надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали, грабительство и смертоубійство возобновились не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые казаки умертвили многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести и вездѣ распространяли отчаяніе. Сапѣга явился отъ Переяславля, большая часть Москвы была взята, весь бѣлый городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою рѣкою были въ рукахъ враговъ. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. И что была тогда Россія? Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей ногайскихъ и крымскихъ, пепелищемъ кровавымъ, пустынею; вся югозападная отъ Десны до Оки въ рукахъ ляховъ. Астрахань

отдѣлилась отъ Россіи и думала существовать въ видѣ особаго царства; шведы присваивали себѣ сѣверозападныя владѣнія, гдѣ явился третій Лжедимитрій и гдѣ держался Лисовскій съ своими злодѣйскими шайками (*). Полки, стоявшіе подъ Москвою ради очищенія столицы отъ враговъ, постоянно умалялись: одникъ казаки отогнали, иные были избиты, другіе, изнемогая отъ ранъ, сами отъѣхали отъ Москвы; оставшіеся въ таборахъ претерпѣвали большія бѣдствія отъ казаковъ; не получая ни откуда помощи, они начали приходить въ отчаяніе (**).

(*) Этимъ повѣствованіемъ оканчивается исторія Карамзина.

(**) Новый лѣтописецъ, стр. 144.

V. Историческія свѣдѣнія о Костромѣ во время междуцарствія.

Всякая надежда на спасеніе отечества отъ гибели, казалось, изчезла; бездна, на краю которой стояла Россія, повидимому, уже готова была поглотить ее; на Руси не было царя, той основной твердыни, на которой зиждется благосостояніе земли русской, не было еще вождей и ополченій, одушевленныхъ общимъ духомъ патріотизма и рѣшимости во что бы то ни стало спасти отечество, но духъ патріотизма, присущій русскому народу, не умиралъ въ немъ, не умерла и вѣра въ Провидѣніе, спасавшее не разъ Русь отъ великихъ напастей. Эти двѣ твердыя основы, на которыхъ русское государство, при всѣхъ ударахъ и превратностяхъ судьбы, непоколебимо стоитъ, какъ могучій исполинъ, до сихъ дней, нерушимы оставались и въ то бѣдственное время. Не было царя и доблестныхъ вождей, но было духовенство, имѣвшее первостепенное значеніе въ важныхъ историческихъ событіяхъ на Руси и раньше, одушевленное твердой вѣрой въ Бога и преданностію своему отечеству. Оно то теперь и пришло на спасеніе отечества отъ грозившей гибели и возжгло въ русскомъ народѣ духъ вѣры и патріотизма. Еще лѣтомъ 1611 г., при жизни Ляпунова, архимандритъ Троицко-Сергіева монастыря Діонисій разсылалъ по городамъ граматы, призывая гражданъ притти на спасеніе столицы, отечества и вѣры. 6 октября Троицкія власти вновь посылаютъ въ города граматы съ извѣщеніемъ, что прибыли еще польскія рати къ Москвѣ, дабы отогнать отъ Москвы ратныхъ людей, которые стоятъ за православную вѣру, дабы и насъ православныхъ христіанъ привести въ конечную погибель, что многіе люди изъ сѣверскихъ городовъ и другихъ уже пришли или идутъ къ Москвѣ и потому жители всѣхъ городовъ призываются притти на помощь ополченіямъ Трубецкаго и Заруцкаго, которые, не смотря на безчинное поведеніе казаковъ, стояли подъ

Москвою и держали въ осадѣ враговъ. Граматы имѣли могучее дѣйствіе на жителей городовъ. Города стали пересылать ихъ другу другу съ извѣстіемъ объ откровеніяхъ божіихъ разнымъ богоугоднымъ людямъ. Съ общаго совѣта въ городахъ назначенъ былъ трехдневный постъ, дабы достойно приготовиться къ великому подвигу спасенія погибавшей отчизны. Общій духъ патріотизма и горячей вѣры уже одушевилъ гражданъ; оставалось только положить начало движенію и оно не замедлило проявиться въ Нижнемъ-Новгородѣ. Граждане нижегородскіе сошлись на совѣтъ: «что намъ предпринять? Видимъ Московское государство совершенно смятеннымъ; многіе города въ запустѣніи, въ прочихъ смятеніе и всюду проникаютъ злодѣи, называющіе себя дѣтьми царскаго сѣмени, многіе непокорные города плѣнили латиняне и царствующимъ городомъ Москвою завладѣли. Разсудимте, какъ мы можемъ избавиться отъ латинскаго насилія и какъ можемъ оказать помощь Москвѣ?» Совѣщанія продолжались нѣсколько дней. Наконецъ одинъ изъ гражданъ Нижняго-Новгорода, по ремеслу говядарь (мясной торговецъ), именемъ Кузьма Миничъ по прозванію Сухоруковъ выступилъ на средину собранія и громкимъ голосомъ воскликнулъ: «граждане, мужи! Внемлите словамъ моимъ: великое дѣло вы хотите предпринять и если Богъ поможетъ, успѣете въ немъ, а послѣ стяжете великую славу и похвалу отъ всей страны за то, что отъ такого малаго города совершится великое дѣло. Я увѣренъ въ томъ, что по почину нашему многіе города ополчатся. Но намъ нужно для спасенія вѣры и отечества не пощадить ни женъ, ни дѣтей своихъ, не только что имущества, и, найдя честнаго и доблестнаго мужа, свѣдущаго въ ратномъ дѣлѣ, слезно просить его быть вождемъ намъ и предаться въ его волю» (*). Этою рѣчью Козьмы воодушевились всѣ граждане, какъ одинъ человѣкъ, и стали изыскивать храбраго и че-

(*) Новый лѣтописецъ, стр. 145.

стнаго мужа въ вожди себѣ. Всѣ согласились избрать наставникомъ и предводителемъ кн. Димитрія Михаиловича Пожарскаго. Къ нему отправили архимандрита Печерскаго монастыря Ѳеодосія съ лучшими избранными мужами просить притти и принять власть надъ ними. Кн. Пожарскій жилъ въ 120 верстахъ отъ Нижняго въ Суздальской области, оправляясь отъ ранъ, полученныхъ имъ ранѣе въ бояхъ. Пожарскій съ радостью принялъ это предложеніе и посовѣтовалъ гражданамъ избрать изъ среды своей лицо для завѣдованія казною, указавъ на Козьму Минича Сухорукаго, какъ на человѣка знакомаго съ этимъ дѣломъ. По слову князя Пожарскаго Козьма Миничъ былъ избранъ гражданами для завѣдованія казною. Вскорѣ прибылъ въ Нижній-Новгородъ и князь Пожарскій. Нижегородцы съ почетомъ встрѣтили его и вскорѣ начали составляться рати. Кн Пожарскій разсылаетъ въ понизовскіе и поморскіе города граматы съ просьбой присылать помощь и денегъ ратнымъ людямъ. Скоро въ Нижній собрались ратные люди изъ многихъ мѣстъ и свезли большое количество казны. Поляки въ Москвѣ, заслышавъ о сборѣ ратей въ Нижнемъ Новгородѣ, требовали отъ патріарха Гермогена, чтобы онъ запретилъ ратямъ идти къ Москвѣ. Но Гермогенъ напротивъ благословилъ это доброе начинаніе и поляки за то уморили его голодомъ въ темницѣ. Начался уже 1612 г. Въ концѣ января въ Костромѣ и Ярославлѣ явились граматы отъ московскихъ бояръ съ увѣщаніемъ отложиться отъ Заруцкаго и быть вѣрными Владиславу, такъ какъ Трубецкой и Заруцкій стоятъ подъ Москвой на христіанское кровопролитіе и всѣмъ городамъ на конечное раззореніе: казаки изъ ихъ таборовъ непрестанно ѣздятъ по городамъ, грабятъ, проливаютъ кровь христіанскую и чинятъ разныя насилія. Казаки дѣйствительно враждебно отнеслись къ Нижегородскому ополченію, зная что съ прибытіемъ его должны будутъ прекратиться ихъ грабительства и разбои. Въ Нижній принесена была вѣсть, что предводитель казаковъ Заруцкій послалъ на Ярославль

многихъ казаковъ, и Андрей Просовецкій идетъ съ ратными людьми занять Ярославль, чтобы не допустить нижегородцевъ соединиться съ ярославцами и ратями другихъ городовъ. Но нижегородцы предупредили казаковъ, отправивъ воеводъ съ ратными людьми занять Ярославль прежде прибытія Андрея Просовецкаго. Между тѣмъ Пожарскій и Козьма Мининъ двинулись со всѣмъ ополченіемъ въ путь по Волгѣ. Пришедъ въ Балахну, пополнили здѣсь свою казну и пошли далѣе въ Юрьевецъ, гдѣ также были приняты съ честію и получили вспоможеніе деньгами. Изъ Юрьевца ополченіе направилось къ Рѣшмѣ. Здѣсь узнали о появленіи новаго самозванца во Псковѣ и о томъ, что ополченіе, стоявшее подъ Москвой, цѣловало ему крестъ. Заруцкій и Трубецкой прислали къ Пожарскому и Минину сказать: прельстились мы, что цѣловали крестъ самозванцу во Псковѣ, а нынѣ опять мы всѣ цѣловали крестъ, чтобъ всѣмъ православнымъ христіанамъ быть въ единомысліи и чтобы вы шли въ Москву безъ опасенія. Пожарскій и Мининъ съ недовѣріемъ приняли это раскаяніе казаковъ и отпустили пословъ, сказавъ: «мы не имѣемъ никакого опасенія, но всю надежду возлагаемъ на Бога и вскорѣ прибудемъ къ Москвѣ». Изъ Рѣшмы ополченіе прибыло въ Кинешму и тамъ въ подмогу взяли казны. Изъ Кинешмы двинулись къ Костромѣ. Многіе жители Костромы встрѣтили рать въ Плесѣ и возвѣстили кн. Пожарскому, что воевода ихъ Иванъ Шереметьевъ не хочетъ пускать ополченіе къ городъ, оставаясь вѣрнымъ Владиславу. Кн. Пожарскій и Мининъ рѣшили итти въ Кострому и вскорѣ заняли посадъ города. Костромичи раздѣлились на двѣ части: иные были на сторонѣ воеводы, оставаясь вѣрными Владиславу, другіе на сторонѣ ополченія. Послѣднихъ было больше и они возстали на воеводу своего, говоря: зачѣмъ ты одинъ хочешь возмутить весь народъ? Лишивъ Шереметьева воеводства, едва не убили его; его спасъ кн Пожарскій. Костромичи просили у Пожарскаго другаго воеводу и онъ далъ имъ кн. Романа Гагарина

и дьяка Андрея Подлѣсова. Тогда пришли въ Кострому послы изъ Суздаля просить у Пожарскаго воеводъ съ ратными людьми, дабы Просовецкій съ казаками не раззорилъ Суздаля. Кн. Пожарскій отправилъ въ Суздаль кн. Романа Пожарскаго съ нижегородскими и балахонскими стрѣльцами. Костромичи, снабдивъ ополченіе деньгами, съ честію проводили его къ Ярославлю. Сюда стали стекаться изъ разныхъ городовъ ратные люди и привозить казну. Между тѣмъ изъ Ярославля были разосланы по городамъ граматы. Граждане приглашались прислать всякаго состоянія людей, выбранныхъ по два человѣка для общаго совѣта, какъ бы намъ въ нынѣшнее бѣдственное время быть не безгосударными, выбрать бы общимъ совѣтомъ государя, чтобы московское государство въ конецъ не раззорилось, но чтобъ впередъ стояло крѣпко и неподвижно. Извѣщалось въ граматахъ и о появленіи во Псковѣ самозванца Сидорки и что казаки подъ Москвой присягнули ему. Поэтому вожди ополченія просятъ горожанъ отписать отъ себя подъ Москву въ полки, чтобъ отъ вора Сидорки отстали и съ нами и со всею землею розни не чинили. Нижегородцамъ нельзя было тотчасъ предпринять походъ изъ Ярославля къ Москвѣ, такъ какъ казаки заняли нѣкоторые окрестные города и разбойничали по областямъ. Кромѣ того шведы заняли Тихвинъ. Тогда вожди рѣшили отправить рать противъ казаковъ, а шведовъ склонить къ миру. Въ тоже время были разосланы граматы въ украинскіе города съ предложеніемъ отстать отъ самозванца и прислать выборныхъ отъ себя для общаго совѣта, какъ намъ бороться съ общими врагами и выбрать государя всею землею. Подобныя граматы были посланы и въ Сибирь. Въ то время начались переговоры со шведами. Ополченіе уже стало собираться въ походъ изъ Ярославля, какъ открылся заговоръ на жизнь кн. Пожарскаго. Подосланы были Заруцкимъ казаки съ цѣлію убить Пожарскаго. Казаки придумывали разные способы и наконецъ рѣшили умертвить его гдѣ нибудь на дорогѣ въ тѣснотѣ. Въ съѣзжей избѣ у

дверей подстерегли заговорщики кн. Пожарскаго и казакъ Степанъ, пользуясь тѣснотой, хотѣлъ ударить ножемъ въ животъ князю, но промахнулся и ударилъ по ногѣ своего соумышленника Романа. Заговоръ былъ раскрытъ и злоумышленники были разосланы въ города по тюрьмамъ. Но ополченію медлить было нельзя, такъ какъ пришла вѣсть о приближеніи пана Ходкѣвича къ Москвѣ, и Пожарскій отправляетъ передовые отряды, а чрезъ нѣсколько дней двинулось и все ополченіе изъ Ярославля, напутствуемое молитвой и благословеніемъ духовенства и гражданъ. 18 августа ополченіе выступило изъ Троицко-Сергіевскаго монастыря и, не дойдя 5 верстъ до Москвы, остановилось на р. Яузѣ. Трубецкой призывалъ Пожарскаго къ себѣ въ станъ, но воевода и ратные люди отвѣчали отказомъ быть вмѣстѣ съ казаками. Такимъ образомъ подъ Москвой стояли два ополченія, имѣвшія по видимому общую цѣль вытѣснить изъ столицы враговъ, между тѣмъ сами враждебныя другъ другу.

21 августа пришла вѣсть о движеніи Ходкѣвича изъ Вязьмы къ Москвѣ, а вечеромъ того же дня полки уже были на Поклонной горѣ. 22 августа Ходкѣвичъ напалъ на Пожарскаго; произошелъ кровопролитный бой, грозившій окончиться гибелью для Пожарскаго, такъ какъ Трубецкой съ казаками спокойно смотрѣли и не принимали участія въ бою. Но сотни ополченцевъ, отправленныхъ ранѣе Пожарскимъ въ станъ Трубецкаго, не могли оставаться спокойными и поспѣшили на помощь къ князю. Къ нимъ присоединились и нѣкоторые благонамѣренные казаки. Эта помощь выручила изъ бѣды Пожарскаго; Ходкѣвичъ отступилъ. Между тѣмъ поляки сдѣлали нѣсколько удачныхъ вылазокъ изъ Китая-города. Ходкѣвичъ же употребилъ всѣ усилія пробиться къ городу по Замоскворѣчью. Поляки одолѣвали русскихъ; Заруцкій и Трубецкой съ казаками ушли за рѣку. Въ виду неуспѣха, Пожарскій и Мининъ послали за келаремъ Авраміемъ Палицынымъ и просили его уговорить казаковъ идти на поляковъ и не

пропускать запасовъ въ Кремль. Казаки одушевились убѣжденіями Палицына и двинулись на враговъ. Къ нимъ присоединился и Пожарскій съ своимъ ополченіемъ и враги были оттѣснены. Въ это время Мининъ съ тремя дворянскими сотнями устремился на другой отрядъ поляковъ у крымскаго двора. Поляки не выдержали натиска и отступили къ Воробьевымъ горамъ. Итакъ общими усиліями Ходкѣвичъ былъ отраженъ и къ засѣвшимъ въ Кремлѣ полякамъ не было пропущено припасовъ. Теперь нужно было очистить Кремль отъ враговъ. Но между вождями ополченій опять произошли рознь и несогласіе. Важно было удержать казаковъ подъ Москвою, которые между тѣмъ волновались и кричали, что они голодны и холодны. Въ эту рѣшительную минуту опять является на помощь духовенство. Архимандритъ Троицкаго монастыря Діонисій созываетъ свою братію для совѣщанія: что дѣлать? Денегъ въ монастырѣ нѣтъ, чтобы послать казакамъ и убѣдить ихъ не расходиться отъ Москвы. Рѣшили послать казакамъ сокровища церковныя, ризы и другую церковную утварь и написали имъ убѣдительную грамату. Казакамъ совѣстно показалось брать церковныя вещи и они отослали ихъ назадъ, а сами обѣщались не уходить отъ Москвы. Наконецъ и несогласія между вождями ополченій уладились и 22 октября казаки пошли на приступъ и взяли Китай городъ. Но въ Кремлѣ поляки держались еще мѣсяцъ. Доведенные голодомъ до изнеможенія, они вступили въ переговоры съ ополченіемъ, прося объ одномъ только: сохранить имъ жизнь. Началось очищеніе Кремля. Поляки сперва выпустили бояръ, томившихся съ ними въ Кремлѣ, въ числѣ которыхъ былъ и Иванъ Никитичъ Романовъ съ племянникомъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и матерью послѣдняго Марфою Ивановною. На другой день сдались и поляки съ предводителемъ своимъ Струсемъ. 27 ноября ополченія съ крестнымъ ходомъ вступили въ Китай городъ и сошлись у Лобнаго мѣста, гдѣ архимандритъ Діонисій началъ служить молебенъ. Между тѣмъ изъ Кремля по-

казался другой крестный ходъ съ архіепископомъ Арсеніемъ. Послѣ общаго молебствія всѣ двинулись въ Кремль, оскверненный предъ тѣмъ врагами, и обѣднею и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ кончили великое торжество спасенія столицы и Руси отъ враговъ, подобное тому, какое повторилось ровно чрезъ два вѣка, въ 1812 г.—Очистивъ Москву отъ поляковъ, приступили къ избранію новаго царя и общимъ голосомъ на соборѣ 21 февраля 1613 г. нарекли юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова.

Дополненіе къ исторіи Костромы и Галича XIV вѣка.

Благодаря любезности достопочтеннаго Павла Ивановича Андронникова, доставившаго намъ въ рукописи краткую лѣтопись Воскресенскаго монастыря, что у Соли галицкія, мы могли подробно ознакомиться съ содержаніемъ этой лѣтописи, которую, впрочемъ, имѣлъ Карамзинъ и заподозрилъ достовѣрность ея сказаній о событіяхъ XIV в. Тѣмъ не менѣе событія XV в. изложены въ этой лѣтописи хотя кратко, но правильно, за исключеніемъ нѣсколькихъ анахронизмовъ. Въ сказаніяхъ, относящихся къ XIV в., очевидна поздняя выдумка, напр. подъ 1355 г. уже упоминается объ огненномъ боѣ, т. е. объ огнестрѣльныхъ орудіяхъ, которыя князь Андрей хотѣлъ будто бы поставить на стѣнахъ острога у Воскресенскаго монастыря, между тѣмъ огнестрѣльное оружіе употреблялось въ Россіи до 1389 г., когда вывезли къ намъ изъ земли нѣмецкой арматы и стрѣльбу огненную (*). Въ княженіе Василія Дмитріевича умѣли уже дѣлать порохъ въ Москвѣ, гдѣ отъ этого сгорѣло нѣсколько дворовъ.

Не придавая полнаго довѣрія сказаніямъ лѣтописи Воскресенскаго монастыря у Соли галицкія и не внося потому ихъ въ текстъ нашего историческаго очерка, мы тѣмъ не менѣе изложимъ. подробно, въ видѣ дополненія къ предыдущей статьѣ, содержаніе ея

Въ 1332 г. пріѣхали изъ орды русскіе князья съ пожалованіемъ отъ хана удѣловъ: князь Семенъ Ивановичъ получилъ Кострому и Галичъ. Чрезъ годъ онъ умеръ, оставивъ двухъ сыновей: Ѳеодора и Андрея. Князю Ѳеодору достался Галичъ, а Андрею Кострома. Послѣдній женился на дочери ветлужскаго и хлыновскаго князя Никиты Ивановича Байбороды. Братья разсорились между собою, ѣздили на судъ къ кн. Кіевскому и Москов-

(*) Караиз. т. V, гл. 1.

скому и затѣмъ примирились. Московскій князь особенно жаловалъ Θеодора (*). Въ это время игуменъ печерскій Даніилъ съ учениками возвратился изъ путешествія на Аθонъ, въ Іерусалимъ и во многія святыя мѣста. Кн. Θеодоръ Семеновичъ ходилъ къ Даніилу на благословеніе и просилъ у него одного изъ учениковъ старца въ свою отчину на игуменство. Игуменъ Даніилъ, благословивъ его, далъ ему ученика св. Аθанасія и съ нимъ двухъ старцевъ Романа да Тихона. Митрополитъ московскій, по просьбѣ кн. Θеодора, благословилъ Аθанасія на игуменство въ Галичъ ко св. Спасу. Аθанасій у своего двора устроилъ монастырь съ восемьюдесятью иноками и жилъ здѣсь у св. Спаса 3 года. Въ 1335 г. наканунѣ перваго дня св. Пасхи было явленіе князю Θеодору Семеновичу и игумену Афанасію. Отслушавъ Дѣянія Апостоловъ, они пошли въ свои хоромы. Едва вышли на паперть, какъ увидали необыкновенный свѣтъ съ югозападной стороны въ видѣ зари. Князь Θеодоръ сказалъ игумену Афанасію: «отецъ мой духовный! Что значитъ это знаменіе?» Слышенъ былъ и голосъ съ неба: «дерзай, княже! Богъ знаетъ желаніе твое». Князь и бывшіе съ нимъ пришли въ неописанный страхъ. Игуменъ такъ истолковалъ это видѣніе: «Богъ хочетъ это мѣсто осѣнить благодатію своею». Когда видѣніе изчезло, всѣ разошлись; князь ушелъ въ свой дворецъ, а игуменъ въ церковь. Въ четвергъ на святой недѣлѣ, когда князь шелъ въ церковь св. Спаса, былъ громъ и потомъ явился столбъ на той же югозападной сторонѣ неба. Князь, пришедъ въ церковь, началъ со слезами молиться предъ образомъ господнимъ и по окончаніи божественной службы повѣдалъ о видѣніи духовнику своему игумену Афанасію. Князь Θеодоръ, по-

(*) Карамзинъ, въ примѣчаніи 327 къ IV т., гл. IX, всю эту повѣсть считаетъ за позднюю сказку, князей, здѣсь упомянутыхъ, считаетъ не дѣйствительными, а выдуманными лѣтописцемъ. Кромѣ того не допускаетъ возможности враждующимъ князьямъ ѣхать на судъ особенно къ Кіевскому князю. Дѣйствительно, въ полныхъ спискахъ лѣтописей мы не встрѣчали ни одного изъ упомянутыхъ здѣсь князей.

совѣтовавшись съ духовникомъ, князьями и боярами, рѣшилъ отправиться въ ту сторону, гдѣ видѣнъ былъ свѣтъ и повелѣлъ созывать окрестныхъ жителей. Но ему сказали, что страна та необитаема и покрыта лѣсомъ. Князь отправился туда и встретилъ на пути озеро Чудское, потому что около него жило племя Чудь. Въ лѣсу князь съ своими спутниками встрѣтилъ нѣкоего человѣка, именемъ Гавріила Давидова изъ Твери. Князь спросилъ его: почему онъ пришелъ сюда изъ Твери? Гавріилъ отвѣчалъ, что его хотѣлъ убить князь тверскій и домъ его разграбилъ, тогда онъ ушелъ въ этотъ лѣсъ, оставивши семью изъ 8 сыновей и 16 дочерей. Князь разсказалъ Гавріилу о своемъ видѣніи. Гавріилъ же сказалъ, что онъ живетъ въ 4 верстахъ отъ сего мѣста, на что князь сказалъ ему: живи ты тамъ и до вѣка. Князь Ѳеодоръ прибылъ на то мѣсто, гдѣ жилъ Гавріилъ, на рѣку, имени которой онъ не зналъ. Князь послалъ своихъ людей внизъ по рѣкѣ и они прибыли къ городу Костромѣ. По возвращеніи они сказали князю, что имя рѣки той Кострома. Тогда кн. Ѳеодоръ, по совѣту духовника, князей и бояръ, рѣшилъ построить на томъ мѣстѣ церковь Воскресенія Христова, такъ какъ онъ видѣлъ свѣтъ въ Воскресенье (*) Здѣсь князь Ѳеодоръ устроилъ монастырь; самъ и всѣ бояре его начали рубить и готовить лѣсъ. Они 6 іюля начали строить церковь, а къ Ильину дню она уже была воздвигнута высотою въ 33 сажени, такъ что видна была издалека. Украсивъ церковь св. иконами, кн. Ѳеодоръ поставилъ надъ новымъ монастыремъ игуменомъ Афанасія, а келаремъ Романа. Вскорѣ князь Ѳеодоръ сталъ населять окрестность монастыря крестьянами изъ своихъ вотчинъ и изъ иныхъ. Самъ жилъ здѣсь 5 слишкомъ мѣсяцевъ и потомъ часто пріѣзжалъ на богомолье въ новую Воскресенскую обитель, даровалъ ей села и волости, далъ ей двѣ трети Чудскаго озера, четверть Галицкаго озера.

(*) Раньше упоминалось, что явленіе свѣта князю и игумену было наканунѣ перваго дня св. Пасхи.

рыбныя ловли въ окрестныхъ рѣкахъ и богато дарилъ иноковъ. Въ 1341 г. князь Θеодоръ Семеновичъ скончался въ обители св. Воскресенья, принявъ предъ кончиной монашество и имя Θеодосія. Послѣ него остался сынъ Андрей 12 лѣтъ. Князя Θеодора Семеновича отвезли во Владиміръ, гдѣ и похоронили въ соборномъ храмѣ. Кн. Θеодоръ завѣщалъ сыну своему Андрею давать Воскресенской обители села и волости. Князь Андрей часто ѣздилъ въ святую обитель, благотворилъ ей всяческими дарами и приношеніями. Въ 1350 г. у князя Андрея родился сынъ Іоаннъ, нареченный въ св. крещеніи Василіемъ. Въ 1351 г. неожиданно напалъ на галицкаго кн. Андрея кн. Никита Ивановичъ. Богъ помогъ князю Андрею и онъ прогналъ Никиту въ дремучіе лѣса за р. Унжу. Въ 1352 г. князь Андрей Θеодоровичъ отправилъ пословъ на Ветлугу къ князю Никитѣ Ивановичу и на Кострому къ дядѣ своему кн. Андрею Семеновичу, чтобы тѣ возвратили ему его вотчины. Кн. Никита и кн. Андрей Семеновичъ пословъ его ограбили и ему велѣли сказать: не видать тебѣ своихъ вотчинъ во вѣки. Кн. Андрей Θеодоровичъ съ большой ратію ходилъ и выжегъ тѣ вотчины.

Въ 1354 г. кн. Никита Ивановичъ приходилъ съ луговою Черемисою на галицкаго князя Андрея Θедоровича и кн. Андрей Никиту прогналъ, а Черемисъ побилъ на голову.

Въ 1355 г. пріѣзжалъ кн. Андрей Θеодоровичъ въ Воскресенскій монастырь молиться и совѣтовался съ игуменомъ и иноками, чтобы поставить около монастыря острогъ для воинскихъ людей и *снарядъ далъ огненный бой* и всякія воинскія принадлежности; начальникомъ поставили боярина Ивана Васильевича Золотарева. Обитель Воскресенія была снабжена всякими благами. Всѣхъ иноковъ было 324 человѣка. Монастырю было дано много угодій и мельницъ. Слава о св. обители привлекла къ ней многихъ изъ далекихъ странъ и приходили и постригались въ ней. Но врагъ діаволъ по зависти и злобѣ вложилъ въ сердце князей

Никиты и Андрея желаніе раззорить эту обитель.

Въ 1358 г. приходилъ князь Андрей Семеновичъ на галицкаго князя Андрея Ѳеодоровича войною, а кн. Никита неожиданно напалъ на Воскресенскую обитель. Кн. Никита былъ разбитъ, кн. Андрей костромской былъ прогнанъ, а людей избили до 3 тысячъ.

Въ 1360 г. кн. галицкій Андрей Ѳеодоровичъ собралъ большую рать и пошелъ войною на костромскаго князя, пожегъ посады около Костромы и людей побилъ.

На помощь костромскому князю пришелъ кн. Никита Ивановичъ. Враги сошлись въ Суздалѣ, гдѣ произошелъ бой. Кн. Андрей разбилъ Никиту.

Въ 1362 г. кн. Никита приходилъ войною на кн. Андрея на Галичъ и воевали три недѣли. Сынъ князя Никиты Гавріилъ былъ убитъ, другой—Юрій былъ взятъ въ плѣнъ. У костромскаго князя Андрея сынъ Димитрій былъ убитъ. Всѣхъ людей было избито и взято въ плѣнъ до 400 человѣкъ.

Въ 1366 г. приходили суздальскіе воеводы Даніилъ Борисовичъ, кн. Юрій Васильевичъ, кн. Михаилъ Дмитріевичъ, племянникъ князя Никиты Хлыновскаго и бились съ княземъ Андреемъ галицкимъ на р. Векащѣ на устьи у св. Николы. Кн. Даніилъ былъ убитъ, а князь Михаилъ раненъ. Всѣхъ людей было убито 1300 человѣкъ.

Въ 1372 г. пришли на галицкаго князя Андрея Ѳеодоровича многіе удѣльные князья: кн. Никита Ивановичъ съ Ветлуги, кн. Андрей съ двумя сыновьями, суздальскій князь Юрій Васильевичъ съ большою силою, казанскій воевода Айбердъ Зернозѣевичъ, да луговая черемиса; кн. Андрей Семеновичъ и кн. Юрій пришли подъ Галичъ. Кн. Никита пришелъ съ ногайскими воеводами и съ луговою черемисою на рубежъ, потомъ пошелъ Унжею вверхъ, изъ Унжи Вагою вверхъ и подступилъ неожиданно къ Воскресенскому монастырю. Три дня бились здѣсь и поганые стали одолѣвать. Слуги и крестьяне того монастыря, увидавъ, что острогъ

ихъ будетъ взятъ и они будутъ побиты, послали къ врагамъ подарки. Кн. Никита и ногайскіе воеводы дары отъ нихъ приняли, но велѣли имъ изъ острога съ женами и дѣтьми выйти. Тогда игуменъ съ братіею призвалъ ихъ въ церковь и началъ увѣщавать словами свящ. писанія защищаться; если присовокупили иноки, мы умремъ, то мученическою смертію. Кн. Никита и Ногайцы, убѣдившись, что слуги и крестьяне рѣшили мученически умереть за истинную вѣру и за св. обитель, требовали, чтобъ они оставили острогъ. Но когда они вышли, то были всѣ избиты. Враги зажгли острогъ. Иноки, возложивъ на себя схиму и причастивъ мірскихъ людей, приготовились къ смерти. 18 Августа враги зажгли обитель и всѣхъ людей въ обители избили, захвативъ большое богатство. Волости и села около монастыря пожгли, а жителей поплѣнили. Кн. Андрей Семеновичъ съ кн. Юріемъ Андреевичемъ погнались на Ветлугу подъ Хлыновъ. Въ то время пришелъ кн. Никита и его невыдалъ, а Андреевы воины поймали языковъ и привели ихъ въ станъ къ князю Андрею галицкому, мучили ихъ и пытали: что у васъ за прибылые люди появились? Языки сказали: кн. Никита Воскресенскій монастырь вывоевалъ и выжегъ. Услыхавъ о томъ, кн. Андрей Ѳеодоровичъ пріѣхалъ на мѣсто Нагорское и не увидѣлъ церкви Воскресенія Христова; повалившись съ коня, началъ плакать и рыдать и понесли его на носилкахъ. Послали къ Спасу за игуменомъ Иларіономъ. Игуменъ пріѣхалъ съ священниками и дьяконами. Собравъ мертвыхъ, они погребли ихъ. Съ того времени запустѣлъ монастырь Воскресенскій. Богъ наказалъ князя Никиту: пришла на его землю болѣзнь корчевная; жители всѣ вымерли и уничтожился Хлыновъ городъ. Далѣе въ лѣтописи съ 1429 г. по 1461 г. излагаются тѣже событія, которыя содержатся и въ полныхъ спискахъ лѣтописей, только въ болѣе краткомъ видѣ. Въ концѣ лѣтописи подъ 1663 и 1664 г. гг. изложены событія, относящіяся къ исторіи Воскресенской обители, именно объ обрѣтеніи здѣсь *мощей.*

Вотъ все содержаніе этой кратенькой лѣтописи Воскресенскаго монастыря, что у Соли галицкія. Очевидно, что цѣль составителя этой лѣтописи была та, чтобы составить повѣсть о началѣ Воскресенской обители и вотъ составлена такая повѣсть съ небывалыми князьями галицкими и костромскими. Мы уже видѣли изъ предыдущаго, что въ началѣ второй половины XIV в въ Галичѣ княжилъ не Андрей Ѳеодоровичъ, какъ говорится въ этой лѣтописи. а одинъ изъ потомковъ Константина Ярославича, перваго галицкаго князя, кн. Димитрій, который былъ вскорѣ изгнанъ изъ Галича Димитріемъ Донскимъ. Раньше этого Галичъ былъ купленъ Калитою у одного изъ потомковъ Константина. Ветлужскихъ или хлыновскихъ князей не было. Хлыновъ былъ владѣніемъ новгородскимъ. Костромскихъ князей: Семена, Андрея не было, такъ какъ въ полныхъ спискахъ лѣтописей ни разу о нихъ не упомянуто. Тѣмъ не менѣе событія XV в. изложены согласно съ сказаніями о нихъ остальныхъ лѣтописей. Повѣствованія о событіяхъ XIV в. въ этой лѣтописи составляютъ по нашему мнѣнію любопытную позднѣйшую поддѣлку подъ лѣтописныя сказанія, что изобличается указаннымъ нами ранѣе анахронизмомъ относительно огненнаго боя.

Дополненіе къ исторіи Костромы XVI и начала XVII вв.

Въ дополненіе къ исторіи Костромы XVI и начала XVII вв. приводимъ копіи съ княжескихъ и царскихъ жалованныхъ граматъ:

Жалованная и судная грамата Великаго Князя Василія III-го отъ 1533 г. (*), *данная Михаилу Ильину Гиневлеву.*

„Мы великій государь Василій, Божіею милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь всея Руси и великій князь пожаловалъ есмь Михаила Ильина сына Гиневлева въ Костромскомъ уѣздѣ въ Троицкой трети своего великаго князя деревнями черными: деревнею Дьяконовымъ, деревнею Полежаевымъ, что сѣли тѣ деревни на лѣсу на черномъ послѣ писцовъ, а съ тяглыми деревнями съ черными тѣ деревни и волости тянули, да въ Троицкой же трети деревнями черными новыми жъ, что садились на лѣсѣхъ послѣжъ писцовъ, а съ тяглыми деревнями съ черными тѣ деревни и волости не тянули, деревнею Осиновцою, деревнею Вѣлчиковымъ, деревнею Ѳеодориковою на рѣчкѣ на Хмѣлевицѣ, деревнею (**), деревнею Якуни Еремина, деревнею Сосновскою, деревнею Взглядною на рѣчкѣ на Ковжѣ, деревнею Раменскою, деревнею Добрѣйцовымъ, деревнею Яковцевымъ, деревнею Ловковымъ Займищемъ верхъ рѣчки Соти, деревнею Зыбалцевымъ Заболотьемъ, деревнею Хмѣлевицей, деревнею Слудой на рѣчкѣ на Учѣ, деревнею Буделцовымъ, деревнею Сусоловымъ, деревнею Зарѣчнымъ, пустошью Пѣшинскою, пустошью Охлябинымъ съ помѣстьемъ со всѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ и пустошамъ потягло.

(*) Послѣдній годъ княженія Василія III-го.

(**) Названіе не разборчиво въ рукописи.

Отдѣлъ граматы судный: «И кто у него въ тѣхъ деревняхъ и на пустошахъ учнетъ жити людей и намѣстницы наши костромскіе и волостели и ихъ тіуни тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, опричъ душегубства и разбоя съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни почто, а праведчики и доводчики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни почто, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей Михайло самъ во всемъ или кому прикажетъ, а случится судъ смѣсный тѣмъ его людямъ съ городскими людьми или съ волостными и намѣстницы наши и волостели и ихъ тіуни тѣхъ его людей судятъ, а Михаилъ и его приказчикъ съ ними же судитъ, а присудомъ (*) дѣлятъ на полы. А кому будетъ чего искать на Михаилѣ или на его приказчикѣ, ино ихъ сужу язъ князь великій или мой бояринъ введенный. Писана на Москвѣ лѣта $\frac{7041}{1533}$ августа 2 дня".

Жалованная и судная грамата, данная Великимъ Княземъ Иваномъ IV-мъ Васильевичемъ въ 1546 г. Михаилу Ильину Гиневлеву.

„Мы великій государь Иванъ, Божіею милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь всея Руси и великій князь пожаловалъ есмь Михаила Ильина сына Гиневлева въ Костромскомъ уѣздѣ въ Троицкой трети сельцемъ Дьяковымъ, деревнею Овинищемъ, деревнею Ѳедорковымъ Захарова на Хмелевицѣ, деревнею Суслецовымъ, деревнею Хмельвицею, деревнею Слудою на рѣчкѣ на Учѣ, деревнею Вырванцовою, деревнею Буделцовымъ, деревнею

(*) Присудъ стар. слово въ значеніи—пошлина за рѣшеніе дѣла.

Яковцевымъ, деревнею Кобылиною, починкомъ Вешнековымъ, деревнею Заболотьемъ, деревнею Полежаевою на рѣчкѣ на Соти, починкомъ..... (неразборчиво), починкомъ Кривцовымъ, починкомъ Сосновкомъ, деревнею за рѣчкою на Соти, деревнею Холмцомъ, деревнею Барановымъ починкомъ, деревнею Добродѣйцовымъ, починкомъ Копейкинымъ, деревнею Велчуковою на рѣчкѣ на Хмѣльницѣ, починкомъ Черницынымъ, починкомъ Ѳотѣйковымъ, починкомъ Попковымъ, что тѣ починки даны Михайлу въ обмѣнъ противъ его деревень, деревнею Сѣновицею, да деревнею Куниковою, да пустоши Прокшины съ помѣстьемъ со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому сельцу и къ деревнямъ и къ починкамъ изстари потягло.

И кто у него въ томъ сельцѣ и въ деревняхъ и въ починкахъ учнетъ жити людей и наши намѣстницы костромскіе и волостели и ихъ тіуни, тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни почто, а праведчики и доводчики поборовъ своихъ на нихъ не берутъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни почто, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей Михайло самъ во всемъ или кому прикажетъ, а случится судъ смѣсный тѣмъ его людямъ съ городскими людьми, или съ волостными и наши намѣстницы костромскіе и волостели и ихъ тіуни тѣхъ его людей судятъ, а Михайло или его приказчикъ съ ними же судятъ, а присудомъ дѣлятся на полы. А кому будетъ чего искать на Михайлѣ или на его приказчикѣ, ино ихъ сужу я князь великій или мой бояринъ введенный. Писана на Москвѣ лѣта 7054—1546 г. Генваря въ 29 день".

При граматѣ печать съ надписью на лицевой сторонѣ съ изображеніемъ двухглаваго орла: Иванъ князь Володимерскій, Московскій, Новгородскій и иныхъ; на оборотной сторонѣ съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца: Иванъ Божіею милостію Государь всея Россіи.

Се азъ царь и великій князь Θеодоръ Іоанновичъ всея Россіи пожаловалъ есми соборныя церкви Θеодора Стратилата что на Костромѣ протопопа Алексѣя, да поповъ, попа Максима, попа Фалалея, попа Поліевкта, дьяконовъ Тихона да Григорія, или кто по нихъ у Θеодора святаго иные протопопы, попы и дьяконы будутъ: что вы били челомъ и старую жалованную грамату дѣда нашего в. кн. Василія Ивановича всея Россіи съ подписью на отца нашего царя и в. кн. Ивана Васильевича всея Россіи имя подали, для того, что та старая жалованная грамата ветха: и намъ бы Феодоровскаго протопопа Алексѣя съ братіею или кто по немъ иный протопопъ и попы и дьяконы у тое церкви будутъ, пожаловати та дѣда нашего старая жалованная грамата велѣти переписати на свое царево и великаго князя имя. И азъ царь и в. кн. Феодоръ Ивановичъ всея Россіи тое ихъ граматы слушалъ и велѣлъ имъ ту ихъ старую жалованную грамату переписати на свое царево и в. князя имя, и далъ имъ сю свою жалованную грамату такову же, какъ у нихъ въ старой жалованной граматѣ было написано: наши намѣстницы Костромскіе и ихъ тіуны того протопопа и поповъ и дьяконовъ и пономаря и проскурницу и сторожей церковныхъ и ихъ людей и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ опричъ душегубительства и разбоя съ поличнымъ; ни кормовъ своихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни почто, а правотчики и доводчики не въѣзжаютъ къ нимъ ни почто, ни поборовъ своихъ у нихъ ни иныхъ пошлинъ ни которыхъ не берутъ, а вѣдаетъ и судитъ пономаря и проскурницу сторожей церковныхъ и ихъ людей и крестьянъ протопопъ Алексѣй съ братіею сами во всемъ, или кому прикажутъ, а случится судъ смѣсный ихъ людемъ и крестьянамъ съ городскими людьми и становыми или съ волостными или съ сельскими и наши намѣстницы и волостели и ихъ тіуны и посадскіе судятъ, а протопопъ Алексѣй съ братіею или ихъ приказчикъ съ ними же судятъ, а правъ будетъ или виноватъ ихъ

крестьянинъ, и онъ въ правдѣ или въ винѣ, протопопу Алексѣю съ братіею или ихъ приказчику. А намѣстницы наши и волостели или тіуни или посадскіе у протопопа съ братіею въ ихъ крестьянина ни въ праваго ни въ виноватаго не вступаются, а правъ будетъ или виноватъ городской человѣкъ и становой и волостной или сельской и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ или волостелемъ и ихъ тіунамъ: а протопопъ съ братіею или ихъ приказчикъ городскаго человѣка или волостнаго и въ сельскаго въ праваго ни въ виноватаго не вступаются: а кому будетъ чего искати на протопопѣ съ братіею или на ихъ приказчикѣ то ихъ сужу азъ царь и вел. князь или мой дворецкой, а чего будетъ протопопу съ братіею и ихъ людемъ и крестьянамъ на комъ искать, или кому будетъ чего искати на протопопѣ и на попахъ и на дьяконахъ и на проскурницѣ и на пономарѣ и на сторожахъ церковныхъ и на ихъ людѣхъ и на крестьянѣхъ, и азъ имъ далъ своего пристава даннаго пѣвчего дьяка Василія Потапова, и онъ бы ихъ и по нихъ ѣздить съ моею царя и велик. князя приставною, даваетъ ихъ на поруки, да чинитъ имъ сроки стать предо мною царемъ и вел. княземъ, а опричь того даннаго моего пристава Василія Потапова инымъ приставамъ ни которымъ ѣздити есми по нихъ не велѣлъ, а кто по нихъ пріѣдетъ иной приставъ опричь того моего даннаго пристава Василія Потапова, и азъ имъ тѣмъ приставомъ на поруку давать не велѣлъ, а кто на нихъ накинетъ срокъ сильно опричь того моего даннаго пристава Василія Потапова, и азъ къ тѣмъ срокомъ ѣздити не велѣлъ а кто и безсудную на нихъ дастъ и та безсудная не въ безсудную а боярскіе люди и намѣстничьи и тіуньи люди на пиры и на брачнины не званы къ нимъ не ѣздятъ, а кто къ нимъ на пиръ и на братчину пріѣдетъ не званъ, и они того выпилютъ вонъ безпенно, а не пойдетъ вонъ, а учнетъ у нихъ пити сильно, а учинится у нихъ тутъ какова гибель, и тому та гибель платить безъ суда и безъ правды: и кто на Костромѣ

и въ Костромскомъ уѣздѣ во всѣхъ станѣхъ въ Плоскининѣ и въ Чижевѣ и въ Логиновѣ и въ Ондроникковѣ и въ Дуплеховѣ и въ Соти и въ Кулигѣ и въ Осеку и въ Корбодамѣ и въ Сушевскомъ и въ Вятскомъ и въ Миискомъ и въ Хорутиковѣ и въ Иванчюшковѣ и въ Дмитрецовѣ и въ Ормяновѣ и въ Никольской слободѣ и въ волостяхъ и въ Костромскихъ въ Корегѣ и на Иледемѣ въ трети и въ Троицыной трети и въ служнѣ трети и въ Кодоварной трети и въ Чашницѣ пути и въ столничѣ пути въ Немстѣ и въ Сорохтѣ и въ Нерехтѣ и въ Борщинѣ и во Владычнѣ и въ волостяхъ въ Великой Соли, и въ Малой Соли и въ Подольскомъ дворцѣ и въ Шачеболи и въ Андомѣ и въ Немдѣ и въ Сидоровскомъ и въ Куекши и въ Писмѣ и въ Желѣзномъ Борку и въ новыхъ городкахъ въ Киружской волости, въ Буѣ, Выдамьѣ въ трехъ станѣхъ въ Любимѣ, въ Кобордамѣ, въ Судиславлѣ, въ моихъ царя и вел. князя селѣхъ (*) въ дворцовыхъ и въ митрополичьихъ селѣхъ и во владычныхъ и въ боярскихъ и монастырскихъ, учнутся женить дѣти боярскія и городскіе люди и боярскіе люди и крестьяне мои царя и велик. князя черные и митрополичьи и владычни и боярскіе и монастырскіе и они емлютъ знамена у протопопа Алексія съ братіею по старинѣ а даютъ съ холостаго человѣка десять денегъ, а со вдовца два алтына, а которой игуменъ или попъ на Костромѣ и въ Костромскомъ уѣздѣ во всемъ вѣнчаетъ безъ ихъ знаменъ или которые дѣти боярскія городскіе люди и ихъ люди и крестьяне учнутъ вѣнчатися иныхъ городовъ въ уѣздѣхъ и азъ царь и великій князь протопопа Алексѣя съ братіею пожаловалъ далъ есми на тѣхъ игумеповъ и на поповъ и на дѣтей боярскихъ и на городскихъ людей и на боярскихъ людей и на крестьянъ на Кострому и во весь Костромской уѣздъ пристава пѣвчаго своего дьяка Василія Потапова, а велѣлъ есми ихъ давати на

(*) Отсюда видимъ что въ Костромской области были собственныя села царя вел. кн. Ѳеодора Іоанновича.

поруку да ставити передъ Костромскими городовыми приказчики и на кого передъ приказчики протопопъ Алексѣй съ братіею доведутъ и приказчики наши велятъ приставу Василію Потапову на томъ доправить заповѣди рубль, полтину на меня царя и великаго князя, а полтина протопопу съ братіею, а что на Костромѣ на посадѣ Настасеина монастыря у игуменьи съ сестрами отца нашего жалованная грамата велѣно вѣнчать ихъ Ризположенскому попу своихъ монастырскихъ людей и крестьянъ явивъ митрополичью десятильнику да соборнымъ попамъ и безнамени а опричь ему своихъ монастырскихъ людей и крестьянъ не вѣнчати никого: а въ Судиславлѣ у Преображенскаго попа и у дьякона наша жалованная грамата, а велѣно тому Преображенскому попу вѣнчати безъ десятильнича и безъ протопопова знамени городскихъ людей и сельскихъ свой приходъ, а отъ знаменъ имъ имати по соборному уложенью съ холосца по алтыну а со вдовца по два алтына, да отдавать имъ тѣ вѣнечныя пошлины митрополичью десятильнику или Костромскому протопопу и соборнымъ попамъ по ихъ граматѣ жалованной, а любимскіе и буегородскіе попы вѣнчаютъ свои же приходы и Настасеина монастыря попъ по нашей жалованной граматѣ вѣнчаетъ своихъ монастырскихъ людей и крестьянъ Настасеина монастыря, а опричныхъ людей не вѣнчаетъ, а преображенскіе что въ Судиславлѣ и любимскіе и буегородскіе попы вѣнчаютъ свои же приходы явивъ Костромскому протопопу съ братіею, а отъ знаменъ емлютъ по соборному уложенью съ холосца по алтыну, а со вдовца по два алтына, да тѣ вѣнечныя пошлины отдаютъ Костромскому пречистенскому протопопу съ братіею: а учнутъ Настасеина монастыря и преображенскіе что въ Судиславлѣ и буегородскіе и любимскіе попы и дьяконы вѣнчати опричныхъ людей, или судиславскіе и любимскіе и буегородскіе попы и дьяконы не учнутъ вѣнечныя пошлины на Кострому протопопу съ братіею платить и на тѣхъ далъ есмы пристава того же своего пѣвчаго дьяка Василья Потапова, а велѣлъ

на нихъ заповѣди доправливать по рублю на человѣка, да тое заповѣди емлютъ на меня царя и великаго князя полтину а Костромскія соборныя церкви протопопу съ братіею по ихъ жалованной граматѣ полтина же.—Дана грамата на Москвѣ лѣта 7094 сентября въ 15 день (т. е. 1586 г. по Р. Х.) Лѣта 7108 (1600 по Р. Х.) октября въ 6 день государь царь и великій князь Борисъ Ѳеодоровичъ все Россіи сее граматы слушалъ а выслушавъ сію грамату соборныя церкви Ѳеодора Стратилата что на Костромѣ протопона Алексія съ братіею, или кто по немъ у той церкви иной протопопъ и попы будутъ пожаловалъ велѣлъ имъ сю грамату подписати на свое государево царево и великаго князя Бориса Ѳеодоровича всея Россіи имя и сей у нихъ граматы рудити не велѣлъ ни кому ни въ чемъ, а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ потому, какъ въ сей граматѣ писано. Лѣта 7115 (1607 по Р. Х.) сентября въ 20 день государь царь и великій князь Василій Іоанновичъ всея Россіи сее граматы слушалъ, а выслушавъ сю грамату соборныя церкви Ѳеодора Стратилата что на Костромѣ протопопа Алексѣя съ братіею, или кто по нихъ у тое церкви иный протопопъ и попы будутъ, пожаловалъ велѣлъ имъ сю грамату подписати на свое государево царево и вел. князя Василія Іоанновича всея Россіи имя и сее у нихъ грамату рудити не велѣлъ ни чѣмъ никому, а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ потому, какъ въ сей граматѣ писано.

Приведенная нами грамата царя Ѳеодора Іоанновича во 1-хъ содержитъ въ себѣ точное опредѣленіе судопроизводства надъ людьми церковными и мірскими, опредѣляетъ случаи суда совмѣстнаго духовныхъ и мірскихъ властей, во 2-хъ касается бытовыхъ чертъ и опредѣляетъ порядокъ совершенія браковъ и взиманія пошлинъ за нихъ.

Какъ видно изъ начала, эта грамата была в. кн. Василія Іоанновича, потомъ переписанная на имя царя Іоанна Васильевича Грознаго и теперь вновь переписанная на имя царя Ѳеодора.—

Костромской каѳедральный соборъ съ окрестностями.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ.

59

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

КОСТРОМСКАГО

ИПАТСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Соч. Протоіерея Михаила Діева.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Мясницкой улицѣ.
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Апрѣля 24 дня, 1858 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ Архимандритъ Порфирій.

I.

На правомъ берегу рѣки Костромы, близъ впаденія ея въ Волгу, въ юговосточномъ углу обширной низменности на луговой сторонѣ, стоитъ знаменитый Ипатскій монастырь. Видъ обители особенно прекрасенъ въ весеннее водоразлитіе. Это пловучая крѣпость съ предмѣстіемъ—многолюдною Ипатскою слободою, съ запада примыкающею къ обители, отдѣленной отъ города Костромы саженей на сто. Въ слободѣ возвышается приходская каменная церковь Св. Іоанна Богослова. Сѣвернѣе отъ этого острова, также въ саженяхъ во стѣ, виднѣется другой островъ—Андреевская слобода, съ каменною же приходскою церковію Св. Андрея Кесарійскаго. Ипатскій монастырь сдѣлался знаменитъ особенно потому, что здѣсь былъ возведенъ на царство Родоначальникъ нынѣ царствующаго Дома, Михаилъ Романовъ, въ такое время, когда отечество при самозванцахъ находилось близкимъ къ разрушенію отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ.

II.

Ипатскій монастырь основанъ Татарскимъ Княземъ Четомъ, въ началѣ второй четверти четырнадцатаго столѣтія. Сей знаменитый вельможа Золотой орды, 1330 года, плывши Волгою, остановился близъ того

мѣста, гдѣ рѣка Кострома изливается въ Волгу, Здѣсь онъ видѣлъ чудесное явленіе иконы Божіей Матери, съ предстоящими Апостоломъ Филиппомъ и Священномученикомъ Ипатіемъ Гангрскимъ. Это чудо расположило татарина къ Христіанству. Прибывъ въ Москву, онъ получилъ Св. крещеніе съ именемъ Захаріи и. благосклонно принятый Великимъ Княземъ Іоанномъ Даниловичемъ, навсегда остался жительствовать въ Россіи, а на мѣстѣ явленія основалъ монастырь (Примѣч. 1). Происшедшіе отъ Чета знаменитые дворянскіе роды Сабуровыхъ, Пѣшковыхъ, первоначально именовавшихся Сабуровыми—Пѣшковыми, Шеиныхъ, Вельяминовыхъ и Годуновыхъ, приняли послѣ Чета усердное участіе въ устроеніи Ипатской обители (Примѣч. 2). Изъ всѣхъ этихъ родовъ многіе усматриваются на первомъ ряду вельможъ, предстоявшихъ престолу Московскихъ Государей еще въ XIV и половинѣ XV вѣка, какъ-то: Сабуровы, Шеины, Пѣшковы, Вельяминовы, и съ начала XVI столѣтія Годуновы. По отдаленной древности, истребившей многія бумаги Ипатскаго монастыря, не можемъ знать о вкладахъ Шеиныхъ и Вельяминовыхъ; но правнукъ Чета Константинъ Дмитріевичь Сабуровъ туда приложилъ многолюдную вотчину, въ 12 верстахъ отъ Костромы, село Костенево съ деревнями. По видимому, около того же времени, Ѳедоръ Сабуровъ приложилъ такую же многолюдную вотчину, близъ же Костромы, село Козминское съ деревнями. Сынъ его Михайло Ѳедоровичь, 1447 года отъ Шемяки передавшійся Государю Василію Темному, съ 1462 года окольничій—скончался въ чинѣ боярина и дворецкаго 1464 года,—приложилъ село малое Яковлевское также близъ Костромы. Семенъ Дмитріевич Пѣшковъ, съ 1550 окольничій, въ 1551

воевода Сторожеваго полка—скончался 1561 года,—село Яковлевское большее съ деревнями около Нерехты. Къ сему времени должно отнести прикладъ села Михайловскаго съ деревнями, также около Нерехты, по бывшемъ воеводою Передоваго полка 1532, 1547 и 1550 года, Князѣ Давидѣ Ѳедоровичѣ Палецкомъ О стольникѣ Иванѣ Ивановичѣ Шетневѣ, приложившемъ нѣсколько селеній около Ярославля и Костромы, не имѣемъ прямыхъ указаній; но, замѣтно, и онъ жилъ около начала XVI вѣка, потому что Петръ Ивановичь Шетневъ, 1524 года, павшій на полѣ брани за отечество, повидимому былъ родный братъ его. Всѣ таковыя пожертвованія ведутъ къ несомнѣнному заключенію, что Ипатскій монастырь, до возвышенія еще Годуновыхъ и задолго до Царицы Ирины Ѳедоровны, супруги Царя Ѳедора Іоанновича, урожденной Годуновой, обогатившихъ обитель богатыми пожертвованіями, пользовался уже достаточнымъ содержаніемъ (Примѣч. 3).

III.

Въ описаніи Ипатіев. монастыря, напечатанномъ 1832 года, повѣствуется, что «Четъ первоначально построилъ въ сей обители каменный храмъ Св. Троицы, на подклетѣ, о пяти верьхахъ, съ папертями и съ придѣломъ Апостола Филиппа и Св. Ипатія. Въ придѣлахъ этого храма, по лѣвую сторону царскихъ вратъ, поставилъ мѣстную икону въ 9 пядей, представляющую небесное ему явленіе, что эта икона въ древнихъ монастырскихъ описяхъ названа: «*воплощеніе Пресвятыя Богородицы,*» съ предстоящими Апостоломъ Филиппомъ и Свяченномуч. Ипатіемъ

Потомъ построилъ также каменную церковь Рождества Богородицы съ трапезною осми-саженною каменною же палатою и съ придѣломъ Св. Іоанна Златоустаго. Наконецъ устроилъ каменныя же колокольню и братскія кельи, окруживъ обитель деревянною дубовою обширною оградою.» Прочіе же сочинители, также въ нынѣшнемъ столѣтіи описавшіе Ипатскій монастырь, основываясь на старинныхъ монастырскихъ описяхъ, утверждаютъ, что Четъ построилъ только одну церковь во имя Живонач. Троицы, и то деревянную.—О прочихъ строеніяхъ Чета ничего не упоминаютъ,—и это повидимому вѣроятнѣе (Примѣч. 4). Со второй половины XVI вѣка свѣдѣнія о состояніи монастыря становятся болѣе полными. Въ юговосточной сторонѣ обители возвышался каменный Соборъ Живоначальныя Троицы; южнѣе отъ сего храма, каменная, осьмисаженная трапезная палата, построенная около 1559 года; въ одной связи съ этою палатою, только восточнѣе, небольшая каменная церковь Рождества Богородицы, отстроенная 1564 года; югозападнѣе отъ этой церкви, надъ келарскими кельями возвышалась колокольница; на восточной сторонѣ настоятельскій корпусъ, на сѣверной сторонѣ такой же каменный за Св. воротами иноческихъ келей; корпусъ, кажется, строенъ около сего времени, только до Епископа Дамаскина былъ объ одномъ этажѣ. Со сторонъ сѣверной и южной монастырь окружала, только гораздо ниже противъ нынѣшней, каменная ограда, примыкавшаяся къ зданіямъ сторонъ восточной и западной, построенная 1586—1590 г. бояриномъ Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ и конюшимъ,—послѣ Царемъ—Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ же. На воротахъ, ведущихъ съ сѣвера въ обитель, въ проме-

жуткѣ между корпусами настоятельскихъ и иноческихъ келей, возвышалась небольшая каменная церковь Св. Θеодора Стратилата, тезоименитаго Ангела Царю Θеодору Іоанновичу, отстроенная въ 1591 году. Съ 1603 года на нынѣшнемъ мѣстѣ теперешняя колокольня, памятникъ усердія боярина Димитрія Ивановича Годунова, съ колоколами значительной величины,—самый большой колоколъ вкладъ матери Царя Бориса Годунова, Стефаниды Ивановны, въ инокиняхъ Снандуліи. Изъ нихъ нынѣ извѣстенъ, по надписи, во 172 пуда, приложенный Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ, въ 1603 году.—И прочіе колокола прикладъ также Годуновыхъ (Примѣч. 5). Таковъ былъ монастырь, когда несчастная Россія на него въ 1613 году устремила свои надежды при возведеніи Михаила Θеодоровича на царство! Сохранились подробности о тогдашнемъ каменномъ Троицкомъ Соборѣ, гдѣ происходило воцареніе сего Государя: построенъ на подклетахъ; внутренность имѣла въ ширину пять, а въ длину четыре сажени; пять главъ, крытыхъ нѣмецкимъ желѣзомъ, съ крестами позолочеными на золоченыхъ же яблокахъ, вѣнчали это зданіе. Со сторонъ окружали Соборъ каменныя паперти. Кровли какъ на нихъ, такъ и на Соборѣ, крыты 1595 года нѣмецкимъ желѣзомъ; трои двери, всѣ обитыя мѣдью и золоченыя съ разными вычеканенными образами и изреченіями Пророковъ, вели въ Соборъ; въ двоихъ дверяхъ находились вторыми слюдяныя. Вѣнцы на Св. иконахъ, равно и на Святыхъ, изображенныхъ по стѣнамъ, были золоченые. Всѣ эти украшенія устроены Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ. Въ этомъ Соборѣ, со временъ Царя Михаила Θеодорочича, близъ Царскихъ вратъ поставлено царское мѣсто, присланное симъ Монархомъ

въ память своего возшествія на Всероссійскій престолъ. Мѣсто сдѣлано изъ липы, съ разными мелкими украшеніями—вышиною 11 аршинъ, на подобіе острой древнихъ царей короны,—на верьху двуглавый орелъ. Рѣзныя изображенія львовъ, покрытыя на маслѣ краскою въ прозелень, охраняли входъ въ это священное мѣсто, доселѣ, изъ уваженія къ царскому этому дару, непокрытое ни золотомъ, ни краскою,—сохраняющее природный цвѣтъ. При разборкѣ Собора 1650 года оно сложено въ кладовую, гдѣ разобраннымъ и сберегалось около 117 лѣтъ. Въ этомъ прежнемъ Троицкомъ Соборѣ было разставлено около 90 иконъ, приложенныхъ Годуновыми, въ томъ числѣ 45 въ золотыхъ окладахъ, а прочія въ серебряныхъ. Въ Соборѣ престолъ былъ чеканенный серебряный, приложенный Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ въ лѣто 7103, — вмѣстѣ съ бархатною Индитіею, вышитою жемчугомъ.

1649 года, января 29, отъ ужаснаго вихря, соединеннаго, можетъ быть, съ землетрясеніемъ, весь Соборъ раздробило; заднюю стѣну олтаря всю вырвало, такъ что не осталось возможности починить храмъ; почему Архимамдритъ Гермогенъ и Строитель старецъ Пафнутій съ братіею, просили Царя Алексѣя Михайловича о позволеніи разобрать Соборъ и построить новый съ придѣлами, по образцу Собора въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, что самое и было позволено Царскою грамотою, писанною въ Москвѣ 1650 года, марта 25 дня. При чемъ повелѣно устроить Соборъ по образцу Ярославскаго, не больше онаго, съ тѣмъ, чтобъ устроить въ новомъ храмѣ придѣлы, первый Святаго Апостола Филиппа и Священномученика Ипатія, а вторый Преподобнаго Михаила Малеина, тезоименитаго Государю Михаилу Ѳеодоровичу.

Нынѣ монастырскія зданія составляютъ параллелограмъ соединенный изъ двухъ четвероугольниковъ, обращенный къ рѣкѣ Костромѣ продолговатѣе, а къ Волгѣ короче. Площадь обращеннаго къ Волгѣ четвероугольника нынѣ не занята никакимъ зданіемъ, кромѣ того, что на сѣверной сторонѣ монастырской ограды возвышается огромный каменный двуэтажный корпусъ, до открытія Костромской епархіи занятый вотчинною канторою, построенною 1728 года, а съ 1746 года занимаемый Духовною Консисторіею. До 1808 года на площади этаго четвероугольника стояла каменная церковь Св. Іоанна Златоустаго, построенная 1672—1673 года, длиною на 11, а шириною на 5 саженяхъ, въ одной связи съ каменною колокольнею и таковыми же больничными кельями; все это зданіе тѣмъ 1808 годомъ разобрано. Больничные иноки перемѣщены сначала въ Костромскій Богоявленскій монастырь, потомъ для нихъ 1825 года въ Бабаевскомъ монастырѣ построена больничная церковь съ разными для больныхъ кельями, а во имя Св. Іоанна Златоустаго въ паперти теплаго Ипатскаго Рождественскаго Собора устроенъ 1810 придѣлъ, освященный въ томъ году 11 декабря Епископомъ Евгеніемъ Романовымъ. Въ первой половинѣ XVII вѣка этого четвероугольника не было, а тутъ было пустое мѣсто, не занятое ни какимъ зданіемъ. Нынѣшняя каменная ограда, окружающая этотъ вторый четвероугольникъ, съ двумя наугольными башнями и третьею середнею, называемою Зеленою—она покрыта зеленою черепицею, придѣлана къ прежней оградѣ на пространствѣ 144 саженъ, по повелѣнію Царя Михаила Ѳеодоровича, 1642—1643 года, какъ сказано въ надписи на Зеленой башнѣ, *въ опасеніе въ иночествующимъ и въ сохраненіе Христо именитымъ людемъ* (Примѣч. 6.).

Изъ сего видно, что до построенія этой ограды западная линія тогдашнихъ монастырскихъ зданій не была окружена никакою оградою, потому что въ надписи именно сказано, что новая придѣлана къ прежней оградѣ. Этотъ вторый четвероугольникъ, со времени построенія ограды, названъ Новымъ городомъ. Ограда тогда построена такой же вышины, какъ и ограда перваго четвероугольника. Корпусъ Духовной Консисторіи при Іустинѣ Епископѣ передѣланъ въ новомъ вкусѣ, съ устроеніемъ чугунныхъ лѣстницъ въ верхній этажъ, и крыльца съ улицы отъ Ипатской слободы. Ограда перваго четвероугольника, построенная Годуновыми, на пространствѣ 243 саженъ, исключая западной линіи, гдѣ, какъ выше сказано, ограды не было,—имѣла шесть башенъ и четверы ворота. За тѣмъ четвероугольникъ со всѣхъ четырехъ сторонъ нынѣ вмѣщаетъ линіи монастырскихъ зданій. Съ полуденной стороны въ одной связи съ кельями, какъ выше мы видѣли, теплый Соборъ Рождества Богородицы. Въ юговосточной сторонѣ площади стоитъ колокольня и огромный Троицкій Соборъ. Колокольня и Соборъ нынѣ соединяются, какъ между собою, такъ съ Рождественскимъ Соборомъ, и корпусомъ, обращеннымъ къ рѣкѣ Костромѣ, съ 1777 года каменными переходами.

Нынѣ въ первомъ четвероугольникѣ зданія: А.) Троицкій Соборъ, съ папертью въ длину тридцать девять, а въ ширину сорокъ одинъ аршинъ, построенъ на мѣстѣ прежняго Троицкаго Собора 1650—1652-го года, по образцу Ярославскаго Собора, съ устроеніемъ придѣла Преподобнаго Михаила Малеина, и придѣла Апостола Филиппа и Св. Ипатія. Это огромное каменное зданіе о пяти главахъ, строенное на монастырское иждивеніе при Архимандритѣ Гермогенѣ и Строителѣ Пафну-

тіи. Этотъ Соборъ, также какъ и прежній, о пяти главахъ, при Епископѣ Симонѣ Лаговскомъ покрытыхъ бѣлымъ желѣзомъ на деревянныхъ стропилахъ (Примѣч. 7). При Епископѣ Евгеніи Романовѣ на всѣхъ пяти каменныхъ шеяхъ 1803 года главы сдѣланы изъ лужеваго желѣза на подобіе Іерусалимскихъ, но при Епископѣ Павлѣ Подлипскомъ онѣ замѣнены нынѣшними, болѣе огромными. Въ Соборѣ иконы поставлены изъ прежняго развалившагося Собора; изъ нихъ по своей древности и богатому украшенію заслуживаютъ вниманіе: 1.) Икона Живоначальной Троицы, приложенная 1593 года бояриномъ Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ; окладъ на ней, вѣнцы и цаты были золотыя, осыпаны крупнымъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, писана на кипарисной дскѣ и поставлена мѣстною по правую сторону Царскихъ вратъ; но по причинѣ ветхости дски и красокъ при Епископѣ Дамаскинѣ Аскаронскомъ эта икона написана снова уже на липовой дскѣ, украшенія же, также вычеканенная надпись о времени приклада Годуновымъ, съ прежняго образа были положены на этотъ новый, въ томъ числѣ и три золотыя медали съ изображеніемъ Шведскаго Короля Карла IX, съ золотыми при нихъ дщицами, на коихъ вычеканено, что медали приложены Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ 1616 года, февраля 14 (Примѣч. 8.). 2.)Тихвинскій образъ Божіей Матери поставленъ по лѣвую сторону Царскихъ вратъ, мѣрою въ пять четвертей, въ окладѣ серебряномъ, чеканеномъ, золоченомъ, украшенъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Для соразмѣрности съ прочими мѣстными образами, обложенъ былъ штилистовыми иконами, какъ это видно изъ монастырской описи 1736 года. Въ началѣ текущаго столѣтія сія икона стояла надъ Царскими вратами въ рѣзной золоченой

кіотѣ; но при Епископѣ Самуилѣ Запольскомъ-Платоновѣ поставлена на прежнемъ мѣстѣ, а надъ вратами въ серебряномъ кругѣ вложена часть ризы Господней, присланная Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ Ипатскій монастырь 1626 года. Предъ Святою ризою доселѣ неугасимо теплится лампада съ елеемъ. 3.) За правымъ столбомъ большая икона Живоначальныя Троицы на кипарисной дскѣ, обложенная чеканенымъ серебромъ и золотомъ, приложена Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ 1593 года, съ пеленою, шитою золотомъ и жемчугомъ, какъ все это видно изъ надписи на этой иконѣ. 4). На лѣвомъ столбѣ образъ Св. Димитрія Селунскаго, приложенный 1586 года тѣмъ же Дмитріемъ Годуновымъ. Эта икона списана съ чудотворной иконы сего Угодника, принесенной изъ города Владиміра въ Московскій Успенскій большій Соборъ, при Государѣ Дмитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ въ лѣто 6888, а во Владиміръ изъ Солуня во время Греческаго Царя Мануила (Примѣч. 9). При Костромскомъ Епископѣ Геннадіи Андреевскомъ, вмѣсто прежняго иконостаса въ Соборѣ начатъ, а совершенно при Епископѣ Дамаскинѣ Аскаронскомъ устроенъ новый по образцу иконостаса, бывшаго, до Костромскаго пожара, въ Костромскомъ городовомъ Успенскомъ Соборѣ. При чемъ около двухъ столбовъ въ одинъ ярусъ устроены рѣзные иконостасы. Изъ прежнихъ иконъ въ новомъ иконостасѣ не помѣщена богатая Икона Успенія Божіей Матери, а положена на храненіе въ ризницѣ. При этой перестройкѣ иконостаса при Епископѣ Дамаскинѣ въ первый ярусъ иконы устроены новыя. На мѣстныхъ же двухъ первыхъ иконахъ Спасителя и Богоматери сдѣланы при Епископѣ Дамаскинѣ серебряные, позолоченые оклады, вѣсомъ въ обѣихъ иконахъ серебра одинъ пудъ

три фунта съ четвертью. Этотъ Соборъ въ сентябрѣ 1684 года на монастырское иждивеніе при Архимандритѣ Пахоміи украшенъ стѣннымъ писмомъ, какъ это видно изъ надписи на стѣнѣ, доселѣ уцѣлѣвшей. Подъ этимъ Соборомъ съ южной стороны, подъ придѣломъ Препод. Михаила Малеина, Епископомъ Дамаскинымъ Аскаронскимъ 1768 года устроенъ придѣлъ Праведнаго Лазаря. А до того времени тутъ была кладовая палатка съ сѣнями. Съ 1768 года въ этомъ придѣлѣ иконостасъ былъ деревянный, иконы писаны на деревянныхъ дскахъ и полъ деревянный. Когда же все это отъ сырости истлѣло, то съ 1800 года этотъ придѣлъ оставался безъ священнослуженія; 1822 года иконостасъ сдѣланъ алебастровый, иконы написаны на стѣнѣ, отдѣляющей олтарь отъ церкви, полъ выстланъ то изъ камня, то изъ кирпича. Съ 19 октября 1822 года, времени вторичнаго освященія сего придѣла, здѣсь въ каждую субботу поется заупокойная литургія. Полъ въ паперти и во всемъ Соборѣ съ 1811 года чугунный, исключая Лазаревскаго придѣла. Двери въ Соборъ западныя, сѣверныя и южныя взяты изъ прежняго развалившагося Собора, прикладъ Боярина Дмитрія Ивановича Годунова—крыты золоченою латунью съ вычеканенными разными изображеніями.

В.) Теплый Соборъ Рождества Богородицы, на мѣстѣ прежняго, пришедшаго въ ветхость, въ тоже наименованіе каменнаго Собора складенъ 1760—1764 год. длиною 48, шириною 18 аршинъ, о 5 главахъ; но послѣ того лѣтъ чрезъ 40 главы сгнили, самый накатъ, изъ бревенъ устроенный на мѣсто свода, отъ мокроты повредился; почему при Епископѣ Евгеніи Романовѣ 1801 года сдѣлана вмѣсто пяти главъ одна, накатъ подкрѣпленъ 10 огромными Іоническаго Орде-

на деревянными колоннами; въ 1820 году сдѣланы колонны каменныя, вышлифованныя подъ желѣзный мраморъ; съ 1815 года полъ здѣсь выстланъ чугунный. За правымъ клиросомъ въ особой кіотѣ обращаютъ вниманіе: Икона Живоначальныя Троицы, съ надписью, что она приложена 1586 года Бояриномъ Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ; въ этомъ Соборѣ хранится древнѣйшій образъ Богородицы; на иконѣ изображено небесное явленіе Князю Чету—предъ Божіею Матеріею, написанною съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, изображены молящіеся Апостолъ Филиппъ и Священномученикъ Ипатій. При перестройкѣ теплаго Собора Преосвященнымъ Дамаскинымъ обветшалая трапезная палата также была вновь складена одноэтажная каменная и устроена трапезою для братій,—на такихъ же высокихъ подклетахъ, какъ и Соборъ.

С.) Колокольня по виду такого же устройства, только поменѣе, какъ Соборная въ Ростовѣ. Здѣшняя длиною въ 11, шириною въ 3½ сажени. Епископъ Дамаскинъ, по причинѣ ветхости, предположилъ ее разобрать и построить новую, для чего и просилъ въ Государственной Коллегіи Економіи 9 тысячь рублей. Но его преемникъ Епископъ Симонъ Лаговскій, сдѣлавъ разныя починки на 400 рублей, оставилъ колокольню безъ разбирки: верхъ покрылъ глиняною муравленною черепицею, главу построилъ каменную и опаялъ ее бѣлымъ желѣзомъ. Въ такомъ видѣ колокольня находилась до соединенія ея въ новѣйшее время съ Соборами Троицкимъ и теплымъ. Большой колоколъ въ 600 пудъ слитъ $\frac{1647}{7156}$ года, сентября 20, по стольникѣ Алексіи Никитичѣ Годуновѣ съ тѣмъ, чтобы дядя его бояринъ Василій Ивановичь Стрѣшневъ вотчину того Годунова село Семеновское продалъ въ Ипатскій монастырь, а монастырь за это въ платежъ на свои деньги

отлилъ бы тотъ колоколъ. Четвертая часть колоколовъ, вмѣстѣ съ мѣдными котлами, ружьями и пищалями въ годахъ 1693, 1699 и 1700, по требованію Правительства, отослана въ Москву для ратнаго дѣла.

Д.) Первоначальный Архіерейскій домъ. Епископъ Сильвестръ Кулябка,—это первый Владыка прибылъ въ Ипатскій монастырь для жительства,— не нашедши здѣсь приличнаго помѣщенія, на двухъ-этажныхъ Экономскихъ каменныхъ кельяхъ, обращенныхъ на рѣку Кострому, длиною на 27, а въ ширину на 5 саженяхъ, построилъ въ 1747 году деревянный третій этажъ, снаружи и изнутри оштукатуренный на образецъ каменнаго. Въ этой связи Епископомъ Дамаскинымъ 1759 года устроена крестовая церковь во имя Срѣтенія Владимірской иконы Богородицы. Со стороны Архіерейскихъ покоевъ къ церкви примыкалась молитвенная келья, расписанная стѣнописью, изъясняющею молитву Господню. На заворотѣ отъ Архіерейскихъ покоевъ двухъ-этажный корпусъ келей, простирающійся по сѣверной сторонѣ до Святыхъ воротъ, также былъ занятъ для Архіерейскаго жительства. Близъ тѣхъ воротъ входили въ сіи покои большимъ украшеннымъ разноцвѣтными изразцами каменнымъ крильцемъ, на такихъ же каменныхъ столбахъ, какъ теперь крыльце у Троицкаго Собора, только надъ первымъ находилась комната для Архіерейскаго келейника. Во всю длину деревяннаго этажа къ рѣкѣ Костромѣ былъ устроенъ балконъ, огороженный деревянными перилами. Крыльце у Святыхъ воротъ 1821 года сломано, и входъ устроенъ извнутри, а 1822 весь деревянный этажъ замѣненъ каменнымъ, въ срединѣ съ огромною колоннадою, украшенною фронтономъ, по плану и фасаду, Высочайше утвержденными; на эту постройку, по ходатайству Святѣйшаго Сѵнода, съ разрѣшенія Государя

Императора Александра I, отпущено изъ Государственной казны 57,—687 рублей, 80 копѣекъ. При этой перестройкѣ крестовая церковь сдѣлана каменная обширнѣе противу прежней, съ деревяннымъ накатомъ. 1836 года эта колоннада сломона, а въ срединѣ Архіерейскаго дома заложена церковь св. мученикъ Хрисанфа и Даріи, въ воспоминаніе того, что 19 марта, 1613 года, въ день памяти сихъ угодниковъ, Царь Михаилъ Ѳеодоровичь отбылъ изъ Ипатскаго монастыря въ Москву. По плану и фасаду, Высочайше изданному, на деньги изъ Государственной казны; строеніе въ каменной кладкѣ уже оканчивалось, какъ своды 1839 года пали. Такимъ образомъ постройка этой церкви замедлилась до настоящаго времени. Нынѣ эта церковь, богато устроенная съ остроконечнымъ куполомъ, покрытымъ Англинскою жестью,— приготовлена къ освященію. По случаю этой перестройки жительство Костромскихъ Іерарховъ переведено въ новые Архіерейскіе покои, устроенные также въ новѣйшее время въ одной связи съ теплымъ Соборомъ, и теперь составляющіе южную линію монастырскихъ зданій, въ соединеніи съ западною.—

Е.) Ограда и наружность монастыря. Каменная стѣна, построенная въ исходѣ XVI вѣка Годуновыми, со сторонъ сѣверной и южной, вѣрно, была не такъ высока, какъ нынѣ, и, замѣтно, не имѣла возвышенія съ боемъ. Когда сильный вихрь въ началѣ 1649 года повредилъ Троицкій Соборъ, то въ грамотѣ Царя Алексія Михайловича, писанной касательно позволенія устроить новый Соборъ, прибавлено, что, если въ монастырѣ достаточно будетъ денегъ, то монастырскія стѣны въ вышину прибавили бы. Это самое доказываетъ, что ограда, окружающая тогда весь монастырь, не имѣла такой значительной вышины, какъ

нынѣ. На Святыхъ воротахъ церковь Ѳеодора Стратилата, со времени Литовскаго нахожденія стоявшая долго безъ священнослуженія, въ исходѣ XVII столѣтія замѣнена двумя церквами: 1-я—во имя Іоанна Предтечи, а 2-я—Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла. Обѣ церкви въ 1775 году за ветхостію разобраны. Святыя ворота 1767 года, по случаю ожидаемаго прибытія Императрицы Екатерины Великой, раздѣланы гораздо выше. Касательно наводненій, весною съ 3 сторонъ подливающихся къ обители, до 1708 года замѣтно не было никакихъ предосторожностей; но весною этого года столь было сильно водоразлитіе, что вода влилась въ монастырь до такой степени, что въ стѣнахъ Троицкаго Собора сдѣлались разсѣлины и двѣ связи порвало. Съ этого случая, столь рѣдкаго для монастыря, оный укрѣпили деревяннымъ обрубомъ, сначала отъ рѣки Костромы, потомъ и съ другихъ сторонъ. Такъ при Епископѣ Симонѣ Лаговскомъ, вмѣсто стараго, съ южной стороны отъ Волги сдѣланъ новый изъ стоячихъ бревенъ обрубъ въ длину на 155½ саженъ. Въ 1803 году, начиная отъ Зеленой башни, по полуденной сторонѣ сдѣланъ также деревянный обрубъ, а 1807 года и по сторонѣ отъ рѣки Костромы такой же изъ сосновыхъ толстыхъ бревенъ и извнутри, и чтобы вода сквозь обрубъ не могла протекать, толща обруба увеличена земляною насыпью, а потому и извнутри обрубъ укрѣпленъ такимъ же рядомъ бревенъ (Примѣч.). Всѣ сіи обрубы при Епископѣ Владимірѣ сломаны, а вмѣсто ихъ сдѣлана земляная насыпь, выстланная снаружи дикимъ камнемъ и на насыпи построена каменная ограда. Снаружи у сѣверной стѣны, по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущейкъ Св.воротамъ, были рвы, выкладенные камнемъ,—сдѣланы, вѣрно, на случай защиты монастыря

отъ непріятельскаго нападенія,—но оба рва въ началѣ второй четверти настоящаго столѣтія завалены. Съ прочихъ сторонъ были ли такіе рвы, не извѣстно. Окружность монастыря нынѣ простирается на 400 саженъ.

F.) Кельи. Современникъ,—это Префектъ Костромской Семинаріи Іоаннъ Іоанновичь Красовскій, что былъ послѣ Протоіереемъ и Сакелларіемъ въ С. Петербургѣ,—въ своей исторіи о Костромской Іерархіи говоритъ, что при Преосвященномъ Дамаскинѣ, отъ Архіерейскихъ каменныхъ покоевъ,—тогда весь корпусъ, начиная отъ Св. воротъ, по сѣверной сторонѣ и на заворотъ по восточной къ рѣкѣ Костромѣ, назывался Архіерейскимъ домомъ,—къ западу, надъ преждебывшими братскими каменными объ одномъ этажѣ кельями, построенъ другой этажъ каменный же; въ немъ шесть келей съ накатными потолками, покрытыя тесомъ (Примѣч. 10). Южнѣе отъ покоевъ Царя Михаила Ѳеодоровича (Примѣч. 11.) по другую сторону западныхъ воротъ, ведущихъ съ монастырскаго двора въ Консисторію, каменный корпусъ келей построенъ, съ дозволенія Коллегіи Економіи, на монастырскія деньги, въ 1732 году. Въ этомъ корпусѣ съ 1823 года помѣщалось Епархіальное Попечительство о бѣдныхъ Духовнаго званія. Юговосточнѣе отъ этого корпуса къ южной оградѣ до самой почти колокольни и теплаго Собора находился до 1840 года особый дворъ, отъ главнаго монастырскаго двора отдѣленный тесовымъ заборомъ. За заборомъ до того года помѣщались незначительной высоты житницы съ поварнею. По плану, составленному, по случаю посѣщенія обители въ 1835 году Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и Высочайше утвержденному, дворъ уничтоженъ, зданія за заборомъ, равно и оный сломаны, а на этомъ мѣстѣ, въ соединеніи съ теплымъ Соборомъ

и Попечительствомъ, построенъ 1840—1845 г. каменный корпусъ, помѣщающій нынѣ Архіерейскіе покои и кухню. Такимъ образомъ весь монастырскій главный дворъ со всѣхъ сторонъ по тому плану окружался каменными огромными зданіями. Среди нынѣшняго монастырскаго двора Епископомъ Владиміромъ Алявдинымъ устроенъ каменный четвероугольный столбъ съ надписями на каждой сторонѣ о достопамятностяхъ обители (Примѣч. 12.).

G.) Усыпальницы. Онѣ вмѣщали гробы Годуновыхъ въ трехъ мѣстахъ. Первая усыпальница, и самая древняя, за алтаремъ теплаго Рождественскаго Собора, съ южной стороны; вторая противъ алтаря того же Собора съ восточной стороны; третія подъ папертью нынѣшняго Троицкаго Собора. Въ первой усыпальницѣ погребены: Захарія, основатель монастыря, Князь Четъ; Александръ сынъ Чета; Дмитрій Зерно, внукъ его; Иванъ, Константинъ и Димитрій Шея, правнуки Чета же; Ѳедоръ Сабуръ и Иванъ Годуновъ, дѣти Ивана Дмитріевича Зернова; Иванъ Красный, Даніилъ Подольскій, родственники ихъ; родители Царицы Ирины Ѳедоровны, супруги Государя Ѳеодора Іоанновича; Ѳедоръ Ивановичь Годуновъ и супруга его Стефанида, въ инокиняхъ Снандулія; Василій Ѳеодоровичь Годуновъ братъ Царицы; Иванъ Григорьевичь Годуновъ, дѣдъ Царицынъ и инокиня Агриппина, бабка Царицына; Дмитрій Ивановичь Годуновъ, дядя Царицы, скончавшійся 1606 года въ царствованіе самозванца Отрепьева; Григорій Годуновъ, прадѣдъ Царя Бориса, въ инокахъ Герасимъ; Иванъ Ивановичь Годуновъ, въ инокахъ Іона, братъ Дмитрія Ивановича, убитый самозванцемъ Тушинскимъ 1610 года въ Калугѣ; Иванъ Дмитріевичь Годуновъ, сынъ Дмитрія Ивановича и жена Ивана

Ивановича Агриппина въ инокиняхъ Александра, Ѳеодора дочь его; Михаилъ Осиповичь Годуновъ.

Въ второй усыпальницѣ родъ Стефана, Григорья и Ивана Васильевичей Годуновыхъ: инокъ Александръ, Марѳа, въ инокиняхъ Маремьяна, бабка ихъ; Василій Петровичь отецъ ихъ; Васса мать ихъ, Марія, Параскева; Анастасія сестра ихъ; инокиня Аполлинарія; младенцы Матрона, Агриппина, Андрей, Марія; Григорій Васильевичь Годуновъ бояринъ, въ инокахъ Христофоръ, скончался 1598 года; Анастасія, въ инокиняхъ Анна, супруга Стефана Васильевича; Титъ младенецъ, сынъ его; Иванъ Васильевичь Годуновъ, бояринъ и воевода въ разныхъ походахъ, въ инокахъ Іосифъ, отецъ Ивана Ивановича, скончавшійся 1602 года; инокиня Аполлинарія, мать его.

Въ третей усыпальницѣ родъ Никиты и Петра Васильевичевъ Годуновыхъ: Іосифъ дѣдъ ихъ, жившій въ 1 половинѣ XVI вѣка; Василій отецъ ихъ; Петръ Васильевичь Годуновъ, находившійся 1581 года на седьмой свадьбѣ Царя Іоанна IV, въ инокахъ Порфирій; Маріамія супруга Никиты Васильевича; его дѣти—младенцы Ѳеодоръ, Терентій, Андрей, Пелагея, инокиня Марѳа, мать Матѳея Михайловича Годунова, окольничаго и воеводы въ Тобольскѣ съ 1620 по 1623 годъ, скончавшагося 1639 года; Степанъ Степановичь Годуновъ, окольничій, скончавшійся 1614 года; Иванъ Михайловичь Годуновъ, съ 1598 года окольничій, въ семъ чинѣ служившій и при Отрепьевѣ; Анна, въ схимницахъ Александра, мать Алексѣя Никитича Годунова, скончавшагося около 1645 года, и завѣщавшаго въ Ипатскій монастырь нынѣшній большій колоколъ; Сергій Матѳѣевичь и Ѳедоръ Ивановичь Годуновы.—

Между теплымъ и Троицкимъ Соборами погребены обоего пола князья Вяземскіе, Мстиславскіе, Лобановы-Ростовскіе, Куракины, Щербатовы; изъ Костромскихъ дворянъ Ашитковы, Глениховы, Голохвастовы, Десятовы, Ерлыковы, Карцовы, Кореневы, Крюковы, Кулепановы, Куломзины, Мошковы, Панины, Пасынковы, Петровы, Тихменевы, Ушаковы, Чагины, Чаплыгины и другіе.

IV.

Рѣдкости и значительные вклады, составляющіе богатство монастыря: 1.) Изъ Евангелій два рукописныя напрестольныя, обложенныя серебромъ; верхняя дска украшена жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; приложены: первое, 1605 Дмитріемъ Иванов. Годуновымъ, а второе, 1603 года окольничимъ Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ. Самое большее Евангеліе въ серебряномъ золоченомъ окладѣ; въ немъ вѣсу 1 пудъ, 32 фунта; сдѣлано на монастырскую сумму. Есть еще Евангеліе, не извѣстно когда и какъ поступившее въ монастырь, писанное съ 13 ноября 1436 года въ Новгородѣ священникомъ Людина конца Варсонофіемъ. 2) Двѣ псалтири письменныя, обѣ приложены Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ, одна 1591, а другая 1594 года. 3) Два серебряные, позолоченные, унизанные жемчугомъ напрестольные креста, приложенные одинъ Ипатскимъ игуменомъ Вассіаномъ 1561 года, сентября 1, а другій 1594 бояриномъ Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ. 4) Изъ сосудовъ, одни золотые, то есть потиръ, звѣздица, три блюдца, лжица золотые, поддонокъ же серебряный, приложены 1599 года Дмитріемъ Ивановичемъ Год[illegible]ъ; вѣсу съ

поддономъ 9 фунтовъ, 24 золотника, а другіе 1603 года Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ же серебряные, вѣсомъ 5 фунтовъ, 87 золотниковъ. 5) Три серебряныя водосвятныя чаши, въ первой, приложенной 1594 года, вѣсу 11 фунтовъ, 6 золотниковъ, во второй около 2 фунтовъ, обѣ вкладъ Дмитрія Ивановича Годунова, а въ третьей, приложенной Яковомъ Аѳанасьевичемъ Годуновымъ, вѣсу 2 фунта, 84 золотника. 6) Плащаница, по красной камкѣ шитая золотомъ, серебромъ, вся богато обнизанная жемчугомъ, приложена 1604 года Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ. П. П. Свиньинъ, въ описаніи Ипатскаго монастыря 1819 года, цѣнность этой рѣдкости положилъ въ 50 тысячь рублей на ассигнаціи. 7) Хоругвь вышитая по червчатой камкѣ золотомъ и серебромъ, на ней образа съ одной стороны Живоначальной Троицы, съ другой Алексія человѣка Божія, Святителя Алексія Митрополита и Ѳеодора Стратилата, съ вышитыми словами, что она приложена Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ; нынѣ находится у праваго клироса въ Троицкомъ Соборѣ. 8) Судáрь, длиною аршинъ, 2 вершка, и два воздуха, всѣ шиты по красной камкѣ золотомъ и серебромъ, и унизаны жемчугомъ; по надписямъ, на нихъ вышитымъ, приложены Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ, воздухи 1599, а судáрь 1602 года. 9) Серебряное панихидное блюдо съ надписью, что приложено имъ же Дмитріемъ Ивановичемъ 1589 года. 10) Посохъ и ковшъ Царя Михаила Ѳеодоровича; присланы, на вѣчное храненіе, изъ Московской оружейной палаты Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, въ декабрѣ 1834 года. По торжествѣ, совершенномъ по этому случаю духовными и свѣтскими особами, посохъ оставленъ на храненіе въ

Троицкомъ Соборѣ на Царскомъ мѣстѣ, а ковшъ въ ризницѣ. 11) Икона Николая Чудотворца, Святителя Мирликійскаго. Черниговское Дворянство, въ память благодѣтельнаго двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора Николая Павловича, заказало, съ Высочайшаго соизволенія, Россійскому художнику Сиверсу, проживавшему тогда въ Италіи, сдѣлать изъ мозаики двѣ иконы сего Угодника, Ангела сему Вѣнценосцу, одинъ для Черниговскаго собора, а другій для Ипатскаго монастыря. По поставленіи образа въ Черниговскомъ Соборѣ, депутація Черниговскаго Дворянства изъ Губернскаго Предводителя Бороздни, трехъ уѣздныхъ Предводителей и 4 депутатовъ, также изъ Черниговскихъ дворянъ, 27 іюля 1857 года, съ другою иконою прибыли въ Кострому. Послѣ торжественной литургіи этотъ даръ поставленъ въ Троицкомъ Соборѣ предъ иконостасомъ у южной двери при входѣ въ придѣлъ Преподоб. Михаила Малеина, въ золоченой на полиментъ кіотѣ, привезенной также изъ Чернигова. Икона въ ширину 10 вершковъ, въ длину 1 аршинъ; по краямъ ея серебряный окладъ работы извѣстнаго художника Сазикова. Кіотъ въ вышину 6, а въ ширину 2 аршина.

Въ числѣ скудной Архіерейской ризницы находятся два саккоса жемчужные. Съ однѣхъ гробницъ богатыхъ Годуновыхъ, покоющихся подъ папертью Троицкаго Собора, и въ двухъ усыпальницахъ у Теплаго Собора снято жемчугу въ ризницу 8 фунтовъ, котораго теперь слѣда нѣтъ.

Въ началѣ второй половины XVIII столѣтія Ипатскій монастырь владѣлъ въ Москвѣ и Санктпетербургѣ собственными домами, подъ названіемъ подворьевъ. Таковый въ Москвѣ находился въ Китаѣ городѣ

между улицами Ильинскою и Варваринкою, отъ чего и улица, гдѣ находился этотъ домъ, называлася Ипатскою (Примѣч. 13). Въ Ярославлѣ монастырю принадлежалъ деревянный дворъ за Большимъ острогомъ, за Семеновскими воротами на Вздвиженскомъ врагѣ; въ Костромѣ въ Старомъ городѣ деревянный домъ на большой улицѣ, близъ Волжскихъ или водяныхъ воротъ; въ Новомъ городѣ 8 лавокъ. Царь Борисъ Ѳеодоровичь 1603 года Ипатскому монастырю пожаловалъ грамоту на владѣніе двумя дворами въ Костромѣ на посадѣ (Примѣч. 14.).

Въ первые годы существованія Костромской Епархіи въ 7 верстахъ отъ Костромы, близъ столбовой дороги въ Нерехту, въ селѣ Солониковѣ находился деревянный Архіерейскій домъ, первоначально построенный въ 1748 году Епископомъ Сильвестромъ Кулябкою; въ немъ находилось 9 комнатъ; въ срединѣ дома крестовая церковь во имя трехъ Святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго; около дома раскинутъ садъ, съ двумя тогда выкопанными прудами, каждый въ длину въ 90, а въ ширину 40 саженъ (Примѣч. 15.). Домъ 1823 года за ветхостію перестроенъ Епископомъ Самуиломъ, и церковь освящена въ другое наименованіе, именно во имя Донскія иконы Богородицы, въ память хиротоніи сего Архипастыря 19 числа августа во Епископа Костромскаго; въ этотъ день отправляется торжество оной иконѣ. Въ Солониковѣ отъ монастыря на полуторѣ десятины производится хлѣбопашество. Въ Костромскомъ Анастасіиномъ монастырѣ, по закрытіи его при учрежденіи штатовъ, съ дозволенія Коллегіи Экономіи, отданномъ въ содержаніе Костромскимъ архіереямъ, Епископъ Дамаскинъ построилъ деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ, для пребыванія со свитою

на случай частаго Архіерейскаго служенія въ городѣ. 1796 года, когда Анастасіинъ монастырь былъ возстановленъ, то домъ поступилъ во владѣніе сей обители и тутъ на жительство помѣстилась игуменія.

Въ Россіи, кромѣ лавръ Святотроицкой-Сергіевой и Кіевопечерской, очень не много такихъ монастырей, гдѣ бы столько находилось вотчинъ, какъ въ Ипатскомъ. 1764 года, при учрежденіи штатовъ, здѣсь считалось однѣхъ душъ мужескаго пола около одиннатцати тысячь съ половиною; изъ нихъ двѣ доли внѣ Костромской тогдашней провинціи, а десять близъ города Костромы. Однихъ селъ Ипатскому монастырю принадлежало 28, а деревень и разныхъ угодій неизчислимое количество. Изъ Костромскихъ вотчинъ самая многолюднѣйшая:—село Колшево съ деревнями; въ ней 1107 душъ (счетъ вотчинъ здѣсь по вѣдомости 1763 года); ниже тысячи до 700 душъ: село Никольское Баранъ 857, Село Семеновское-Лапотное 845, село Бабино 716—душъ. Отъ 700 до 500: Село Яковлевское Большее 620, село Костенево 610, сельце Нефедово 595, село Солониково 526; отъ 500 до 300: село Карабаново 471, село Козминское 439, село Протасово 427, сельце Святое 374, село Исаковское 325; отъ 300 до 100: село Яковлевское Малое 285, село Никольское за Воржею 275, село Михайловское 273, Богословская подмонастырская слобода, упоминаемая за Ипатскимъ монастыремъ 1613 года, 235; село Прискоково 197, сельце Курдумово 144; отъ 100 до 50: Спасская слобода иначе Голява, противъ г. Костромы 84, село Козликово 72, сельце Курдумово 73, полсельца Антропцова 56. Въ отдаленіи отъ Костромы: во Владимірскомъ уѣздѣ село Крутецъ-Заястребье 432, въ Симбирскомъ уѣздѣ село Преображенское, Каменная слобода тожъ, 504, село

Никольское на сурскихъ вершинахъ 250, село Кузмодемьянское, Журавлиха тоже, 297, всѣ три безъ деревень. Прочія вотчины за малочисленностію не перечисляются. Число душъ въ селахъ и сельцахъ здѣсь разумѣется съ деревнями. Еще Ипатскія вотчины: двѣ деревни въ Казанскомъ уѣздѣ и одна въ Алатырскомъ, и въ Ярославскомъ уѣздѣ четверть села Позушина съ полудеревнями 123, треть деревни Молчанова 3 и треть деревни Кузовлева 31. Всѣ три Ярославскія вотчины приложены Иваномъ Ивановичемъ Шетневымъ.

Хотя имена вкладчиковъ большею частію извѣстны, но нѣкоторыя вотчины когда приложены, не осталось прямыхъ указаній. Кромѣ очень древнихъ вкладовъ еще извѣстны: Царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ приложены: село Солониково, село Никольское, что за Воржею, съ деревнями, но когда приложены, нѣтъ вѣрнаго свѣдѣнія; симъ же Государемъ 1585 года, декабря 25, изъ Костромскихъ дворцовыхъ посошныхъ селъ: Покровское-Карабаново съ деревнями, село Никольское на Баранѣ, съ селомъ того же села Богословскимъ съ деревнями, погостомъ Старое дворище съ деревнями, въ волости Еменѣ три жеребья села Вакарина и три жеребья деревни Колотилова, что были въ помѣстьѣ за Чудиномъ и Шереметемъ Чортовыми, да въ мірскомъ стану деревня Святое, деревня Олферово и деревня Стрѣльниково, что были въ помѣстьѣ за Никифоромъ Головцынымъ. Вклады боярина Дмитрія Ивановича Годунова: Владимірское село Крутецъ-Заястребье, съ деревнями, село Казликово близъ Нерехты, село Исаковское съ деревнями, село Прискоково съ деревнями; Алексѣемъ Борисовичемъ Скрябинымъ: село Протасово и сельце Сарафаново съ деревнями близъ Нерехты; Иваномъ Ивановичемъ Шетневымъ сельце Ильицыно съ полудеревнями,

полусельце Антропцово съ полудеревнями, полсела Ширяева съ деревнями, четверть села Пазушина съ полудеревнями, треть деревень Молчанова и Кузовлева; Ѳадѣемъ Пасынковымъ половина усадьбы Губина.

Сверхъ множества угодій монастырь владѣлъ по близости богатыми рыбными ловлями по рѣкамъ Волгѣ и Костромѣ и многими озерами, коими богатъ уголъ между тѣми рѣками; какъ же достались обители тѣ озера, неизвѣстно, а вѣроятно, вмѣстѣ съ вотчинами; потому что на сѣверо-западъ отъ монастыря верстъ на 25, гдѣ находятся тѣ озера, половина пространства этого угла занята была Ипатіевскими вотчинами,—опричь селъ Шунги, Самети, Вежъ и Куникова, принадлежащихъ Московскому Чудову монастырю (Примѣч. 16.). По случаю закрытія Костромскаго Богоявленскаго монастыря, по опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода, Высочайше утвержденному 1848 года, марта 28 дня, угодья той обители, какъ-то: мельница, сѣнные покосы и озеро передано во владѣніе Ипатскаго монастыря.

V.

Права и знаменитость монастыря. Грамотою Царя Іоанна Васильевича, отъ 12 апрѣля 1565 года, на имя Костромскаго Городоваго приказщика Григорья Салманова, повелѣно запретить Костромичамъ и всякимъ проѣзжимъ людямъ перевозиться чрезъ рѣку Кострому выше и ниже перевоза Ипатскаго монастыря, а этотъ перевозъ предоставленъ въ пользу сей обители (Примѣч. 17). Этотъ перевозъ за Ипатскимъ монастыремъ утвержденъ послѣ того царскою грамотою отъ 26 іюня 1623 года. Въ пользу же онаго упоминаются перевозы чрезъ Волгу

въ городъ Кострому и половина перевоза, такъ называемаго Вологодскаго, чрезъ рѣку Кострому; но когда послѣдніе два перевоза даны Ипатскому монастырю, не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, а вѣрно послѣ того 1626 года, потому что въ той грамотѣ Царя Михаила Ѳеодоровича объ этихъ двухъ перевозахъ ни слова; вѣроятнымъ можно полагать, что перевозъ чрезъ Волгу испрошенъ обителію потому, что Спасская слобода, что на берегу Волги противъ города Костромы, съ незапамятныхъ лѣтъ принадлежала Ипатскому монастырю. Жители этой слободы доселѣ отправляютъ перевозъ чрезъ Волгу. Какъ бы то ни было, Спасская слобода, Голява тоже, за Ипатскимъ монастыремъ упоминается еще въ писцовыхъ Костромскихъ книгахъ 1629 года.

Россійскіе Государи, по усердію и приверженности къ Ипатскому монастырю, собственно отъ себя на время значительныхъ построекъ въ обители, опредѣляли строителей, а для защиты отъ притѣсненій иноковъ и монастырскихъ крестьянъ, опредѣляли приставовъ. Такъ при постройкахъ, произведенныхъ въ монастырѣ Годуновыми въ исходѣ XVI вѣка, усматриваемъ Строителя іеромонаха Гурія Ступишина, изъ дворянъ Ступишиныхъ,—лице пользовавшееся особеннымъ довѣріемъ двора и Церкви. Этотъ Ступишинъ сначала былъ инокомъ въ знаменитомъ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ. Въ этомъ званіи приглашенъ на оба собора Святителей о монастырскихъ вотчинахъ 1580 и 1584 года. Вскорѣ потомъ усматривается Строителемъ Ипатскаго монастыря. *Строителю Гурію* съ братіею Царь Ѳодоръ Іоанновичь, 1585 года, декабря 25, на Москвѣ пожаловалъ грамоту на прикладъ въ Ипатскій монастырь разныхъ Костромскихъ вотчинъ. Въ маѣ 1589 года

Строитель Ипатскаго монастыря Гурій присутствовалъ на Соборѣ объ учрежденіи Патріаршества, а въ августѣ 1598 года о избраніи Царя Бориса Ѳеодоровича (Примѣч. 18). При постройкѣ въ Ипатскомъ монастырѣ новаго города 1642 года Строитель Іосифъ, прежній Архимандритъ Ипатскій, а 1650 при строеніи новаго Троицкаго Собора Строитель старецъ Пафнутій. Болѣе Строителей въ Ипатскомъ монастырѣ не видно. Изъ приставовъ въ монастырѣ усматриваемъ только одного: это Тимоѳей Захарьевъ, на этой должности упоминаемый 22 мая 1613 года—могло быть опредѣленный вскорѣ по воцареніи Государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. По судебнымъ актамъ упоминаются Ипатскаго монастыря Стряпчіе изъ дворянъ, сначала Шараповъ, потомъ Бѣдаревъ 1625 года,—дворяне Бѣдаревы еще въ XVIII столѣтіи верстахъ въ 30 отъ Костромы къ Ярославлю имѣли вотчины,—и 1643 года на Москвѣ Василій Шаховскій. Всѣ таковые Стряпчіе опредѣлялись, замѣтно, по волѣ Государя, хотя на это не имѣемъ подлинныхъ указаній (Примѣч. 19). По актамъ прочихъ монастырей съ древнихъ временъ не многія въ Россіи иноческія обители пользовались правомъ имѣть своихъ Строителей, Приставовъ и Стряпчихъ; всѣ таковые чины Государями опредѣлялись только въ знаменитые монастыри, и тѣ, кои находились въ особенномъ вниманіи у Россійскихъ Монарховъ и владѣтельныхъ Князей.—

Россійскіе Государи, благодѣтельствуя Ипатскому монастырю, давали грамоты, коими то подтверждали владѣніе вотчинъ и угодій, то сами жаловали оными. Изъ грамотъ упоминаются Великаго Князя Василія Василіевича Темнаго, Царей Іоанна Василіевича, Ѳеодора Іоанновича, Бориса Ѳеодоровича и Василія Іо-

анновича (Примѣч. 20). Царь Михаилъ Θеодоровичь, грамотою 1614 года, марта 1, Ипатскаго монастыря слугъ, въ исковыхъ дѣлахъ къ крестному цѣлованію приводить не велѣлъ, а крестъ цѣловать вмѣсто слугъ, позволилъ ихъ людямъ,—право, какимъ тогда пользовались въ Россіи только два монастыря: Свято-Троицкій Сергіевъ и Спасскій Ярославскій, какъ объ этихъ обителяхъ сказано въ той грамотѣ. Эта грамота жалована по просьбѣ Ипатскаго Архимандрита Кирилла, съ келаремъ и братіею, приносившаго жалобу Государю, что дворяне и боярскіе дѣти Костромичи и Галичане, сидѣвшіе въ осадѣ Ипатскаго монастыря, ищутъ на монастырскихъ служкахъ предъ воеводами, а воеводы служекъ приводятъ къ крестному цѣлованію. Послѣ того лѣтъ чрезъ девять, Царь Михаилъ Θеодоровичь, 1623 года, іюня 26, пожаловалъ новую грамоту. Здѣсь, перечисливъ монастырскія вотчины и угодья и подтвердивъ оныя, велѣлъ прежнія жалованныя грамоты переписать и помѣстить въ этой грамотѣ права согласно новому уложенію. Этою грамотою монастырскіе люди и крестьяне избавлены отъ всякихъ податей, полоняничныхъ и приметныхъ денегъ, отъ посошной службы, всякихъ денежныхъ поборовъ и хлѣбныхъ сборовъ. Не освобождены только отъ ямскихъ денегъ, хлѣбныхъ на стрѣльцовъ запасовъ, городоваго и острожнаго дѣла, «что самое тянутъ на равнѣ съ сошными людьми». На яму не стоятъ и ямскихъ дворовъ не дѣлаютъ; опричь душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ, во всѣхъ прочихъ дѣлахъ, всѣхъ принадлежащихъ монастырю, и самыхъ крестьянъ судитъ Архимандритъ, или тотъ, кому прикажетъ: въ смѣстномъ судѣ судятъ они же за одно съ свѣтскими судьями; но если въ смѣстномъ

судѣ монастырскій человѣкъ окажется виновнымъ, то въ него намѣстникъ, волостели и тіуны не вступаются, а «онъ въ винѣ Архимандриту, или его прикащику.» Въ искахъ на Архимандрита, братію, на монастырскихъ Священнослужителяхъ, прикащикахъ, слугахъ и крестьянахъ, судятъ ихъ въ приказѣ Большаго дворца въ три срока: на Рождество Христово, Троицынъ день и Семенинъ лѣтопроводца, въ духовныхъ же дѣлахъ на Патріаршемъ дворѣ. Въ оказавшихся на монастырской землѣ мертвыхъ тѣлахъ ни монастырскимъ людямъ, ни крестьянамъ «продажи» (пени) нѣтъ, только тіуну явленая гривна. Незванный на пиръ высылается безпенно, въ случаѣ гибели платитъ безъ суда и продажи вдвое; князи, бояре, ратные люди и ѣздоки не у кого ни ставятся насильно и кормовъ не берутъ. При покупкѣ на монастырь, даже лошадей, равно при продажѣ до означеннаго въ грамотѣ количества, равно при перевозѣ въ томъ и другомъ случаѣ, и при переѣздѣ чрезъ мосты, мостовщины, подъ опасеніемъ за неисполненіе грамоты быть въ опалѣ, никакая пошлина не берется. При явкѣ списка съ подлинной грамоты за дьячьею приписью ничего не платятъ. До сей грамоты Ипатскіе крестьяне ямскую гоньбу отправляли наравнѣ съ прочими, какъ это видно изъ актовъ Ипатскаго монастыря (Примѣч. 21). Касательно торговли монастырскихъ людей и крестьянъ, наравнѣ съ посадскими и уѣздными торговцами и ремесленниками въ Костромѣ, производить оную позволено грамотою 1667 года, но съ уплатою оброка и таможенныхъ пошлинъ (Примѣч. 22).

Самое духовенство въ селахъ, принадлежащихъ Ипатскому монастырю, противъ прочихъ монастырскихъ селъ, пользовалось особыми преимуществами. Въ

началѣ XVII столѣтія Ипатскій Архимандритъ Іаковъ жаловался Патріарху всея Россіи Іову, что десятинники обѣихъ десятинъ Костромской и Плесской, духовенство въ ихъ монастырскихъ селахъ отягощаютъ излишными поборами. Почему Патріархъ Іовъ, несудимою грамотою 1604 года, марта 5, духовенство въ Ипатскихъ вотчинахъ освободилъ отъ суда десятинниковъ, запретивъ имъ въѣзжать или посылать къ нимъ за чѣмъ либо, «что не надобны на мое (Патріарха) сборное, на Петровское, ни къ старостамъ поповскимъ съ тяглыми попами не тянутъ; десятинники своихъ ни конскихъ кормовъ и ни какихъ пошлинъ не емлютъ; а кому будетъ дѣло до духовенства, судитъ ихъ самъ Патріархъ, или кому прикажетъ, на два срока: Рождество Христово и Петровъ день» Патріаршая дань, казенныя и десятильничи пошлины съ церквей платятся въ монастырь, а монастырь представляетъ въ Патріаршую казну на Рождество Христово. Въ грамотѣ означено, сколько съ которой церкви должно платить Патріаршей дани, только различно, съ иной болѣе, а съ другой менѣе, вѣрно по числу приходскихъ душъ. Впрочемъ половина селъ въ грамотѣ не прописана, неизвѣстно почему. Далѣе въ грамотѣ: «да казенныхъ и платежныхъ пошлинъ по получетверти алтына съ церкви на годъ», умершихъ скоропостижно погребать по монастырскимъ знамянамъ, безъ знамянъ десятильниковъ и поповскихъ старостъ вѣнечныхъ пошлинъ взимать съ отрока по полутретья алтына, съ двоеженца по полупяти алтына, а съ троеженца по полусеми алтына, похороннаго по гривнѣ (Примѣч. 23.). «А всѣ оныя деньги записывать въ книги, и съ оными деньги представлять въ монастырь, а монастырь книги съ деньгами представляетъ въ Патріаршую казну за одно съ данными деньгами на Рождество Христово». Эту

грамоту, кромѣ Патріарха Іова, подписали Патріархи: Игнатій, Гермогенъ, Филаретъ и Іоасафъ.—

Ипатскій монастырь первоначально, съ незапамятныхъ лѣтъ, управлялся игуменами. Въ августѣ 1598 года, при избраніи Царя Бориса Ѳеодоровича, на соборѣ государственныхъ чиновъ присутствовалъ и Ипатскій Архимандритъ Іоакимъ (Примѣч. 24.). Это ведетъ къ безошибочному заключенію, что здѣсь архимандритство учреждено при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, если не ранѣе. Съ того времени, безъ сомнѣнія, монастырь введенъ въ лѣствицу степенныхъ обителей и степенью положенъ 10-й; десятымъ означенъ и 1649 года въ уложеніи Царя Алексѣя Михайловича. На Московскомъ соборѣ Святителей 1667 года, при раздѣленіи Россійскихъ монастырей на скрижальные и не скрижальные. Ипатскій оставленъ не скрижальнымъ. Со времени открытія Святѣйшаго Сѵнода до 1740 года показывался въ числѣ степенныхъ четырнадцатымъ. 1744 года, при учрежденіи Костромской епархіи, переименованъ въ Каѳедральный съ жительствомъ въ немъ епископа Костромскаго и Галичскаго и управленіемъ Ипатскимъ монастыремъ. Каѳедральнымъ Соборомъ въ сей обители именованъ Троицкій съ опредѣленіемъ туда протоіерея и съ приличнымъ причтомъ. Въ іюнѣ 1835 года, по опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода, на докладѣ Высочайше утвержденномъ, Ипатскій монастырь учрежденъ Каѳедральнымъ первоклассным монастыремъ, на правѣ Московскаго Чудова монастыря. Пребываніе Костромскаго владыки оставлено въ Ипатскомъ монастырѣ по прежнему; Каѳедральнымъ же Соборъ учрежденъ городовый Успенскій Соборъ; почему изъ Ипатіевскаго Собора протоіерей съ соборянами и выведены. Съ того времени для экономическаго управленія монастыремъ былъ опредѣленъ Намѣстникъ, и число иноческой братіи увеличено.

Въ XVII вѣкѣ Ипатскіе настоятели иногда приглашались присутствовать на соборахъ Святителей; а когда по дѣламъ обители являлись въ Москву,—служить въ знаменитые праздники съ Патріархомъ, или чередными іерархами—право данное рѣдкимъ изъ провинціальныхъ монастырей (Примѣч. 25.). 1724 года, по опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода, Нерехотскій Сыпановъ монастырь приписанъ къ Ипатскому; почему Сыпановскому игумену Іонѣ настоятельство отказано, а вмѣсто его изъ Ипатскаго монастыря насылались строители. Но 1725 года Сыпановъ монастырь, по указу Святѣйшаго Сѵнода, сдѣланъ опять сомостоятельнымъ (Примѣч. 26).

VI.

Настоятели.

Кто были настоятели Ипатскаго монастыря до 1443 года, совершенно не извѣстно. Въ печатномъ описаніи монастыря 1832 года изъ извѣстныхъ означенъ первымъ игуменъ Ѳеогностъ, настоятельствовавшій съ 1443 года, потомъ игумены Вассіанъ, Порфирій, Никандръ и Варлаамъ, начальствовавшіе въ монастырѣ по 1589 годъ. Изъ нихъ подробнѣе знаемъ только о Вассіанѣ: въ рукописной исторіи о семъ монастырѣ сказано, что онъ упоминается игуменомъ 7067 года, слѣдовательно около 1559; 1562 года, сентября 1 приложилъ въ обитель серебряный крестъ; въ январѣ 1565 года находился при блаженной кончинѣ преп. Геннадія Любимоградскаго. Угодникъ въ часъ кончины особенно обращаетъ наставленіе къ сему Вассіану. Когда перемѣщенъ въ Архимандрита Московскаго Новоспасскаго монастыря, не извѣстно, кромѣ того, что въ санѣ Новоспасскаго настоятеля 1571 года ручался

предъ Государемъ по князѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ Мстиславскомъ; 1572 года присутствовалъ на соборѣ, разрѣшившемъ 4-й бракъ Царю Іоанну IV, въ 1574 году приложилъ въ Ипатскій монастырь село Суконниково съ деревнями; 1575 года февраля 14 хиротонисанъ въ архіепископа Казанскаго; того же года мая 21 скончался и погребенъ въ Казанскомъ Соборѣ на сторонѣ сѣверной

Архимандриты:

		годы
1.	Іоакимъ, упом.	1598.
2.	Іаковъ.	1599—1606.
3.	Ѳеодосій 1.	1608.
4.	Кириллъ 1.	1610—1616

. . . . . подписался на избирательной грамотѣ Царя Михаила Ѳеодоровича, и 1 іюля 1613 года при коронованіи сего Государя съ игуменами подавалъ крестъ архіереямъ.

5.	Іосифъ 1-й	1617—1618
6.	Пафнутій	1623—1630.

7. Тихонъ 1 упоминается 1631: въ маѣ 1636 находился въ Костромскомъ Соборѣ Богородицы при возобновленіи явленныя иконы Ѳеодоровскія; упоминается Ипатскимъ Архимандритомъ 1637 года, марта 10 (Примѣч. 27.)

8. Іосифъ 2-й лѣтомъ 1637 года Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, съ посломъ княземъ Ѳедоромъ Волконскимъ, былъ отправленъ въ Грузію, къ Царю Темуразу *для досмотра христіанской вѣры*, съ іеромонахомъ Алексѣемъ, іеродіакономъ Арсеніемъ, съ бѣлымъ попомъ Григоріемъ и діакономъ Арсеніемъ. 1641 г. послѣ путешествія въ Грузію, вѣрно, онъ жилъ на покоѣ, иногда въ Ипатскомъ монастырѣ 1642, 1643 года строили ограду — новый городъ, онъ былъ въ званіи строителя (Примѣч. 28).

9. Аврамій упом. 1641—1646; въ его настоятельство строился тотъ городъ.

10. Сергій упом. 1647—1648; при немъ 1647 года сентября 22 литъ нынѣшній въ 600 пудъ колоколъ.

11. Гермогенъ упом. 1649—1652; въ его настоятельство строился нынѣшній Троицкій Соборъ.

12. Тихонъ 2, упом. 1655—1661. Въ іюнѣ 1656 года присутствовалъ на Соборѣ Святителей, созванномъ отъ Патріарха Никона для исправленія богослужебныхъ книгъ (Скрижаль Патр. Никона прибавлен. примѣч. 29)

13. Мисаилъ 1662—1664. Въ октябрѣ 1663 года упоминается управляющимъ Костромскою десятиною.

14. Кириллъ 2, упом. 1665—1669. 2 ноября 1666 года, при пріѣздѣ восточныхъ Патріарховъ въ Москву, велъ подъ руки Патріарха Макарія. Въ декабрѣ того года присутствовалъ на соборѣ о низложеніи Патріарха Никона, потомъ 1667 года на соборахъ по предмету церковныхъ исправленій. По грамотѣ отъ 2 іюля того 1667 года, присутствовалъ въ г. Шуѣ при свидѣтельствѣ чудесъ отъ Шуйской иконы Богородицы (Примѣч. 30.)

15. Ѳеодосій 2, упом. 1669—1674. Съ Ипатскаго настоятельства перемѣщенъ въ Архимандрита Воскресенскаго монастыря, именуемаго Новый Іерусалимъ; потомъ схимникъ (Примѣч. 31).

16. Антоній до Ипатскаго настоятельства съ 1670 по 1674 годъ былъ Архимандритомъ Переяславскаго Данилова монастыря; отсюда перемѣщенъ въ Ипатскій 24 октября 1674 года. 1677 года апрѣля 17 въ Костромскомъ городовомъ Соборѣ служилъ при празднествѣ по случаю возобновленія Ѳеодоровской иконы Богородицы. 1681 года Антоній, по грамотѣ Патріарха всея Россіи Іоакима, распоряжался переведеніемъ изъ

Костромскаго Крестовоздвиженскаго монастыря иноковъ въ Костромскій Богоявленскій; упоминается на настоятельствѣ Ипатскаго монастыря в 1683 года (Примѣч. 32).

17. Пахомій. упом. 1683—1685. При немъ въ сентябрѣ 1684 года Троицкій Соборъ въ Ипатскомъ монастырѣ украшенъ стѣнописью.

18. Ѳеодосій 3, упоминается 1685—1692; въ Августѣ 1690 года присутствовалъ при хиротоніи Патріарха всея Россіи Адріана (Примѣч. 33).

19. Паисій, упом. 1693—1698 іюня 1; во все настоятельство управлялъ Костромскою десятиною.

20. Симеонъ, упомин. 1699—1710 ноября 28.

21. Тихонъ 3, упомин. 1711; скончался на настоятельствѣ въ мартѣ 1719 года. И Симеонъ и Тихонъ также правили Костромскою десятиною (Примѣч. 34)

22. Гавріилъ Бужинскій, родомъ малороссіянинъ, обучался въ Кіевской Академіи, послѣ обученія поступилъ въ учители Московскаго Заиконоспасскаго училища; въ это учительство 1707 года принялъ монашество, 1708 посвященъ въ іеродіакона, а 1709 въ іеромонаха; проповѣдями своими снискалъ громкую славу въ Москвѣ, и тѣмъ самымъ обратилъ вниманіе Государя Петра 1, вызвавшаго Гавріила въ С. Петербургъ и опредѣлившаго его іеромонахомъ во флотъ. Въ этой должности часто говорилъ проповѣди въ присутствіи Монарха. 1721 года января 22, по Высочайшему указу, произведенъ въ Архимандрита Ипатскаго манастыря, и недѣли чрезъ двѣ въ совѣтники въ открывшійся тогда въ Святѣйшій Сѵнодъ. Кромѣ того пожалованъ въ директора и протектора всѣхъ зависящихъ отъ Сѵнода типографій и училищъ. Того 1721 года, марта 24, переведенъ въ Архимандрита Святотроицкой Сергіевой лавры, съ оставленіемъ по прежнему въ С. Петербургѣ. 1726

года, октября 30, хиротонисанъ въ Рязанскаго Епископа. 1727 года пребывалъ въ епархіи; 1731 скончался въ Москвѣ апрѣля 27; погребенъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, куда отказалъ и свою библіотеку. Мужъ извѣстный въ Русской литтературѣ своими сочиненіями и переводами (Примѣч. 35).

23. Серапіонъ упом. 1722—1730. Въ Ипатіевское настоятельство былъ съ 1725 по 1726 годъ Ассессоромъ Святѣйшаго Сѵнода.

24. Платонъ Малиновскій, съ 1724 года префектъ Московской Славено-Греко-Латинской Академіи, и съ 1726 по 1728 годъ въ званіи іеромонаха Ректоръ Харьковскаго Коллегіума; предъ Ипатскимъ настоятельствомъ былъ Архимандритомъ Харьковскаго Преображенскаго монастыря; съ 1730 по 1733 годъ, въ бытность Архимандритомъ Ипатскаго монастыря, присутствовалъ въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ; отсюда перемѣщенъ въ Московскій Высокопетровскій монастырь; 1742 года, сентября 10, хиротонисанъ въ Епископа Сарскаго и Подонскаго, 1744 года іюля 17 пожалованъ въ Архіепископа, 1748 года апрѣля 5 перемѣщенъ въ Московскую епархію, съ наименованіемъ Московскаго и Сѣвскаго; 1754 іюня 14 скончался, погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ.

25. Никодимъ Сребницкій. Въ исходѣ 1735 года съ настоятельства Ипатскаго монастыря перемѣщенъ на настоятельство въ Московскій Новоспасскій монастырь; на этой должности съ 1736 года іюля 20 по 1739 годъ былъ членомъ Святѣйшаго Сѵнода; 1738 года, декабря 6, хиротонисанъ въ Епископа Черниговскаго. 1740 года мая 20 переведенъ Митрополитомъ въ Тобольскъ; но 31 марта 1742 года переведенъ въ С. Петербургъ съ званіемъ Епископа; 1745

года въ февралѣ перемѣщенъ Епископомъ же въ Кіевскій Переяславль; скончался 1751 года, іюня 12.

26. Пименъ Савеловъ, изъ дворянъ Савеловыхъ; въ военной службѣ служилъ капитаномъ; сначала былъ Архимандритомъ Ярославскаго Толгскаго монастыря, потомъ съ 1736 года—Ипатскаго монастыря; 1740 года, іюня 29 хиротонисанъ въ Епископа Вологодскаго и Бѣлозерскаго; скончался 1753 года, мая 26; погребенъ въ Вологодскомъ Каѳедральномъ Соборѣ.

27. Ѳеофилактъ, родомъ изъ Вологды; служилъ секретаремъ въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ; подвергшись церковному покаянію, отосланъ въ монастырь, гдѣ и привыкъ къ уединенной жизни; почему и принялъ монашество; сначала былъ игуменомъ Вологодской епархіи Глушицкаго монастыря, вмѣстѣ съ симъ саномъ казначеемъ и судіею при тамошнемъ Архіерейскомъ домѣ; 1728 года, августа 20 Вологодскимъ Епископомъ Аѳанасіемъ Кондоиди посвященъ въ Архимандрита Корниліева-Комельскаго монастыря; отсюда 1732 года переведенъ въ Кирилло-Бѣлоезерскій монастырь; въ 1739 году вторично настоятельствовалъ въ Корниліевомъ монастырѣ; 1740 года переведенъ въ Ипатскій монастырь; съ 3 октября того года присутствовалъ въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ по 10 сентября 1743 года, по время хиротоніи его въ Епископа Воронежскаго, въ каковый санъ и посвященъ 14 числа того сентября; скончался въ Воронежѣ 1757 года, ноября 30, будучи отъ рожденія 61 года 9 мѣсяцовъ (Примѣч. 36).

28. Симонъ Тодорскій, изъ рода малороссійскихъ дворянъ Тодорскихъ, родился близъ Кіева, 1700 года сентября 1. Послѣ обученія въ родительскомъ домѣ, поступилъ 1717 года въ Кіевскую Академію.

Оттуда, по окончаніи курса наукъ, 1727 года, февраля 25 отправился за границу; тамъ въ продолженіи 5 лѣтъ слушалъ лекціи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, послѣ того поступилъ въ Галльскій университетъ, наконецъ, послѣ обученія въ Іенскомъ университетѣ, возвратился въ Россію 1738 года съ богатымъ запасомъ свѣдѣній; потому что въ Германіи, сверхъ другихъ наукъ, изучалъ Физику, языки: греческій, еврейскій, сирскій, арабскій, халдейскій, въ коихъ, къ удивленію современниковъ, снискалъ превосходныя познанія, равно и въ нѣмецкомъ языкѣ. Въ Германіи обратилъ особенное вниманіе Императрицы Анны Іоанновны. Когда въ Галлѣ съ нѣмецкаго на русскій языкъ перевелъ книгу Арндта «о истинномъ христіанствѣ; то Государыня на изданіе прислала ему 600 рублей, на каковую сумму переводъ и напечатанъ въ Галлѣ 1738 года. Но оный, по присылкѣ въ Россію, запрещенъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода. Еще на возвратномъ пути Симона, греческіе купцы убѣдили Симона въ Бѣлградѣ преподавать имъ Законъ Божій. По прибытіи въ Кіевъ въ 1738 году іюля 11 опредѣленъ въ Академію учителемъ еврейскаго, греческаго-филологическаго и нѣмецкаго классовъ. Кромѣ того поручено ему всенародно преподаватъ пространный катихизисъ Большею инструкціею,—такъ тогда у Кіевлянъ называлось публичное обученіе Закону Божію—Симонъ снискалъ всеобщую славу. Кіевляне съ жадностію слушали его. 1740 года мая 17 дня Симонъ принялъ монашество; того же года іюля 6 посвященъ въ іеродіакона, а 10 въ іеромонаха. Когда 1742 года прибылъ изъ Голштиніи въ С. Петербургъ Петръ III, родный племянникъ Императрицы Елисаветы Петровны; то Симонъ, имяннымъ указомъ отъ 31 мая, вызванъ былъ для

преподаванія принцу Православнаго катихизиса. Тодорскій прибылъ въ Москву іюля 15. Послѣ того чрезъ годъ, 1743 года, сентября 13 онъ пожалованъ въ члены Святѣйшаго Сѵнода, съ посвященіемъ 15 числа въ Архимандрита Костромскаго Ипатскаго монастыря.—

VII.

Епископы Костромскіе и Галичскіе, управлявшіе Ипатскимъ монастыремъ по пребыванію въ ономъ.

1. Симонъ Тодорскій; изъ Архимандрита Ипатскаго монастыря въ Костромскаго Епископа хиротонисанъ 1745 года марта 31. По причинѣ присутствія въ Святѣйшемъ Синодѣ, въ епархію не являлся, а архипастырскія распоряженія по дѣламъ присылалъ изъ С. Петербурга въ Консисторію, по 1 іюня того года именующуюся Духовнымъ правленіемъ Костромскаго Епископа Симона, члена Святѣйшаго Сѵнода, потомъ Каѳедральною Консисторіею. Не исполнилось 5 мѣсяцевъ, какъ того года августа 18 переведенъ Епископомъ во Псковъ; но 1748 года, марта 20 пожалованъ въ Архіепископа. 1753 года, удручаемый болѣзнями, испросилъ себѣ увольненіе изъ С. Петербурга въ епархію. Скончался съ 21 на 22 февраля 1754 года, на 54 году отъ рожденія. Погребенъ во Псковѣ, подъ Каѳедральнымъ Троицкимъ Соборомъ, С. Петербургскимъ Архіепископомъ Сильвестромъ Кулябкою. Въ надгробной надписи сказано, что Симонъ былъ образцемъ отеческаго милосердія къ страннымъ и бѣднымъ. Богатая его библіотека изъ рѣдкихъ книгъ, особенно на языкахъ еврейскомъ, сирскомъ и арабскомъ, также изъ подаренныхъ въ

бытность его въ Германіи, за подписью Галльскихъ его наставниковъ, какъ-то: Михаелиса и другихъ, отдана Симономъ во Псковскій Архіерейскій домъ. Но въ началѣ сего XIX столѣтія переведена въ непосредственное вѣдомство Псковской Семинаріи (Примѣч. 37).

2. Сильвестръ Кулябка, малороссіянинъ, изъ дворянской фамиліи Кулябки, родился 1701 года; послѣ обученія въ Кіевской Академіи, тамъ проходилъ разныя учительскія должности; 1738 года произведенъ въ префекта той Академіи, а въ августѣ 1740 въ Ректора оной, съ посвященіемъ въ Архимандрита Кіевобратскаго монастыря. Весною 1745 года отъ Кіевскаго Митрополита посланный въ С. Петербургъ съ поздравленіемъ по случаю бракосочетанія Наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича, Сильвестръ проповѣдію, говоренною въ недѣлю Самарянины, снискалъ одобреніе Императрицы Елисаветы Петровны, высокой покровительницы духовнаго просвѣщенія. По этому случаю, оставленный въ столицѣ, онъ 10 ноября того года посвященъ въ Епископа Костромскаго и Галичскаго, прибылъ въ Кострому въ послѣднихъ числахъ января 1746 года. Въ іюнѣ того же года предписалъ указомъ чрезъ Духовную Консисторію съ монастырей и церквей собрать хлѣбъ на содержаніе, какъ сказано въ указѣ, школы, учреждаемой для обученія церковническихъ дѣтей. Но хлѣбъ, не смотря на дѣятельныя настоянія, былъ собираемъ столь медленно, что школа открыта не прежде, какъ въ исходѣ 1747 года. Не меньше затрудненія оказалось въ наборѣ учениковъ. Ихъ никто не представлялъ по доброй волѣ. Поповскіе старосты то дѣлали проволочку, то отговорки. Начальство разослало изъ Консисторіи приказныхъ сторожей. При

появленіи консисторскихъ разсыльщиковъ отцы скрывали дѣтей, сказывали ихъ въ бѣгахъ, и если кто изъ нихъ впадалъ въ руки разсыльщиковъ, таковаго провожали въ Кострому, какъ покойника, съ плачемъ и воплемъ. Случалось, ученикъ школы убѣгалъ къ родителямъ или сродникамъ, кои показывали таковыхъ въ бѣгахъ. Хотя въ ту пору по епархіи считалось 700 церквей; но собрали учениковъ малое число и то̀ отъ церквей города Костромы. Чтобы заохотить къ отдачѣ въ Семинарію, въ указахъ было объявляемо, что каждый изъ учениковъ будетъ содержанъ на казенномъ коштѣ и обучаться по книгамъ Архіерейскаго дома. 1750 года считалось 30 учениковъ— обыкновенный комплектъ тогдашнихъ Семинарій. Въ эту пору Семинарія помѣщалась въ Ипатскомъ монастырѣ. Сей Архипастырь имяннымъ указомъ отъ 2 іюня 1750 года переведенъ въ С. Петербургъ въ званіи Архіепископа, Архимандрита Святотроицкія лавры и члена Святѣйшаго Сѵнода. Скончался 1761 года, апрѣля 17; погребенъ въ Александроневской лаврѣ. Префектъ Іоаннъ Іоанновичь Красовскій, какъ современникъ, говоритъ, что Сильвестръ, имѣя способность проповѣдывать слово Божіе наизусть, безъ приготовленія, въ Костромѣ толковалъ Новый Завѣтъ и съ изъясненіемъ соединялъ нравственныя наставленія для народа.—Словарь писателей Дух. чина о Сильвестрѣ отзывается, что онъ въ свое время почитался славнымъ изъ Россіянъ богословомъ и что его поученія—онѣ и напечатаны особо—отличаются строгою нравственностію и разсудительностію. Богословіе, имъ сочиненное, рукописнымъ хранится въ Кіевской Академіи.—

3. Геннадій Андреевскій изъ Архимандрита Псковско-Печерскаго монастыр[illegible]тонисанъ 1753 г.

Апрѣля 13. Послѣ Сильвестра Кулябки до Геннадіева святительства епархія оставалась безъ архіерея около 3 лѣтъ. Въ это время ученики изъ Семинаріи всѣ разошлись, ученіе пресѣклось; Геннадій опять набралъ мальчиковъ и Семинарію помѣстилъ не въ Ипатскомъ, а Семеновскомъ монастырѣ. Нынѣ не видно мѣста, гдѣ была въ Костромѣ эта обитель. Она находилась близъ нынѣшней церкви Богоотцевъ, западнѣе къ Ипатскому монастырю. 1754 года находились въ Семинаріи классы Грамматики, Поэзіи и Реторики. За перемѣщеніе Архимандрита Андроника изъ Галичскаго Паисіева монастыря въ Костромскій Богоявленскій, безъ вѣдома Святѣйшаго Сѵнода, и за поступки противъ того Андроника, Геннадій 1757 года, августа 1, отъ епархіи отрѣшенъ, съ опредѣленіемъ, « *что его въ Кіевопечерскую Лавру за всегдашнимъ въ оной бываемымъ многолюдствомъ не опредѣлять, а вмѣсто того пребываніе имѣть въ Спасскомъ Новогородскомъ Сѣверскомъ монастырѣ, порцію и жалованье получать то, что въ Синодальномъ докладѣ представлено*».—Префектъ Красовскій говоритъ, что Геннадій «въ нарочитые праздники въ Костромѣ произносилъ проповѣди, и что въ бытность Архимандритомъ много сочинилъ изрядныхъ поучительныхъ словъ, изъ коихъ нѣкоторыя и напечатаны». Въ его святительство въ званіи директора Семинаріею правилъ Песошенскій игуменъ Анастасій Бѣлопольскій.—

4. Дамаскинъ Аскаронскій, родомъ малоросіянинъ; съ 1743 по 1747 годъ Ректоръ Новогородской Семинаріи и вмѣстѣ съ тѣмъ Архимандритъ тамошняго Деревяницкаго монастыря. 1746 года переведенъ въ Новогородскій же Антоніевъ монастырь, съ оставленіемъ при немъ ректорства; 1748 года, января 11, перемѣщенъ въ Хутынь и отъ ректорства уво-

ленъ, а 1751, января 7 въ Иверскій монастырь. Съ этого настоятельства хиротонисанъ въ Епископа Костромскаго и Галичскаго. Твердый характеромъ, заботливый, дѣятельный; 1759 года учредилъ шесть духовныхъ правленій въ Костромѣ, Нерехтѣ, Плесѣ, Любимѣ, Судисловлѣ и Солигаличѣ,—а до него были только два: въ Галичѣ и Макарьевѣ, и во всей епархіи только два протоіерея въ Костромѣ и Галичѣ, а онъ, гдѣ только есть Соборы, учредилъ протоіереевъ; установилъ десятоначальниковъ, ввѣрилъ каждому по 10 церквей,—потомъ надъ ними въ каждомъ правленіи по два благочинія надзирателя. При каждомъ правленіи 1760 года, основалъ малыя училища для обученія азбукѣ, букварю, заповѣдямъ Господнимъ, часослову, псалтири, шестодневу, церковному уставу и нотному пѣнію. Семинарію изъ Семеновскаго монастыря перевелъ въ Ипатскій, вскорѣ послѣ на Запрудню, гдѣ она съ 1759 года около 50 лѣтъ и находилась. Для чего въ томъ году построилъ на Запруднѣ нѣсколько деревянныхъ корпусовъ, со всѣми удобствами помѣщенія и теплую на каменномъ фундаментѣ Введенія Богородицы церковь; выписалъ изъ Кіевской Академіи учителей, какъ-то: сначала Максима и Ивана Ѳедоровыхъ, потомъ въ 1762 Стефана Орнатскаго, а съ 1765 Якова Семчевскаго и Якова Липицкаго. Изъ нихъ Семчевскій, опредѣленный въ префекта Семинаріи въ одинъ классъ преподавалъ Философію и Богословіе. Но какъ всѣ учители были малороссіяне, то ученики ихъ, а они учениковъ не понимали; придерживаясь своего нарѣчія, старались учениковъ пріобучать оному, и когда послѣдніе объяснялись по великороссійскому обычаю, то за это иногда предавали незаслуженному наказанію. При обученіи полатынѣ единственнымъ учеб-

никомъ была Алварова Грамматика, напечатанная для польскихъ училищъ, столько же непонятная, какъ и учители. Епископъ Дамаскинъ въ послѣдніе годы своего архіерейства имѣлъ утѣшеніе замѣнить малороссіянъ природными воспитанниками Костромской Семинаріи: это—Іоаннъ Іоанновичь Красовскій, Георгій Михайловичь Покорскій и Іоаннъ Іоанновичь Сидоровскій,—послѣ служившіе въ Петербургѣ, первые два протоіереями, а послѣдній священникомъ и законоучителемъ въ Смольномъ монастырѣ. Остался только Семчевскій, при погребеніи Дамаскина перезванный Ростовскимъ Епископомъ Аѳанасіемъ для основанія въ Ростовской Семинаріи философско-богословскаго класса. 1763 года въ Костромской Семинаріи учениковъ было 27; но 1765 по случаю положенія казеннаго жалованья на Семинарію назначено возвысить число до ста, но также, какъ и прежде, это было сопряжено съ чрезвычайными задрудненіями и набрано такое полное количество къ послѣднему году жизни Дамаскина и то̀ присоединеніемъ учениковъ изъ Троицо-Сергіевой Семинаріи, гдѣ изъ селъ Костромской епархіи, принадлежащихъ лаврѣ, дѣти обучались до времени отобранія монастырскихъ вотчинъ, въ той лаврѣ, а послѣ того поступили въ Костромскую Семинарію. Дамаскинъ скончался 1769 года, іюня 16; погребенъ 9 августа, на 4 недѣли послѣ кончины, Ростовскимъ Епископомъ Аѳанасіемъ, подъ Троицкимъ Ипатіевскимъ Соборомъ, въ придѣлѣ Прав. Лазаря, отъ Дамаскина устроенномъ. Надгробное слово произнесъ префектъ Семинаріи Яковъ Семчевскій. Плоды ученыхъ трудовъ Дамаскина, оставшіеся въ рукописяхъ, именно толкованія его на Псалтирь и всѣ 14 посланій Св. Апостола Павла, хранятся въ библіотекѣ Костромской

Семинаріи, куда отказана и библіотека сего Архипастыря.—

5. Симонъ Лаговъ, родился въ Вологдѣ отъ крестьянина Прилуцкаго монастыря; въ мірѣ Стефанъ; по отличному голосу взятъ 1736 года въ Архіерейскую пѣвчую Вологодскимъ Епископомъ Амвросіемъ Юшкевичемъ. По случаю присутствованія его въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ, въ С. Петербургъ былъ взятъ и пѣвчій Стефанъ; когда въ маѣ 1740 года Амвросій переведенъ въ Новгородъ, то по его приказанію Стефанъ записанъ въ Новогородскую Семинарію и для сего, стараніемъ Амвросія, уволенъ изъ податнаго состоянія. По окончаніи курса наукъ, Лаговъ въ 1754 году опредѣленъ въ учители Новогородской Семинаріи. Отсюда вскорѣ послѣ того онъ вызванъ въ учители на Піитику въ Московскую Академію, но 1755 года опять возвращенъ въ Новгородъ и опредѣленъ въ учителя Философіи; 1758 года, апрѣля 10, постриженъ въ иночество, а послѣ того чрезъ двѣ недѣли посвященъ въ іеромонаха; 28 апрѣля того года опредѣленъ въ префекта Новогородской Семинаріи и учителя Богословія. Въ январѣ 1759 года посвященъ въ Архимандрита Новогородскаго Антоніева монастыря; того года, мая 9, пожалованъ въ вицеректора, а 8 ноября въ Ректора Новогородской Сминаріи. Въ августѣ 1761 года перемѣщенъ въ настоятеля Кириллобѣлоезерскаго монастыря и пожалованъ въ члены Святѣйшаго Сѵнода; 1784 года, октября 28, съ оставленіемъ при немъ должности по Сѵноду, переведенъ въ Московскій Новоспасскій монастырь съ преимуществами Кириллова монастыря, гдѣ служилъ на коврахъ, съ осѣняльными свѣчами и рипидами, и Св. Тайны принималъ въ царскихъ вратахъ. 1769 года, сентября 6, въ Петербургскомъ Петропавлов-

скомъ Соборѣ хиротонисанъ въ Епископа Костромскаго. Во все пребываніе его въ Костромѣ въ Семинаріи съ 1771 года не было Ректора, а она во все это время находилась подъ ближайшимъ его управленіемъ; для сего построилъ на Запруднѣ свой домъ, и не было недѣли, чтобы не посѣщалъ ее и не проживалъ при оной по нѣскольку дней. Даже префекта Семинаріи, послѣ Семчевскаго, еще до прибытія Симона переведеннаго въ Ростовъ, не ближе опредѣлилъ, какъ 1771 года іюня 8, снабдивъ его своею письменною инструкціею, и не ошибся въ выборѣ; это—Іоаннъ Іоанновичь Красовскій, мужъ ученнѣйшій въ свое время, послѣ протоіерей и сакелларій придворнаго Собора. Часто, въ одномъ подрясникѣ и бѣлой шляпѣ, неожиданно, инкогнито Симонъ навѣщалъ Семинарію, входилъ въ комнаты учениковъ, садился съ ними на скамейкѣ и разсматривалъ ихъ упражненія. По его распоряженію, всякой классическій день изъ каждаго класса вызывалъ двухъ учениковъ и въ своей кельѣ испытывалъ въ успѣхахъ, благонадежныхъ ободрялъ денежными вспоможеніями, подарками изъ книгъ, иногда гостинцами. Какъ никто изъ тогдашнихъ учителей не зналъ по-гречески и Пасхаліи, то преподаваніе сихъ предметовъ первоначально принялъ на себя и для сего сочинилъ Пасхалію. При начатіи богословскаго ученія далъ письменное наставленіе по всѣмъ предметамъ, въ чемъ должно заключаться образованіе готовящихся къ служенію при олтарѣ Божіемъ. По отчету 1773 года въ Семинаріи было учениковъ 127, учителей 7, три отдѣльныя школы, какъ то: Богословія, Философіи и Реторики и два класса: высшей Грамматики и низшей; Богословію училъ префектъ, въ Философіи два учителя, одинъ изъ нихъ Геометріи,

въ Реторикѣ по-гречески, Исторіи, Географіи и Пасхаліи; въ высшемъ классѣ Грамматикѣ, Піитикѣ, Исторіи и Хронологіи съ Пасхаліею, а въ низшемъ начаткамъ латинскаго языка. Кромѣ того при Семинаріи Симонъ открылъ публичное толкованіе Катихизиса, поручивъ это Іоанну Іоанновичу Красовскому, сочинившему для сего два Катихизиса, пространный и сокращенный. А для Священноцерковнослужителей Симонъ сочинилъ Катихизисъ, изложенный въ вопросахъ и отвѣтахъ на одномъ листѣ, и разослалъ по всѣмъ церквамъ въ двухъ экземплярахъ,—одинъ для изученія наизусть, а другій для чтенія прихожанамъ, по литургіи въ каждое Воскресенье; самъ же каждое Воскресенье произносилъ поученія, присовокупляя толкованіе Новаго завѣта и Православнаго исповѣданія Петра Могилы. Когда въ ужасный пожаръ Костромы сгорѣлъ городовый Соборъ, то возобновилъ оный, а для построенія нынѣшняго теплаго Собора съ огромною колокольнею и двухъ такихъ же корпусовъ испросилъ позволеніе закрыть близь лежащій обгорѣлый Крестовоздвиженскій монастырь, помѣстивъ монахинь въ Анастасіиномъ монастырѣ и уже приступилъ къ построенію этихъ массивныхъ зданій, какъ 1778 года, марта 31 переведенъ въ Рязань, гдѣ 1792 года ноября 16 пожалованъ въ Архіепископа и гдѣ кончилъ праведную трудолюбивую жизнь свою 1804 января 17. Костромское дворянство въ Пугачевскій бунтъ возбудилъ къ составленію земскаго многочисленнаго ополченія; для чего по всей епархіи въ августѣ 1774 года разослалъ пастырскую окружную грамоту. Литтературныя произведенія его напечатаны, а нѣкоторыя доселѣ остаются въ рукописяхъ. По его распоряженію составлена и 1777 года, съ дозволенія Святѣйшаго Сѵнода, напечатана служба Θео-

доровской иконѣ Богородицы на 14 марта, приспособленная къ воцаренію Государя Михаила Ѳеодоровича.—

6. Павелъ Зерновъ, уроженецъ г. Москвы; 1775 года опредѣленъ въ настоятеля Саввина Сторожевскаго монастыря; когда этимъ годомъ въ томъ монастырѣ учреждено уѣздное духовное училище, то управленіе онымъ поручено ему. Въ это настоятельство опредѣленъ намѣстникомъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры, гдѣ въ послѣдствіи времени и былъ Ректоромъ тамошней Семинаріи. Вскорѣ послѣ того переведенъ въ Архимандрита Ярославскаго Спасо-преображенскаго монастыря и Ректора тамошней Семинаріи. Въ исходѣ 1776 года переведенъ въ настоятеля Московскаго Ставропигіальнаго монастыря; 1778 года Апрѣля 15 хиротонисанъ въ Епископа Костромскаго. 1791 года основалъ три духовныя училища, въ Нерехтѣ, Луху и Макарьевѣ на Унжѣ; на содержаніе ихъ опредѣлилъ плату съ каждаго ученика, съ священническаго сына по 2, діаконскаго по полтора, а причетническаго по рублю въ годъ, и штрафныя деньги за незнаніе Катихизиса. 1798 года, по ветхости зданій на Запруднѣ, Семинарію перевелъ въ Ипатскій монастырь. 1800 года Января 15 переведенъ въ Тверь; 1801 года, сентября 15, въ день коронованія Государя Императора Александра 1, пожалованъ въ Архіепископа; 1803 года, декабря 15, перемѣщенъ въ Казань, гдѣ скончался 1815 года, января 14.—

7. Евгеній Романовъ, кавалеръ 1 степени Св. Анны, сынъ причетника изъ села Горокъ, Новогородской епархіи. По окончаніи курса наукъ въ тамошней Семинаріи нѣсколько лѣтъ проходилъ учительскія должности. По принятіи монашества въ званіи іеродіакона былъ учителемъ Закона Божія при Императорскомъ сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ въ С. Петер-

бургѣ, а 1788 года Ректоромъ Суздальской Семинаріи и Архимандритомъ Спасо-Евѳиміева монастыря; 1795 года упоминается Ректоромъ Ярославской Семинаріи и настоятелемъ Ростовскаго Борисоглѣбскаго, что на Устьѣ, монастыря; отсюда 1799 года января 13, переведенъ въ настоятеля первокласснаго Колязина монастыря; 1800 года, марта 2 нареченъ, а 4 числа хиротонисанъ Московскимъ Митрополитомъ Платономъ въ Костромскаго Епископа въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ; того же марта 10 прибылъ на епархію. Съ 1800 года на Запруднѣ построилъ два огромные деревянные корпуса и туда въ февралѣ 1802 года изъ Ипатскаго монастыря перемѣстилъ Семинарію. Въ сентябрѣ 1803 года въ Галичѣ основалъ духовное училище, а въ самой Костромѣ въ одномъ изъ каменныхъ корпусовъ при Успенскомъ городовомъ Соборѣ Русскую школу для причетниковъ. Скончался 1811 года, декабря 9; по духовному завѣщанію его, погребенъ въ Богословской церкви въ слободѣ Ипатской. Нѣкоторыя изъ его поученій напечатаны особо; сокращенный имъ словарь Памвы Берынды напечатанъ 1784 года.—

8. Сергій Крыловъ-Платоновъ, уроженецъ Московской епархіи, Дмитровскаго уѣзда, причетническій сынъ. Послѣ Московскихъ учебныхъ духовныхъ заведеній, окончательно обучался въ Семинаріи Троицко-Сергіевой лавры; послѣ того 1798 года, сентября 4, опредѣленъ въ учителя той Семинаріи на нѣмецкій языкъ и Исторію, а 1800 года на высшее краснорѣчіе и Реторику, съ оставленіемъ по прежнему на нѣмецкомъ языкѣ. Въ монашество постриженъ 1801 февраля 9, на другой день посвященъ въ іеродіакона; въ январѣ 1802 года опредѣленъ въ префекта и учителя Философіи; тог[illegible]а апрѣля 6 посвященъ

доровской иконѣ Богородицы на 14 марта, приспособленная къ воцаренію Государя Михаила Ѳеодоровича.—

6. Павелъ Зерновъ, уроженецъ г. Москвы; 1775 года опредѣленъ въ настоятеля Саввина Сторожевскаго монастыря; когда этимъ годомъ въ томъ монастырѣ учреждено уѣздное духовное училище, то управленіе онымъ поручено ему. Въ это настоятельство опредѣленъ намѣстникомъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры, гдѣ въ послѣдствіи времени и былъ Ректоромъ тамошней Семинаріи. Вскорѣ послѣ того переведенъ въ Архимандрита Ярославскаго Спасо-преображенскаго монастыря и Ректора тамошней Семинаріи. Въ исходѣ 1776 года переведенъ въ настоятеля Московскаго Ставропигіальнаго монастыря; 1778 года Апрѣля 15 хиротонисанъ въ Епископа Костромскаго. 1791 года основалъ три духовныя училища, въ Нерехтѣ, Луху и Макарьевѣ на Унжѣ; на содержаніе ихъ опредѣлилъ плату съ каждаго ученика, съ священническаго сына по 2, діаконскаго по полтора, а причетническаго по рублю въ годъ, и штрафныя деньги за незнаніе Катихизиса. 1798 года, по ветхости зданій на Запруднѣ, Семинарію перевелъ въ Ипатскій монастырь. 1800 года Января 15 переведенъ въ Тверь; 1801 года, сентября 15, въ день коронованія Государя Императора Александра 1, пожалованъ въ Архіепископа; 1803 года, декабря 15, перемѣщенъ въ Казань, гдѣ скончался 1815 года, января 14.—

7. Евгеній Романовъ, кавалеръ 1 степени Св. Анны, сынъ причетника изъ села Горокъ, Новогородской епархіи. По окончаніи курса наукъ въ тамошней Семинаріи нѣсколько лѣтъ проходилъ учительскія должности. По принятіи монашества въ званіи іеродіакона былъ учителемъ Закона Божія при Императорскомъ сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ въ С. Петер-

бургѣ, а 1788 года Ректоромъ Суздальской Семинаріи и Архимандритомъ Спасо-Евѳиміева монастыря; 1795 года упоминается Ректоромъ Ярославской Семинаріи и настоятелемъ Ростовскаго Борисоглѣбскаго, что на Устьѣ, монастыря; отсюда 1799 года января 13, переведенъ въ настоятеля первокласснаго Колязина монастыря; 1800 года, марта 2 нареченъ, а 4 числа хиротонисанъ Московскимъ Митрополитомъ Платономъ въ Костромскаго Епископа въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ; того же марта 10 прибылъ на епархію. Съ 1800 года на Запруднѣ построилъ два огромные деревянные корпуса и туда въ февралѣ 1802 года изъ Ипатскаго монастыря перемѣстилъ Семинарію. Въ сентябрѣ 1803 года въ Галичѣ основалъ духовное училище, а въ самой Костромѣ въ одномъ изъ каменныхъ корпусовъ при Успенскомъ городовомъ Соборѣ Русскую школу для причетниковъ. Скончался 1811 года, декабря 9; по духовному завѣщанію его, погребенъ въ Богословской церкви въ слободѣ Ипатской. Нѣкоторыя изъ его поученій напечатаны особо; сокращенный имъ словарь Памвы Берынды напечатанъ 1784 года.—

8. Сергій Крыловъ-Платоновъ, уроженецъ Московской епархіи, Дмитровскаго уѣзда, причетническій сынъ. Послѣ Московскихъ учебныхъ духовныхъ заведеній, окончательно обучался въ Семинаріи Троицко-Сергіевой лавры; послѣ того 1798 года, сентября 4, опредѣленъ въ учителя той Семинаріи на нѣмецкій языкъ и Исторію, а 1800 года на высшее краснорѣчіе и Реторику, съ оставленіемъ по прежнему на нѣмецкомъ языкѣ. Въ монашество постриженъ 1801 февраля 9, на другой день посвященъ въ іеродіакона; въ январѣ 1802 года опредѣленъ въ префекта и учителя Философіи; того же года апрѣля 6 посвященъ

въ іеромонаха. Изъ лавры 1804 года мая 1 переведенъ также въ префекта въ Москоскую Славяно-греколатинскую Академію и учителя Философіи. Въ октябрѣ того года признанъ соборнымъ іеромонахомъ Московскаго Донскаго монастыря; 1807 года, сентября 22, произведенъ въ Архимандрита Можайскаго второкласнаго Лужецкаго монастыря съ оставленіемъ при тѣхъ же должностяхъ въ Академіи. 1808 года, апрѣля 20, опредѣленъ въ Ректора и учителя Богословія въ той Академіи, съ перемѣщеніемъ въ настоятеля Московскаго Ставропигіальнаго Заиконоспасскаго монастыря. 1809 года, указомъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 25 ноября, вызванъ въ С. Петербургскую Духовную Академію, гдѣ, по опредѣленію Коммиссіи Духовныхъ училищъ отъ 4 января 1810 года, пожалованъ въ Ректора и профессора богословскихъ наукъ; того же января 17 дня учиненъ настоятелемъ Новогородскаго Юрьева монастыря; августа 22 того же года награжденъ орденомъ Св. Анны 2 степени. 1811 года, іюня 14, съ оставленіемъ ректорства при С. Петербургской Академіи, переведенъ въ настоятеля Московскаго Новоспасскаго монастыря. 1811 года марта 3, наименованъ, а 17 числа того мѣсяца въ С. Петербургскомъ Казанскомъ Соборѣ хиротонисанъ въ Костромскаго Епископа. Изъ Костромы, гдѣ награжденъ орденомъ Св. Анны I степени, и гдѣ основалъ Комитетъ Россійскаго Библейскаго Общества, переведенъ, по Указу Святѣйшаго Сѵнода отъ 4 іюня 1817 года, въ Епископа на Рязанскую епархію; 1819 года сентября 17 пожалованъ въ Архіепископа; скончался 1824 года, августа 18 дня. По случаю сгорѣнія классическаго корпуса, въ декабрѣ 1813 года, три высшіе класса перевелъ съ Запрудни въ Костромскій Богоявленскій монастырь, а низшіе въ

каменный корпусъ, что близъ Успенскаго городоваго Собора. Такимъ образомъ при преобразованіи духовныхъ училищъ 1814 года Семинарія осталась въ томъ монастырѣ, а Костромское уѣздное училище съ приходскимъ при томъ Соборѣ. При этомъ пребразованіи, сверхъ училищъ въ Луху, Макарьевѣ, и Галичѣ, открыто вновь уѣздное училище въ Солигаличѣ.

9.) *Самуилъ Запольскій-Платоновъ* уроженецъ Московской епархіи, Дмитровскаго уѣзда, изъ села Заполья. Окончательное образованіе въ наукахъ получилъ въ Семинаріи Троицко-сергіевой лавры. Въ лаврской Семинаріи Самуилъ проходилъ разныя учительскія должности; съ іюня 1808 года тамъ былъ префектомъ, а съ 1809 Ректоромъ; 1810 года отъ ректорства уволенъ и опредѣленъ въ намѣстника той лавры, и настоятеля Виѳанскаго монастыря съ саномъ архимандрита; 1814 года осенью переведенъ въ первоклассный Макаріевъ Колязинъ монастырь, съ опредѣленіемъ въ Ректора и профессора богословскихъ наукъ въ Тверскую Семинарію. 1817 года, августа 19, хиротонисанъ въ Костромскаго Епископа; 1826 года августа 22, въ день коронованія Государя Императора Николая 1, награжденъ орденомъ Св. Анны 1 степени. 1830 года, апрѣля 6, по причинѣ болѣзненныхъ припадковъ уволенъ на покой, съ пенсіею каждогодно по двѣ тысячи рублей на ассигнаціи, съ назначеніемъ. по избранію его для мѣстопребыванія въ Николаевскомъ Бабаевскомъ монастырѣ, гдѣ скончался 1831 года апрѣля 16; погребенъ въ тамошней больничной церкви его преемникомъ.

10. Павелъ Подлипскій, уроженецъ Владимірской епархіи, изъ села Подлипья, находящагося на половинѣ между Переславлемъ Залѣсскимъ и Троице-сергіевою лаврою. Изъ класса Богословія Владимірской Семинаріи

поступилъ въ С. Петербургскую Духовную Академію, открытую въ февралѣ 1809 года по новому образованію. По окончаніи тамъ курса наукъ, со степенью магистра опредѣленъ въ инспектора и профессора при Владимірской Семинаріи. По принятіи монашества, чрезъ нѣсколько потомъ лѣтъ произведенъ въ Архимандрита Цареконстантиновскаго той епархіи монастыря. 1819 года, по случаю вызова Ректора Іосифа Величковкаго въ С. Петербургъ на чреду священнослуженія и слова Божія, исправлялъ за него должности Ректора и профессора богословскихъ наукъ. Когда же Іосифъ ноября 9 того года былъ хиротонисанъ въ Епископа Архангелогородскаго; то Подлипскій былъ опредѣленъ въ Ректора и профессора на Богословіе. 1820 года марта 1 переведенъ въ настоятеля Переяславскаго Данилова монастыря. Кромѣ того, будучи Ректоромъ, присутствовалъ въ Владимірской Консисторіи, былъ попечителемъ тамошняго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія и благочиннымъ архимандричихъ монастырей. За ректорство Высочайше награжденъ Орденомъ Св. Анны 2 степени. 1830 года, мая 26, въ Москвѣ хиротонисанъ въ Епископа Костромскаго. 1832 года, ноября 5 признанъ почетнымъ членомъ Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; 1845 года, апрѣля 21, Высочайше награжденъ орденомъ Св. Анны 1 степени. 1836 года, сентября 26 переведенъ, въ санѣ Епископа на Черниговскую епархію. Сочинилъ и издалъ описанія монастырей: 1832 года Ипатскаго, 1834 Переяславскаго Данилова, 1835 Костромскаго Крестовоздвиженскаго Анастасіина, 1836 Луховскаго Николаевскаго и 1837 года Макаріева Унженскаго.

11. Владиміръ Алявдинъ, родился 1791 года, іюня 28, отъ священника города Владиміра, Успенскаго

Дѣвичяго монастыря. Послѣ обученія во Владимірской Семинаріи, въ сентябрѣ 1813 года, для дальнѣйшаго образованія, поступилъ въ Семинарію Троицко-Сергіевой лавры; при переименованіи той Семинаріи въ Московскую Духовную Академію, въ октябрѣ 1814 года, былъ оставленъ на четырехлѣтній курсъ. Съ 1818 года во Владимірской Семинаріи проходилъ разныя учительскія должности; тамъ, 1827 года января 7, поступилъ въ монашество и въ санѣ іеромонаха нѣсколько лѣтъ былъ инспекторомъ; послѣ того въ инспектора же переведенъ въ Пензенскую Семинарію. 1835 года, января 7, въ Кіевѣ хиротонисанъ въ Епископа Чигиринскаго, викарія Кіевской митрополіи; 1836 года, сентября 26 переведенъ на Костромскую епархію, а отсюда 1842 года, ноября 14, въ Тобольскую, въ санѣ Епископа, гдѣ и скончался 1845 года, мая 20.—

12. Виталій Щепотевъ, уроженецъ Тульской епархіи, сынъ священника; послѣ обученія въ Тульской Семинаріи, дальнѣйшее образованіе получилъ въ С. Петербургской Духовной Академіи. По окончаніи тамъ курса наукъ, со степенью магистра, и послѣ разныхъ профессорскихъ должностей, былъ въ Московской Семинаріи сначала инспекторомъ, потомъ Ректоромъ; въ эту пору былъ Архимандритомъ Заиконоспасскаго Московскаго Ставропигіальнаго монастыря; отсюда перемѣщенъ Ректоромъ въ С. Петербургскую Духовную Академію. 1837 года, іюня 23 нареченъ, а въ концѣ того мѣсяца хиротонисанъ въ Епископа Дмитровскаго, викарія Московской митрополіи. 1842 года, Ноября 14, переведенъ на Костромскую епархію. 1845 года, августа 11, по разстроенному здоровью, отъ епархіи Всемилостивѣйше уволенъ, съ опредѣленіемъ въ члена Московской Свя-

тѣйшаго Сѵнода конторы и съ назначеніемъ имѣть мѣстопребываніе въ Московскомъ Ставропигіальномъ Симоновомъ монастырѣ. Но по болѣзненному состоянію, не выѣзжая изъ Костромы, пребывалъ въ Ипатскомъ монастырѣ до самой кончины, послѣдовавшей 1846 года, января 29. Погребенъ его преемникомъ въ Лазаревской церкви Ипатскаго монастыря, подлѣ гроба Епископа Дамаскина Аскаронскаго.—

13. Іустинъ Михайловъ, уроженецъ Орловской епархіи, священническій сынъ. Изъ тамошней Семинаріи 1819 года для дальнѣйшаго образованія посланъ въ Кіевскую Духовную Академію, въ то время открытую по новому преобразованію. По окончаніи четырехлѣтняго курса наукъ, въ 1824-мъ году постриженъ въ монашество; проходилъ при Семинаріяхъ профессорскія должности, въ 1828 возведенъ въ санъ Архимандрита; нѣсколько лѣтъ былъ Ректоромъ Кіевской и Черниговской Семинаріи. Въ 1841-мъ году хиротонисанъ въ Епископа Винницкаго, викарія Подольской архіепископіи, отсюда въ 1842-мъ году перемѣщенъ въ Епископа Старорусскаго, викарія Новгородскаго и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Епископа Ревельскаго, викарія С. Петербургской митрополіи, а 1845 года, августа 11, переведенъ въ Епископа Костромскаго,- нынѣ онъ кавалеръ 1 степени Св. Анны и Св. Владиміра второй степени. 1850 года, февраля 25, переведенъ въ Епископа Владимірскаго, гдѣ доселѣ пребываетъ. Когда въ ужасный пожаръ города Костромы, 6 сентября 1847 года, Семинарія въ Богоявленскомъ монастырѣ сгорѣла; то изъ семинарской библіотеки большая часть сохранена единственно распорядительностію сего Архипастыря. Изъ Богоявленскаго монастыря Семинарія тогда же переведена въ каменныя зданія Успенскаго Собора, гдѣ вмѣстѣ

съ уѣзднымъ духовнымъ училищемъ въ двухъ огромныхъ корпусахъ она донынѣ помѣщается.

14. Леонидъ Зарѣцкій, уроженецъ города Калуги, сынъ священника тамошней церкви, называемой Зарѣцкою. Послѣ Калужской Семинаріи, 4 года обучался въ С. Петербургской Духовной Академіи; окончивъ курсъ академическій въ 1827, тогда и постриженъ въ монашество, проходилъ разныя профессорскія должности, потомъ былъ инспекторомъ Смоленской Семинаріи и Ректоромъ Могилевской. Въ 1842-мъ году хиротонисанъ въ Епископа Старорусскаго, викарія Новогородской митрополіи, переведенъ 1850 года, 25 февраля на Костромскую епархію; въ 1853-мъ году—на Екатеринославскую.

15. Филоѳей Успенскій, уроженецъ Ярославской епархіи, родился 1807 года отъ діакона села Закобякина, находящагося близъ границы Костромскаго уѣзда, въ 10 верстахъ отъ Костромскаго села Мискова. Изъ Ярославской Семинаріи для дальнѣйшаго образованія посланъ въ Московскую Духовную Академію. По полученіи степени магистра, нѣсколько лѣтъ былъ баккалавромъ Московской Академіи, инспекторомъ С. Петербургской Академіи; въ 1839 году возведенъ въ санъ Архимандрита; въ 1842-мъ году опредѣленъ Ректоромъ Харьковской, но вскорѣ переведенъ въ Ректора Виѳанской, послѣ Московской Симинаріи. Изъ Ректора Московской Семинаріи хиротонисанъ въ 1849 году въ Епископа Дмитровскаго, викарія Московской митрополіи; 1853 года, августа 19, перемѣщенъ въ Епископа Костромскаго. 1856 года, августа 26 присутствовалъ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ при коронованіи Государя Императора Александра Николаевича и награжденъ Всемилостивѣйше панагіею, осыпанною драгоцѣнными каменьями. 1857 года, февраля 15, переве-

денъ на Тверскую епархію и вызванъ для присутствія въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ.—

16. Платонъ Ѳивейскій, родился 1809 года, іюня 18, Московской губерніи, Коломенскаго уѣзда, въ селѣ Чанкахъ, обучался въ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ, потомъ въ Виѳанской Семинаріи, а съ 1830 въ Московской Духовной Академіи. Кончивъ курсъ Академіи съ степенью магистра, оставленъ былъ при Академіи баккалавромъ церковнаго краснорѣчія и пастырскаго Богословія. Въ 1834 году, сентября 8, постриженъ въ монашество, 14 посвященъ въ іеродіакона, а 16 въ іеромонаха. Въ 1836 году апрѣля 6, опредѣленъ въ число соборныхъ іеромонаховъ Московскаго Ставропигіальнаго Донскаго монастыря. Съ октября 1838 года былъ библіотекаремъ и дѣйствительнымъ членомъ конференціи академической; съ 16 сентября 1841 года поручено ему было исправленіе должности инспектора Академіи. Ноября 9 того же года произведенъ въ санъ Архимандрита. Въ январѣ 1842 года назначенъ Ректоромъ Казанской Семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ, и въ октябрѣ сдѣланъ вторымъ членомъ внѣшняго правленія Казанской Академіи. Въ апрѣлѣ 1843 года избранъ Королевскимъ Копенгагенскимъ Обществомъ сѣверныхъ антикваріевъ въ званіе члена Общества. Въ маѣ 1843 года переведенъ въ Орловскую Семинарію Ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ, и въ апрѣлѣ 1844 года, согласно собственному прошенію, по совершенно разстроенному здоровью уволенъ отъ должности Ректора и профессора Орловской Семинаріи, и перемѣщенъ на жительство въ Виленскій Святодуховъ монастырь, откуда, для поправленія здоровья, перемѣщенъ въ Подольскую епархію. Въ 1847 году назначенъ Рек-

торомъ Тамбовской Семинаріи и Архимандритомъ Козловскаго Троицкаго монастыря. 1852 года, декабря 3 дня, переведенъ во Владимірскую Семинарію Ректоромъ и профессоромъ съ назначеніемъ настоятелемъ второкласснаго Троицкаго Данилова монастыря. 1854 года былъ въ С. Петербургѣ на чредѣ священнослуженія и слова Божія. 1856 года, мая 24, хиротонисанъ въ епископа Старорусскаго, викарія Новогородскаго. Того же года, іюля 31 дня, переведенъ въ С. Петербургскаго, Епископа Ревельскаго. Съ сохраненіемъ степени Новгородскаго викарія 1857 года, февраля 15 дня, переведенъ въ Епископа Костромскаго (Примѣч. 38).

VIII.

Историческія происшествія.

Удѣльный Князь Василій Косой, по кончинѣ отца своего Галичскаго Князя Юрія Димитріевича, въ январѣ 1435 года разбитый близъ Ярославля на рѣкѣ Которосли, къ веснѣ явился въ Кострому съ новымъ войскомъ; туда прибылъ и Великій Князь Василій Темный и съ своею ратію расположился лагеремъ, *на мысѣ у святаго Ипатія, межи Волгою и Костромы, и нельзя битися имъ и взяша миръ, а весна тогда была вельми студена* (Примѣч. 39.) Съ весны 1609 года Ипатскій монастырь находился въ осадномъ состояніи. Еще въ 1608 году, декабря 28, панъ Лисовскій, съ ляхами и приверженцами сомозванца Тушинскаго, заняли Кострому. Хотя Лисовскій въ январѣ 1609 года отбылъ изъ Костромы въ Галичь; но въ Костромѣ осталась большая литовская сила съ тремя проломными пушками и полнымъ сороковымъ нарядомъ. Въ

первыхъ числахъ марта изъ Сѣверной Россіи войска патріотовъ подошли къ Костромѣ. Не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній, какъ въ то время избавилась Кострома отъ Поляковъ, кромѣ того, что они отсюда удалились въ Ипатскій монастырь, Кострому же сожгли и нѣкоторыхъ изъ жителей умертвили, въ томъ числѣ не пощадили и самыхъ иноковъ. Къ іюню патріотовъ собралось еще болѣе и Лисовскій нагорною стороною поспѣшилъ изъ-подъ Юрьевца подать помощь сообщникамъ, стѣсненнымъ въ Ипатскомъ монастырѣ, и сталъ лагеремъ въ Новоселкахъ—нынѣ село Селища,—но, не нашедши лодокъ переправиться чрезъ Волгу, не только остался, какъ и у Юрьева, празднымъ зрителемъ истребленія своихъ клевретовъ, но и самъ потерпѣлъ не малое пораженіе изъ большаго наряда, расположеннаго въ Костромѣ. Предводитель патріотовъ воевода Жеребцовъ 11 іюня перешелъ рѣку Кострому; тамъ изъ наряду стрѣлялъ по непріятельскимъ таборамъ, выбилъ изъ становъ, раскинутыхъ по правому берегу рѣки Костромы, и побилъ много людей и лошадей. хотя приверженцы Тушинскаго, со времени приближенія Лисовскаго, сражались на смерть, дѣлая день и ночь изъ Ипатскаго монастыря отчаянныя выласки, но принуждены сдаться въ плѣнъ патріотамъ (Примѣч. 40.).

1613 года, марта 14, Ипатскій монастырь получилъ особенную извѣстность и значительность по случаю возведенія въ немъ на царство Государя Михаила Ѳеодоровича. Съ самаго малолѣтства Михаилъ подвергался безвинно сильнымъ гоненіямъ. На шестомъ году своей жизни, за ссылкою отца и матери, Царемъ Борисомъ, оторванный отъ объятій родительскихъ, Михаилъ, по распоряженію сего Государя, жилъ у роднаго дяди, Князя Бориса Черкасскаго, находившагося также въ

ссылкѣ на Бѣлѣозерѣ. Когда Черкасскій, тамъ въ половинѣ 1602 года, скончался, Царь вдовѣ послѣ него, княгинѣ Марѳѣ Никитишнѣ, съ Михаиломъ позволилъ жить въ вотчинѣ Романовыхъ, Юрьевскаго уѣзда, въ селѣ Клинѣ, за Приставомъ Давидомъ жеребцовымъ (Прим. 41). По смерти Бориса Годунова, съ облегченіемъ участи Романовыхъ самозванцемъ Отрепьевымъ и Царемъ Василіемъ Шуйскимъ, инокиня Марѳа Іоанновна, съ сыномъ Михаиломъ, гдѣ проживала, въ своей ли Костромской вотчинѣ-селѣ Домнинѣ, доставшейся ей отъ дѣда своего Василія Михайловича и отца Ивана Васильевича Шестовыхъ (Прим. 42.), или въ другомъ мѣстѣ, неизвѣстно, только не въ Ипатскомъ монастырѣ, какъ нѣкоторые утверждаютъ (Примѣч. 43.). Въ исходѣ 1610 года они проживали въ Москвѣ, и тамъ Поляками, при занятіи столицы, были захвачены вмѣстѣ съ Михаиломъ и прочими знаменитыми боярами и преданы крѣпкому сохраненію приставовъ. Изъ этого Московскаго плѣна свободу получили не ранѣе, какъ въ октябрѣ 1612 года, когда Князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій взошелъ въ кремль, отданный ему Поляками. Тогда Марѳа Іоанновна съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ отправилась въ свою Домнинскую вотчину. Здѣсь мать и сынъ проживали до того времени, какъ получили извѣстіе о высокомъ избраніи. Но прежде, нежели послы прибыли приглашать Михаила на царство, Поляки и Литовцы тайно пробрались въ Домнинскую отчину въ намѣреніи убить его; довѣдывали у крестьянина Ивана Сусанина, гдѣ находится бояринъ его Михаилъ Ѳеодоровичь; но Сусанинъ, зная о мѣстѣ, гдѣ скрывается Михаилъ, сочелъ за лучшее претерпѣть смерть, чѣмъ открыть такой важности Государственную тайну. Сохранились два рукописныя сказанія о патріоти-

ческомъ поступкѣ Сусанина: первое, что Сусанинъ, Михаила Θеодоровича, при приближеніи убійцъ, увезъ изъ барскаго дома въ свою деревню; тамъ скрылъ его въ ямѣ послѣ сгорѣвшаго за нѣсколько передъ тѣмъ дней овина, завалилъ Царя обгорѣлышами. Второе, болѣе принятое въ новѣйшее время: убійцы, встрѣтившись на дорогѣ съ Сусанинымъ, велѣли, чтобы онъ довелъ ихъ до жительства Михаилова; но Сусанинъ повелъ ихъ въ противную сторону; между тѣмъ обвечеряли и остановились ночевать.—Зять Сусанина, искавши тестя, ночью нашелъ его съ убійцами. Чрезъ ноги спящихъ тихо прошедши, Сусанинъ велѣлъ зятю извѣстить Михаила Θеодоровича объ угрожающей смерти. Послѣ того, на другой день водивши Поляковъ околицами, Сусанинъ довелъ ихъ до села Исупова. Здѣсь убійцы отъ жителей навѣдались, что усадьба Михаилова отъ Исупова въ десяти верстахъ, и тутъ же за патріотическій обманъ убили Сусанина (Примѣч. 44.). Между тѣмъ Михаилъ Θеодоровичь скрылся въ Ипатскомъ монастырѣ (Примѣч. 45.). Приглашать Михаила Θеодоровича на престолъ 2 марта 1613 года отправились изъ Москвы въ Кострому знаменитые сановники государства; изъ духовенства: Θеодоритъ Архіепископъ Рязанскій, Архимандриты знаменитыхъ монастырей, Чудова Аврамій, Новоспасскаго Іосифъ, Симонова Павелъ, Сергіевой лавры келарь Аврамій Палицынъ; протоіереи и ключари Московскихъ Соборовъ, Благовѣщенскаго и Архангельскаго и протоіерей Николы Зарайскаго; отъ царскаго Синклита бояре: Θедоръ Ивановичь Шереметевъ, знаменитый предводитель войскъ противъ сообщниковъ Тушинскаго, Князь Владиміръ Ивановичь Бохтеяровъ-Ростовскій, окольничій Θедоръ Васильевичь Головинъ, дьякъ Андрей Варѣевъ, *и всѣхъ чиновъ*

множество (Примѣч. 46.). Посольство, 13 числа того марта, въ вечерни прибыло въ Кострому и, не доѣзжая до города версты двѣ, остановилось въ селѣ Новоселки, гдѣ въ ту пору находился домъ князя Ивана Михайловича Глинскаго, сына знаменитого паредворца, князя Михаила Глинскаго, роднаго дяди Царя Іоанна IV. Весь городъ пришелъ въ движеніе, во одно мгновеніе узнавъ о прибытіи и причинѣ посольства. Въ тотъ же день Костромичи спѣшили въ Новоселки для того, чтобы сопутствовать свитѣ въ то мѣсто, гдѣ имѣлъ пребываніе Михаилъ Ѳеодоровичь. Но торжественное шествіе отложено, по назначенію его, до слѣдующаго дня. 14 марта, въ воскресенье четвертой недѣли Великаго поста, по отпѣтіи заутрени, Архіепископъ Ѳеодоритъ, съ духовнымъ соборомъ, облачился въ священныя одѣянія, а чины посольства взяли принесенныя съ собою иконы, и такимъ образомъ, при колокольномъ звонѣ въ Костромѣ и ближайшихъ селахъ, отправились къ Ипатскому монастырю. Между тѣмъ, какъ священная процессія подходила къ устью, гдѣ рѣка Кострома сливаетъ свои воды съ Волжскими, называемому Стрѣлка, въ это время Костромское духовенство, также въ облаченіи, вышло изъ Собора съ чудотворною Ѳеодоровскою иконою Богородицы, какъ святою хоругвію города, въ сопутствіи многочисленнаго народа, и соединилось съ посольствомъ (Примѣч. 47.). Внѣ монастырскихъ воротъ, называемыхъ Святыми, печально стоялъ Михаилъ съ своею родительницею, вышедши на срѣтеніе священному шествію, вмѣстѣ съ иноками, вынесшими при Ипатіевскомъ звонѣ также иконы. Воспитанный въ отеческомъ благочестіи, при видѣ святыни, съ слезами на глазахъ, обреченный на царство юноша палъ на колѣни; долго лежалъ на земли, потомъ принялъ

благословеніе у Θеодорита, въ то время осѣнившаго его съ родительницею Животворящимъ крестомъ. Послѣ привѣтственной рѣчи послы подали избирательную отъ всея Россіи грамоту. Духовный соборъ, синклитъ и народъ въ безмолвіи ожидали утвердительнаго отвѣта. Но какое поразило всѣхъ горестное изумленіе! Сынъ и мать грамоту не приняли и не хотѣли слышать о санѣ царскомъ, на которое такъ торжественно и единодушно избрала вся Россія. Даже отреклись итти за иконами. Съ большимъ трудомъ обоихъ умолили взойти въ соборный храмъ, куда чрезвычайная процессія направляла свое шествіе (Примѣч. 48.). Народъ не помѣстился въ церкви, но занялъ монастырь, даже стоялъ во множествѣ за монастыремъ. Поставивъ всѣ три иконы на приличномъ мѣстѣ, соборъ священнослужителей началъ молебное пѣніе. Между тѣмъ синклитъ и выборы городовъ слезно просили инокиню Марθу Іоанновну отдать сына на царство, а Михаила Θеодоровича принять санъ царскій (Примѣч. 49.). Представивъ несовершенство своихъ лѣтъ, непостоянство народа, очернившаго себя измѣною при послѣднихъ царяхъ, крайнее состояніе Россіи, раззоренной Поляками, Шведами и Русскими измѣнниками, наконецъ, что ему не возможно принять скипетра безъ благословенія родителя и противъ воли народа, у коего въ темницѣ томится его отецъ Ростовскій Митрополитъ Филаретъ Никитичь,—Михаилъ Θеодоровичь рѣшительно отказался отъ царскаго престола. Послѣ молебна, прерываемаго всеобщимъ плачемъ, Архіепископъ и весь соборъ въ священномъ облаченіи обратился къ избранному Царю и совокупно съ синклитомъ и народомъ возобновили усильныя моленія. Θеодоритъ въ продолжительной рѣчи, плодовитой силою витійства и убѣжденій, пред-

ставивъ Михаилу, что многіе христіанскіе государи прежде не имѣли желанія царствовать, но скипетръ принимали по единогласному прошенію народа,« коего гласъ есть гласъ Божій»; приводилъ свидѣтельства изъ Библіи: о Давидѣ, помазанномъ на царство, государѣ сильномъ во Израили, объ Іосифѣ, неволею приведенномъ въ Египетъ, но послѣ управлявшемъ тою землею;—изъ Греческой исторіи о Константинѣ, первѣе всѣхъ просіявшемъ православіемъ и увѣнчанномъ отъ Бога, кромѣ вѣнца земнаго, небеснымъ,—о славномъ Ѳеодосіи Великомъ, одѣянномъ отъ Граціана въ порфиру,—о мудромъ Царѣ Маркіанѣ, бывшемъ прежде воиномъ,—объ Іустинѣ, Тиверіи и Маврикіи (Примѣч. 50.). Но ничто не поколебало твердое намѣреніе не принимать короны. Около шести часовъ убѣждали, молили, но все слышали тотъ же отказъ. Ужасъ и отчаяніе господствовали въ храмѣ и внѣ онаго. Наконецъ соборъ Святителей, отошедши къ олтарю и взявъ на руки принесенныя иконы, Ѳеодоритъ—Богоматери, написанную святымъ Петромъ, Митрополитомъ всея Россіи, Аврамій Палицынъ—трехъ Московскихъ Святителей, съ духовенствомъ, синклитомъ и выборами городовъ, въ слезахъ подошли къ тому мѣсту, гдѣ, также съ слезами на глазахъ, стоялъ Михаилъ. (Примѣч. 51.). Ѳеодоритъ, Аврамій, съ послами, обратившись къ Царю, твердымъ голосомъ произнесли: «не будь противенъ воли Божіей: не мы «предприняли сей подвигъ, но Пречистая Божія «Матерь возлюбила тебя; устыдись пришествія Ея.» (Примѣч. 52.). Необыкновенное движеніе хоругвій, неожиданный гласъ Святителей и посольства всеобщее рыданіе поколебало твердость Михаилову, который въ тоже время пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стояла его родительница. Между тѣмъ народъ въ монастырѣ и за

монастыремъ, упавши на землю, громкимъ голосомъ требовалъ умилостивиться надъ остаткомъ рода христіанскаго. Матери въ плачѣ бросили грудныхъ дѣтей на землю и не внимали плачу ихъ (Примѣч. 53.). Голосъ вопіющаго въ слезахъ безчисленнаго народа раздавался въ стѣнахъ храма, гдѣ также всѣ умоляли и рыдали. Архіепископъ и весь соборъ священнослужителей, бояре и выборы городовъ пали на колѣни предъ матерію Михаила, и именемъ Божіимъ, Церкви и отечества неотступно просили отдать сына для утѣшенія милліоновъ народа, несчастнаго, раззореннаго. Наконецъ услышали милостивое слово; инокиня Марѳа Іоанновна согласилась отдать сына на царство; и когда юноша еще страшился принять санъ великій, то она, предлагая ему матернія убѣжденія, заключила оныя сими словами: « Исполни волю Божію; это Божіе дѣло, а не человѣческій разумъ». Михаилъ изрекъ: «буди тако, если это воля Божія». Тогда нѣжная мать, взявъ его за руку, въ рыданіи преклонивъ съ нимъ колѣна предъ образомъ Заступницы Христіанъ, произнесла: « Тебѣ, Владычице, предаю сына моего, устрой полезная ему и всему Православному Христіанству.» Горестныя рыданія вдругъ превратились въ слезы радости. Давно на лицахъ Россіянъ не сіяло столь чистосердечное восхищеніе. На Царя въ тоже время возложили Животворящій крестъ, подали ему въ руку царскій жезлъ (Примѣч. 53.). Когда Государь сѣлъ на царскомъ стулѣ, тогда было произнесено многолѣтіе *Богоизбранному* Царю и всѣ чины приносили ему вѣрноподданническое поздравленіе. Въ память сего важнаго событія въ тотъ же день 14 марта 1613 года было установлено каждогодно праздновать Ѳеодоровской иконѣ Богородицы. До 1777 года служба Ѳеодоровской

иконѣ отправлялась на одно только обрѣтеніе ея, тогда же она переиначена протоіереемъ Іоанномъ Красовскимъ и приспособлена къ воцаренію Государя Михаила Ѳеодоровича (Примѣч. 55.).

1767 года, въ мѣсяцѣ маѣ Императрица Екатерина Великая, въ путешествіе свое по Волгѣ изъ Твери в Казань, посѣтила Ипатскій монастырь. Прибыла в Кострому прямо къ сей обители, 14 числа, въ 8 час по полудни, на галерѣ, называемой Тверь, въ сопровожденіи иностранныхъ министровъ: Австрійскаго, Прусскаго, Испанскаго, Датскаго и Шведскаго, и важнѣйшихъ вельможъ двора. Флотилія состояла изъ 6 галеръ и 5 судовъ, и во все трехдневное пребываніе Монархини, стояла предъ Ипатскимъ монастыремъ При приближеніи къ обители была встрѣчена Костромскимъ Епископомъ Дамаскинымъ Аскаронскимъ вышедшимъ на пристань съ св. иконами. Но изшествіе Императрицы изъ галеры на берегъ отложено до утра. Съ такою же процессіею 15 числа, въ 7 часу утра, Владыка изъ обители вышелъ на берегъ, гдѣ и ожидалъ прибытія Государыни къ монастырю. Въ 9 часовъ, при пушечной пальбѣ, колоколенномъ звонѣ и народномъ крикѣ: «ура!» Императрица сѣла на шлюбку и при выходѣ изъ оной Его Преосвященствомъ въ Святыхъ воротахъ привѣтствована рѣчью. Литургію, совершаемую Владыкою, слушала въ Каѳедральномъ Троицкомъ Соборѣ, на царскомъ мѣстѣ, присланномъ отъ Царя Михаила Ѳеодоровича, и собранномъ передъ прибытіемъ Императрицы. Послѣ литургіи Монархиня, со всею свитою прошла въ архіерейскіе покои, гдѣ былъ приготовленъ торжественный обѣдъ. Здѣсь Генералъ-поручикъ Александръ Ильичь Бибиковъ, отъ Костромскаго дворянства назначенный присутствовать въ Москвѣ депутатомъ въ комиссіи сочине-

нія новаго уложенія, произнесъ Императрицѣ привѣтственную рѣчь. Послѣ чего какъ Бибиковъ, такъ и Костромское дворянство удостоились у Государыни цѣловать руку, а дамы щеку. Потомъ приведенные Архіереемъ четыре семинариста произнесли рѣчи на языкахъ: еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ и русскомъ, и также допущены къ рукѣ. При чемъ Владыка поднесъ Государынѣ св. икону и богословскія сочиненія. За обѣденнымъ столомъ Преосвященный Епископъ Дамаскинъ сидѣлъ подлѣ Императрицы. Послѣ перваго кушанья Генералъ Бибиковъ и знаменитые Костромскіе дворяне на колѣняхъ пили за здоровье Монархини бокалы Бургонскаго вина; послѣ того депутаты Золотухинъ и Зюзинъ поднесли Императрицѣ бокалъ, который, принявъ милостиво, кушала за здоровье Костромскаго дворянства, чему послѣдовали иностранные министры и вся свита. Выходя изъ архіерейскихъ покоевъ, Императрица объявила, что городу Костромѣ она жалуетъ гербъ, изображающій въ голубомъ полѣ пловущую галеру, какъ символъ ея путешествія. Послѣ того въ шлюбкѣ отправилась въ Кострому; къ вечеру прибыла опять на галеру, гдѣ къ ужину пригласила Генерала Бибикова и депутатовъ Костромскаго дворянства. Надругой день 16 числа, въ 7 часу утра, флотилія отъ Ипатскаго монастыря съ высокою путешественницею снялась съ якоря и отправилась въ низъ по Волгѣ. При этомъ посѣщеніи Императрица Ипатскому монастырю пожаловала 3 тысячи рублей.

1817 года, августа 19, проѣздомъ изъ Ярославля въ низовыя губерніи, посѣтилъ Ипатскій монастырь Великій Князь Михаилъ Павловичь, сопутствуемый знаменитымъ полководцемъ, Княземъ Варшавскимъ,

Иваномъ Ѳедоровичемъ Паскевичемъ Эриванскимъ. Тогда на Костромской епархіи Владыки не было, и по стеченію обстоятельствъ, въ санъ Костромскаго Епископа именно въ этотъ самый день посвященъ въ столицѣ Самуилъ платоновъ-Запольскій, а потому высокаго Путешественника съ духовною процессіею у воротъ Зеленой башни встрѣчалъ Каѳедральный протоіерей Даніилъ Груздевъ, произнесшій тутъ привѣтственную рѣчь. Въ Троицкомъ Соборѣ, приложась св. иконамъ, Его Высочество изъ Ипатскаго монастыря поспѣшилъ по вечернему времени въ Кострому. На другой день опять прибылъ въ Ипатскій Троицкій Соборъ и съ любопытствомъ разсматривалъ монастырскія древности. Будучи въ покояхъ, гдѣ, по преданію имѣлъ пребываніе Государь Михаилъ Ѳеодоровичь, удивлялся простотѣ ихъ, и произнесъ: «вотъ каковы были царскіе чертоги!» Примѣтивъ здѣсь въ сводахъ щели, поправку оныхъ приказалъ отложить до прибытія самого Императора Александра Павловича, имѣвшаго намѣреніе быть въ Костромѣ.

1834 года, октября 7, въ пять часовъ по полудни, также проѣздомъ изъ Ярославля въ низовыя губерніи, посѣтилъ Ипатскій монастырь Императоръ Николай Павловичь; встрѣченъ Костромскимъ Епископомъ Павломъ Подлипскимъ привѣтственною рѣчью увходныхъ воротъ, коими проходила 1767 года Императрица Екатерина Великая. Прошелъ въ Троицкій Соборъ, гдѣ по осмотрѣ рѣдкостей посѣтилъ и покои Царя Михаила Ѳеодоровича; изъ монастыря отбылъ въ Кострому. Во время пребыванія его въ семъ городѣ, Костромское дворянство, чрезъ посредство Графа Бенкендорфа, представило Императору намѣреніе, напожертвованную чрезъ подписку сумму, соорудить

Царю Михаилу Θеодоровичу въ Ипатскамъ монастырѣ памятникъ; но Государю Императору угодно было повелѣть поставить оный въ самомъ городѣ Костромѣ, назвавъ самую площадь Сусанинскою, въ память Сусанина, извѣстнаго своею патріотическою смертію. Это посѣщеніе Монарха имѣло для обители благодѣтельныя послѣдствія: кромѣ возведенія обители на степень Московскаго Чудова монастыря, Государь предположилъ привести ипатскій монастырь въ видъ болѣе приличный его историческому значенію. Почему знаменитымъ архитекторомъ Тономъ составленъ на весь монастырь чертежъ, Высочайше утвержденный 1835 года, марта 31. Кромѣ наружныхъ построекъ на случай весеннаго водоразлитія, и перестройки нѣкоторыхъ башенъ, по этому чертежу Высочайше повелѣно на Троицкомъ Соборѣ устроить пять главъ и крышу въ томъ величественномъ видѣ, въ какомъ была обитель въ древнія времена; къ покоямъ Царя Михаила Θеодоровича придѣлать снаружи крыльцо, а въ срединѣ архіерейскаго дома, на мѣстѣ колоннады, сдѣлать Святыя ворота и надъ ними церковь Св. мученикъ Хрисанфа и Даріи, какъ празднуемыхъ въ 19 число марта, въ которое Царь Михаилъ Θеодоровичь выѣхалъ изъ обители въ Москву; соборяне выведены, и число монаховъ увеличено съ положеніемъ денежнаго оклада противъ Чудова монастыря.

1837 года, мая 14, Ипатскій монастырь былъ посѣщенъ Государемъ Наслѣдникомъ, нынѣ благополучно царствующимъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, прибывшимъ на канунѣ изъ Ростова чрезъ Шую и Нерехту въ Кострому. Высокій путешественникъ былъ встрѣченъ съ духовною церемоніею у входныхъ воротъ рѣчью Епископа Владиміра

Алявдина. Подробности любознательнаго обзора тѣ же, что и предшествовавшихъ Высочайшихъ посѣщеній. Въ кельяхъ Царя Михаила Ѳеодоровича Государемъ Наслѣдникомъ оставлена собственноручная записка: «съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ осма-«тривалъ тѣ кельи, въ коихъ, вмѣстѣ съ родитель-«ницею, жительствовалъ юный Михаилъ Ѳеодоро-«вичь Романовъ. Въ память дня моего пребыванія «въ нихъ оставляю сей листъ за подписаніемъ моимъ. «мая 14, 1837 года.» Записка вставлена въ раму, и какъ святыня, хранится въ первой комнатѣ тѣхъ царскихъ покоевъ.

1850 года, августа 9, монастырь посѣтили Великіе Князья Николай Николаевичь и Михаилъ Николаевичь (Прим. 56).

Съ 1701 года здѣсь проживали подъ строгимъ надзоромъ знаменитые братья Лихуды, іеромонахи Іоанникій и Софроній, вызванные изъ Греціи въ Россію Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ для основанія въ Москвѣ Академіи и преподаванія тамъ ученія. Кромѣ корыстолюбія, подавшаго объ нихъ неблагопріятное мнѣніе, ихъ обвиняли въ политическихъ интригахъ въ Константинополѣ, особенно по навѣтамъ въ этомъ отъ Іерусалимскаго Патріарха Досифея, частію справедливымъ. 1706 года у Государя Петра I испросилъ обоихъ братьевъ Новогородскій Митрополитъ Іовъ для основанія при тамошнемъ архіерейскомъ домѣ Греко-латино-славянскаго училища. Въ бытность въ Ипатскомъ монастырѣ Лихуды сочинили пространную греческую Грамматику, доселѣ уцѣлѣвшую въ рукописи. Изъ ученыхъ иноковъ сей обители извѣстенъ Кіевлянинъ Филаретъ

Риторовскій; имъ здѣсь въ половинѣ XVIII вѣка сочинена: « книга молебная, служба и чудеса Пресвя-« тыя Богородицы, славнаго Ея чудотворныя иконы « явленія на рѣкѣ Песочнѣ». Свидѣтельствована тогда Варлаамомъ Митрополитомъ Ростовскимъ; подлинникъ хранится въ Игрицкомъ Песошенскомъ монастырѣ (Примѣч. 57).

Съ августа 1654 года, ужасное моровое повѣтріе, опустошившее городъ Кострому, сдѣлало такое же пораженіе и въ Ипатскомъ монастырѣ съ прилегающею къ нему слободою (Примѣч. 58.).

ПРИМѢЧАНІЯ

1.) Прибытіе Князя Чета въ Россію, какъ важное событіе, внѣсено въ Лѣтописи; именно въ Рускомъ Времени, по изданію 1790, года, 1. 168. сказано »: того жъ лѣта—1330— пріѣха изо Орды « къ Великому Князю Ивану Даниловичу служити Князь именемъ Четъ, и восхотѣ креститися, и во крещеніи нареченъ бысть Захарія, а у Захаріи сынъ Александръ, а у Александра сынъ Дмитрей Зерно, а у Зерно дѣти Иванъ, да Костантинъ, да Дмитрей; и отъ Ивана Дмитревича пошли Сабуровы, да Годуновы, да Вельяминовы.» Выраженіе» и восхотѣ креститися» опровергаетъ мнѣніе новѣйшихъ писателей, утверждающихъ, что спасительную вѣру Іисуса Христа Четъ принялъ еще до прибытія въ Россію въ ордѣ отъ рукъ Святителя, Митрополита Петра, скончавшагося до 1330, года за четыре. Крещеніе Чета Святителемъ Петромъ не допущаетъ и Карамзинъ въ Истор. Росс. Госуд. IV, примѣч. 189.

2.) Въ Древнемъ Синодикѣ Ипатскаго монастыря записано:» и во въ вторый день сентября поминать начальниковъ обители аа: Князя Чета, во Святомъ крещеніи захарія и дѣтей Его»—такъ обыкновенно въ поминанникахъ назывались не дѣти собственно,а потомки,—«Александра, Димитрія Зерна, Веніамина,»—это родоначальникъ Вельяминовыхъ, Ивана Годунова, Іоанна Краснаго, Іоанна Подольскаго, Даніила Подольскаго, Ѳедора Веніаминова, Михаила убіеннаго.» Выраженіе «*Начальниковъ обители*,» показываютъ, что всѣ они принимали усердное участіе въ устроеніи обители, а означеніе 2 сентября ведетъ къ заключенію, не въ это ли число, на мѣстѣ, гдѣ обитель, Четъ видѣлъ чудное явленіе св. иконы; впрочемъ это еще догадка.

3.) Вклады богатыми вотчинами въ Ипатскій монастырь около Костромы отъ собуровыхъ, Пѣшковыхъ и Годуновыхъ подаютъ мысль, что всѣ сіи дворяне получили эти вотчины отъ своего родоначальника Чета, на-

гражденнаго оными по прибытіи его въ Россію, отъ Іоанна Даниловича, въ эту пору уже владѣвшаго Костромою. Труднѣе повѣрить, что потомство Чета именно около Костромы пріобрѣло уже въ послѣдствіи времени такія обширныя имѣнія, а по всему видно, что потомкамъ Чета, составлявшимъ разные домы, достались по его собственному раздѣлу еще до кончины.—Съ самаго водворенія потомства Четова въ Россіи,— оно пользовалось высокимъ довѣріемъ Московскихъ государей.—При Великомъ Князѣ Димитріи Іоанновичѣ Донскомъ Василій Васильевичь Вельяминовъ занималъ санъ Тысячскаго въ Москвѣ,—чинъ самый верховный въ тогдашнее время! Жена этого Вельяминова, скончавшагося 1374 года, вдова Марья Вельяминова 1389 года была воспріемницею у сына Донскаго Константина Дмитріевича. Лѣтоп. Никон. списк. IV, 39, 184. Ист. Росс. Госуд. Карамз. V по Ейнерл. стран. 60, примѣч. 36. Что Константинъ Дмитріевичь Сабуровъ былъ Чету правнукъ, это видно изъ описан. Ипат. мон. 1832, стран. 65. По Лѣтописямъ и актамъ его невидно; но дѣти его: Иванъ Констастиновичь былъ Дворецкимъ, а Юрій Константиновичь съ 1505 года бояриномъ,—то-есть, Государя Василія Іоанновича. Росс. Вивліоѳ. XX, 13; Ист. Росс. Госуд. Карамзина, VII, по Ейнерл. стран. 89; о Михайлѣ Ѳеод. Сабуровѣ, Русск. Времен. 1790, 11, 19, Росс. Вивліоѳ XX, 2; о Князѣ Давидѣ Ѳеод Палецкомъ Истор. Сборн. Обществ. Ист. и Древн. Росс. 11, 10, 236, 274;—о Петрѣ Иван. Шетневѣ Росс. Вивліоѳ, VI. 466; о Семенѣ Дмитріевичѣ Пѣшковѣ, именовавшемся иногда Сабуровымъ-Пѣшковымъ, Росс. Вивл XX, 37, 44. Русск. Ист. Сбор. Общ. Ист. и Древн. Росс. 11, 236, 274. Изъ рода Годуновыхъ первый на историческомъ поприщѣ является Василій Годуновъ 1519 года, воевода въ войну Россіи противъ Литвы: Ист. Россійск. Госуд. Карамз. по Ейнерл. VII, стр. 63. Въ исходѣ XVI вѣка изъ Годуновыхъ въ спискѣ знаменитыхъ Бояръ писаны въ царствованіе Іоанна IV Дмитрій Ивановичь 1571 года постельничимъ, 1573 окольничимъ, 1578 бояриномъ; Борисъ Ѳедоровичь 1578 крайчимъ, 1580 бояриномъ; Степанъ Васильевичь 1576 окольничимъ, Иванъ Васильевичь 1581 окольничимъ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, 1584 Борисъ Ѳедоровичь конюшимъ, и многіе другіе изъ Годуновыхъ. Росс. Вивл. XX,—51—61.

4.) Доселѣ извѣстны четыре описанія Ипатскаго монастыря: первое,

доселѣ остающееся рукописнымъ, подъ заглавіемъ: «Исторія о Ипатскомъ монастырѣ»; второе напечатано въ исторіи Росс. Іерархіи II, стран. 632—658. По упоминанію въ томъ и другомъ о Костромскомъ Епископѣ Евгеніи, видно, что оба сочинены въ началѣ текущаго столѣтія. Третіе напечатано въ Отечеств. Запискахъ Павла Петровича Свиньина за 1819 годъ; четвертое издано 1832 года особою книжкою. Въ этихъ трехъ описаніяхъ, кромѣ изданія 1832 года, повѣствуется, что Четъ построилъ только одну деревянную церковь. Предположеніе о дубовой стѣнѣ въ древнія времена окружавшей обитель, допустить можно. Въ началѣ текущаго столѣтія, въ верстѣ отъ монастыря, по Ярославской луговою стороною дорогѣ, находился на небольшое пространство дубовый лѣсъ, гдѣ еще 1813 года видѣнъ былъ вкопаннымъ высокій дубовый столбъ съ вырубленнымъ мѣстомъ для Чудотворной Ѳеодоровской иконы Богородицы,- поставленной въ сраженіи Костромичанъ съ Татарами, близь Святаго озера, въ полуверстѣ отъ Андреевской слободы на сѣверъ, 1813 года стояло около десяти огромныхъ дубовъ—остатокъ дубоваго лѣса; въ древности окружавшаго съ сѣверозапада Ипатскій монастырь. Трудно допустить, чтобы Четъ весь монастырь, кромѣ ограды, устроилъ каменный, въ такое время, когда каменныя постройки воздвигались весьма рѣдко; кромѣ Новгорода,—въ первой половинѣ XIV вѣка усматриваемъ только каменныя зданія въ одномъ Московскомъ кремлѣ—это Спасъ на бору и Успенскій Соборъ, по непрочности перестроенный при Государѣ Іоаннѣ II. Въ печатномъ описаніи 1832 года сказано, что часть каменныхъ монашескихъ келей строена Четомъ. Но архитектура келей не слишкомъ древная, и весьма вѣроятно, что онѣ складены во 2 половинѣ XVI вѣка,—какъ это самое утверждаетъ рукописная исторія о Ипатскомъ монастырѣ. Описаніе онаго въ истор. Росс. Іерарх. 11, 638, гдѣ постройка каменныхъ келей приписана 1586 году.—

5. Въ рукописной исторіи объ Ипатскомъ монастырѣ сказано, что въ кладной книгѣ, составленной іеродіакономъ Антоніемъ Москвитяниномъ, упоминается въ 7067 году о трапезѣ каменной, а въ 7072 о каменной церкви, а потому составитель исторіи о монастырѣ почитаетъ вѣроятнымъ, что Рождественская каменная церковь построена каменною отъ 7067 по 7072 годъ. Въ надписи о построеніи ограды Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ, по описанію напечатанному 1832, о построеніи въ это время каменныхъ келей не сказано, а

сказано по описанію, помѣщенному во 2 томѣ исторіи Россійск. Іерархіи, и рукописной исторіи объ Ипатскомъ монастырѣ. Въ исторіи Костром. Іерархіи соч. префекта Красовскаго, о постройкахъ Епископа Дамаскина Аскаронскаго въ Ипатскомъ монастырѣ сказано «также отъ Архіерейскихъ каменныхъ покоевъ къ западу надъ « преждебывшими братскими каменными объ одномъ апартаментѣ кель- « ями, построенъ другой апартаментъ каменной же, въ немъ шесть « келей, съ накатными потолоками, внутри и извнѣ подмазаны, штуки « щекотурною работою, покрыты тесомъ». Надобно полагать, что здѣсь сочинитель говоритъ о кельяхъ, построенныхъ на западъ отъ Святыхъ воротъ; потому что каменный корпусъ какъ съ восточной стороны-такъ и на заворотъ на западной въ то время назывался вообще архіерейскимъ домомъ. Архитектура каменной стройки архіерейскаго дома гораздо древнѣе, чѣмъ келей, расположенныхъ отъ Св. воротъ на западъ. О колокольницѣ надъ келарскими кельями въ описаніи Ипатскаго монастыря, напечатанномъ 1832, стран. 17 и 18; о старинныхъ колоколахъ тамъ же, стран. 18—20.

6.) Не извѣстно, откуда занято изложенное въ новѣйшихъ описаніяхъ Ипатскаго монастыря свѣдѣніе о томъ, что Зеленая башня въ новомъ городѣ будто бы устроена въ память изшествія Царя Михаила Ѳедоровича изъ монастыря въ Москву. 1817 года въ привѣтственной рѣчи Великому Князю Михаилу Павловичу, произнесенной въ открытыхъ воротахъ той башни Ипатскимъ протоіереемъ Даніиломъ Груздевымъ, сказано, что именно этими воротами изшелъ Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Тогда этихъ воротъ и въ зачинѣ еще не было, да и въ мартѣ, какъ въ зимнее время, тутъ дороги въ Москву не бываетъ, а она какъ и нынѣ, такъ вѣрно и тогда, лежала съ другой стороны, именно отъ рѣки Костромы между слободами Ипатскою и Андреевскою—на деревню Святое.

7.) Въ исторіи Костромск. Іерархіи, сочин. префектомъ Красовскимъ.

8.) Въ описаніи Ипатскаго монастыря, напечатанномъ 1832 г. стран. 9, сказано несправедливо, что три Шведскія медали пожалованы Царемъ въ память заключенія мира съ Швеціею. Медали приложены въ февралѣ 1616 года, какъ это вычеканено на дощечкахъ, приложенныхъ къ тѣмъ медалямъ; а со Швеціею заключенъ миръ послѣ того чрезъ годъ, именно 1617.

9.) Описан. Московскаго Успенскаго Собора, напечат. 1783 г. стран. 18.

10.) Исторія Костромской Іерархіи, составленная префектомъ Красовскимъ.—

11.) Свиньинъ въ описаніи Ипатскаго монастыря неосновательно говоритъ, что на западныхъ вратахъ находилась церковь,—которая не вѣроятно служила Марѳѣ Ивановнѣ, матери Царя Михаила Ѳеодоровича, вмѣсто домовой, ибо изъ ея келей былъ прямо ходъ въ оную. Должно полагать, что она разрушена при расширеніи монастырской ограды. Это одна догадка, а указаній о существованіи на этихъ воротахъ церкви ни какихъ нѣтъ.

12.) Начетвероугольномъ столбѣ а) несправедливо сказано: *колоколъ въ 600 пудъ вкладъ матери Царя Бориса Годунова*. Колоколъ въ 600 пудъ слитъ въ 1647 году, а до сего колокола самый большій точно приложенъ матерью Бориса, но во сколько пудъ, не извѣстно, и нынѣ его уже давнымъ давно нѣтъ. *Съ 1606 года Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ здѣсь пребывалъ съ своею матерію. Икона Тихвинскія Божія Матери принесенная посольствомъ 1613 года*. Посольство изъ Москвы тогда отправилось только съ двумя иконами: Богородицы, юже написа Петръ Митрополитъ и съ образомъ Великихъ чудотворцевъ, Петра, Алексія и Іоны». Сказаніе о Самозванцахъ, во Временникѣ Общ. Истр. и Древн. Росс. книг. 16. стран. 135. при Святителѣ Петрѣ Митрополитѣ еще не было Тихвинской иконы Богородицы, и этотъ св. образъ послѣ него прославился гораздо послѣ. *Хоругви—вкладъ Царя Алексія Михайловича*. Одна хоругвь приложена симъ Государемъ, а не нѣсколько. б) *Обитель посѣщали Государи Дмитрій Донскій съ супругою и дѣтьми, Василій Дмитревичь и Василій Темный*. О сихъ посѣщеніяхъ ни гдѣ ни слова. *Зеленая Башня построена на томъ мѣстѣ, до коего Царь Михаилъ Ѳеодоровичь шелъ пѣшій при отбытіи въ Москву. Пушки и пищали хранящіяся съ 16 столѣтія»*, съ котораго именно времени въ монастырѣ, объ этомъ нѣтъ ни какой видимости. Къ случаю помѣстить здѣсь, будтобы, въ память пребыванія въ монастырѣ Государя Василія Димитріевича, хранилось здѣсь Великокняжеское мѣсто и на это до мѣсто при воцареніи былъ возведенъ Михаилъ Ѳеодоровичь, какъ объ этомъ напечатано въ описаніи Ипатскаго монастыря въ истор. Росс. Іе-

рархіи 11, 645. Это извѣстіе повторилъ и Свиньинъ въ Отеч. Записк. въ описан. этой обители. Объ этомъ мѣстѣ ни какихъ нѣтъ старинныхъ сказаній, а вѣрно эту небылицу взяли изъ выраженія лѣтописей о воцареніи Михаила Ѳеодоровича: « и сѣде на стулѣ царскомъ ».

13.) Юридич. Акт. стран. 411.

14.) Журн. Мин. народн. просв. 1850, ноябрь, стран. 109.—

15.) Истор. Костром. Іерарх. соч. префекта Красовскаго.

16.) Костромск. Губерн. Вѣдомости, 1840 г. № 40.

17.) Журн. Мин. народ. просв. 1837, октября, стр. 576.

18.) О Гуріи Ступишинѣ Госуд. Грам. 1, 587, 598, 11, 99; Археогр. акт. 11, 42; описан. Ипат. монаст. 1832, стран. 82.

19.) О прочихъ Строителяхъ въ описан. Ипат. монаст. 1832, стран. 25. 75. Объ Ипат. Стряпчихъ и Приставѣ, Юридич. акт. стран. 284, 306, 333. Таковъ Строитель въ нашей сторонѣ въ Унженскомъ Макаріевомъ монастырѣ изъ дворянъ старецъ Давидъ Хвостовъ, опредѣленный въ исходѣ XVI вѣка Царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ; при немъ тамъ своимъ чередомъ были игумены.

20.) Описан. Ипат. монаст. 1832, стран. 112, 113.

21.) Юридич. актовъ, стран. 304.

22.) Археогрф. актов. IV, 221.

23.) Въ выдачѣ вѣнечныхъ памятей протоіереемъ Костромскаго Собора Царскою грамотою отъ 15 Сентября 1585 года означены монастыри и церкви, коимъ было предоставлено право самимъ выдавать тѣ памяти и собирать вѣнечныя пошлины, но о Ипатскомъ монастырѣ въ этой грамотѣ ни слова; слѣдовательно до Марта 1602 года крестьянамъ Ипатскаго монастыря вѣнечныя памяти выдавались и пошлины взимались не сею обителью, а тѣмъ протоіереемъ или десятоначальниками. Достойно примѣчанія, что 1585 года, по соборному уложенію, взималось вѣнечныхъ пошлинъ съ холостаго по 10 денегъ, со вдовца по два алтына. Описан. Костром. Каѳ. Успенск. Собора 1855, стран. 199. Изъ этого видно, что чрезъ 17 лѣтъ при Патріархѣ всея Россіи Іовѣ, платежъ вѣнечныхъ пошлинъ увеличился болѣе, чѣмъ вдвое.

24.) Археограф. ак. 11, 46.

25.) Росс. Вивліоѳ. том. X и XI.

26.) Въ печатномъ описан. Ипатск. монастыря 1832, стран. 61, къ преимуществамъ онаго отнесено: со временъ Архимандритовъ, Архимандриты Ипатіевскіе были главными правителями всѣхъ монастырей, Соборовъ и приходскихъ церквей въ тогдашней Костромской провинціи, и даже нѣкоторыхъ монастырей другихъ епархій, какъ то: Переславскаго Горитскаго и Кириллова Бѣлоезерскаго, и предсѣдательствовали въ десятильничемъ дворѣ.» На эти преимущества въ примѣчаніяхъ 14 и 15 въ числѣ городовъ, подчиненныхъ Ипатскому Архимандриту поименованы Макарьевъ на Унжѣ, Галичъ, Чухлома и Солигаличь; а о подчиненности монастырей Горитскаго и Кириллова нѣсколько статей изъ грамоты поповскимъ старостамъ, данной Патріархомъ Адріаномъ отъ Іюля 1, 1698 года. Эта грамота ни мало не относилась исключительно къ Ипатскому Архимандриту, а былъ циркуляръ по всей Великороссіи, писана на имя Ипатскаго Архимандрита Паисія, потому что онъ на ту -пору правилъ Костромскою десятиною. Галичь же, Макарьевъ на Унжѣ, до 1778 года, времени открытія Костромскаго Намѣстничества, замѣняемый городомъ Унжею, Чухлома и Солигаличь до учрежденія въ Костромѣ епархіи, никогда не были въ подчиненности у Ипатскаго Архимандрита, какъ города Галичской области, такой же самостоятельной, какъ и Костромская. Да и въ Костромской области усматриваются разныя десятины, не подчиненныя однѣ другой, именно кромѣ собственно Костромской десятины, съ 1604 года, если не ранѣе, Плесская, со второй половины XVII вѣка Нерехотская, Судисловская, именовавшаяся въ XVII вѣкѣ луговою Судисловско-Плесскою десятиною, а съ 1703 Судисловскою. Да и въ Галичской области: собственно Галичская, отдѣльныя: Солигаличская и Унженская, обѣ упоминаются въ Археограф. акт. IV, 423, 424. Въ Костромскомъ десятильничемъ дворѣ не всегда засѣдали Ипатскіе настоятели, но Костромскіе-то Крестовоздвиженскіе, то Богоявленскіе, смотря потому, кто въ Патріаршій приказъ вносилъ болѣе сбора изъ неокладныхъ доходовъ. Что касается до монастырей Кирилло-Бѣлоезерскаго и Переславскаго Горитскаго, то они во всякое время считались изъ первыхъ въ Россіи, и были въ числѣ степенныхъ, коихъ было очень не много. Въ лѣствицѣ степенныхъ монастырей 1649 года Ипатскій монастырь писанъ 10, Кирилловъ-Бѣлоезерскій 13, а тотъ Горитскій 14. Истор. Росс. Іерарх. 11, стран. XXI, и XXII. Но 1598 года Кирилло-Бѣло-

езерскій настоятель показанъ 12, а Ипатскій 14. Археограф. Акт. 11, 46. Въ грамотѣ о избраніи Царя Михаила Ѳеодоровича Кирилло-Бѣлоезерскій игуменъ Матѳей подписался выше Ипатскаго Архимандрита Кирилла. Госуд. Грам. 1, 637.—

27.) О настоятельствѣ Тихона I въ мартѣ 1637 года упомин. въ рукописн. повѣсти о явленіи Ѳеодоровской иконы Богородицы, чудо 22.

28.) Объ Іосифѣ II, описан. Румянц. Музеума, стран. 628; рукоп. исторія объ Ипатскомъ монастырѣ, гдѣ сказано, что новый городъ строенъ при Архимандритѣ Авраміи « тщаніемъ прежде бывшаго Архимандрита, а въ то время строителя Іосифа.»

29.) О Тихонѣ II, скрижаль Патріарх. Никона. въ прибавлен. о соборѣ 1656 года.

30.) О Кириллѣ II, дополнен. къ Историч. Акт. V, 98; юридич. акт., стран. 90; рукоп. повѣсть о явленіи Ѳеодоровск. иконы Богородицы; описан. гор. Шуи, сочин. Борисова, напечат. 1851, стран. 436—438.

31.) О Ѳеодосіи II, истор. Росс. Іерархіи 11, 351.

32.) Описан. Пересл. Данилова Монастыря, напечат. 1834, стран. 35; Времен. Общ. Истор. и Древн. Росс. книг. 24, стран. 65.

33) О Ѳеодосіи III, Росс. Вивліоѳ. VIII, 350.

34.) О Паисіи, Симеонѣ, Тихонѣ III, мѣстныя рукописи.

35.) Словар. писат. Духов. чина 1, 77.

36.) О настоятеляхъ съ 1722 до Симона Тодорскаго Истор. Росс. Іерар. обіихъ изданій.

37.) О Симонѣ Тодорскомъ Слов. Писат. Дух. чина 11, 220, и мѣстныя рукописи.

38.) О всѣхъ Епископахъ Костром. и Галичскихъ мѣстныя рукописи; оба издан. истор. Рос. Іерархіи и Историч. описан. Троиц. Козловск. мон. напеч. 1849 г. стран. 47, 48.

39.) Царствен. лѣтоп. стран. 192; лѣтоп. Никон. списка, V, 119.

40.) Археограф. акт. 11, 232, и Костром. Губерн. вѣдомости 1854, №. 46.

41.) Лѣтоп. о мятежахъ, стран. 59,—60.

42.) Изъ Исторіи Росс. Іерарх. 11, 290, видно, что вотчину инокиня Мароы Іоанновны, кромѣ села Домнина, составляли 1631 года 48 деревень и починковъ, и что она перешла къ ней во владѣніе

отъ дѣда ея Василья Михайловича Шестова, и отца ея Ивана Васильевича. —

43.) Въ описан Ипатскаго монаст. 1832, на стран. 48, сказано, что Михаилъ Θеодоровичъ съ своею родительницею имѣлъ здѣсь жительство съ 1606 года. Опровергнемъ это словами грамоты о избраніи сего Государя, напечатанной въ 1 томѣ Госуд. грамотъ, гдѣ послѣ сказанія о занятіи Москвы Поляками по случаю присяги Польскому королевичу Владиславу, на стран. 610, сказано: «и многихъ великихъ родовъ, блаженныя памяти Царя Θеодора Іоанновича племянника Михаила Θеодоровича Романова захватили въ городѣ *Китаѣ и Кремлѣ* и держали ихъ въ неволи, а иныхъ за крѣпкими приставы.» Далѣе на стран. 611: «а какъ Московское Государство воевода Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и Мининъ Москву отъ Польскихъ людей очистили, сей же Михаилъ Θеодоровичъ съ матерію своею освобоженіе отъ злаго томительства пріемлетъ и въ своя вотчины, въ Костромскій, уѣздъ скоро возвращается»; когда же онъ былъ избранъ на царство, то о семъ въ той грамотѣ сказано»: а Михайло Θедоровичъ въ то время бысть въ Костромскомъ уѣздѣ, у себя въ вотчинѣ; избранія же на царскій престолъ ему не ведуще, и въ умъ того себѣ не помышляюще.»

44.) Въ грамотѣ Царя Михаила Θеодоровича, данной 1619 года потомкамъ Сусанина, не упомянуто, какимъ образомъ онъ спасъ жизнь Государя, только сказано: «какъ Мы Царь въ прошломъ 121 году были на Костромѣ, и въ тѣ поры приходили въ Костромскій уѣздъ Польскіе люди, и тестя его Богдашки Сабинина, Ивана Сусанина изымали и его пытали великими немѣрными пытками, гдѣ въ тѣ поры мы были, и онъ Иванъ, вѣдая про насъ тѣмъ Польскимъ людямъ, гдѣ мы въ тѣ поры были, не сказалъ и Польскіе люди замучили его до смерти. Потомки Сусанина 1731 года въ прошеніи, поданномъ въ Костромскій приказъ, писали, что 121 года приходилъ изъ Москвы на Кострому Царь Михаилъ Θеодоровичъ съ матерью своею и были въ Костромскомъ уѣздѣ въ селѣ Домнинѣ, что въ эту бытность приходили Польскіе люди, поимавъ многихъ языковъ, пытали и роспрашивали про него Государя, и языки сказали, что Государь въ селѣ Домнинѣ. И въ то время прадѣдъ ихъ села Домнина крестьянинъ Иванъ Сусанинъ взятъ Поляками, а дѣда ихъ Богдана Сабинина, а своего зяти Сусанинъ отпустилъ въ село Домнино съ вѣстью, чтобы Государь

шелъ на Кострому, въ Ипатскій монастырь, а опъ Польскихъ и Литовскихъ людей отъ села Домнина отвелъ и про Государя не сказалъ, и за то они въ селѣ Исуповѣ прадѣда пытали и посадя на столбъ изрубили въ мелкія части. Костром. Губерн. Вѣдом. 1852, № 12. У издателя Отечеств. записокъ Павла Петровича Свиньина была въ рукахъ рукопись, полученная имъ отъ Колл. Совѣтника И. Н. Назорова, гдѣ описывается, что Сусанинъ Михаила изъ Домнина увезъ въ свою деревню Деревнищи и тамъ скрылъ его въ ямѣ овина, за два дни передъ тѣмъ сгорѣвшаго, обваливъ обгорѣлыми бревнами. Взглядъ на истор. г. Костромы, соч. Князя Козловскаго, стран. 157.

45.) Въ Костром. Писцов. книгѣ письма и мѣры Ивана Бутурлина, 7137,7138 г. написано: въ старомъ городѣ,—такъ назывался Костромскій Кремль,—дворъ Великой Государыни, Марьи Ивановны; двора въ длину 7 саженъ безъ четверти, поперегъ 7 саженъ, опричь спорныя земли съ Сдвиженскимъ монастыремъ. спорныя земли въ длину полдевяты сажени, поперегъ 5 саженъ.

46.) Дворц. разряды, 1850, 1, 53, 54. Троиц. Лѣтоп. соч. Келаремъ Авраміемъ Палицынымъ, 1784. стран. 255.

47.) Село Новоселки нынѣ называется Селище; находится на нагорномъ берегу Волги, насупротивъ Ипатскаго монастыря, отдѣляемаго отъ Новоселокъ Волгою, упоминается 1598 года принадлежащимъ Князю Ивану Михайловичу Глинскому, родному племяннику Великой Княгини Елены Васильевны, матери Царя Іоанна IV, конюшему и боярину. Въ истор. извѣст. о Костромѣ, напеч. 1792, стран. 53, сказано, что Посольство въ село Новоселки прибыло 12 марта, что на другой день вступило въ провожаніи градоначальника въ городъ и послало доложить избранному Государю о своемъ прибытіи. Но это не справедливо. Посольство въ городъ не вступало, а пребывало въ Новоселкахъ. Въ дворцов. разряд. 1850, 1, 53, именно сказано, что Посольство прибыло въ село Новоселки 13 марта въ вечерни, и Царь Михаилъ Ѳеодоровичь велѣлъ быть у себя марта въ 14 день Келарь Аврамій Палицынъ, какъ самовидѣцъ, это описываетъ въ Троицкомъ лѣтописцѣ на стран. 256: и достигаютъ преименитаго града Костромы, и не дошедше града за едино поприще, въ село Новоселки именуемо. Изъ града же пріидоша къ нимъ въ срѣтеніе градодержители, со множествомъ народа. За утри же Архіепископъ

Өедоритъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ облекошася въ ризы, и бояринъ Өедоръ Ивановичь и вси пришедшіи съ нимъ, учинивше чины по достоянію, вземше честный крестъ, и чудотворный образъ Пресв. Богородицы, юже написа Петръ Митрополитъ, и со образомъ великихъ Чудотворцевъ Петра, Алексія и Іоны, поидоша въ Ипатскій монастырь. И егда пріидоша на устіе рѣки Костромы, весь же церковный чинъ града того облекошася въ священныя ризы и вземше честные кресты и чудотворныя иконы, изыдоша изъ града со множествомъ народа, съ женами и дѣтьми, и поидоша вкупѣ въ тойже Ипатской монастырь.» Тоже въ сказаніи о Самозванцахъ, напечатанномъ въ XVI книг. Времен. Императ. Общ. Истор. и Древ. Росс. стран. 135. Слѣдовательно шествіе Посольства отъ Новоселокъ въ Ипатскій монастырь было Волгою и рѣкою Костромою.

48.) Въ грамотѣ о избраніи Михаила Өеодоровича въ Госуд. грам. 1, 619, 620 сказано: «Архіепископъ Өеодоритъ благослови Царя Михаила Өеодоровича и мать его старицу инокиню Мароу Іоанновну Животворящимъ крестомъ. Михаилъ же Өеодоровичь отказалъ съ великимъ гнѣвомъ и со многими слезами, и за кресты въ Соборную церковь не шли долгое время, и едва о томъ во многое время умолиша, чтобы шли за кресты и образы.»

49.) Въ грамотѣ о томъ избраніи, въ Госуд. грам. 1, 620, описывается: «и пришедъ въ Соборную церковь, Архіепископъ и весь освященный соборъ нача молебная пѣнія, а бояре Өедоръ Ивановичь Шереметевъ, царскій синклитъ и всенародное множество, съ великимъ слезнымъ рыданіемъ и воплемъ били челомъ Михаилу Өеодоровичу, и матери его, и Михаилъ Өеодоровичь и Мароа Ивановна съ великимъ гнѣвомъ, наполнився слезъ многихъ, о государствѣ отказали.»

50.) Рѣчь Архіепископа Өеодорита помѣщена въ той грамотѣ о избраніи, въ Госуд. грамот. 1, 622—624.-

51.) Келарь Аврамій Палицынъ въ Троиц. лѣтоп. стран. 258, говоритъ: и видѣвъ же Архіепископъ и иже съ нимъ, яко желаемаго не получиша, и вземъ на руцѣ свои чудотв. икону Богородицы, юже написа Петръ Митрополитъ, а Троицкій Келарь старецъ Аврамій вземъ образъ великихъ Чудотворцевъ Петра, и Алексія и Іоны и принесоша предъ Государыню.» Тоже въ той грамотѣ о избраніи, Госуд. грамот. 1, 625, сказано: «воздвигше честные кресты и чудотв. иконы Богородицы и чудотворцевъ Московскихъ.» Въ Костромскомъ

Каѳедральномъ Успенскомъ Соборѣ, на паперти въ стѣнномъ письмѣ, на картинѣ, представляющей воцареніе Михаила Ѳеодоровича съ Ѳеодоровскою иконою, изображено лице въ облаченіи бѣлаго духовенства, и замѣтно, это—Соборный протоіерей, каковымъ въ то время былъ Алексій, упоминаемый въ этомъ санѣ 1585 года въ сентябрѣ, въ январѣ и мартѣ 1614. Описан. того Собора, напечат. 1837, стран. 66, 70, 72. Въ грамотѣ о избраніи Михаила Ѳеодоровича, Госуд. грам. 1, 624, сказано: и молиша безпрестанно отъ третьяго часа дни и до девятаго.» У Аврамія Палицына, въ Троиц. лѣтоп. стран. 258: «моляше Государыню многъ часъ.»

52.) Выраженія сіи взяты изъ той грамоты о избраніи Госуд. грам. 1, 625, только сокращенно. Въ томъ же почти смыслѣ онѣ помѣщены и у Аврамія Полицына въ Троицк. лѣтописцѣ.

53.) Въ той грамотѣ о избраніи, Госуд. грам. 1, 627, сказано: « окрестъ церкви, по всему монастырю и за монастырь православное « Христіанство съ женами и дѣтьми великій плачь и рыдательный « гласъ и вопль многъ испущаху и отъ горести сердца жены ссущихъ « своихъ младенцевъ на землю съ слезнымъ рыданіемъ пометаху у « Государя Михаила Ѳеодоровича милости просяще». До такой высокой степени даже простый Русскій народъ желалъ видѣть Михаила Романова на царскомъ престолѣ! Не лишнимъ здѣсь будетъ разсмотрѣть ходъ этой народной къ нему приверженности. Она видна и изъ того, что при избраніи его 21 февраля 1613 года въ Москвѣ ни одинъ голосъ не возвысился въ пользу кого нибудь другаго, хотя въ эту пору многіе были искатели царскаго достоинства, какъ объ этомъ повѣствуетъ Лѣтописецъ, напечатанный во Времени. Импер. Общ. Истор. и Древн. Росс. книг. XVII, стран. 160, 161: « многіи « же отъ вельможъ желающи царемъ быти, подкупяхуся многимъ дающи « и обѣщающи многіе дары». Келарь Аврамій Палицынъ въ Троицк. лѣтоп. стран. 252, повѣствуетъ, что «на канунѣ избранія на- « писавше о избраніи Михаила Ѳеодоровича кійждо своего чину « писаніе, приходятъ къ нему Аврамію въ Богоявленскій монастырь « на подворье Живон. Троицы Сергіева монастыря, многіе дворяне, « дѣти боярскіе, гости многихъ городовъ, атаманы и казаки, да воз- « вѣстятъ о семъ державнымъ боярамъ и воеводамъ и всему освящен- « ному собору »; а на стран 254, 255 говоритъ: «отъ Калуги и Сѣвер- « скихъ городовъ о избраніи Михаила Ѳеодоровича принесено бысть писа-

« ніе къ Москвѣ Калужскимъ гостемъ Смирнымъ съ товарищи ». Тоже повѣствуетъ сказаніе о Самозванцахъ, напечт. въ XVI книг. того же Временника, стран. 133, 134. Въ Госуд. грам., 1613, въ грамотѣ о избраніи Михаила Ѳеодоровича сказано, что когда государственные чины призывались въ Москву—на великое дѣло избрать Царя, то «во всѣхъ « городахъ и уѣздахъ, во всякихъ людяхъ отъ мала и до велика « таже мысль, что быти на Московскомъ Государствѣ Царемъ Ми- « хаилу Ѳеодоровичу Романову и опричь его ни кого на Московское « государство не хотѣти». Нельзя думать, чтобы одно родство Романовыхъ съ Царемъ Іоанномъ IV, по Анастасіи Романовнѣ, было сильно, при чрезвычайномъ разъединеніи умовъ тогдашнихъ Россіянъ, одушевить ихъ столь единодушною мыслію, тѣмъ не менѣе, что тогда много было царственныхъ сродниковъ и въ другихъ родахъ. Естественно допустить, что Патріархъ всея Россіи Гермогенъ, проклиная желающихъ видѣть на престолѣ Польскаго королевича или отца его, высказалъ еще 1610 года свою мысль, кто долженъ занять престолъ всея Россіи, и эта предсмертная воля великаго страдальца за отечество такъ усвоилась Русскому народу, что слилась въ одно единодушное желаніе всѣхъ Россіянъ. Объ этой волѣ Гермогена утверждаетъ Карамзинъ истор. Росс. государ. XII, по Ейнерлингу, стран. 140. Поляки, со времени занятія Москвы, вѣрили, что Ростовскій Митрополитъ Филаретъ положилъ на словѣ съ Патріархомъ, чтобы на престолѣ не быть Польскому королевичу, что Патріархъ обѣщалъ ему привести всѣхъ Россіянъ къ тому, чтобы сына его возвести на царство. Акт. Западн. Россіи IV, 483. О Михаилѣ Романовѣ еще 1610 года Жолкевскій писалъ королю. Истор. Росс. госуд. Карамз. XII, примѣч. Берхъ въ царствов. Михаила Ѳеодоровича, 1, 86, утверждаетъ, что Московская партія королевича Владислава для того Митрополита Филарета назначила посломъ къ Польскому королю подъ Смоленскъ, чтобы въ Москвѣ ослабить вліяніе Филарета въ пользу его сына, и что тогда Мароа Іоанновна съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ была привезена въ Москву, поручена надзору Польскаго военачальника Гонсѣвскаго. Изъ всего сего видно, что причина заключенія Митрополита Филарета въ темницѣ, кромѣ несоглашенія его признать короля царемъ Россіи, была политическая. Еслибы Поляки, стѣсненные въ кремлѣ, не сдались въ октябрѣ 1613 года военноплѣнными, то Богъ вѣсть, чѣмъ бы кончилась судьба Михаила Романова. Господь сберегъ его

къ счастію Россіи. Поляки, опустивъ его изъ кремля, хотѣли это поправить убійствомъ его въ Домнинѣ. Но Всевышній строитъ по Своему!

54.) Послѣ того какъ Архіепископъ Θеодоритъ и синклитъ съ иконами подошли къ Михаилу Θеодоровичу; въ грамотѣ о избраніи его, Госуд. грам. 1, 626—630, описывается, что онъ въ слез- « номъ теченіи не могій, что проглаголати, отойде на мѣсто къ « матери своей. Архіепископъ Θеодоритъ съ освященнымъ соборомъ, бояре, и все народное множество столху въ Соборной церкви и по всему монастырю и елицы не вмѣщахуся въ монастырь, и тѣ всѣ купно падоша со многимъ рыданіемъ вопіяху на многъ часъ». Инока Мароа Ивановна *«въ умиленіи и тихости сына своего увѣщаваше»* Михаилъ Θеодоровичь *«со многимъ рыданіемъ отрицаяся.»* Мароа же Ивановна глаголаше сыну: «Божіе бо есть дѣло, а не человѣческій разумъ.» Михаилъ Θеодоровичь по многовѣщательнымъ « и умильнымъ словесемъ матере своея повинуся волѣ Божіей, гла- « голя:» *аще угодно сія твоему человѣколюбію, Владыко,* « *буди Твоя святая воля!»* Въ сказаніи о Самозванцахъ, напечат. въ XVI книг. Времени. Импер. Общ. Истор. и Древн. Россійск. стран. 136, сказано: тогда инока Мароа Ивановна многія « слезы предъ образомъ Пречистыя излія и вземлетъ сына предъ всѣми рече:» се тебѣ, о Богомати, въ Твои Пречистыя руцѣ чадо « мое предаю, яко устроити ему полезная и всему Православному « Христіанству; и многа ина предъ образомъ со многими словами « изрече, и тако дарова Царемъ сына своего, и вси возрадовашася « радостію великою зѣло, и множество народа съ женами и дѣтьми « отъ великія радости слезы испущаху. И въ той часъ возложиша « на Государя Животворящій крестъ и жезлъ Царскій пріимъ въ « руку, сѣдѣ на стулѣ царскомъ и нареченъ бысть Богомъ избран- « ный всея Россіи Самодержецъ, и совершивше святую литургію « и молебны о царскомъ здравіи исходитъ изъ церкви Богомъ даро- « ванный Самодержецъ, неся въ руцѣ свой Царскій жезлъ, почитаемъ « отъ царскаго синклита, всего воинства и множества народа.»

55.) На стѣнномъ письмѣ, въ паперти Костромскаго Успенскаго Собора, при картинѣ воцаренія Михаила Θеодоровича, въ надписи сказано, что послѣ воцаренія сего Государя по литургія, совершено

Архіепископомъ совсѣмъ соборомъ, молебное пѣніе Богородицѣ совершивше, исходятъ отъ церкве.» Въ лѣтописи о мятежахъ, стран. 273:« бысть же въ тотъ день,»—какъ воцаренъ Михаилъ Ѳеодоровичь,—на Костромѣ радость велія и составиша празднество чудотворной иконѣ Ѳеодоровской». Слѣдовательно праздновать 14 марта Ѳеодоровской иконѣ въ память воцаренія сего Государя установлено въ самый день его возведенія на престолъ; замѣтно, въ эту пору уставлено Государемъ, чтобы соборяне Костромскаго Успенскаго Собора каждый годъ на этотъ праздникъ являлись въ Москву ко двору со святою водою. Въ царской грамотѣ 1616 года марта 20, напечатанной въ историч. описан. Костромск. Успенск. Собора 1855, стран. 205 о пріѣздѣ ко двору со святою водою зимою на праздникъ чудотворнаго образа говорится какъ объ обыкновеніи не тогда, а ранѣе установленномъ.— У меня находится рукописною служба мѣсяца марта въ 14 день« Пресвятѣй Богородицѣ Ѳеодоровской, не извѣстно кѣмъ и когда сочиненная, но списанная въ первые годы царствованія Императрицы Елисаветы Петровны. Служба въ этой рукописи во всемъ почти сходна съ напечатанною 1777 года; различіе не велико: не упоминается только о возведеніи на престолъ Государя Михаила Ѳеодоровича. Слѣдовательно, протоіерей Іоаннъ Красовскій не сочинилъ, какъ сказано въ словарѣ писателей Духовнаго чина, 1, 292, а только эту службу перемѣнилъ, приспособляясь къ воцаренію.

56.) О Высочайшихъ посѣщеніяхъ мѣстныя рукописи и взглядъ на истор. Костромы, соч. Княз. Козловскаго, напеч. 1840, стран. 108, 115, 118, 123—129, 173—182, 200—202.

57.) Слов. писат. Духов. чин. I, 232—241, только тамъ сказано несправедливо, что Лихуды въ Ипатскомъ монастырѣ содержались 15 лѣтъ. Это вѣрнѣе въ ученыхъ записк. 2 отд. Акад. наукъ, книга III, обзоръ Духовн. литтерат. стран. 250. О Филаретѣ Риторовскомъ въ опис. Ипат. мон. 1832 г. на стран. 50. Типографическая ошибка, что повѣсть о Песошенской иконѣ сочинена 1665 г. Варлаамъ Митрополитъ Ростовскій, свидѣтельствовавшій повѣсть, скончался 1652 года, какъ его кончина описана въ лѣтоп. о мятежахъ, стран. 359. Пресв.

58. Дополненіе къ историч. акт. Археограф. коммиссіи, 111, 474, 475:« съ 22 августа по 10 октября въ Ипатскомъ монастырѣ черныхъ поповъ два, да два рядовыхъ старцевъ да въ вотчинѣ Ипатскаго монастыра, за рѣкою Костромою въ подмонастырной Богословской слободѣ, мужеска и женска полу, померло 237 человѣкъ скорою смертію съ язвами». «Но по 10 октября моровое повѣтріе на Костромѣ не унялось: помираютъ люди многіе».

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

КИРИЛЛА,

БѢЛОЕЗЕРСКАГО ЧУДОТВОРЦА.

АРХИМАНДРИТА ІАКОВА.

Съ изображеніемъ Преподобнаго Кирилла.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, д. № 93.
1875.

Печатать позволяется. Московская духовная академія, 21 марта 1874 года.

Цензоръ Архимандритъ *Сергій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 5

I. Житіе преподобнаго Кирилла отъ рожденія его до основанія имъ обители Кирилло-бѣлоезерской 7

Рожденіе и воспитаніе Кирилла . . . . . —

Склонность къ иноческой жизни 8

Игуменъ Махрищскій Стефанъ. . . . . —

Одѣяніе Кирилла въ иноческую одежду. 9

Постриженіе Кирилла въ Симоновѣ монастырѣ. 10

Подвиги Кирилла въ келейномъ послушаніи. 11

Его труды въ хлѣбнѣ и поварнѣ. 12

Посѣщеніе Кирилла преподобнымъ Сергіемъ. 13

Юродство. . . . . —

Безмолвное пребываніе въ келліи. 14

Посвященіе въ іеромонаха . . . . . —

Назначеніе Кирилла архимандритомъ Симоновской обители . . 15

Отреченіе отъ настоятельства и удаленіе на старое Симоново. . —

Дивный гласъ Богоматери и видѣніе небеснаго свѣта 17

Странствованіе Кирилла съ Ѳерапонтомъ на Бѣлоозеро . . . . —

II. Жизнь преп. Кирилла на Бѣлоозерѣ до его кончины 19

Водруженіе Креста на избранномъ мѣстѣ, водвореніе въ землянкѣ и разлученіе съ Ѳерапонтомъ . . . . . —

Труды и искушенія преп. Кирилла на новомъ мѣстѣ 20

Устроеніе часовни и келлій; собраніе братіи . . . . . —

Покровъ Божій надъ обителью Кирилла 21

Устроеніе храма. 22

Отношенія Кирилла къ можайскому князю Андрею . . . . . —

Къ вел. княг. Евдокіѣ и вел. князю Василію Дмитріевичу . . . 26

Внутреннее благоустройство обители 29

Достойнѣйшіе сподвижники и ученики преподобнаго Кирилла . . —

Введеніе устава общежительнаго 31

О Богослуженіи 32

О трапезѣ. . . . . —

О келліяхъ. . . . . —

О монастырской казнѣ и хранилищѣ одеждъ. 33

Стр.
Объ общихъ послушаніяхъ 33
О нехожденіи изъ монастыря . . . . . —
О взаимныхъ отношеніяхъ . . . . . —
Поземельныя владѣнія. 34
Святая жизнь Кирилла 35
Нравственное вліяніе на христолюбцевъ 37
Стараніе объ отклоненіи посѣщеній высокихъ лицъ . . . . . —
Посланіе къ князю Георгію. . . . . —
Благодатные дары Святаго Духа 40
Предсказаніе и исцѣленіе 42
Чудеса преп. Кирилла. . . . . —
Исцѣленія отъ бѣснованія . . . . . —
Отъ болѣзней. 43
Отъ слѣпоты. . . . . —
Воскрешеніе мертваго. 44
Укрощеніе бури на озерѣ . . . . . —
Умноженіе вина церковнаго для службы. . . . . —
Разрѣшеніе неплодія 45
Духовная грамата Кирилла 46
Приготовленіе къ смерти 48
Кончина преподобнаго Кирилла 49
Погребеніе. 50
Заключеніе 51
Молитва къ преподобному Кириллу 52
III. Сохранившіяся вещи послѣ преподобнаго Кирилла 53

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Житіе преподобнаго Кирилла Бѣлоезерскаго написано было извѣстнымъ въ XV вѣкѣ составителемъ житій русскихъ святыхъ сербомъ Пахоміемъ. По повелѣнію великаго князя Василія Васильевича и по благословенію митрополита Ѳеодосія, Пахомій отправленъ былъ въ Кирилловъ монастырь для собранія свѣдѣній о Преподобномъ, на мѣстѣ его подвиговъ. Это было въ 1461 году, спустя 34 года послѣ смерти св. Кирилла. Игуменомъ Кириллова монастыря былъ тогда Кассіанъ, постриженникъ преп. Кирилла, бывшій очевиднымъ свидѣтелемъ его подвиговъ; живы были и еще нѣкоторые иноки, современники Преподобнаго. Отъ нихъ Пахомій могъ собрать много свѣдѣній о жизни св. Кирилла. Но особенно обстоятельныя свѣдѣнія сообщилъ Пахомію Мартиніанъ, бывшій (1447—1455 г.) игуменомъ Троицко-Сергіева монастыря, потомъ удалившійся въ Ѳерапонтовъ монастырь, въ пятнадцати только верстахъ находящійся отъ Кириллова монастыря, и здѣсь бывшій настоятелемъ въ то время, когда Пахомій пріѣзжалъ на Бѣлоозеро. Мартиніанъ еще отрокомъ пришелъ къ Кириллу въ первые годы поселенія его на Бѣлоозерѣ, прожилъ съ нимъ до самой кончины его и былъ любимымъ ученикомъ св. Кирилла. Пахомій говоритъ о Мартиніанѣ: «сей вѣдый извѣстно о святѣмъ, по ряду сказаше мнѣ о немъ».

Сіе житіе, составленное Пахоміемъ, и было главнымъ источникомъ для составленнаго нами жизнеописанія св. Кирилла. Кромѣ сего въ первомъ томѣ Актовъ историческихъ напечатаны три посланія преподобнаго Кирилла и его духовная грамата. Эти драгоцѣнные памятники внесены нами въ житіе преподобнаго Кирилла.

Мы желаемъ издать сіе житіе, во первыхъ, для своей памяти, во вторыхъ—для пользы другихъ и въ третьихъ—изъ послушанія, такъ говоритъ о составленіи писаній великій Максимъ у св. Григорія Синаита (137 гл. о разн. предм.).

Для лучшаго обозрѣнія жизни и подвиговъ преподобнаго Кирилла мы дѣлимъ наше жизнеописаніе на двѣ части. Первая часть простирается отъ начала жизни до основанія имъ обители Кирилло-бѣлоезерской, вторая часть—отъ основанія обители до самой его кончины. Къ жизнеописанію прилагаемъ описаніе священныхъ вещей, книгъ и келейныхъ вещей преподобнаго Кирилла, заимствованное нами изъ историко-археологическаго описанія древностей и рукописей Кирилло-Бѣлоезерскаго монастыря, составленнаго архимандритомъ Варлаамомъ, скончавшимся въ санѣ архіепископа черниговскаго.

I.

Житіе преподобнаго Кирилла отъ рожденія его до основанія имъ обители Кирилло-бѣлоезерской.

Рожденіе и воспитаніе Кирилла.

Преподобный Кириллъ родился въ 1337 г. отъ благородныхъ и благочестивыхъ родителей, жившихъ въ москвѣ. Мірское имя его было Косма. Попечительные родители озаботились воспитать сына въ страхѣ Божіемъ и въ чистотѣ, и попеченіе ихъ было благословлено самымъ вожделѣннымъ успѣхомъ. Вмѣстѣ съ обученіемъ грамотѣ, Косма обучался и вѣденію закона Божія, и чрезъ чтеніе Священнаго писанія и твореній отцевъ Церкви пріобрѣталъ духовное разумѣніе. Просвѣщая свой разумъ, онъ проводилъ и жизнь чистую, такъ что его не только любили, но и уважали знавшіе его. Передъ своею кончиною родители Кирилла поручили его покровительству своего родственника, окольничаго при великомъ князѣ Дмитріѣ Іоанновичѣ, Тимоѳея Васильевича Вельяминова *). Честность Космы

*) Дмитрій Іоанновичъ наслѣдовалъ московское княженіе въ 1359 г.; великимъ княземъ сдѣлался въ 1363 г. Посему надобно полагать, что Кириллъ былъ не моложе 25 лѣтъ, когда лишился родителей, если принять и то, что это было въ первые годы княженія Дмитрія Іоанновича. Тимоѳей Васил. Вельяминовъ былъ свидѣтелемъ завѣщанія Дмитр. Іоанн. въ 1376 г. Онъ и поставленъ вторымъ между боярами-свидѣтелями втораго завѣщанія 1381 г. (Карамз. Т. V, пр. 116).

во всѣхъ дѣлахъ, добродѣтельная его жизнь, его благочестіе, обнаруживавшееся въ частомъ посѣщеніи храма Божія, усердіи къ молитвѣ и въ постничествѣ привлекли къ нему любовь и довѣренность Вельяминова, и онъ сдѣлалъ его участникомъ трапезы своей, и потомъ назначилъ его управителемъ всего своего имѣнія.

Склонность къ иноческой жизни.

Но Косма, съ самой кончины своихъ родителей, питалъ въ душѣ своей желаніе удалиться отъ міра и проводить иноческую жизнь. Онъ долженъ былъ въ глубинѣ души скрывать это желаніе, не открывая никому изъ домашнихъ; ибо ему извѣстно было, что Тимоѳей Васильевичъ не желалъ этого. Онъ искалъ случая, удобнаго къ приведенію въ исполненіе своего намѣренія. Посему нерѣдко посѣщалъ московскіе и окрестные монастыри съ мыслію, не найдетъ ли гдѣ возможности принять постриженіе. Но страхъ гнѣва отъ сильнаго при князѣ боярина удерживалъ настоятелей отъ постриженія Космы. Ему оставалось, возложивъ упованіе на Господа, жить и въ мірѣ, какъ живутъ иноки. И онъ по своему усердію къ храму Божію, частымъ постамъ, продолжительнымъ молитвамъ, милостынямъ и по заботѣ о чистотѣ сердца, по своему незлобію, былъ инокомъ.

Игуменъ Махрищскій Стефанъ.

Много лѣтъ жилъ такъ Косма. Но наконецъ Господь исполнилъ желаніе его сердца. Орудіемъ Своего промысла, для введенія Космы въ ликъ иноческій, Господь избралъ одного изъ великихъ подвижниковъ иночества, которыхъ такъ много просіяло въ XIV в. въ нашемъ отечествѣ. Въ половинѣ XIV в., въ тридцати-пяти верстахъ отъ только что возникшей обители св. Сергія, въ мѣстечкѣ Махрищи, поселился выходецъ съ юга, постриженникъ Кіевской Печерской обители Стефанъ. По примѣру преподобнаго Сергія, онъ построилъ храмъ во имя Святыя Троицы, и для собранной имъ братіи учредилъ общежитіе

по примѣру Печерской обители. Вражда сосѣднихъ землевладѣльцевъ заставила было Стефана удалиться въ вологодскую страну, и тамъ на рѣкѣ Авнежѣ основать новую обитель. Но великій князь Дмитрій Іоанновичъ, знавшій Стефана до его удаленія, вызвалъ его опять въ Махрищскую обитель и обезпечилъ монастырь разными угодьями. Стефанъ отправился, по возвращеніи изъ Авнежской обители, въ москву, съ честію былъ принятъ великимъ княземъ, и посѣтилъ домъ окольничаго Тимоѳея, у котораго жилъ Косма. Здѣсь увидѣлъ святаго старца Косма и рѣшился высказать ему и свое желаніе иночества, и препятствія къ исполненію этого желанія. Онъ пришелъ къ преподобному Стефану и со слезами, припадая къ стопамъ его, сказалъ: «Давно я желалъ видѣть тебя, отче святый, и нынѣ Господь исполнилъ мое желаніе. Причти меня къ лику иноковъ, и не отринь меня грѣшнаго, подражая Господу, Который принималъ мытаря и блудницу. Если ты хочешь, то можешь исполнить желаніе сердца моего». Видя искренность просьбы Космы, Стефанъ рѣшился помочь ему, и только размышлялъ, какъ лучше устроить это дѣло. Если просить прежде позволенія у боярина Тимоѳея, то онъ можетъ быть рѣшительно не дозволитъ, и тогда уже нельзя будетъ постричь Косму. Стефанъ употребилъ среднюю мѣру. Онъ рѣшился Косму облечь въ рясофоръ и дать ему другое имя, и тогда узнать, какъ приметъ это извѣстіе бояринъ.

Одѣяніе Кирилла въ иноческую одежду.

Облекши Косму въ рясофоръ и назвавъ его Кирилломъ, преподобный Стефанъ пошелъ къ Тимоѳею Васильевичу въ то время, какъ онъ въ полдень хотѣлъ отдыхать послѣ обѣда. Боярину доложили о его приходѣ, и онъ, приказавъ немедленно впустить его, всталъ съ постели и просилъ благословенія у Стефана. Давая свое благословеніе, Стефанъ прибавилъ: «и богомолецъ вашъ Кириллъ посылаетъ свое благословеніе».— «Кто такой Кириллъ?» спросилъ Тимоѳей.—«Родственникъ твой, Косма, отвѣчалъ Стефанъ, пожелавшій въ иночествѣ работать

Господу и молить Бога о васъ». Оскорбился этою вѣстію бояринъ и наговорилъ не мало укорительнаго Стефану. Стефанъ всталъ и сказалъ: «Господь повелѣлъ ученикамъ, тамъ, гдѣ принимаютъ и слушаютъ ихъ, оставаться, а гдѣ не принимаютъ и не слушаютъ, уходя оттуда, отрясти и прахъ, прилипшій къ ногамъ» (Матѳ. 10, 14; Лук. 5, 10, 11). Сказавъ это, Стефанъ пошелъ изъ дому. Ирина, жена боярина, женщина благочестивая и богобоязненная, затрепетала, услышавъ слова Стефана, и стала убѣждать мужа своего примириться съ святымъ игуменомъ. Тимоѳей и самъ скоро раскаялся въ своей вспыльчивости и послалъ просить къ себѣ Стефана. Когда пришелъ Преподобный, онъ сталъ просить прощенія, съ своей стороны и Стефанъ просилъ у него прощенія. Тимоѳей согласился, чтобы Косма дѣлалъ, что ему угодно. Стефанъ поспѣшилъ сообщить эту радостную вѣсть Космѣ. Сей, возблагодаривъ Бога, роздалъ все, что имѣлъ, бѣднымъ, дабы въ полной нищетѣ работать Господу.

Постриженіе Кирилла въ Симоновѣ монастырѣ.

Не вдалекѣ отъ города москвы, на самомъ берегу москвы рѣки, ранѣе 1370 г. *) основалъ обитель иноческую Ѳеодоръ, сынъ Стефана, старшаго брата преподобнаго Сергія, съ двѣнадцатилѣтняго возраста воспитывавшійся въ пустынѣ Сергія, подъ ближайшимъ надзоромъ и руководствомъ своего дяди. Поселясь сначала на мѣстѣ, которое нынѣ называется Старымъ

*) Симоновъ монастырь основанъ вѣроятно ранѣе, нежели въ Сергіевомъ монастырѣ учреждено общежитіе, потому что Ѳеодора побудило оставить монастырь преп. Сергія желаніе устроить монастырь общежительный. Въ Сергіевомъ монастырѣ введено общежитіе по убѣжденію патріарха Филоѳея (1364—1378 г.). Вѣроятно онъ прислалъ грамату преп. Сергію въ то же время, какъ писалъ къ новгородскому епископу Алексію, т. е. въ 1370 г. Ѳеодоръ, игуменъ Симоновскій, по сказанію житія его, былъ духовникомъ к. Дмитрія Ивановича и Тысяцкаго москвы. Но послѣдній тысяцкій умеръ въ 1374 г. (П. С. Л. 5 т. 21). Посему должно полагать, что Ѳеодоръ много ранѣе поселился въ Симоновѣ монастырѣ, когда успѣлъ уже пріобрѣсти такую извѣстность.

Симоновымъ, онъ потомъ перешелъ на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ Симоновъ монастырь, покрытое тогда густымъ лѣсомъ. Симоновъ монастырь съ самаго начала получилъ общежительное устройство. «Правило монастыря, пишетъ преподобный Іосифъ Волоколамскій въ десятой главѣ своей духовной граматы, было такое: въ келліи не ѣли и не пили, и не выходили изъ монастыря безъ благословенія настоятеля, отрокамъ не дозволено было жить ни въ монастырѣ, ни на дворѣ монастырскомъ, все было по уставу общежительныхъ монастырей». Въ этотъ монастырь къ игумену Ѳеодору привелъ Кирилла преп. Стефанъ. Ѳеодоръ постригъ его въ полное иноческое постриженіе, оставивъ за новымъ инокомъ имя, данное ему Стефаномъ при облаченіи въ рясофоръ.

Подвиги Кирилла въ келейномъ послушаніи.

По правиламъ общежитія, новоначальный инокъ отдается подъ руководство опытнаго старца. Ѳеодоръ поручилъ Кирилла старцу Михаилу, послѣ бывшему епископомъ смоленскимъ *), который проходилъ высокое по Богѣ житіе въ молитвахъ, постѣ и бдѣніяхъ и во всякомъ воздержаніи. Отдавшись вполнѣ въ послушаніе старцу, Кириллъ открывалъ ему каждый свой помыслъ и старался подражать его высокому житію; постъ вмѣнялъ себѣ въ наслажденіе, зимою терпѣлъ холодъ, ночи часто проводилъ въ молитвахъ безъ сна. Старецъ читаетъ Псалтирь, а Кириллъ слушаетъ и творитъ поклоны; иногда это продолжалось до того времени, какъ ударятъ въ било, призывая къ утреннему богослуженію. Услышавъ клепаніе, Кириллъ спѣшилъ въ храмъ, чтобы одному изъ первыхъ придти туда. Сну Кириллъ предавался сидя и желалъ постоянно усиливать подвиги умерщвленія тѣла. Онъ просилъ у старца позволенія принимать пищу черезъ два или три дня; но старецъ не дозво-

*) Въ Лѣтописи подъ 1402 г. записано: мая въ 6-й день преставися Михаилъ владыка смоленскій, былъ въ епископіи 19 лѣтъ и положенъ бысть въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, близь гроба старцевъ. Слѣдовательно, михаилъ избранъ въ епископы въ 1383 г.

лилъ этого и велѣлъ ему ходить съ братіею за трапезу, только не ѣсть до сытости.

Хотя послушаніе старцу и молитвы его какъ щитъ ограждали Кирилла отъ стрѣлъ врага спасенія, но случалось и ему терпѣть страхованія отъ демоновъ, обыкновенно нападающихъ на ревностныхъ подвижниковъ. Иногда во время чтенія правила слышались стукъ и толчки въ стѣну, но силою крестною прекращалось это страхованіе. Случалось, что въ то время, какъ Михаилъ выходилъ за чѣмъ либо изъ келліи, являлись разныя устрашающія видѣнія; но Кириллъ, именемъ Іисусовымъ, послѣдуя Лѣствичнику, билъ супостата и страшныя видѣнія исчезали.

Его труды въ хлѣбнѣ и поварнѣ.

Не мало времени провелъ св. Кириллъ въ послушаніи у Михаила. Игуменъ, видя его утвердившимся въ правилахъ иноческой жизни, назначаетъ ему служеніе въ хлѣбнѣ. Онъ носилъ воду, кололъ дрова, подавалъ на трапезу братіи теплые хлѣбы. Со всѣмъ усердіемъ и съ полною любовію совершалъ онъ свое служеніе, сопровождая его молитвою. Самъ онъ пищи вкушалъ столько, сколько нужно, дабы не изнемочь отъ голода, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ скрыть отъ братіи свое воздержаніе; кромѣ воды онъ не зналъ другаго питія и ту вкушалъ въ мѣру, не удовлетворяя вполнѣ жажды. Въ свободное отъ послушанія время становился на молитву и иногда цѣлую ночь продолжалъ свой молитвенный подвигъ.

Послѣ немаловременнаго служенія въ пекарнѣ, св. Кириллъ опредѣленъ былъ на послушаніе въ поварню. Съ тѣмъ же духомъ смиренія и усердія проходилъ онъ и это служеніе. Смотря на вещественный огонь, онъ помышлялъ объ огнѣ неугасаемомъ, о вѣчномъ мученіи, ожидающемъ грѣшниковъ, и говорилъ въ себѣ: «терпи Кириллъ этотъ огонь, чтобы избѣжать огня вѣчнаго». Постояннымъ памятованіемъ вѣчнаго суда стяжалъ онъ такое умиленіе, что не могъ хлѣба вкусить и слова сказать безъ слезъ.

Посѣщеніе Кирилла преподобнымъ Сергіемъ.

Великіе подвиги и глубокое благочестіе св. Кирилла сдѣлали его извѣстнымъ многимъ; его чтили и великіе подвижники. Преподобный Сергій радонежскій, когда приходилъ въ Симоновъ монастырь посѣтить своего племянника и другихъ благочестивыхъ, жившихъ въ семъ монастырѣ иноковъ, прежде всего заходилъ въ хлѣбню или поварню къ Кириллу и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Когда старецъ святою своею бесѣдою посѣвалъ сѣмена благочестія, Кириллъ поливалъ ихъ слезами своего умиленія. Игуменъ Ѳеодоръ, узнавъ о приходѣ преподобнаго Сергія въ свою обитель, являлся съ братіею старшею привѣтствовать его въ келлію Кирилла. Это вниманіе великаго подвижника еще болѣе увеличивало славу св. Кирилла.

Юродство.

Тяжела была для смиренной души св. Кирилла та слава, то уваженіе, какими онъ пользовался отъ людей. И въ послѣдніе годы своей жизни, когда состарѣлся уже въ подвигахъ иночества, св. Кириллъ писалъ князю Георгію: «Зная Божественное писаніе, ты самъ понимаешь, какой вредъ бываетъ инокамъ отъ похвалы людской, а особенно намъ, не очистившимся отъ страстей. Если кто подлинно чистъ и святъ сердцемъ, то и такимъ бываетъ вредъ отъ этой тягости, а намъ, еще обуреваемымъ страстями, великое искушеніе для души въ похвалѣ людской». Св. Кириллъ рѣшился принять на себя подвигъ юродства. Онъ началъ поступать какъ бы повредившійся въ умѣ. За разныя дѣйствія юродства настоятель назначалъ ему въ наказаніе епитемію, повелѣвая иногда сорокъ дней и болѣе питаться только хлѣбомъ и водою. Съ радостію принималъ Кириллъ такую епитемію, и когда исходилъ ей срокъ, дѣлалъ новыя юродства; епитемія назначалась вновь, такъ что Кириллъ иногда мѣсяцевъ шесть сряду питался только хлѣбомъ и водою. Онъ радъ былъ поститься, а между тѣмъ другимъ нельзя было сказать, что онъ постится по своей волѣ, такъ какъ онъ постился въ

наказаніе, наложенное на него отъ настоятеля. Наконецъ игуменъ уразумѣлъ, что пр. Кириллъ юродствуетъ, желая скрыть свою подвижническую жизнь, потому онъ не сталъ уже налагать на него епитеміи.

Безмолвное пребываніе въ келліи.

Тогда родилось у св. Кирилла желаніе перейти изъ поварни въ келлію, въ надеждѣ, что безмолвіе келейное поможетъ ему стяжать большее умиленіе. Онъ не открывалъ этого желанія игумену, но вручалъ свой помыслъ покрову Пресвятой Богородицы, думая, что если это угодно Богоматери и послужитъ ему на пользу, то Она устроитъ какими знаетъ судьбами. Въ теплой молитвѣ къ Богоматери, онъ изливалъ свою душу, ожидая милости отъ Царицы Небесной. И вотъ игуменъ призываетъ его и велитъ ему изъ поварни перейти въ келлію и тамъ списывать одну книгу. Желаніе Кирилла исполнилось; онъ теперь пользуется тихимъ безмолвіемъ одинокой жизни въ келліи, никакія мірскія заботы не отвлекаютъ ума его отъ бесѣды съ Богомъ. Но, при уединеніи въ своихъ денно-нощныхъ молитвахъ и колѣнопреклоненіяхъ, св. Кириллъ не чувствовалъ въ себѣ той теплоты умиленія, какою исполненъ былъ онъ во время служенія въ поварнѣ. Онъ молилъ Пречистую Богородицу возвратить ему прежній духъ умиленія. Не много спустя времени, игуменъ опять посылаетъ Кирилла въ поварню, и Кириллъ съ радостію пошелъ на мѣсто прежняго послушанія. Девять лѣтъ провелъ Кириллъ въ этой службѣ и стяжалъ великое умиленіе. Во все время этого служенія не покрывалъ онъ своего тѣла теплою одеждою.

Посвященіе въ іеромонаха.

Игуменъ, видя подвиги св. Кирилла, его смиреніе и духовную опытность, исходатайствовалъ ему санъ священства, и Кириллъ вмѣстѣ съ прочими священниками исполнялъ свои недѣли службы; когда же не было его чреды, онъ ходилъ въ поварню исполнять прежнее свое послушаніе. Много лѣтъ онъ

трудился такъ будучи и священникомъ, но потомъ началъ проводить безмолвную жизнь въ келліи.

Назначеніе Кирилла архимандритомъ Симоновской обители.

Въ 1388 г. игуменъ Симонова монастыря Ѳеодоръ, получившій въ 1383 г. отъ патріарха константинопольскаго званіе архимандрита, былъ посвященъ въ епископа ростовскаго. На мѣсто Ѳеодора братія Симоновской обители избрала настоятелемъ преп. Кирилла, которому усвоено было также званіе архимандрита. Почетное званіе было для св. Кирилла новымъ побужденіемъ увеличить свои иноческіе подвиги и труды. Не только не возгордился онъ своею начальническою властію, но еще болѣе смирялся, принимая съ любовію знатныхъ и незнатныхъ; старшихъ принималъ онъ какъ братьевъ, юныхъ какъ дѣтей. Многіе князья и вельможи приходили къ нему, ища его наставленій для душевной своей пользы. Великій князь Василій Дмитріевичъ чтилъ его какъ духовнаго отца. Но эта честь отъ внѣшнихъ, эти посѣщенія нарушали безмолвіе, которое такъ любилъ Кириллъ. Потому онъ рѣшился отказаться отъ настоятельства и затвориться въ келліи для безмолвія. Напрасно убѣждали его братія остаться начальникомъ ихъ, Кириллъ рѣшительно отказался отъ управленія обителію и заключился въ келліи.

Отреченіе отъ настоятельства и удаленіе на старое Симоново.

Отказъ отъ чести настоятельства не уменьшилъ, но увеличилъ уваженіе къ Кириллу. Не только изъ москвы, но и изъ разныхъ странъ и городовъ приходили къ нему за совѣтами и наставленіями. Новый архимандритъ симоновскій, Сергій Азаковъ *), завидуя почтенію, какое оказывали Кириллу, сталъ выражать свое неудовольствіе противъ него. Оно усиливалось еще отъ того, что Сергій, постриженникъ другаго монастыря,

*) Онъ переведенъ изъ архимандритовъ Спасскаго въ кремлѣ монастыря и въ 1425 г. посвященъ въ епископа рязанскаго.

не хотѣлъ сохранить того устава, который учрежденъ былъ въ Симоновѣ Ѳеодоромъ, и строго поддерживался Кирилломъ, и за это встрѣтилъ себѣ сильное противодѣйствіе со стороны ревностныхъ подвижниковъ иночества, которые воспитались подъ руководствомъ Ѳеодора и Кирилла. Преподобный Іосифъ Волоколамскій передаетъ въ своей духовной граматѣ то, что онъ слышалъ отъ Спиридона, бывшаго игуменомъ Сергіева монастыря (1467—1474 г.). По удаленіи Ѳеодора на ростовскую каѳедру, пишетъ Іосифъ, и послѣ отказа отъ архимандріи Кирилла были въ Симоновѣ архимандриты, которые стали измѣнять нѣкоторые обычаи и правила, введенныя Ѳеодоромъ и Кирилломъ. Но Варѳоломей, назначенный строителемъ монастыря отъ великаго князя Василія Дмитріевича, со старцами Иваномъ Златымъ, Игнатіемъ Иконникомъ и Іоною, тогда молодымъ еще, и другими, не дозволяли нарушать уставы. Настоятели не разъ хотѣли жезломъ бить Варѳоломея, но боялись великаго князя. Варѳоломей неусыпно заботился прежде всего о духовномъ устроеніи обители, а потомъ и о внѣшнемъ ея благоустройствѣ: несмотря на свою хромоту, постоянно обходя самъ и вездѣ надзирая въ трапезѣ, въ пекарнѣ, въ поварнѣ, на дворѣ, и если видѣлъ гдѣ безпорядокъ и нарушеніе устава, то сперва вразумлялъ кротко и съ любовію, непослушныхъ подвергалъ наказанію, а упорныхъ изгонялъ изъ монастыря *). Сергій, можетъ быть, считалъ Кирилла возбудителемъ этого противодѣйствія его нововведеніямъ въ обители. Блаженный Кириллъ, давая мѣсто гнѣву, ушелъ въ старый монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы, и тамъ началъ безмолвствовать.

Кириллу было уже около шестидесяти лѣтъ, но несмотря на этотъ зрѣлый возрастъ, когда ищутъ обыкновенно болѣе покоя и не любятъ перемѣнъ въ жизни, сильное желаніе влекло

*) 10-я глава духовной граматы преп. Іосифа. Царь Иванъ Васильевичъ въ письмѣ къ Космѣ игумену Бѣлозерскому пишетъ: Кириллъ чудотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ его Сергій; а законъ каковъ былъ, прочтите въ житіи чудотворцевѣ, и тамо извѣстно увѣсте; да тотъ (Сергій) маленько слабость ввелъ. Акт. ист. т. I, стр. 380.

его удалиться куда либо далѣе отъ жилищъ мірскихъ и знаемыхъ людей. Не мало боролся онъ съ этимъ помысломъ, но желаніе не ослабѣвало. Привыкнувъ въ своихъ недоумѣніяхъ искать вразумленія и успокоенія въ молитвѣ, Кириллъ часто, молясь къ Пречистой Богородицѣ, взывалъ къ ней: Пресвятая Мати Христа моего, Ты знаешь, что мою надежду послѣ Бога возложилъ я на Тебя отъ юности моей! Какъ знаешь Сама, наставь меня на путь, на которомъ могъ бы спастись. Святый Кириллъ имѣлъ обычай послѣ продолжительнаго своего правила, въ глубокій вечеръ, передъ тѣмъ, какъ заснуть, пѣть акаѳистъ Богоматери. Это былъ повседневный его обычай.

Дивный гласъ Богоматери и видѣніе небеснаго свѣта.

Въ одну ночь, когда Кириллъ пѣлъ по обычаю передъ иконою Богоматери акаѳистъ и дошелъ до мѣста: «странное рождество видѣвше, устранимся міра, умъ на небеса преложше», онъ слышитъ голосъ, который говоритъ ему: уйди отсюда и иди на Бѣлоозеро; тамъ приготовлено тебѣ мѣсто, гдѣ ты можешь спастися. Вмѣстѣ съ чуднымъ голосомъ Кирилла озарилъ великій свѣтъ. Отворивъ оконце келліи, онъ видитъ свѣтъ на сѣверѣ, гдѣ находится Бѣлозерская страна, и свѣтъ какъ бы озарялъ нѣкоторое мѣсто въ той странѣ. Этотъ дивный голосъ, этотъ таинственный свѣтъ, служили для Кирилла яснымъ свидѣтельствомъ того, что Богоматерь не презрѣла его молитвы. Всю ночь провелъ онъ въ бдѣніи молитвенномъ, изумленный и утѣшенный чуднымъ видѣніемъ. Эта ночь показалась ему самымъ свѣтлымъ днемъ.

Странствованіе Кирилла съ Ѳерапонтомъ на Бѣлоозеро.

Незадолго передъ симъ, по порученію отъ настоятеля Симонова монастыря, отправился въ Бѣлозерскую страну сподвижникъ св. Кирилла по обители Симоновской, единомысленный ему по духу и подвигамъ, Ѳерапонтъ. Вскорѣ послѣ видѣнія, бывшаго Кириллу, Ѳерапонтъ съ странническимъ посохомъ, совершавшій путь свой въ далекую страну, воротился въ Симо-

новскую обитель. Кириллъ спросилъ его: есть ли въ Бѣлозерской странѣ мѣста удобныя для иноческой жизни? Много тамъ мѣстъ удобныхъ для уединенной жизни, отвѣчалъ Ѳерапонтъ. Кириллъ не разсказалъ Ѳерапонту своего видѣнія, но, узнавъ, что Ѳерапонтъ самъ желаетъ удалиться въ малонаселенную страну, условился вмѣстѣ съ нимъ идти на Бѣлоозеро.

Взявъ съ собою икону Смоленской Богоматери, какъ путеводительницы въ странствованіи путномъ и странствованіи житейскомъ, св. Кириллъ, вмѣстѣ съ Ѳерапонтомъ, отправились пѣшкомъ въ далекій путь. Послѣ труднаго пути странники достигли до Бѣлозерской страны. Много обошли они мѣстъ, но ни одно изъ нихъ не было по мысли Кириллу, который искалъ здѣсь чего то знакомаго, указаннаго ему въ видѣніи мѣста. Наконецъ путники взошли на гору Мауру. Это самая высокая гора въ окрестности Бѣлозерской. Подошву ея омываютъ волны озера Сиверскаго. Лѣса, луга, воды соединились здѣсь на огромномъ пространствѣ и образовали одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ Россіи. Съ одной стороны Шексна разливается извилинами по лугамъ необозримымъ; съ другой нѣсколько синихъ озеръ разбросано среди густыхъ лѣсовъ. Кириллъ увидѣлъ здѣсь то мѣсто, которое назначено было въ видѣніи для его пребыванія; оно очень полюбилось ему. Сотворивъ молитву, онъ сказалъ: вотъ покой мой, до вѣка здѣсь вселюся, какъ угодно Пречистой. Благословенъ Господь Богъ отнынѣ и до вѣка, услышавшій молитву мою!

II.

Жизнь преп. Кирилла на Бѣлоозерѣ до его кончины.

Водруженіе Креста на избранномъ мѣстѣ, водвореніе въ землянкѣ и разлученіе съ Ѳерапонтомъ.

Водрузивъ Крестъ на избранномъ мѣстѣ, св. Кириллъ отпѣлъ благодарственный канонъ въ похвалу Пресвятой Богородицѣ. Тогда разсказалъ онъ свое видѣніе спутнику своему Ѳерапонту, и вмѣстѣ они прославили Бога и Пречистую Богородицу. Сперва устроили они шалашъ, потомъ ископали въ землѣ келлію, въ которой и поселились вмѣстѣ. Но Ѳерапонтъ не долго жилъ съ Кирилломъ; онъ, верстахъ въ пятнадцати отъ Кирилла, основалъ другой монастырь на возвышенномъ мѣстѣ между двумя озерами Бородавскимъ и Пасскимъ. Пр. Кириллъ остался одинъ на избранномъ имъ мѣстѣ. Это была небольшая круглая поляна среди пустыннаго бора и густой чащи, какъ стѣною окруженная озерами Сиверскимъ, Долгимъ и Лунскимъ. Здѣсь возникла знаменитая Кирилло-Бѣлоезерская обитель, которой суждено было имѣть великое значеніе для всей сѣверной Россіи. Еще задолго до прихода св. Кирилла, жившій недалеко отъ этого мѣста земледѣлецъ Исаія, слышалъ звонъ и пѣніе раздававшееся на этомъ мѣстѣ, но напрасно онъ съ товарищами искалъ кого либо найти на этомъ мѣстѣ; звонъ и пѣніе слышали они, но никого не видали.

Труды и искушенія преп. Кирилла на новомъ мѣстѣ.

Много искушеній, всякаго рода лишеній и даже опасностей смертныхъ пришлось испытать св. Кириллу въ его уединенной жизни. Пр. Кирилла въ ископанной имъ пещерѣ навѣщали иногда двое жившихъ по сосѣдству крестьянъ: Авксентій Воронъ и Матѳей Кукосъ, послѣ бывшій пономаремъ въ монастырѣ преподобнаго Кирилла. Однажды, ходя съ ними по лѣсу, Кириллъ такъ былъ отягченъ сномъ, что, не смотря на убѣжденія спутниковъ, легъ отдохнуть. Едва заснулъ онъ, какъ слышитъ голосъ: бѣги, Кириллъ! Онъ проснулся, вскочилъ съ своего мѣста и тутъ же на то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, упало большое дерево. Кириллъ, уразумѣвъ искушеніе постигшее его по коварству діавола, молилъ Бога и Пречистую Богородицу дать ему силу одолѣвать сонъ. И послѣ сего онъ получилъ силу нерѣдко по цѣлымъ суткамъ оставаться безъ сна.

Въ другой разъ пр. Кириллъ, вырубивъ лѣсъ и вырывъ корни, чтобы очистить мѣсто для посѣва овощей, набранный имъ въ одно мѣсто хворостъ зажегъ, чтобы очистить поляну. Но поднялся сильный вѣтеръ, дымъ и огонь вдругъ окружили Кирилла, такъ, что онъ не зналъ куда выдти. Но вотъ видитъ онъ: кто то похожій на его родственника, боярина Тимоѳея, беретъ его за руку, и говоря: иди за мною, выводитъ его изъ огня.

Устроеніе часовни и келлій; собраніе братіи.

Кириллъ не долго подвизался одинъ въ пустынѣ; вскорѣ начали собираться къ нему желавшіе раздѣлить съ нимъ пустынные труды его. Нужно было устроять для нихъ келліи; устроена была часовня для молитвенныхъ собраній и возникающая обитель ограждена была заборомъ. Сперва пришли къ Кириллу изъ Симонова два преданные ему послушника Зеведей и Діонисій. Съ радостію принялъ ихъ Кириллъ.

Покровъ Божій надъ обителію Кирилла.

Вслѣдъ за симъ стали приходить къ нему одни, ища наставленій, другіе желая принять отъ него постриженіе; приходили и постриженные иноки изъ другихъ монастырей; въ числѣ ихъ былъ Наѳанаилъ, послѣ бывшій келаремъ обители; нѣкоторыхъ Господь призывалъ особыми знаменіями къ вступленію въ иноческое братство Кирилла. Жилъ не вдалекѣ отъ мѣста поселенія преп. Кирилла одинъ поселенецъ Андрей. Досадуя на то, что Кириллъ поселился тутъ, онъ нѣсколько разъ покушался сжечь выстроенныя келліи и съ живущими въ нихъ, но злодѣйскій умыселъ его не удавался,—огонь погасалъ. Въ страхѣ онъ пришелъ къ св. Кириллу и, припадая къ ногамъ его, просилъ прощенія и потомъ принялъ постриженіе. Господь видимо покрывалъ Своего угодника отъ всякихъ бѣдъ и напастей, самыхъ враговъ и зложелателей обращая въ преданныхъ Кириллу людей.

Такъ жившій не подалеку отъ монастыря бояринъ Ѳеодоръ, услышавъ, что пришедшій изъ москвы архимандритъ Кириллъ строитъ монастырь, подумалъ, что вѣроятно онъ принесъ съ собою много денегъ, и послалъ слугъ своихъ ограбить Кирилла. Двѣ ночи сряду подходили слуги Ѳеодора къ обители, и всякій разъ видѣли вокругъ нея воиновъ. Ѳеодоръ подумалъ: вѣрно пришелъ кто нибудь изъ московскихъ вельможъ къ Кириллу, и послалъ узнать, кто такой пришелъ? Ему отвѣчали, что болѣе недѣли, какъ никого изъ постороннихъ не было въ обители. Тогда Ѳеодоръ, сознавъ, что «Господь хранитъ обитель Кирилла, пришелъ самъ къ нему, исповѣдалъ свой грѣхъ. Преподобный сказалъ ему: «будь увѣренъ, сынъ мой Ѳеодоръ, что ничего нѣтъ у меня, кромѣ одежды, которую видишь на мнѣ, и нѣсколькихъ книгъ.» Бояринъ съ того времени сталъ благоговѣть и уважать св. Кирилла и каждый разъ, какъ только приходилъ къ нему, приносилъ рыбу или что нибудь другое.

Труды и искушенія преп. Кирилла на новомъ мѣстѣ.

Много искушеній, всякаго рода лишеній и даже опасностей смертныхъ пришлось испытать св. Кириллу въ его уединенной жизни. Пр. Кирилла въ ископанной имъ пещерѣ навѣщали иногда двое жившихъ по сосѣдству крестьянъ: Авксентій Воронъ и Матѳей Кукосъ, послѣ бывшій пономаремъ въ монастырѣ преподобнаго Кирилла. Однажды, ходя съ ними по лѣсу, Кириллъ такъ былъ отягченъ сномъ, что, не смотря на убѣжденія спутниковъ, легъ отдохнуть. Едва заснулъ онъ, какъ слышитъ голосъ: бѣги, Кириллъ! Онъ проснулся, вскочилъ съ своего мѣста и тутъ же на то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, упало большое дерево. Кириллъ, уразумѣвъ искушеніе постигшее его по коварству діавола, молилъ Бога и Пречистую Богородицу дать ему силу одолѣвать сонъ. И послѣ сего онъ получилъ силу нерѣдко по цѣлымъ суткамъ оставаться безъ сна.

Въ другой разъ пр. Кириллъ, вырубивъ лѣсъ и вырывъ корни, чтобы очистить мѣсто для посѣва овощей, набранный имъ въ одно мѣсто хворостъ зажегъ, чтобы очистить поляну. Но поднялся сильный вѣтеръ, дымъ и огонь вдругъ окружили Кирилла, такъ, что онъ не зналъ куда выдти. Но вотъ видитъ онъ: кто то похожій на его родственника, боярина Тимоѳея, беретъ его за руку, и говоря: иди за мною, выводитъ его изъ огня.

Устроеніе часовни и келлій; собраніе братіи.

Кириллъ не долго подвизался одинъ въ пустынѣ; вскорѣ начали собираться къ нему желавшіе раздѣлить съ нимъ пустынные труды его. Нужно было устроять для нихъ келліи; устроена была часовня для молитвенныхъ собраній и возникающая обитель ограждена была заборомъ. Сперва пришли къ Кириллу изъ Симонова два преданные ему послушника Зеведей и Діонисій. Съ радостію принялъ ихъ Кириллъ.

Покровъ Божій надъ обителію Кирилла.

Вслѣдъ за симъ стали приходить къ нему одни, ища наставленій, другіе желая принять отъ него постриженіе; приходили и постриженные иноки изъ другихъ монастырей; въ числѣ ихъ былъ Наѳанаилъ, послѣ бывшій келаремъ обители; нѣкоторыхъ Господь призывалъ особыми знаменіями къ вступленію въ иноческое братство Кирилла. Жилъ не вдалекѣ отъ мѣста поселенія преп. Кирилла одинъ поселенецъ Андрей. Досадуя на то, что Кириллъ поселился тутъ, онъ нѣсколько разъ покушался сжечь выстроенныя келліи и съ живущими въ нихъ, но злодѣйскій умыселъ его не удавался,—огонь погасалъ. Въ страхѣ онъ пришелъ къ св. Кириллу и, припадая къ ногамъ его, просилъ прощенія и потомъ принялъ постриженіе. Господь видимо покрывалъ Своего угодника отъ всякихъ бѣдъ и напастей, самыхъ враговъ и зложелателей обращая въ преданныхъ Кириллу людей.

Такъ жившій не подалеку отъ монастыря бояринъ Ѳеодоръ, услышавъ, что пришедшій изъ москвы архимандритъ Кириллъ строитъ монастырь, подумалъ, что вѣроятно онъ принесъ съ собою много денегъ, и послалъ слугъ своихъ ограбить Кирилла. Двѣ ночи сряду подходили слуги Ѳеодора къ обители, и всякій разъ видѣли вокругъ нея воиновъ. Ѳеодоръ подумалъ: вѣрно пришелъ кто нибудь изъ московскихъ вельможъ къ Кириллу, и послалъ узнать, кто такой пришелъ? Ему отвѣчали, что болѣе недѣли, какъ никого изъ постороннихъ не было въ обители. Тогда Ѳеодоръ, сознавъ, что Господь хранитъ обитель Кирилла, пришелъ самъ къ нему, исповѣдалъ свой грѣхъ. Преподобный сказалъ ему: «будь увѣренъ, сынъ мой Ѳеодоръ, что ничего нѣтъ у меня, кромѣ одежды, которую видишь на мнѣ, и нѣсколькихъ книгъ.» Бояринъ съ того времени сталъ благоговѣть и уважать св. Кирилла и каждый разъ, какъ только приходилъ къ нему, приносилъ рыбу или что нибудь другое.

Устроеніе храма.

Преп. Кириллъ, съ собирающеюся къ нему братіею, доселѣ не имѣлъ еще храма въ обители, частію, вѣроятно, потому, что не было средствъ для построенія храма, частію потому, что не было въ той странѣ мастеровъ, умѣвшихъ выстроить церковь. Въ обители хранились, конечно, запасные Святые Дары, Которыми и причащались подвижники, — что дѣлать благословлялъ и разрѣшалъ игумену Аѳанасію митрополитъ Кипріанъ, по примѣру древнихъ египетскихъ и палестинскихъ подвижниковъ.

Бѣлозерье принадлежало къ ростовской епархіи. Архіепископъ ростовскій Ѳеодоръ, бывшій Симоновскій архимандритъ, скончался въ 1394 г., еще до прихода пр. Кирилла на Бѣлоозеро. Послѣ кратковременнаго правленія преемника его Арсенія, съ 1396 г., девятнадцать лѣтъ управлялъ ростовскою епархіею Григорій. У него и долженъ былъ испросить благословеніе на устроеніе и освященіе церкви пр. Кириллъ. Способные мастера сами пришли въ уединеніе Кирилла и въ 1397 г. выстроенъ былъ храмъ въ честь Успенія Божіей Матери, въ память, вѣроятно, Успенскаго храма въ Симоновѣ монастырѣ, въ которомъ получилъ начало своего иночества Кириллъ.

Отношеніе Кирилла къ можайскому князю Андрею.

Для обезпеченія новаго монастыря и огражденія правъ его на владѣніе занятою землею нужно было утвержденіе со стороны гражданской власти. Не сохранилось до насъ никакихъ свѣдѣній объ отношеніи преподобнаго Кирилла къ митрополитамъ Кипріану и Фотію и къ епархіальному ростовскому архіерею, но дошли несомнѣнныя свидѣтельства о благорасположенности къ нему великаго князя и отчиннаго Бѣлозерскаго князя. Удѣльнымъ княземъ Бѣлоозерья былъ тогда сынъ Дмитрія Донскаго, князь можайскій Андрей Дмитріевичь *),

*) Въ 1389 г. даны были князю Андрею Дмитріевичу отъ отца въ удѣлъ

котораго воспріемникомъ отъ купели крещенія былъ въ 1382 г. Симоновскій архимандритъ Θеодоръ. Несомнѣнно, что князь Андрей Дмитріевичъ зналъ Кирилла еще въ Симоновѣ, и конечно готовъ былъ оказать всякое содѣйствіе при устроеніи обители въ его отчинѣ. Князь Андрей Дмитріевичъ не только жаловалъ монастырь Кирилла довольною милостынею, какъ пишетъ самъ Кириллъ, но и лично посѣщалъ обитель св. Кирилла: «Былъ здѣсь, пишетъ Кириллъ брату Андрея Юрію, братъ твой Андрей; ибо это мѣсто его вотчина и намъ пришла нужда; нельзя было ему господину своему не ударить челомъ». Изъ дошедшаго до насъ письма преподобнаго Кирилла къ князю Андрею Дмитріевичу видно, что этотъ князь чтилъ Кирилла, какъ своего духовнаго отца. Когда князь Андрей Дмитріевичъ, оставленный въ москвѣ для защиты ея отъ нападенія Едигея, успѣшно защитилъ столицу противъ полчищъ его, онъ поспѣшилъ увѣдомить о семъ Кирилла *). Кириллъ отвѣчалъ ему: «господину благовѣрному князю Ондрею Дмитріевичу Кирилъ чернечище, грѣшный и непотребный, съ своею братицею много челомъ біемъ и Бога молимъ о вашемъ здравіи господей нашихъ, поминая, господине, твою любовь, что имѣеши къ Пречистой Богородицѣ, и къ нашей нищетѣ, и поминая, господине, твою великую и довольную милостыню господина нашего. Да что ми еси, господине, писалъ о преславномъ чудесе Пречистыя Богородицы, паче слова и смысла преславная Ея чудесе. Слава Тебѣ, Боже, слава

Можайскъ и Бѣлозерскъ со всѣми волостями (П. С. Л. IV, 353; VI, 108; VIII. 56), Бѣлозерскъ купленъ былъ еще Иваномъ Даниловичемъ Калитою и составлялъ Великокняжеское имѣніе (Кир. IV, пр. 327).

*) Упоминаемое въ письмѣ князя Андрея чудо Богоматери не можетъ быть отнесено къ избавленію Россіи отъ нашествія Тамерлана; потому что это нашествіе было въ 1395 г., а Кириллъ въ отвѣтномъ письмѣ князю Андрею упоминаетъ о его женѣ и дѣтяхъ. Князь же Андрей женился только въ 1403 г. Въ 1413 г., въ отчинѣ князя Андрея, Можайскѣ, открылись чудеса отъ иконы Богоматери Кологской. Можно бы думать, что князь Андрей указываетъ именно на это чудо, но Кириллъ въ своемъ письмѣ говоритъ: что родъ крестьянскій избавленъ отъ нашествія иноплеменныхъ врагъ чудомъ Богоматери. А этого нельзя отнести къ явленію Кологской иконы Богоматери.

Тебѣ крѣпкій, слава Тебѣ безсмертный, хвалимый въ Троицѣ всѣми небесными силами, и родомъ человѣческимъ! Молитвами Богородицы Матери Своея, такову излія милость въ послѣдній сей родъ, услышавъ моленіе Матери Своея о родѣ крестьянскомъ. Слыши, господине, князь Андрей, Ветхое писаніе: егда восхощетъ Богъ кую землю показнити за нечестіе, посылаетъ прежъ проповѣдники, дабы обратились; и аще обратятся, отводитъ Господь отъ нихъ Свой гнѣвъ, мимоходитъ скорбь, и прелагаетъ печаль на радость, и показуетъ на нихъ Свою милость. Господине князь Андрей! Намъ нынѣ видѣвше Пречистыя Госпоже Богородицы преславная Ея и великая чудеса, и о томъ ся, господине, радоватися сердцемъ и душею устрашитися на всякъ часъ, что сподобилъ насъ Богъ пречистою Своею Матерію, въ послѣдній сей родъ, таковыми знаменми и чудесы избавити крестьянскій родъ отъ нашествія иноплеменныхъ врагъ: и намъ, господине, нынѣ видѣвше на насъ Божію милость и Пречистыя Богородицы помощь, поминати бы грѣхи своя, и о томъ бы плакатися, и просити у Бога милости и помощи и у Пречистые Его Матери на благая дѣла: и аще видитъ насъ милосердый Господь въ сокрушеніи и сѣтованіи ходяща, не презритъ насъ, якоже Ниневитяны, но обычнымъ симъ человѣколюбіемъ помилуетъ. Благаго и преблагаго Бога благодарити должни есмы, Того бо есмы созданіе и рабы, искуплени есмы честною Его кровію. И ты господине, князь Андрей, видя человѣколюбіе и милосердіе Господа нашего Іисуса Христа, что гнѣвъ Свой отъ насъ отвелъ, а милость Свою явилъ народу крестьянскому, молитвами Пречистыя Госпожи Богородицы Матере Своея. И ты, господине, смотри того: властелинъ еси въ отчинѣ, отъ Бога поставленъ, люди, господине, свои уймати отъ лихаго обычая. Судъ бы, господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ право; поклеповъ бы, господине, не было; подметовъ бы, господине, не было; судьи бы, господине, посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими, понеже сице глаголетъ Господь; да не оправдиши нечестиваго мзды ради; ни сильна, ни богата не устыдися на судѣ, ни брата свойства ради; ни друга любве

ради, ни нища нищеты ради; ни сотвориши неправду на судѣ, яко судъ истиненъ есть, «проклятъ всякъ неправо судя». Пророкъ рече: «ярость господня на нихъ неисцѣльна довѣка, и огнь поястъ нечестивыя мзды ради, иже неправдою взимаютъ.» А судя праведно, безо мзды, спасены будутъ и царство небесное наслѣдуютъ. И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было: понеже, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Такоже, господине, и мытовъ бы у тебя не было; а яже господине, куны (деньги) неправедныя, а гдѣ господине, перевозъ, туто, господине, пригоже дати труда ради. Тако же, господине, и разбоя бы и татбы въ твоей вотчинѣ не было. И аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывать своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойни. Тако же, господине, уймай подъ собою людіи отъ скверныхъ словъ, и отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и аще, господине, не подщишися того управити, все то на тебѣ взыщется; понеже властитель еси своимъ людямъ, отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ, господине, не лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы и поста. А отъ упиванія бы есте уймлись, а милостынку бы есте по силѣ давали; понеже, господине, поститись не можете, а молитися лѣнитеся; ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня вашъ недостатокъ исполнитъ. А Великому Спасу и Пречистѣй Его Матери Госпожи Богородицы, Заступницѣ крестьянской, чтобы есте, господине, велѣли молебны пѣти по церквамъ, а сами бы есте, господине, ко церкви ходити не лѣнились, а въ церкви стойте, господине, съ страхомъ и трепетомъ, помышляющіе въ себѣ, аки на небеси стояще: понеже, господине, церковь наречется земное небо, въ ней же совершаются Христова таинства. Блюди и себе, господине, опасно: въ церкви, господине, стоя, бесѣды не твори и не глаголи, господине, никакого слова праздна; и аще кого видиши отъ вельможъ своихъ или отъ простыхъ людей, бесѣдующа въ церкви, и ты имъ, господине, возбраняй; понеже, господине, то все прогнѣваетъ Бога. И ты господине, князь Андрей, о всемъ о томъ внимай себѣ, за-

неже глава еси и властитель отъ Бога поставленъ, иже подъ тобою крестьяномъ. А милость Божія и Пречистыя Богородицы на тебѣ на моемъ господинѣ и на твоей княгинѣ, и на вашихъ дѣткахъ, и мое благословеніе и молитва и братіи моей. Аминь.

Къ вел. княг. Евдокіѣ и вел. князю Василію Дмитріевичу.

Преподобный Кириллъ пользовался расположеніемъ и вдовы в. к. Дмитрія Ивановича Донскаго, Евдокіи, которая дарила угодья монастырю Кирилла. Самъ великій князь Василій Дмитріевичь присылалъ милостыню въ монастырь, просилъ молитвъ святаго старца о себѣ. Кириллъ, благодаря за память, не преминулъ и въ письмѣ къ великому князю высказать ему свои совѣты. «Господину благовѣрному и боголюбивому князю великому Василію Дмитріевичю, Кирило чернечище многогрѣшный съ своею братицею, на твоей, господине, довольно еже къ намъ милостыни, много челомъ бьемъ, и радуемся, господине, о тебѣ, что имѣеши сицеву вѣру къ Пречистой Богородицѣ и нашей нищетѣ, и о великомъ твоемъ смиреніи. О семъ же, господине, радуемся и скорбимъ, что паче слова и смысла, безмѣрное твое смиреніе: посылаеши ко мнѣ грѣшному и нищему и всякаго благаго дѣла удалившемуся ты, господине, князь великій всея земли рускія, и смиряяся, ко мнѣ посылаеши грѣшному и страстному и недостойному небесе и земли, и того самаго иноческаго житія; и азъ, господине, грѣшный истинно о семъ скорблю, недостоинства ради своего, радуемъ же ся, господине, благаго ради своего произволенія и смирьня мудраго нрава, яко симъ подобишися, господине, преблагому нашему Владыцѣ и Господу, отъ толикія неизреченныя славы и съ высоты сшедшему насъ ради грѣшныхъ и смирившуся даже и до рабія образа. Сице, господине, и ты отъ толикія славы міра сего преклонися смиреніемъ къ нашей нищетѣ, и отъ сего, господине, познаваемъ великую твою любовь къ Богу и Пречистѣй Его Матери. Елико бо приближаются святіи къ Богу любовію, толико видятъ себя грѣшны; ты бо, господине,

симъ смиреніемъ, велико себѣ пріобрѣтаешъ спасеніе и ползу душевную. Тѣмъ, господине, азъ грѣшный паче печалую душею, что мене недостойнаго и покоршагося всякому грѣху сице ублажаете, не притяжавша ни единыя добродѣтели, но всякой страсти повиннаго, и таково, господине, моленіе посылаеши ко мнѣ, не могущему и о своихъ грѣсѣхъ Бога умолити. И како о тебѣ, господине, Бога умолю, такову ми сущу исполнену всякаго дѣла зла? Но, господине, писано, что не велитъ отрицатися и грѣшнымъ молити Бога о велящихъ за ся, вѣры ради ихъ. Тѣмъ же, господине, вѣры ради твоея великія, не оставитъ тебе Богъ, но помилуетъ, и Пречистая Госпожа Богородица и Царица наша поможетъ ти вся дни живота твоего, и подастъ ти исцѣленіе души жъ и тѣлу, что насъ нищихъ, господине, не забываеши въ пустомъ семъ мѣстѣ, собравшихся во обители ея, но часто призираеши довольными милостынями. Мы же, господине, не можемъ о семъ тебѣ воздати ничтоже, но Пречистая Госпожа Богородица, надежа и упованіе наше, испроситъ на тя милость у Сына Своего въ сій вѣкъ и въ будущій. И азъ грѣшный съ своею братицею, елика сила, радъ Бога молити о тебѣ нашемъ господинѣ, и о твоей княгинѣ и о твоихъ дѣткахъ и о всѣхъ крестьянахъ, Богомъ порученныхъ тебѣ. Ты же, господине, Бога ради, внемли себѣ и всему княженію твоему, въ немъ же тя постави Духъ Святый пасти люди Господня, еже стяжа честною ся кровію. Яко же великія власти сподобился еси отъ Бога, толикимъ болшимъ и воздаяніемъ долженъ еси. Въздай же убо Благодателю долгъ, святыя Его храня заповѣди, всякаго уклоняясь пути, ведущаго на пагубу. Яко же бо о кораблехъ есть, егда убо наемникъ, еже есть гребецъ, съблазнится, малъ вредъ творитъ плавающимъ съ нимъ; егда же кормчій, тогда всему кораблю сътворяетъ пагубу: тако же господине, и о князехъ. Аще кто отъ бояръ согрѣшитъ, не творитъ всѣмъ людемъ пакость, но токмо себѣ единому; аще ли же самъ князь, всѣмъ людемъ, иже подъ нимъ, сотворяетъ вредъ. Ты же, господине, съ многою твердостію храни себе въ добрыхъ дѣлѣхъ; рече бо святый Апостолъ: «Миръ имѣйте и святыню, безъ нея же никтоже

узритъ Господа». Возненавиди, господине, всяку власть, влекущую тя на грѣхъ; непреложенъ имѣй благочестія помыслъ, и не возвышайся, господине, временною славою къ суетному шатанію: малъ убо и кратокъ сущій здѣ животъ и съ плотію съпряжена смерть. И сія убо помышляя не впадеши въ ровъ гордостный: но бойся господине, Бога, истиннаго Царя, и блаженъ будеши: «блажени бо, рече, боящіися Господа». Вспоминай же, господине, надежу будущаго вѣка, и царство небесное, радость святыхъ, веселіе съ Ангелы, надо всѣми же зрѣніе пресладкаго лица Божія; Той бо воистинну доброта неизреченная, весь сладость и желаніе и любовь несытная всѣмъ любящимъ Его и творящимъ пресвятую волю Его. Да слышалъ есми, господине, князь великій, что смущеніе велико между тобою и сродники твоими князми суждальскими. Ты, господине, свою правду сказываешъ, а они свою; а въ томъ, господине, межи васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ правда предъ тобою, и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себе стой по правдѣ. А почнутъ ти, господине, бити челомъ и ты бы, господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мѣрѣ; занеже, господине, тако слышалъ есмь, что доселѣ были у тебе въ нужи, да отъ того ся, господине, и возбранили (т. е. начали войну). И ты, господине, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблужденіи въ татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались. Занеже, господине, ни царство, ни княженіе, ни иная кая власть не можетъ насъ избавити отъ нелицемѣрнаго суда Божія; а еже, господине, възлюбити ближняго яко себе, и утѣшити душа скорбящая и озлобленныя, много, господине, поможетъ на страшнемъ и праведнѣмъ судѣ Христовѣ, понеже пишетъ апостолъ Павелъ, ученикъ Христовъ: «аще имамъ вѣру горы преставляти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ничтоже польза ми есть». Възлюбленный же пишетъ Іоанъ Богословъ: аще кто речетъ, Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь есть. Тѣмже и ты, господине, възлюби

Господа Бога отъ всея души своея; тако възлюби и братію твою и вся крестьяне; и тако, господине, вѣра твоя къ Богу и милостыня твоя къ нищимъ Богомъ пріятна будетъ. А милость Божія и Пречистыя Богородицы на тебѣ, на моемъ господинѣ, на великомъ князѣ Васильѣ да будетъ, и на твоей великой княгинѣ, и на вашихъ дѣткахъ и мое благословеніе и молитва и моей братіи. Аминь» *).

Изъ приведенныхъ нами писемъ преп. Кирилла видно, что, вступая въ сношенія съ князьями, онъ искалъ не выгодъ какихъ либо для своей обители, но усматривалъ здѣсь благопріятный случай дать имъ христіанское наставленіе. Молитвою, постомъ и трудами старался положить твердое основаніе для своей новой обители.

Внутреннее благоустройство обители.

Молва о святой жизни Преподобнаго распространялась не въ окрестностяхъ только, но и въ дальніе предѣлы, и стала привлекать къ нему ревнителей подвижнической жизни, одного за другимъ. Число иноковъ росло, обитель Кириллова процвѣла и стала городомъ иноковъ.

Достойнѣйшіе сподвижники и ученики преподобнаго Кирилла.

Подъ руководствомъ преподобнаго Кирилла, въ его обители образовались высокіе подвижники благочестія. Молчальникъ *Игнатій*, мужъ великій въ добродѣтеляхъ, оставивъ свою пустынь, пришелъ къ св. Кириллу, и до конца жизни пребылъ въ смиренномъ послушаніи богоносному старцу. По своей строгой жизни, онъ служилъ образцомъ для братіи послѣ самого

*) Письмо это писано было Кирилломъ, вѣроятно, въ 1401 или 1402 г. Когда Василій Дмитріевичъ посылалъ войско захватить суздальскаго князя Симеона Дмитріевича (П. С. Л. VI, 123, VIII, 79). Оба суздальскіе князя Василій Дмитріевичъ Кирдяпа и Симеонъ Дмитріевичъ скончались въ изгнаніи: Кирдяпа въ ордѣ въ 1403 г., а Симеонъ Дмитріевичъ въ вятской землѣ (Карамз. V, 132).

Кирилла; въ теченіе тридцати лѣтъ иночества своего, онъ никогда не ложился спать, но спалъ или стоя, или сидя, да и то не спалъ, а только, на краткое время, дремалъ. У сего старца, строгаго подвижника, двѣнадцать лѣтъ прожилъ подъ руководствомъ *Иннокентій*. Извѣстный съ младенчества св. Кириллу дѣвственною чистотою, онъ старался подражать святымъ своимъ старцамъ во всемъ и вовсемъ повиноваться такъ, какъ будто не имѣлъ своей воли. Незадолго до кончины своей, сему Иннокентію, предъ всѣми своими учениками, Преподобный вручилъ строеніе монастырское, нарекши его игуменомъ. Было много у св. Кирилла и еще учениковъ, знаменитыхъ истинно подвижническою жизнію. Въ числѣ ихъ былъ у него ученикъ, по имени *Антоній*, великій по Богѣ житіемъ и опытный въ дѣлахъ духовныхъ и житейскихъ; его то одного и посылалъ св. Кириллъ, однажды въ годъ, закупать все нужное для монастыря, какъ то: одежду, обувь, масло и прочее, и кромѣ его уже никто не исходилъ изъ обители.

Христофоръ, любимый ученикъ св. Кирилла; онъ вмѣстѣ съ нимъ много подвизался въ списываніи церковныхъ книгъ. И какъ ученикъ Преподобнаго, онъ старался съ должнымъ смиренномудріемъ исполнять то, что видѣлъ творящимъ отца своего Кирилла; до такой степени любилъ убожество въ своихъ одеждахъ, что по одеждѣ его не могли различить отъ прочей братіи, тогда какъ онъ уже былъ впослѣдствіи игуменомъ Кирилловской обители. Онъ обрекъ себя на подвигъ — не выходить изъ ограды, и до конца жизни не смѣлъ нарушить отеческой заповѣди.

Трифонъ, изъ постриженниковъ св. Кирилла, преемникъ по игуменству Христофору, мужъ разсудительный въ дѣлахъ духовныхъ и мірскихъ. Онъ не менѣе другихъ учениковъ Преподобнаго старался во всемъ соблюсти его заповѣди; бывъ впослѣдствіи настоятелемъ, онъ заботился, чтобы ничего не раззорилось изъ общежительнаго устава его; и Господь, молитвами св. Кирилла, помогъ ему соорудить болѣе пространную церковь, во имя Успенія Богоматери, и вслѣдъ за тѣмъ

обширную трапезу съ теплою церковью и распространить самый монастырь *).

Мартиніанъ, воспитавшійся подъ непосредственнымъ руководствомъ св. наставника, и вполнѣ достойный его ученикъ. Св. Кириллъ, проразумѣвъ въ отрокѣ Михаилѣ чрезвычайное смиреніе. принялъ его къ себѣ, облекъ его въ иноческую одежду и далъ ему новое имя Мартиніанъ. Онъ повелѣлъ ему жить у себя въ кельи и читать отеческія книги. Юный Мартиніанъ съ любовію предался чтенію отеческихъ писаній и подвигамъ послушанія, молитвы и труда; когда смущали его какіе либо помыслы, со страхомъ исповѣдовалъ ихъ своему старцу, такъ что Преподобный дивился его смиренію и прославлялъ Бога. Видя его добродѣтели, св. Кириллъ дозволилъ ему жить особо въ своей кельи и просилъ ростовскаго святителя рукоположить его сперва въ діакона, для соборнаго съ собою служенія, а потомъ и во пресвитера. Мартиніанъ, по замѣчанію жизнеописателя, какъ бы на хартіи, собиралъ въ сердцѣ своемъ всѣ изреченія св. Кирилла, особенно слѣдующее: «добро иноку хранить молчаніе и нестяжаніе и избѣгать всего, что можетъ возмутить душевныя чувства». По преставленіи св. Кирилла, онъ преемственно былъ настоятелемъ и Ѳерапонтова монастыря и Сергіевой лавры. Изъ числа братства св. Кирилла остались еще извѣстными по именамъ и святостію жизни: *Германъ*, котораго послушаніемъ была ловитва рыбы, и духовный другъ его *Димитрій*.

Введеніе устава общежительнаго.

Когда въ обители Кирилловой умножилось число братіи, Преподобный ввелъ въ нее *уставъ общежительный*; въ семъ чинѣ иноческаго житія, онъ начерталъ правила относительно общаго Богослуженія, общей трапезы, одинаковыхъ келлій, общихъ одеждъ, общаго казнохранилища и общихъ послушаній и т. п.

*) Въ обители Бѣлоезерской и преподобный Діонисій Глушицкій находился нѣкоторое время въ числѣ учениковъ св. Кирилла, котораго священный ликъ сохранилъ на иконѣ своею кистію.

О Богослуженіи.

По уставу Преподобнаго, служба Божественная совершалась съ особеннымъ вниманіемъ, и самый напѣвъ хранимъ былъ тихій и чинный; каждый изъ братіи обязанъ былъ стоять на указанномъ ему мѣстѣ отъ игумена и никто не смѣлъ переходить съ одного на другое; никто не смѣлъ въ церкви бесѣдовать и никто не долженъ былъ выходить изъ нея прежде окончанія службы.

О трапезѣ.

Изъ церкви послѣ литургіи вся братія идутъ въ трапезу; каждый садился на своемъ мѣстѣ, по порядку, съ кротостію и молчаніемъ; въ трапезѣ была тишина, оттого и чтеніе было внятно. Пища была самая умѣренная, и всегда только изъ трехъ снѣдей, кромѣ постныхъ дней; а по келліямъ дозволялось вкушать только по крайней необходимости, ради немощи и старости. Весьма строго заповѣдалъ преподобный Кириллъ, чтобы ни при немъ, ни послѣ него хмѣльныхъ напитковъ не только не пили, но и не держали въ обители, и чтобы даже никто не смѣлъ внести ихъ въ обитель его.

О келліяхъ.

Изъ трапезы, по благодареніи, каждый молча шелъ въ свою келью, не уклоняясь ни на какія бесѣды и не заходя въ келью къ другому, и только по крайней нуждѣ: «иди въ свою келью: твоя келлія тебя всему доброму научитъ», любомудрствовалъ св. Кириллъ и поучалъ своего ученика Мартиніана. Никто не смѣлъ получать писемъ, ни подарковъ помимо настоятеля; къ нему приносили нераспечатанныя письма; безъ его благословенія и не писали писемъ. Въ кельѣ ничего не держали кромѣ иконъ, книгъ и сосуда съ водою для умыванья рукъ; даже если кто хотѣлъ пить воды, тотъ шелъ въ трапезу, и тамъ съ благословеніемъ утолялъ жажду. Никто также не смѣлъ называть что либо своимъ у себя въ келліи. Братія, по кельямъ

своимъ, занималалась то чтеніемъ или списываніемъ книгъ, то рукодѣльями.

О монастырской казнѣ и хранилищѣ одеждъ.

По уставу Преподобнаго, у братіи все содержаніе было общее и ни у кого не было никакой собственности. Деньги, сребро и злато хранились только въ казнѣ монастырской, откуда братія получали все нужное. Одежду и обувь братія получали изъ общаго хранилища; и не было никакого различія въ одеждѣ или обуви, однимъ словомъ, все было общее и единое у всѣхъ, по заповѣди Апостольской.

Объ общихъ послушаніяхъ.

Не только къ службѣ Божіей, но и на монастырскія работы всѣ иноки старались одинъ передъ другимъ являться какъ можно раньше; и всякій, по силѣ своей, нелѣностно подвизался, не для людей, а для Господа. Во время работы, остерегались особенно празднословія и пререканій, но каждый трудился молча, съ молитвою, яко предъ очами всевидящаго Бога. Бывала бесѣда только развѣ отъ св. книгъ, для пользы братіямъ, не знающимъ Божественнаго писанія.

О нехожденіи изъ монастыря.

Уставъ св. Кирилла о нехожденіи изъ монастыря былъ сходенъ съ Сергіевымъ: никто не исходилъ изъ обители, кромѣ одного опредѣленнаго на сіе, ради монастырскихъ нуждъ; никто даже не смѣлъ выходить за ограду, «да не како исходящіи братія изъ монастыря въ міръ, говорилъ Преподобный, заняты будутъ отъ врага нѣкіими соблазнами».

О взаимныхъ отношеніяхъ.

При взаимныхъ отношеніяхъ братіи, преподобный Кириллъ всего болѣе заповѣдывалъ имѣть повиновеніе къ игумену и лю-

бовь между собою, и заботился особенно о томъ, чтобы не было раздоровъ между братіею. Преподобный Кириллъ каждому опредѣлялъ свое дѣло; и всѣ исполняли волю настоятеля *аки Божіе повелѣніе*, безъ прекословія и ропота; въ обители его все совершалось не иначе, какъ съ благословенія настоятелева. Съ утѣшеніемъ видѣлъ сей чудный порядокъ, еще въ свое время, преподобный Іосифъ Волоколамскій и воздавалъ хвалу Богу, ублажая и великаго авву Кирилла чудотворца, положившаго такое начало въ своей обители.

Поземельныя владѣнія.

Чтобы обезпечить содержаніе братіи въ общежитіи и имѣть средства для приличнаго поддержанія обители, преподобный Кириллъ заботился о пріобрѣтеніи недвижимаго имущества *), частію отъ усердія благотворителей, частію чрезъ покупку. Но

*) Въ жалованной граматѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю, на основаніи прежнихъ жалованныхъ граматъ и купчихъ крѣпостей, говорится: „Дала баба моя великая княгиня Овдотья въ домъ Святѣй Богородицѣ игумену Кириллу село Сандыревское и съ лѣсы и съ пожнями, да пустоши поженки Ворсинскіе; далъ отецъ мой князь Андрей Дмитріевичь въ домъ Пречистой игумену Кириллу паволокъ Шотинъ, да на Волочкѣ село Великое съ деревнями. Далъ Харламъ Мордка въ домъ Святѣй Богородицѣ игумену Кириллу землицу, да поженку у Ѣзовища, да борокъ противъ Святѣй Богородицѣ; далъ игумену Кириллу Флоръ Остафьевъ деревню Куземьинскую; купилъ игуменъ Кириллъ у попа Павла деревню Ивашевскую Мишина; купилъ игуменъ Кирило у Серки полдеревни Волковскіе, да Ульянову полосу, а другую половину тоижь деревни игуменъ Кирило купилъ у Тимошки; да у попа Павла деревню Окуловскую, да купилъ игуменъ Кирило у Никиты Андреева пустошь въ Каргобидѣ, да пожню на Колдинѣ Мостовую; купилъ игуменъ Кирило у Клима у Жеребцова деревню Харламовскую, да деревню Михеевскую; купилъ игуменъ Кирило у Серка ниву Волковскую“ (Ак. Арх. эк. I, № 377). Сохранилась одна купчая преподобнаго Кирилла: „Се азъ игуменъ Кириллъ, доложа Есипа Ивановичъ Тіуна княжь Юрьева Васильевича, купилъ есми въ домъ Пречистѣй Богородицѣ, у Нестерка у Мямли деревню и съ иными землицами и съ поженками, которыя землицы и поженки доселѣ тянули къ той деревнѣ, и съ тою поженкою, которую Нестерко вымѣнялъ въ Ондреевѣ наволовѣ; и землица Прибудово, да Мѣсяцево; а далъ есми три рубли и сорокъ бѣлъ, да овцу пополанка; а серебро платилъ отъ игумена чернецъ Варсонофей“. (Ак. юр. № 72).

дабы заботы объ управленіи сими имѣніями не нарушали покоя иноковъ, онъ старался слѣдовать тому совѣту, какой далъ митрополитъ Кипріанъ Аѳанасію, игумену Серпуховскаго монастыря, и какой вѣроятно высказывалъ Кириллу самъ митрополитъ Кипріанъ: «Быти селу подъ монастыремъ, но никому черньцу не быти въ немъ, но мірянину нѣкоему богобоязливу приказати и тому печаловатися о всякихъ дѣлѣхъ; въ монастырь же бы готовое привозилъ житомъ и иными потребами: занеже пагуба чернцемъ селы владѣти и тамо частыя происхожденія творити» (Акт. ист. I. 180). Такъ, когда одинъ бояринъ Романъ прислалъ дарственную запись на свое село, преподобный Кириллъ просилъ Романа, чтобы онъ вмѣсто 50 мѣръ жита, которыя онъ жертвовалъ прежде, присылалъ бы 100 мѣръ на содержаніе братіи, а управленіе селянъ оставилъ бы за собою.

Святая жизнь Кирилла.

Но не столько правилами устава, какой далъ преподобный Кириллъ для своей обители, поучалъ онъ и руководилъ въ житіи богоугодномъ, сколько примѣромъ своей святой, высокой, истинно-подвижнической жизни. Св. Кириллъ освящалъ свой уставъ примѣромъ своей жизни. Ночью св. Кириллъ со слезами молился; никогда молитва не преставала въ устахъ его. Прежде всѣхъ приходилъ онъ въ храмъ; самъ блаженный никогда въ церкви не стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, и не позволялъ себѣ сидѣть въ церкви безвременно, и ноги его были какъ неподвижные столпы. Присутствуя за братскою трапезою, онъ обыкновенно вкушалъ только отъ двухъ снѣдей, и то не до сытости; а пилъ одну воду. Запрещая другимъ роскошь, самъ носилъ одежду ветхую—рубище. Часто, послѣ утрени и келейнаго правила, приходилъ онъ въ поварню и, будучи игуменомъ, раздѣлялъ самъ труды съ поварами, помогалъ имъ въ приготовленіи братской пищи, заботясь о томъ, чтобы пища для братіи была приготовлена лучше. Никогда онъ не дозволялъ нарушенія церковныхъ правилъ о постѣ. Однажды въ великій

постъ княгиня Агриппина, супруга князя Андрея Дмитріевича, имѣвшая особенную вѣру къ св. Кириллу, прибывъ въ обитель, хотѣла угостить братію рыбною пищею, но Преподобный никакъ не согласился дозволить ей то, говоря: «если самъ онъ подастъ примѣръ къ разоренію устава монастырскаго, который имъ учрежденъ, то не будутъ ли послѣ его смерти ссылаться на то, что самъ Кириллъ дозволялъ въ посты ѣсть рыбу». И княгиня, учредивъ братію постными снѣдями, удалилась, похваляя его твердость. Многопоучительны были также любовь и вѣра Кириллова къ Богу. Служилъ ли онъ божественную литургію, читалъ ли самъ чтенія, или только слушалъ ихъ, или поучалъ братію, онъ никакъ не могъ удержаться отъ слезъ благоговѣйныхъ: такова была теплота его божественной любви! Онъ же имѣлъ великую вѣру къ Богу, съ упованіемъ. Когда случался недостатокъ въ хлѣбѣ и братія понуждали послать за хлѣбомъ къ христолюбцамъ, св. Кириллъ никакъ на то не соглашался, и отвѣчалъ: «Богъ и Пречистая Богоматерь не забудутъ насъ на мѣстѣ семъ; иначе зачѣмъ и жить намъ здѣсь?» и не дозволялъ докучать мірянамъ сборами. А если сами присылали въ обитель его милостыню какую либо, онъ, съ благодареніемъ Богу, принималъ ее, какъ даръ Божій, и тѣмъ утѣшалъ братію. Исполненный твердою вѣрою къ Богу и Пречистой Его Матери, св. Кириллъ служилъ для братіи примѣромъ нестяжательности. Случилось: одинъ бояринъ Романъ прислалъ дарственную грамату на село въ пользу обители; св. Кириллъ отвѣчалъ: «если тебѣ угодно, человѣкъ Божій, дать село въ домъ Пречистыя, на пропитаніе братіи, то вмѣсто пятидесяти мѣръ жита, которыя доселѣ намъ даешь, отпускай ихъ сто, если можешь; мы будемъ довольны, а селами своими владѣй самъ; ибо намъ они не нужны и не полезны для братіи; а душа единаго брата дороже всего имѣнія». Такова была забота Преподобнаго о душевномъ спасеніи братіи! Назидательны были для братіи и дѣла милосердія св. Кирилла къ бѣднымъ. Былъ однажды сильный голодъ во всей окрестности: народъ отовсюду стекался къ обители Преподобнаго, прося себѣ хлѣба, а въ монастырѣ, и во время сего

голода, запасовъ было достаточно только для братства. Св. Кириллъ велѣлъ раздавать хлѣбъ убогимъ и нищимъ, и питать всѣхъ приходящихъ. И чѣмъ болѣе раздавалось хлѣба, тѣмъ болѣе умножались молитвою Преподобнаго запасы монастырскіе; и такимъ образомъ, имъ во время голода пропитано было множество народа. — Благотворно-нравственное вліяніе Преподобнаго не ограничивалось только его обителью.

Нравственное вліяніе на христолюбцевъ.

Высокое благочестіе св. Кирилла естественно привлекало къ нему всеобщее глубокое благоговѣніе. Не одни многочисленные богомольцы всѣхъ званій и состояній приходили въ Кирилловъ монастырь, чтобы принять благословеніе св. Кирилла и послушать его душеспасительныхъ наставленій.

Стараніе объ отклоненіи посѣщеній высокихъ лицъ.

Преподобный Кириллъ, избѣгая славы человѣческой, старался отклонять отъ себя посѣщенія высокихъ лицъ. Онъ не могъ не принимать владѣтельнаго князя Бѣлозерскаго Андрея Дмитріевича, такъ какъ жилъ въ его владѣніяхъ. Князь Андрей и жена его Агриппина были духовными дѣтьми Кирилла. Но когда изъявилъ желаніе посѣтить Кирилла Звенигородскій князь Георгій Дмитріевичь, Кириллъ объявилъ ему, что удалится изъ обители, если князь рѣшится ѣхать въ нее. Онъ не отказывался давать письменно совѣты, наставленія и утѣшенія. У Георгія Дмитріевича сдѣлалась больна жена его Анастасія, и онъ просилъ у Кирилла молитвъ о ея выздоровленіи: Кириллъ отвѣчалъ ему посланіемъ.

Посланіе къ князю Георгію.

«Господину благовѣрному князю Георгію Дмитріевичу, Кирилище чернечище грѣшный съ своею братицею на твоей, господине, частой еже къ намъ нищимъ милостынѣ много челомъ бьемъ. Радуемся, господине, видя и слыша твое доброе про-

изволеніе, что отъ всея души уповаешь на Бога и Пречистую Его Матерь, и отъ насъ, воистинну недостойныхъ и грѣшныхъ, посланое къ тебѣ слово твориши пріятно. А что, господине, скорбишъ о своей княгинѣ, что въ недузѣ лежитъ: ино, господине, воистинну вѣмы,—яко нѣчто смотрѣніе Божіе и человѣколюбіе его быть на васъ, чтобы есте исправились къ нему. И вы, господине, посмотрите себѣ и обыщите внутрь сокровенная своя яже Богъ вѣсть, и вы сами, да о томъ, господине, покайтесь отъ всея души своея, да отъ того бы престати: занеже, господине, аще кто милостыню творитъ, аще и молити Бога за себя велитъ, а самъ не отстанетъ неподобныхъ дѣлъ своихъ, ничтоже пользуетъ себе, ниже Богъ благоволитъ отъ таковаго приношенія. И вы, господине, посмотрите себе и исправитесь къ Богу невзратно: и аще, господине, сице обратитесь къ Богу, и азъ грѣшный поручаюся, яко проститъ вамъ благодатію своею вся согрѣшенія ваша, и избавитъ васъ отъ всякія скорби и бѣды и княгиню твою здраву сътворитъ. А мы, господине, грѣшніи отъ всеа души ради Бога молить о ней, чтобы ее помиловалъ и облегчилъ отъ болѣзни тоя тяжкія. И аще ли, господине, такъ пребудетъ въ недузѣ томъ, воистинну, господине, вѣждь, что нѣчто добродѣтелей ея ради, хощетъ Богъ упокоити ю отъ маловременныя сея и болѣзненныя жизни ко оному нестарѣющемуся блаженству. Ты же, господине, не скорби о семъ, видя сію идущу въ безконечный покой, въ свѣтлость святыхъ, въ неизреченную славу Божію, и тамо зрѣти пресладкаго лица Его со Христомъ быти и, обрѣте его, радоватися въ странѣ живущихъ, идѣже гласы веселящихся *). Но надѣемся на милость Божію, яко не оскорбитъ тя Господь, но благодатію Своею помилуетъ и утѣшитъ тя, и Пречистая Госпожа Богородица, Царица наша, поможетъ ти, что насъ, господине, нищихъ ея не забываешъ въ пустомъ мѣстѣ семъ, събравшихся во обитель ея, но часто призираеши доволными твоими милостынями. О

*) Супруга Георгія Дмитріевича, Анастасія, скончалась 1422 г. Іюля 11 въ Звенигородѣ (Никон. лѣт. V, 80).

всѣхъ же сихъ, господине, мы грѣшніи ничтоже можемъ въздати тебѣ, но Пречистая Богородица воздастъ ти множае и въ сей вѣкъ и въ будущій, а азъ, господине, грѣшный съ своею братицею радъ Бога молити и Пречистую Его Матерь о твоемъ здравіи и спасеніи и твоея княгини, и о твоихъ дѣткахъ, и о всѣхъ крестьянѣхъ порученныхъ тебѣ. А что еси, господине князь Юрьи, писалъ ко мнѣ грѣшному, яко издавна жадаю видѣтися съ тобою: ино, господине, Бога ради, не мози того учинить, что ти къ намъ ѣхати; занеже, господине, вѣмъ яко нѣчто моихъ ради грѣховъ, то искушеніе пріидетъ на мя, аще поѣдешъ ко мнѣ: занеже, господине, извѣстую ти, не мочно ти насъ видѣти: покиня, господине, и монастырь, да ступлю прочь, куды Богъ наставитъ. Понеже, господине, вы чаете мене здѣсе; что азъ добръ и святъ; ино, господине, въистинну всѣхъ есми человѣкъ окаяннѣе и грѣшнѣе, и всякаго студа исполненъ. И ты, господине, князь Юрьи, не подиви на насъ о семъ; понеже, господине, слышу, что божественное писаніе самъ вконецъ разумѣеши и чтешъ, и вѣдаешъ самъ, каковъ намъ вредъ приходитъ отъ похвалы человѣческіе, наипаче же намъ страстнымъ. Аще кто, господине, въистинну святъ и чистъ сердцемъ, ино и тѣмъ повреженіе бываетъ отъ тоя тяготы: а намъ, господине, еще всякой страсти повиннымъ, велика спона души отъ того. Еще, господине, самъ сего поразсуди: понеже твоея вотчины въ сей странѣ нѣтъ, и только ты, господине, поѣдешъ сѣмо, яко вси человѣціе начнутъ глаголати: «Кирилла дѣля токмо поѣхалъ». Былъ, господине, здѣсе братъ твой князь Андрей, ино, господине, его вотчина, и намъ пришла нужа: нелзѣ намъ ему, своему господину, челомъ не ударити. А ты, господине, Бога ради, не учини того, что ти къ намъ ѣхати. А азъ господине, аще и грѣшенъ есми, а радъ Бога молити и Пречистую Его Матерь съ своею братьицею о тебѣ о нашемъ господинѣ и о твоей княгинѣ и о твоихъ дѣткахъ и о всѣхъ крестьянѣхъ, иже подъ властію твоею, якоже ти, господине, и прежь сего писахъ. А Пречистая Госпожа Богородица, Владычица наша, помилуетъ тя и покрыетъ тя ризою Своею честною, и наста-

вить тя въ разумъ истинный и управитъ тя въ царствіе Сына Своего за молитвъ святыхъ. Аминь.» (Акты истор., I, № 27).

Благодатные дары Святаго Духа.

Особенную дѣйственность наставленіямъ преп. Кирилла придавали благодатные дары Св. Духа. Дары прозорливости и чудотворенія обнаружились въ немъ еще при жизни.

Тридцать лѣтъ подвизался св. старецъ въ своей пустынной обители, и за многую его добродѣтель, особенно за чистоту души, Господь наградилъ угодника Своего благодатнымъ даромъ прозорливости—провидѣть помышленія человѣческія и предсказывать будущее.

Преп. Кириллъ узнавалъ помыслы приходившихъ къ нему. Много приходило въ его обитель для того только, чтобы видѣть святаго, принять благословеніе и пользоваться его наставленіями, какъ сказано прежде; но не мало являлось къ Преп. и такихъ людей, которые желали остаться съ нимъ на жительство. Св. Кириллъ, по своей прозорливости, дарованной отъ Господа, предузнавалъ и напередъ сказывалъ ученикамъ своимъ, кто изъ пришедшихъ останется навсегда, и кто замышляетъ оставить обитель, и выйдетъ; и все это дѣйствительно исполнялось.

Одинъ инокъ, Ѳеодотъ, жившій въ одной пустынѣ, услышавъ о св. подвигахъ преп. Кирилла, пришелъ къ нему и умолилъ его принять къ себѣ въ сожительство. Сначала онъ имѣлъ нелицемѣрную любовь къ Преп.; но ненавидящій добро діаволъ, по времени, до такой степени помрачилъ его ненавистію къ св. отцу своему, что онъ не могъ ни видѣть отца, ни даже слышать голоса его. Смущаемый помыслами, онъ замышлялъ было уже оставить обитель; долго боролся съ симъ помысломъ, никому этого не говоря; но наконецъ рѣшился идти къ молчальнику Игнатію и исповѣдать ему помыслъ свой. Старецъ, утѣшалъ брата, увѣщавалъ терпѣть и крѣпко стоять въ подвигѣ противъ врага, говоря: «терпи, братъ, Бога ради; ибо

мы дали обѣтъ Владыкѣ нашему все терпѣть, ради Христовой любви. Знай, что этотъ помыслъ—отъ діавола; ибо что ты видишь въ отцѣ достойнаго ненависти? Онъ—ангелъ Божій. Говорю тебѣ: если ты послушаешь лукаваго твоего помысла, уйдешь отсюда, то будешь лишь корыстію врагу». Укрѣпленный нѣсколько старцемъ,—Θеодотъ обѣщалъ было: «подожду еще это лѣто; быть можетъ перемѣнится ко мнѣ отецъ». А потомъ, по малодушію своему, опять началъ смущаться тѣмъ же помысломъ; ибо врагъ не переставалъ внушать ему ненависть къ святому. Такъ боролся съ помысломъ все лѣто! Жестоко возмущаемый уныніемъ и весьма ослабѣвъ, Θеодотъ рѣшился обратиться къ самому св. Кириллу и повѣдать ему свое горе. Входитъ Θеодотъ въ келью Преподобнаго; увидѣвъ его преподобное лицо и устыдясь его святолѣпныхъ сѣдинъ, ничего не можетъ сказать; онъ уже хочетъ идти вонъ; но прозорливый старецъ, удержавъ его у себя, говоритъ: «братъ Θеодотъ! такъ какъ ты самъ не хочешь исповѣдать мнѣ твоихъ помышленій, то я самъ скажу тебѣ ихъ; и начинаетъ сказывать самъ брату все, что тотъ скрывалъ въ тайнѣ сердца своего. Объятый ужасомъ, и дивясь прозорливости святаго, Θеодотъ падаетъ къ ногамъ его, проситъ прощенія. Святый же, утѣшая его, сказалъ: «не скорби, братъ Θеодотъ, всѣ во мнѣ ошибались, почитая меня добрымъ; ты одинъ позналъ истину,—считая меня злымъ и грѣшнымъ; ибо кто я, грѣшный и непотребный? Пораженный смиреніемъ св. отца и обличаемый совѣстію, Θеодотъ еще больше сталъ сокрушаться и, со слезами, исповѣдовалъ св. Кириллу грѣхъ свой — неправедную ненависть къ нему. Преподобный, видя покаяніе Θеодота, великодушно простилъ его, и отпустилъ: «иди, братъ, съ миромъ въ келью твою; впередъ уже не нападетъ на тебя такое искушеніе». Съ тѣхъ поръ Θеодотъ обрѣлъ миръ Божій и покой своему сердцу, и уже никогда, по слову святаго, не колебалъ его прежній враждебный помыселъ.

Воскрешеніе мертваго.

Но вотъ еще случай, въ которомъ благодатная сила исцѣленій, данная Преподобному Господомъ, восходила даже до воскрешенія мертвыхъ! Одинъ человѣкъ, одержимый болѣзнію угрожающею смертію, умолялъ Преподобнаго скорѣе постричь его. Св. Кириллъ постригъ больнаго, облекъ въ монашескую одежду и назвалъ его Далматомъ. Близкій къ смерти, больной Далматъ просилъ причастить его передъ смертью св. Таинъ. Но священникъ въ служеніи литургіи замедлилъ и болящій умеръ, безъ причащенія св. Таинъ. Возвѣстили о томъ Преподобному. Огорченный симъ, св. Кириллъ обратился съ плачемъ къ Богу; онъ, своею молитвою, воскресилъ изъ мертвыхъ Далмата для того, чтобы тотъ причастился св. Таинъ. И какъ только причастился, и со всею братіею простился, мирно и тихо уснулъ о Господѣ.

Укрощеніе бури на озерѣ.

Не однимъ даромъ исцѣленій былъ прославленъ отъ Бога св. Кириллъ, но и другими чудотвореніями. Однажды Преподобный послалъ ловить рыбу на озеро. Ловцы были уже на срединѣ озера; вдругъ сдѣлалась буря на озерѣ, такъ что лодка заливалась волнами, и ловцамъ угрожала смерть. Нѣкто, по имени Флоръ, стоявшій тогда на берегу, увидя утопающихъ, побѣжалъ къ св. старцу и повѣдалъ ему, что ловцы утопаютъ въ озерѣ. Св. Кириллъ съ Крестомъ устремился на берегъ; животворящимъ Крестомъ онъ осѣнилъ воды озера, и симъ осѣненіемъ укротилъ бурю на озерѣ,—въ одну минуту утихли вѣтры и настала великая тишина на озерѣ. Избавленные отъ потопленія благополучно пристали къ берегу; «въ великой бѣдѣ быхомъ, говорили ловцы святому, аще не бы ты предварилъ молитвою своею къ Богу».

Умноженіе вина церковнаго для службы.

Въ другое время не достало церковнаго вина для службы. Возвѣстили Преподобному, что вовсе нѣтъ вина для литургіи

на день субботный и недѣльный. Преподобный призвалъ къ себѣ пономаря Нифонта и спросилъ его: нѣтъ ли хоть сколько нибудь вина? Нифонтъ отвѣчалъ, что и сосудъ тотъ, въ которомъ всегда было вино, совершенно сухъ. Святой велѣлъ принести къ себѣ тотъ сосудъ: Нифонтъ повиновался. Но когда взошелъ туда, гдѣ хранился сосудъ, — онъ внезапно увидѣлъ сей сосудъ преисполненнымъ виномъ до того, что оно уже изливалось, и чрезвычайно изумлялся тому; ибо вполнѣ былъ увѣренъ, что въ немъ не было ни капли вина. Видя то чудо и вся братія тоже дивились и прославляли Господа. И долгое время не оскудѣвало вино то въ сосудѣ, пока не было принесено иное христолюбцами. Такъ то чудодѣйственная вѣра Кирилла и внезапная помощь благотворителей спасали обитель отъ недостатка!

Разрѣшеніе неплодія.

Еще дивное чудо, прославившее угодника Божія Кирилла, въ иныхъ уже странахъ, и бывшее виною многихъ милостей къ его обители. Былъ нѣкто Бѣлевскій князь Михаилъ и супруга его именемъ Марія; въ теченіе восьми лѣтъ у нихъ не было дѣтей; ибо Марія была неплодна, и оба они скорбѣли о своемъ безчадіи. Князь слышалъ отъ многихъ, что все, что ни попроситъ у Господа преподобный Кириллъ, даруетъ ему Господь; поэтому онъ послалъ двухъ бояръ своихъ съ моленіемъ къ святому, да помолится за него и его княгиню, и да испроситъ имъ у Господа разрѣшеніе ихъ неплодія. Еще прежде, чѣмъ подано было посланіе отъ князя, блаженный сказалъ посланнымъ: «великъ вашъ путь, о чада, и вы съ трудомъ пришли; вѣрую убо Богу моему и Пречистой Его Богоматери, что трудъ вашъ не будетъ тщетнымъ: Богъ дастъ вашему князю плодъ чадородія». Подивились бояре прозорливости св. старца и поспѣшили поднести ему посланіе князя, а святый велѣлъ успокоить ихъ. Въ ту же ночь явился князю во снѣ свѣтоносный старецъ, украшенный сѣдинами, съ тремя сосудами въ рукѣ своей, который сказалъ ему: «пріими то, что ты про-

силъ у меня». То же явленіе и въ тотъ же часъ было и княгинѣ Маріи; съ радостію они повѣдали другъ другу бывшее имъ одинаковое видѣніе. Преподобный же Кириллъ, послѣ трехъ дней, отпустилъ бояръ съ миромъ къ своему князю и велѣлъ келарю дать имъ на дорогу полтора хлѣба и нѣсколько рыбокъ.—«Повели, отче, дать намъ болѣе хлѣба и рыбъ, потому что намъ путь дальній, а мѣста все пустынныя». Святый же отвѣчалъ: «идите съ миромъ, съ васъ и этого достаточно будетъ даже до самаго дома». Все сіе исполнилось по слову святаго; на двадцатидневномъ пути достаточно было для восьми мужей одного только полухлѣба. Съ благословеніемъ св. Кирилла благополучно возвратились къ своему князю посланные имъ бояре и отдали ему цѣлый хлѣбъ, оставшійся отъ пути. Князь съ радостію принялъ благословеніе и хлѣбъ, удивляясь повѣдуемымъ ими чудесамъ: хлѣбъ раздробили на части и роздали всѣмъ домашнимъ; всѣ вкушали его какъ бы великую святыню, больные же отъ вкушенія сего хлѣба внезапно выздоравливали. Князь спросилъ бояръ, въ какой день они пришли къ Преподобному, и оказалось, что въ тотъ день ночью князь и княгиня видѣли одинаковое видѣніе. У князя послѣ того родилось два сына и одна дочь, предзнаменованныя тремя сосудами отъ Преподобнаго. Съ тѣхъ поръ князь и княгиня имѣли великую любовь къ Преподобному и посылали въ обитель его многія милостыни.

Духовная грамата Кирилла.

Приближаясь къ смерти, преподобный Кириллъ написалъ духовную грамоту, въ которой, поручая свой монастырь покрову Божію и Пречистой Богородицы, проситъ вмѣстѣ и Бѣлозерскаго князя Андрея Дмитріевича наблюдать за сохраненіемъ въ обители введеннаго имъ устава. «Во имя Святыя Живоначальныя Троицы. Азъ грѣшный Кирилло игуменъ, смотрихъ, яко постиже мя старость, впадохъ бо въ частыя и различныя болѣзни, ими же нынѣ сдержимъ есмь, человѣколюбнѣ отъ Бога казнимъ, ради моихъ грѣхъ, болѣзнемъ на мя умно-

жившимся нынѣ, якоже иногда никогда же, и ничто же ми возвѣщающе, развѣ смерть и судъ страшный Спасовъ будущаго вѣка: и во мнѣ смутися сердце мое исхода ради, и страхъ смертный нападе на мя, боязнь и трепетъ страшнаго судища пріиде на мя и покры мя тма недоумѣнія. Что сотворити не свѣмъ, но възвергу печаль на Господа, да Той сътворитъ якоже хощетъ: хощетъ бо всѣмъ человѣкомъ спастися. Се азъ Кирило игуменъ, черньчище грѣшный, пишу сію грамоту при своемъ животѣ и въ своемъ смыслѣ. Предаю монастырь, трудъ свой и своее братіи, Богу и Пречистѣй Богородици, Матери Божіи, Царици небеснѣй, и господину князю великому, сыну своему Андрею Дмитріевичю, и сына своего благословляю въ свое мѣсто, священноинока Иннокентія. И ты, господине, князь великый, Бога ради и Пречистое дѣля Богородици, и своего ради спасенія, и мене ради своего нищего грѣшна человѣка, какову еси, господине, имѣлъ любовь доселѣ къ Пречистѣй Богородици и къ нашей нищетѣ, при моемъ животѣ, тако бы еси, господине, и по моемъ животѣ имѣлъ любовь крѣпку къ Пречистѣй Богородици и къ сыну моему Иннокентію и къ моей братици, которыи имутъ по моему житьищу жити, а игумена слушати. А что еси, господине, подавалъ свое жалованье, грамоты свои, дому Пречистѣй Богородици, и моей нищетѣ, чтобы то, господине, твое жалованье и грамоткы неподвижны были: какъ и доселѣ, господине, при моемъ животѣ, такъ бы, господине, и по моемъ животѣ было, занеже, господине, князь великый, намъ твоимъ нищимъ нѣчимъ боронитися противу обидящихъ насъ, но токмо, господине, Богомъ и Пречистою Богородицею, и твоимъ, господине, жалованьемъ нашего господина и господаря. А тебе, господина князь великаго, сына моего, Андрея Дмитріевича, елика исповѣдалъ еси Богу и Пречистой Богородици и мнѣ своему отцю, яко человѣкъ плоть нося, съгрѣшивъ, въ томъ тебе во всемъ Богъ проститъ и благословитъ. Такожъ и госпожю мою дщирь княгиню великую Ографену Богъ проститъ и благословитъ; такожъ господина и сына моего князь Ивана Богъ проститъ и благословитъ; такожъ госпожю и дщирь мою княжну Анаста-

сію Богъ проститъ и благословитъ. А милость Божія и Пречистыи Богородици на тобѣ на моемъ господинѣ князь великомъ Андреи Дмитріевичѣ да будетъ, и на твоей княгинѣ великой, госпожѣ нашей Ографенѣ, и на вашемъ сыну, на нашемъ господинѣ князѣ Иванѣ и на всѣхъ вашихъ дѣткахъ, и мое благословеніе и молитва и братьи моее, господине и господине князь великый Андрей Дмитріевичь. Много молю тя о семъ и челомъ бью съ своею братицею, по Бозѣ и по Пречистой Богородици, тебѣ своему господарю: однова, господине, игуменъ ти ся иметъ жаловати на которую братию, которые, господине, не имутъ его слушати, а по волѣ его не ходятъ, а мое житище грѣшна человѣка имутъ перечинивати; и азъ господина своего и господаря тобе съ слезами много молюся о томъ, чтобы еси, господине, тому не попустилъ быти, а тѣхъ бы еси, господине, чюнулъ крѣпко. Кто по моему житыщю не ходитъ, а игумена не иметъ слушати, и ты, господине, тѣхъ вели и изъ монастыря выслати» *). (Акт. истор. Т. I, № 32).

Приготовленіе къ смерти.

Преподобный сталъ все ослабѣвать сильнѣй, его различныя болѣзни умножались и онъ постепенно приближался къ блаженной кончинѣ. Незадолго до смерти, призвалъ богоносный Кириллъ къ себѣ братію, которыхъ было тогда пятьдесятъ три,

*) Подлинникъ сего завѣщанія хранится въ Кирилловѣ монастырѣ, въ ризницѣ, въ позолоченной рамкѣ за стекломъ. Грамота писана на столбцѣ обыкновенной бумаги и была сложена мелкими складками. Почеркъ близкій къ полууставу, мелкій, но четкій и красивый, съ частыми заглавными буквами, кои протянуты за строки къ низу, съ титлами и съ выноскою нѣкоторыхъ буквъ на верхъ строки, и со всѣми общеупотребительными знаками препинанія, и сверхъ того съ особеннымъ, состоящимъ изъ трехъ точекъ (.·.), а изрѣдка и съ знаками придыханія надъ начальными гласными буквами и съ удареніями; слова, между которыми нѣтъ знаковъ препинанія, ставлены близко одно къ другому; изъ буквъ отличается очертаніемъ ч, вездѣ писанное въ видѣ иписилона малаго и большаго: у, Y, и ѕ, которая писана такъ: ѕ, а это несомнѣнный признакъ древности письма. Списокъ сей граматы, напечатанный въ исторіи Россійской іерархіи (ч. IV, стр. 418—419), наполненъ грубыми ошибками, пропусками и подновленіями.

и строго заповѣдалъ имъ, по смерти его, не нарушать даннаго имъ общежительнаго устава. Поучивъ довольно братію, онъ самъ назначилъ имъ игуменомъ вмѣсто себя одного изъ своихъ учениковъ, Иннокентія, мужа добродѣтельнаго, хотя тотъ и долго отъ сего отрекался. Самъ же великій подвижникъ крайне желалъ безмолствовать въ своей келліи. Ему уже не могли служить ноги во бдѣніяхъ отъ его великаго воздержанія и стояній; не смотря на то, онъ однакожъ не оставлялъ своего правила келейнаго; сидя совершалъ сіе правило, и молитва, особенно Іисусова, никогда не преставала въ устахъ его. Не могъ св. старецъ на своихъ ногахъ ходить въ церковь и когда хотѣлъ совершить литургію, —а онъ никогда не оставлялъ своего правила служить по праздникамъ;— ученики приносили его на рукахъ въ церковь. Во св. Пятдесятницу, въ послѣдній разъ, самъ совершилъ божественную литургію и причастился св. Таинъ; въ Духовъ же день сталъ совершенно изнемогать тѣломъ.

Кончина преподобнаго Кирилла.

Вся братія, видя его въ крайнемъ изнеможеніи силъ, собралась къ нему въ келлію; всѣ скорбѣли и проливали горькія слезы о предстоящей тяжкой разлукѣ съ своимъ духовнымъ вождемъ и попечителемъ; отъ великой любви къ нему, желали, еслибы можно было, умереть вмѣстѣ съ нимъ; а нѣкоторые говорили ему съ плачемъ: «если ты оставишь насъ, отче, то и мѣсто сіе опустѣетъ, ибо многіе переселятся изъ сего монастыря». Но святый сказалъ рыдавшимъ ученикамъ своимъ: «не скорбите о моемъ отшествіи; если получу дерзновеніе у Господа и у Пречистой Его Богоматери, и трудъ мой будетъ угоденъ Богу, то не только не оскудѣетъ обитель моя, но еще болѣе распространится по отшествіи моемъ, только любовь имѣйте между собою». Братія не могли престать отъ рыданія, но святый, утѣшая плачущихъ, говорилъ: «не скорбите, братія и чада, въ день моего покоя, ибо мнѣ уже насталъ часъ почить о Господѣ. Предаю васъ Богу и Пречистой Его Бого-

матери, да сохранятъ васъ отъ всѣхъ искушеній лукаваго; сынъ мой Иннокентій да будетъ игумномъ на мое мѣсто; имѣйте его вмѣсто меня и онъ исполнитъ ваши недостатки». Самъ же Преподобный такъ былъ веселъ духомъ, какъ изъ чужихъ и далекихъ странъ возвращающійся на свою родину; не имѣя никакой печали, онъ веселился надеждою будущихъ благъ и лишь объ одномъ просилъ братію, чтобы у нихъ не было раздоровъ и сваровъ между собою, и чтобы ничто не раззорялось отъ общаго его житія. Иноки со слезами просили себѣ у него послѣдняго прощенія и благословенія, онъ же, какъ чадолюбивый отецъ, всѣхъ съ любовью прощалъ и благословлялъ, взаимно прося себѣ у всѣхъ молитвъ и прощенія. Въ самую минуту исхода души своей причастился, въ послѣдній разъ, Божественныхъ Таинъ, и, съ молитвою въ устахъ, тихо и мирно предалъ чистую и святую свою душу въ руки Господа; это было 9-го іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1427, на память тезоименнаго себѣ св. Кирилла Александрійскаго, въ понедѣльникъ Св. Троицы.

Погребеніе.

Въ минуту разрѣшенія, неизреченное благоуханіе пролилось отъ св. тѣла Кирилла,—это благоуханіе всѣми чувствовалось; затѣмъ лице его просвѣтилось и было чисто и свѣтло, даже больше чѣмъ при жизни, и не такъ, какъ обычно бываетъ у мертвыхъ, а какъ бы живой ликъ; казалось, онъ не умеръ, а блаженно почилъ. Съ плачемъ и рыданіемъ братія положили трудолюбное тѣло отца своего на одръ погребальный и понесли съ псалмопѣніемъ въ сооруженный имъ храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы. Совершивъ надгробное пѣніе, съ великою честію погребли св. мощи его по правую сторону собора, гдѣ впослѣдствіи надъ могилою его была воздвигнута часовня, а затѣмъ сооруженъ придѣлъ во имя его. Шестидесяти лѣтъ пришелъ св. Кириллъ въ Бѣлоезерскую пустыню, прожилъ здѣсь въ своей обители тридцать лѣтъ и почилъ на 90-мъ году своей жизни. Какъ при жизни своей, благо-

датію Божіею и помощію Богоматери, Онъ творилъ много чудесъ, такъ не преставалъ творить ихъ и по смерти своей. «Искони бо обыче Богъ прославляющихъ Его прославляти чудесами и по преставленіи», замѣчаетъ древній писатель житія его, Пахомій Логоѳетъ.

Заключеніе.

Древній жизнеописатель такъ заключаетъ свое повѣствованіе о св. Кириллѣ: «Таковы были подвиги блаженнаго Кирилла, таковы исправленія, таковы дары чудесъ и исцѣленій! Хотя и въ пустынѣ обиталъ блаженный, но слава его добродѣтели какъ бы на легкихъ крилахъ облетала дальнія страны, ибо не могъ укрыться градъ на верху горы: самъ Господь прославляетъ прославляющихъ Его. Богоносный пустынножитель свою непроходимую пустыню обратилъ въ чудную обитель и собралъ въ нее множество иноковъ; со дерзновеніемъ могъ сказать Преподобный о собранныхъ имъ чадахъ, при жизни и по смерти: «се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ» (Исаіи VIII), ибо забота о нихъ простиралась и за предѣлами гроба. Совершалъ угодникъ Божій чудеса при жизни, еще болѣе чудесъ совершилось послѣ преставленія его, при священномъ гробѣ его. Какъ не умаляются струи живыхъ ключей, напояющія землю и утоляющія жаждущихъ прохлады, такъ неисчерпаемы исцѣленія отъ мощей святыхъ, когда не оскудѣваетъ вѣра притекающихъ. Врачи, употребивъ всѣ свои зелія, требуютъ иногда другихъ; святые же не такъ, но только единой вѣры, безъ которой все прочее ни къ чему не служитъ, по слову Евангельскому: «вѣра твоя спасе тя, и по вѣрѣ твоей буди тебѣ» (Лук. VIII). Въ похвалѣ къ св. Кириллу, составляющей заключеніе сказанія, обращаясь къ Христову стаду словесныхъ овецъ, тотъ же писатель между прочимъ говоритъ: «Сей намъ, отцы и братія, пастырь и учитель, хотя и во гробѣ положенъ, но духомъ съ нами и видитъ всѣхъ насъ. Когда по заповѣдямъ его живемъ и повелѣнія его хранимъ, святый самъ радуется о семъ и милостивно приближается къ намъ, хранитъ

и блюдетъ насъ, яко чадъ своихъ возлюбленныхъ. Если же вознерадимъ о своемъ спасеніи, и словесъ отца своего не послушаемъ, и закона монастырскаго, отъ него положеннаго, не хранимъ, то сами помощи его лишаемся, и молитва его святая не помогаетъ намъ. Мы убо молимся тебѣ Чадолюбивому отцу: Отче святый, ты самъ наши недостатки наполни; безъ твоея, Преподобне, помощи, ничто же благо возможемъ сотворити. Но въ дому пребывающе Пречистыя Богородицы и въ твоей оградѣ, надѣемся, Отче святый, твоими молитвами спастися». И затѣмъ все заключаетъ общею молитвою ко св. угоднику Кириллу.

Молитва къ преподобному Кириллу.

О Богоблаженне и Преподобне отче нашъ Кирилле! Пастырю добрый, инокомъ наставниче и общемꙋ житію совершителю! и нынѣ на небеси Свѧтѣй Троицѣ предстоѧй: молимъ ꙋбо тѧ, Преподобне отче нашъ, помѧни свое стадо, еже собралъ еси мꙋдре, и соблюди своими молитвами богодарованнꙋю ти паствꙋ, ѧко чадолюбивый отецъ. Не презри и всѣхъ съ вѣрою приходѧщихъ къ честномꙋ гробꙋ твоемꙋ и чтꙋщихъ пречестнꙋю и многорадостнꙋю твою памѧть; сохрани насъ и соблюди отъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ врагъ. Пріиди посредѣ насъ невидимо и всѣхъ насъ моленіѧ Богови возсылаемыѧ пріими, и принеси сіѧ ходатайственнѣ всѣхъ Творцꙋ и Избавителю, иже въ Троицѣ Свѧтѣй покланѧемомꙋ Богꙋ нашемꙋ, ѧко да согрѣшеніемъ нашимъ оставленіе полꙋчимъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисꙋса Христа, съ Нимъ же Отцꙋ слава, со Свѧтымъ Дꙋхомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

III.

Сохранившіяся вещи послѣ преподобнаго Кирилла.

Въ обители преподобнаго Кирилла сохраняются не мало памятниковъ, оставшихся послѣ святаго основателя обители. Доселѣ цѣлы деревянная часовня и въ ней два деревянные Креста, устроенные руками Преподобнаго, одинъ четвероконечный, другой осмиконечный—отъ того и другаго получаются исцѣленія. Это служитъ обличеніемъ неразумныхъ порицателей четвероконечнаго Креста. Цѣла та Смоленская икона Богоматери, съ которою пришелъ Преподобный на Бѣлоозеро. Цѣла икона, изображающая преподобнаго Кирилла, писанная въ 1424 г. преподобнымъ Діонисіемъ Глушицкимъ еще при жизни Преподобнаго. Кириллъ изображенъ въ ростъ, въ старческихъ лѣтахъ, съ открытою головою, съ лицемъ задумчивымъ, съ руками, сложенными на персяхъ, въ мантіи и аналавѣ. Сохраняются въ обители фелонь и подризникъ Преподобнаго изъ бѣлаго гаруса, деревянные сосуды: красный потиръ съ Іисусомъ, и такой же дискосъ *).

---

*) Сохранились и нѣкоторыя келейныя вещи Преподобнаго. Есть двое желѣзныхъ *веритъ*, въ которыхъ подвизался Преподобный, въ одной изъ нихъ вѣса $8^1/_2$ фунтовъ; нагольный *тулупъ* Преподобнаго изъ черныхъ овчинъ; кожаный *поясъ* егоже изъ сыромятнаго ремня, съ деревянною пряжкою; двѣ *чашки* изъ красной мѣди безъ поддонокъ, въ видѣ ковшиковъ, хранящіяся въ кожаныхъ влагалищахъ; деревянный корневой *ковшъ*, круглой,

Сохранилось много книгъ, частію писанныхъ самимъ преп. Кирилломъ, частію принадлежавшихъ ему. Въ пергаменномъ Евангеліи преподобнаго Кирилла, Кресты нарисованы двусоставные и трисоставные; въ Псалтири и Канонникѣ его—Кресты двусоставные. Въ Четвероевангеліи его имя Спасителя пишется сокращенно, какъ и слово Господь; но здѣсь же читается: Иіс. Хрво ржство сице бѣ. Изъ числа рукописей, писанныхъ самимъ Преподобнымъ, замѣчательна одна съ объясненіями разныхъ явленій природы, взятыхъ изъ древняго естествоиспытателя Галена. Здѣсь есть статьи о моряхъ, облакахъ, громѣ, молніи и падающихъ звѣздахъ. Этими свѣдѣніями Преподобный пользовался для того, чтобы исправлять неправильныя понятія народа о явленіяхъ природы и показывать истинное значеніе сихъ явленій. Къ объясненіямъ Галена здѣсь прибавлены и свои замѣчанія. Напримѣръ, о падающихъ звѣздахъ сказано: о падающихъ звѣздахъ одни говорятъ, что это падаютъ звѣзды, а другіе—что это злыя мытарства. Но это и не звѣзды, и не мытарства, а отдѣленія небеснаго огня, на сколько нисходятъ онѣ внизъ, растапливаются и опять сливаются въ воздухѣ. Потому никто не видалъ ихъ на землѣ, но всегда сливаются и разсыпаются онѣ въ воздухѣ; звѣзды никогда не падаютъ, только въ пришествіе Христово. Тогда небеса совьются и падутъ звѣзды; равно и духи мытарствъ тогда пойдутъ въ огонь вѣчный.

При обозрѣніи небольшаго числа сохранившихся до нашего времени книгъ, принадлежащихъ библіотекѣ преподобнаго Кирилла, открывается, что сей угодникъ Божій, первоначальникъ иночества въ пустынныхъ предѣлахъ Бѣлоозера, и ученики его, были люди не только благочестивые, но и въ свой вѣкъ просвѣщеннѣйшіе. Нѣсколько книгъ Священнаго писанія, ими написанныхъ, свидѣтельствуютъ, что они любили заниматься

покрытый красною краскою и олифою, содержится во влагалищѣ изъ деревянной чашки, съ такою же крышкою; *колпачекъ* вязаной изъ шерсти коричневаго цвѣта, называется въ описяхъ 17 и 18 в. частію *клобука* Преподобнаго и *камилавкою*; — и наконецъ — *посохъ* Чудотворцевъ деревянной, черемховой. — (Описи кн. XVII, XVIII ст.).

чтеніемъ и изученіемъ слова Божія; Капонники ихъ показываютъ, что они усердно исполняли монашеское правило относительно келейной молитвы; а изъ сборниковъ ихъ видно, что они имѣли обширныя свѣдѣнія въ канонахъ церковныхъ, изучали писанія святоотеческія и особенно духовно-нравственныя и назидали себя ими, знакомы были съ церковною исторіею, въ которой особенное вниманіе ихъ обращало на себя отпаденіе Западной церкви отъ Вселенскаго православія, и не чужды были познаній естественныхъ: объ устройствѣ вселенной и человѣка и о главнѣйшихъ явленіяхъ природы. Нельзя также не замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ вполнѣ обладали искусствомъ каллиграфіи и иконописаніемъ. Отсюда понятно, почему великіе и удѣльные князья наши такъ много уважали преподобнаго Кирилла и съ любовію вели съ нимъ духовную переписку, и почему и по смерти его они и цари наши и вообще люди именитые и простые имѣли великую вѣру и любовь къ дому Пречистыя Кириллова монастыря, часто притекали въ оный, многіе постригались здѣсь и всѣ усердно украшали и надѣляли обитель богатыми вкладами.

DK 651 .K6 M5
Ocherk istorii Kostromy s drev
Stanford University Libraries
3 6105 041 463 022

533331/12

50.-

DK
651
K6M5

662742/7

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

SEP 1 6 1977